

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕЗИТАЦИИ
В БЕСЕДАХ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Ханна Лайтинен

SLAVICA HELSINGIENSIA 53

Series editors

Tomi Huttunen, Jouko Lindstedt, Johanna Viimaranta

Published by:

Department of Languages
P. O. Box 24 (Unioninkatu 40 B)
00014 University of Helsinki
Finland

Copyright © by Hanna Laitinen

ISBN 978-951-51-6171-0 (paperback)

ISBN 978-951-51-6172-7 (PDF)

ISSN-L 0780-3281, ISSN 0780-3281 (Print), ISSN 1799-5779 (Online)

Cover design:

Laura Vainio

Printed by:

Unigrafia

Summary

This dissertation describes the different forms of the emergence of hesitation in Russian television shows. By hesitation I mean a situation in which the speaker does not know how to react and encounters a speech production problem or some trouble in interaction. Therefore, this involves all pragmatic, semantic, structural, lexical and phonetic problems that emerge in talk in the different delays in a projected trajectory. I suggest that different kinds of speech production and interaction problems constitute a cognitive-interactional category, namely hesitation.

The analysis focuses on finding different markers of hesitation in Russian television shows, exploring the differences in the use of the different hesitation markers and discovering possible limitations of their use. In addition, my aim is to explore the position of hesitation markers in a turn, a turn constructional unit (TCU), a sequence and an activity. In addition, I consider the possible motivation for the emergence of hesitation in different contexts. Finally, I investigate shortly and in a limited way how the speaker solves the speech production problem or the trouble in the interaction.

The theoretical background for this study includes Functional Syntax. I also take into consideration psycholinguistic studies of speech production phases. The framework for the analysis is provided, among others, by conversation analysis (CA) and interactional linguistics.

The data for the study consist of four extracts from Russian television shows of 1 h 15 min in length. The programs were recorded and broadcast on Russian television in the 1990s. In my data the total number of hesitation markers and their strings is approximately 625. Furthermore, because of the multifunctionality of linguistic devices, there are circa 375 markers that imply or might imply hesitation among the other functions that they fulfil. According to my findings, some of the hesitation markers are rather uncommon and occur in a specific context. Therefore, I discuss some supplementary data that include two other corpora of Russian talk and conversation. Likewise, I discuss my own linguistic intuitions and the intuitions of a few informants.

The results show that hesitation may occur in Russian television shows in a total of seven different ways. These hesitation markers are 1) explicit (metacognitive and metalinguistic) phrases (e.g. *kak èto skazat'* 'how to say'), 2) filled pauses, which are often delivered in a monotone pitch and are prolonged, 3) prosodic markers, or the stretching of sound and a monotone

pitch, 4) unfilled pauses, 5) lexical markers of a search for a word (e.g. nu 'well'), 6) repeated lexical elements, and 7) delays in fulfilling the pragmatically projected component (e.g. the circulation of linguistic material). Moreover, these markers typically occur in strings. Two hesitation markers, i.e. filled pauses and prosodic markers, are located in every context in my data. Hence, these can be described as common hesitation markers. In contrast, all the other markers are more specific and more context related. As an illustration, explicit phrases mark particular troubles in interaction and searches for a word. In addition, these and other delays in fulfilling the pragmatically projected component are not found in the TCU-initial hesitation contexts.

To conclude, the main findings of the study indicate that hesitating is a rather discreet action, and different markers may reveal details of the nature of the problem and the speaker's attitude toward his own chance of solving the speech production problem or the trouble in interaction. For example, repeats of lexical elements imply that the speaker believes that he will find the solution without modifying the projected trajectory. As to the lexical markers of a word search, they may demonstrate in a delicate way whether the trouble is related to conceptualization or the selection of a proper word. Similarly, these lexical markers may reveal if the speaker believes that the lexeme searched for will be precise or vague. Generally, the results of this dissertation partly replicate and partly widen the findings of previous studies concerning hesitation in Russian and some other languages.

The contribution of this study is to suggest that the methods of conversation analysis and interactional linguistics may be applied together with the theoretical assumptions of psycholinguistics and Functional Syntax.

Предисловие

Настоящая работа представляет собой диссертацию на соискание ученой степени доктора философии гуманитарного факультета Хельсинкского университета.

Я глубоко признательна своему научному руководителю, профессору Арто Мустайоки, за постоянную и бесценную поддержку, без которой настоящая работа была бы невозможна, а также за полезные советы и критические замечания во время написания диссертации.

Исследование выполнено при поддержке бывшего Отделения славистики и баллистики Хельсинкского университета, фонда Helsingin yliopiston tiedesäätiö, исследовательской школы Langnet, фонда Suomen Kulttuurirahasto и исследовательской школы НУМУ Хельсинкского университета.

Я глубоко благодарна за возможность участвовать в работе исследовательской школы Langnet и ее подпрограммы по использованию языкового материала «Kielen rakenteet käytössä». В особенности хочу поблагодарить руководителей данной подпрограммы профессора Марью-Лийсу Хеласвуо и профессора Анну Мауранен за неоценимые советы и критические комментарии к ранней версии некоторых параграфов рукописи.

Я выражаю свою искреннюю благодарность рецензентам профессору Вере Исааковне Подлесской и профессору Надин Тилеманн за интерес и внимание к моей работе, за их рекомендации, замечания и положительную оценку работы.

Я хочу выразить особую благодарность профессору Йоуко Линдстедту и доктору педагогических наук Екатерине Юрьевне Протасовой за ценные советы и конструктивные замечания. Кроме того, я признательна Екатерине Юрьевне за предоставленный мне исследовательский материал и большую часть вторичного материала данной работы, т. е. все 12 фрагментов телевизионных передач, а также за сделанные ей расшифровки всех передач.

Мне также хочется поблагодарить Виктора Синельникова за сжатие данных фрагментов телевизионных программ.

Искренне благодарю доктора философии Пиркко Пауккери за возможность использования исследовательского материала,

собранного ей для своей докторской диссертации, а также интерес к моей работе.

Сердечно благодарю информантов за участие в экспериментах, связанных с данной работой.

Выражаю свою искреннюю благодарность всем коллегам, с которыми я встречалась на разных стадиях работы над диссертацией. Отдельно хочу поблагодарить всех участников семинаров под руководством Арто Мустайоки, Йоуко Линдстедта, Ахти Никунласси и Йоханны Виймаранты, аспирантов и всех участников семинаров исследовательской школы Langnet, а также всех сотрудников бывшего Отделения славистики и баллистики.

Хочу сказать большое спасибо профессору Йоханне Виймаранте, Максу Вальстрёму, Йоханне Вирккуле и Ольге Ненонен за техническую помощь, а также Ирине Кудашевой за ряд языковых, стилистических и орфографических поправок в окончательной версии рукописи. Само собой разумеется, что за все возможные ошибки и недостатки этой работы отвечаю я сама.

И, наконец, выражаю огромную благодарность своим друзьям, родным и близким за неизменную моральную поддержку и практическую помощь. Спасибо моей подруге и коллеге Ану, а также подругам Сайле, Наде и Енни, которые еще на пороге третьего тысячелетия, когда мы в качестве студентов по обмену проживали в общежитии МГУ, поверили в меня как в будущего лингвиста. Спасибо Марии, Марье, Нооре, Тане и Ханне, а также Леен из Бельгии. Спасибо также моему двоюродному брату Пекке, за которым я следовала на пути к русскому языку. Kiitos myös muille ystäväilleni, sukulaisilleni ja läheisilleni.

Suurkiitos tuesta ja avusta, Paula ja Heidi, Sinikka ja Ari, Teijo ja Ulla, Teemu sekä Soile. Lasteni ”serkkujengiä” Eemiä, Venlaa, Leonia ja Sylviä sekä kummilapsiani Ellinooraa, Aavaa, Topia ja Toivoa kiitän vapaa-ajan virkistyksestä.

Suurin kiitos, Taimi, Touko & V-M!

Omistan väitöskirjani fafari Ossi Rinteen (1917–2007) muistolle. Hän herätti kiinnostukseni Venäjää kohtaan ja rohkaisi minua jo nuorena kriittiseen ajatteluun, avoimuuteen ja uteliaisuuteen.

Kesällä 2020
Hanna Laitinen

Содержание

Summary.....	III
Предисловие.....	V
Список символов и условных обозначений для расшифровки материала	X
1 Введение	1
1.1 История вопроса.....	1
1.2 Цели и задачи исследования	5
1.3 Теоретическая и методологическая основы исследования.....	7
1.4 Материал исследования.....	11
1.5 Структура работы	17
2 Хезитация как явление.....	19
2.1 Когнитивная и физиологическая основы хезитации	19
2.2 Хезитация с точки зрения моделей фаз производства речи	23
2.3 Изучение хезитации по принципу «от значения к форме»	29
3 Основные понятия.....	35
3.1 Реплика и КЕР	36
3.2 Развертывание дискурса и связанные с этим явления с точки зрения местоположения хезитации.....	44
3.3 Таксономия (само)исправлений и хезитация	55
3.4 Структура рассказывания.....	61
4 Инвентарь маркеров хезитации	68
4.1 Хезитация как когнитивно-взаимодействующая категория и ее опознание во взаимодействии	68
4.2 Общие замечания	70
4.3 Выражения-индикаторы речевого сбоя	72
4.4 ЗП.....	76
4.5 Просодические признаки	83
4.6 Пустые паузы.....	88
4.7 Лексические маркеры хезитации.....	92
4.7.1 Общие замечания.....	92
4.7.2 Ну	94
4.7.3 Вот.....	98
4.7.4 Значит	100
4.7.5 Как бы, так сказать и скажем	102
4.7.6 Такой и этот	106
4.7.7 Выводы	109
4.8 Повторы	112
4.9 Задержка продвижения по прагматической проекции	116
4.10 Заключение	120
5 Хезитация с точки зрения положения в реплике, секвенции и развертывания дискурса	124

5.1 Принципы классификации маркеров хезитации и структура главы	124
5.2 Хезитация, связанная с управлением сменой ролей и особенностями телевизионной беседы	126
5.2.1 Обзор литературы	126
5.2.2 Общие принципы	129
5.2.3 Хезитация в начале ответа или другого типа второго элемента смежной пары – проблема, что/как ответить или как отреагировать	130
5.2.4 Хезитация в начале ответа – проблема во вспоминании деталей	134
5.2.5 Хезитация в начале первого элемента смежной пары – проблема в начале нового речевого шага в рамках сценария	138
5.2.6 Проблемы, возникающие вследствие обсуждения направления развертывания дискурса	143
5.2.6.1 Хезитация в возможном месте смены говорящего после второго элемента смежной пары – проблема в обсуждении достаточности ответа	144
5.2.6.2 Хезитация в возможном месте смены говорящего после первого элемента смежной пары – проблема в обсуждении завершенности вопроса	150
5.2.6.3 Хезитация в непредпочтительном речевом шаге – проблема в исправлении вопроса	155
5.2.6.4 Выводы	161
5.2.7 Заключение	163
5.3 Хезитация, связанная с развертыванием дискурса, проецирующим многосоставную реплику и расположенная в начале КЕР	165
5.3.1 Обзор литературы	165
5.3.2 Общие принципы	168
5.3.3 Хезитация в переходах в рассказывании – проблема, как продолжить	169
5.3.4 Хезитация после отрезка речи и перед следующим отрезком – проблема продолжения	175
5.3.5 Хезитация после создания рамок, т. е. заднего плана для переднего плана	179
5.3.5.1 Хезитация после выражений, указывающих на внутреннюю деятельность (говорящего) или на будущее цитирование, – проблема в формулировании содержания	180
5.3.5.2 Хезитация после призыва к следующему речевому шагу – проблема в формулировании содержания	184
5.3.5.3 Хезитация после описания каких-либо обстоятельств или определения отношения – проблема в формулировании содержания	187
5.3.5.4 Выводы	190
5.3.6 Заключение	192
5.4 Хезитация внутри КЕР	194
5.4.1 Обзор литературы	194
5.4.2 Общие принципы	199
5.4.3 Поиск слова в сфере сложного явления – проблема в концептуализации	201

5.4.4 Поиск слова среди деталей – проблема в припоминании	205
5.4.5 Поиск слова среди общепринятых слов – проблема выбора	210
5.4.6 Поиск слова и исправление произношения – проблема при производстве речи	220
5.4.7 Самоисправление ошибочного элемента – проблема в процессе самомониторинга	224
5.4.8 Заключение	227
5.5 Заключение	230
6 Заключение	235
6.1 Основные результаты	235
6.2 Достоверность и обобщенность результатов	246
6.3 Дальнейшие перспективы изучения хезитации	249
Список литературы	253

Список символов и условных обозначений для расшифровки материала

Символ Категория

Паузирование и одновременная речь:

- (.) микропауза
- (п) пауза < 1 сек.
- (2) пауза с указанием длительности (измерена *Praatom*)
- [начало наложения речи двух или более человек
начало наложения речи и жестов или взглядов
-] окончание наложения речи двух или более человек
окончание наложения речи и жестов или взглядов
- = продолжение без паузы, подхват
- » реплика продолжается на новой строке (употребляется при одновременной речи)

Просодические признаки и признаки голоса:

- . нисходящая интонация, ИК-1, ИК-2, (ИК-3), ИК-5, (ИК-7)
- ; ровная интонация
- ? восходящая интонация (ИК-3), ИК-4, ИК-6, (ИК-7)
Данным символом отмечены и те случаи, в которых ударение приходится на последнее слово, но не падает на последний слог слова. Таким образом, если тон понижается на постцентральной части, это не отмечается в расшифровке.
- ?, слегка восходящая интонация
- монотонная интонация, составляющая отдельную просодическую единицу
- ↑ внутри просодической единицы предыдущий слог, т.е. ударная часть, произнесен выше уровня предударной части, например, при ИК-3, когда ударная часть находится не на последнем слове просодической единицы
- ++ голос выше, чем обычно, на слове, фрагменте или безударном слоге
- ±± голос ниже, чем обычно, на слове или слоге

При употреблении в ударной части последнего слова просодической единицы данные знаки указывают на то, что в интонационном центре понижение тона более глубокое и ударный гласный более длительный, чем обычно. Данные знаки могут обозначать и двухвершинный восходяще-нисходящий контур, если они употреблены вместе со знаком ? .

: растяжка гласного или удлинение согласного, слабое
:: растяжка гласного или удлинение согласного, сильное
::: растяжка гласного или удлинение согласного, чрезвычайно сильное

опять выделение, эмфатическое ударение

скрипучий голос

~ ~ произнесено неясно или со стяжением

@ @ какое-то изменение в произношении

° ° тихо, до шепота

ТЕПЕРЬ громко, до крика

Сокращения отмечены большими буквами.

Темп речи:

> < ускорение темпа

< > замедление темпа

Дыхание и смех:

.xx вдох

xx выдох

(.)xx вдох или выдох

вот(x) выдох внутри или в конце слова

.a вдох в начале слова

* * слово или фрагмент произнесены со смехом

£ £ слово или фрагмент произнесены с улыбкой

Другие признаки:

зако• обрыв слова

! глоттальный взрыв, преимущественно в конце слова

(!) возможно, глоттальный взрыв, преимущественно в конце слова

& покашливание

¥	причмокивание
Ъ	проглатывание
"	принюхивание
(-)	неразборчивое слово
(--)	два неразборчивых слова
(---)	неразборчивый фрагмент
(что)	неразборчивая речь, догадка
(( ))	описание жестов, взглядов и ситуации, комментарии
В/ЕХ:	идентификация говорящего и реплики
?:	идентификация говорящего неясна
---	реплика началась раньше или еще продолжается
>	строка, которая сейчас важна для анализа

1 Введение

1.1 История вопроса

Устная речь человека представляет собой деятельность, которая направлена, как правило, на других людей и которая осуществляется во времени линейно и пошагово в результате взаимодействия собеседников. В обычных, неподготовленных ситуациях общения говорящий не всегда произносит свою речь плавно, в ней непременно встречаются моменты хезитации (см., например, Schegloff 1996a: 100–101; Biber et al. 1999: 1041–1067; см. также Chafe 1980b; Lickley 1994: 1–2; Fox 2007; Auer 2009: 1–3; Betz et al. 2018; Degand & van Bergen 2018). Как отмечает У. Л. Чейф (Chafe 1980b: 171), «иногда люди колеблются, решая, **что сказать** в данный момент, а иногда, решая, **как сказать** то, что они решили сказать». Если люди не знают, что сказать, возникает семантическая проблема, а если они не знают, как сказать, сбой может быть синтаксическим, интонационным, лексическим, морфологическим или артикуляционным (ср. Ладыженская 1984: 76; см. также Rose 2017: 49). Хезитация может быть связана с каждой фазой производства речи (см., например, Levelt 1989; Jay 2003). В целом хезитация является сравнительно частотным явлением. Доказано, что в шести процентах случаев нарушается плавное развертывание речи (Fox Tree 1995: 710; см. также Biber et al. 1999: 1053–1062; Verkhodanova et al. 2017: 398–399; Верходанова и др. 2018: 109) и встречаются разного рода речевые элементы, указывающие¹ на явление хезитации.

Предметом исследования в настоящей работе являются хезитация и ее реализация, т. е. **маркеры** (типы) **хезитации** в диалогической речи. Примеры 1 и 2 дают нам предварительное представление о разновидностях хезитации в русском языке.

(1) «Как это было»

01	В/ОШ:	=и что↑ же всё-таки?=давайте вспомним.
02		(0.2) .xx (.) вот тот самый <u>день</u> .

---

¹ В данной работе употребляются термины «**функция**», «**указание**», «**маркирование**» и т. п., хотя говорящий несознательно прибегает к разным формам хезитации. Под этими терминами подразумевается, во-первых, общая ситуация, когда говорящий не знает, что или как сказать, а во-вторых, конкретные причины хезитации.

- 03 (0.5)
 04 > НАП-Р: .xx я °э° вышла на это поле?
 05 > .xx и:→ ## когда первые мои#: # э: #:→# #э:→# (0.4)
 06 > °м#° подружки по команде. .xx (.) э: #э# °м: #° выступили
 07 > неуспеш(но)? (.) .xx и вот тут? =я начала: #э:→# (.) так
 08 > ~сказать~² .xx крутить .xx плёнку в своих мозгах? а---

(2) «Как это было»

- 01 ВИМ: =это же огром↑ная сумма.=
 02 НАП-Р: =[°(--)°]
 03 > В/ОШ: =[что **вот**] э:→ об по: **по** поводу прогулок?=
 04 > =[э:→ город посмотреть?]
 05 > ВИМ: [**по: по↑воду про**]гулок.=
 06 > =что я здесь [(--) **сказать.**]»
 07 В/ОШ: [можно было выйти (-)]
 08 ВИМ: »боязнь↑ была. =---

В этих двух примерах мы можем интуитивно отметить, что во фрагментах встречаются примеры хезитации, которая проявляется разными способами: заполнителями пауз (ЗП), просодическими признаками, пустыми паузами, лексическими маркерами и выражениями-индикаторами речевого сбоя (т. е. экспликацией) (ср., например, Schegloff et al. 1977: 367; Goodwin & Goodwin 1986; Clark & Fox Tree 2002; в русском языке Алексиева 2007; Подлесская & Кибрик 2009: 178–187; Верховданова и др. 2018), а также разного типа задержки продвижения по прагматической проекции речи (ср., например, Rinne 2010: 97–98, 100–101; в английском языке Schegloff 1979: 273–274; в финском Tainio 1997: 96–100). Кроме того, данные примеры показывают, что нередко маркеры хезитации образуют цепочки (см. также Dollaghan & Campbell 1992: 61; Shriberg 2001: 160; Clark & Fox Tree 2002: 82–86; Crible et al. 2017; Betz et al. 2018; ср. в русском языке, например, Дараган 2003; Алексиева 2007).

Явление хезитации изучается уже сравнительно давно, особенно в области психолингвистики, и рассматривается с точки зрения производства речи и связанных с ним явлений (см., например, Lounsbury 1954; Levelt 1989; Shriberg 1994; Jay 2003). В трудах, использующих метод конверсационного анализа (КА), хезитация рассматривается в основном с точки зрения плавности взаимодействия (см., например, Schegloff et al. 1977; Heritage 1996 [1984]; Fischer 2000;

² Возможные маркеры хезитации (подробнее см. п. 1.4) выделены розовым цветом и жирным шрифтом, а маркеры хезитации, главная функция речевых единиц которых заключается в маркировании хезитации, выделены красным цветом и жирным шрифтом.

Sorjonen & Laakso 2005). В российской лингвистике данный предмет исследования является довольно новым, так как некоторые формы хезитации долго считались «отходами» производства речи, которые только показывают некультурность говорящего или неполное владение языком (см., например, Сиротинина 1974: 71–73; Земская 1987: 91; см. также Кормилицина & Кочеткова 1983: 74). Однако в последние годы в русистике растет интерес к явлению хезитации. Изучаемые вопросы касаются таксономии маркеров хезитации (Алексиева 2007; Подлесская & Кибрик 2009: 181–187; см. также Дараган 2000; 2003; в армянском языке Хуршудян 2006), взаимосвязи между явлением хезитации и разными типами исправления (Подлесская & Кибрик 2007; 2009: 187–210), положения маркеров хезитации в отношении структурных свойств языка (Подлесская & Кибрик 2007: 9–11; 2009: 184–187; Коротаев и др. 2009: 318), а также функций отдельных маркеров хезитации (Шмелев 2004; Ринне 2006; см. также Шмелев & Протасова 1998) и в небольшом объеме – секвенциальности в разговоре (ср. Шмелев 2004; Ринне 2006).

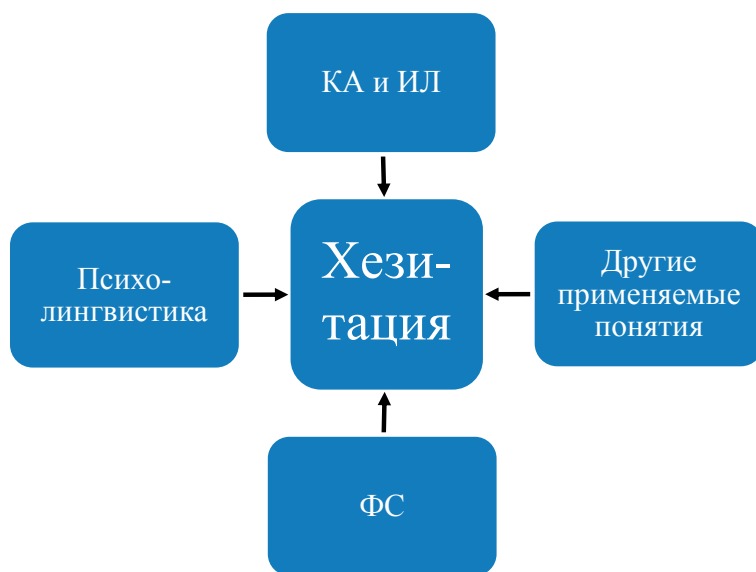
В настоящем исследовании особое внимание уделяется положению маркеров хезитации в различных видах секвенций и в разных видах развертывания дискурса. Данная точка зрения является фундаментальной в КА и в интеракционной лингвистике (ИЛ) (см., например, Heritage 1996 [1984]: 236–239; Hakulinen & Selting 2005: 1–2; Schegloff 2007: 1–3; см. также Fox 2007), которые составляют методологическую и, таким образом, теоретическую основу нашей работы. Кроме того, подробно рассматривая хезитацию в микроконтексте, т. е. в секвенциальном окружении, мы можем получить больше информации о разных сторонах этого явления.

Мы даем хезитации следующее определение: хезитация – это *реакция говорящего на ситуацию, в которой он не сразу может решить, как продолжить (или начать) свою речь*. То, что говорящий испытывает трудности, связанные с вербализацией, может являться следствием когнитивных ограничений самого говорящего или речевого поведения собеседника, оказывающих значительное влияние на ход разговора. Таким образом, хезитацию можно охарактеризовать как категорию когнитивно-взаимодействующего типа. Данное определение указывает на двойкость явления, т. е. на когнитивные процессы и ограничения, а также на взаимодействие и прагматику, т. е. ситуационный фактор в употреблении языка. В любой коммуникации

необходимо наличие говорящего и собеседника. Именно их взаимодействие является фундаментом для успешной коммуникации.

Двоякость проявляется также в положении нашего исследования по отношению к разным направлениям лингвистики и ее смежным областям. Нашу работу можно поместить в точку пересечения направлений лингвистики, которые подчеркивают важность взаимодействия между людьми и прагматики, т. е., в частности, КА и ИЛ, и направлений, в которых исходным пунктом являются говорящий и его когнитивные процессы (психолингвистика), а также желание говорящего выразить какое-либо значение (модель функционального синтаксиса (ФС)) (Мустайоки 2006). Можно утверждать, что данная работа по-новому соединяет точку зрения интеракции с точкой зрения говорящего. Другими словами, здесь соединяются весьма популярные в странах Запада области лингвистики и социологии КА и ИЛ с психолингвистической и российской функциональной традицией и их взглядами на язык. Таким образом, мы будем рассматривать хезитацию не только с точки зрения прагматики и взаимодействия, принимая во внимание кооперацию и контекстуальные признаки явления, но и учитывая воздействие когнитивных усилий индивида при производстве речи (они проявляются в намерении выразить что-либо) на возникновение хезитации.

Вышесказанное иллюстрирует следующая схема.

Наш материал представляет собой четыре фрагмента телепередач, показанных на российском телевидении в 1990-х годах. Общая продолжительность фрагментов составляет 1 час 15 минут. Поскольку данная работа направлена на более глубокое понимание тематики, рассматривавшейся в нашей дипломной работе (Ринне 2006), и материал является тем же самым, мы во многом используем дипломную работу. Некоторые из примеров, рассматриваемые в данной работе, уже были рассмотрены в статье (Rinne 2010), где представлен несколько иной угол зрения. Русскоязычные термины КА и ИЛ, в свою очередь, взяты главным образом из первой работы, рассматривавшей русский язык в рамках КА и ИЛ (Пауккери 2006).

1.2 Цели и задачи исследования

Целью данной работы является описание средств указания на хезитацию в русскоязычных телевизионных беседах³ с использованием взгляда на язык, предлагаемого ФС. Мы ставим перед собой следующие задачи, которые соответствуют последовательным этапам ФС (см. Мустайоки 2006: 69–95, 411; Кирвесмяки 2010: 13–14): 1) определение и установление границ когнитивно-взаимодействующей категории хезитации, 2) инвентаризация тех речевых элементов, которые могут указывать на хезитацию в русском языке, 3) описание возможных ограничений в употреблении того или иного речевого элемента, т. е. маркера хезитации. Таким образом, нам необходимо обнаружить возможные различия между различными типами хезитации (4). Для решения данных задач (в частности, третьей) нам необходимо выяснить, в каких контекстах в отношении формирующейся конструкционной единицы реплики (КЕР), реплики, секвенциальности и развертывания дискурса вообще возникает хезитация (в рамках телевизионных бесед) (5). Кроме того, мы рассмотрим обстоятельства возникновения хезитации, а именно, что во взаимодействии рождает необходимость хезитации (6). Эти вопросы тесно связаны друг с другом. Кроме того, мы кратко и поверхностно рассмотрим, как говорящий решает проблемы, связанные с производством речи и взаимодействием с собеседником.

---

³ Мы используем термин «телевизионная беседа», указывая на различные телевизионные программы, которые основываются на речевом взаимодействии между участниками. Определение взято из Nuolijärvi & Tiittula (2000: 80). Этот термин включает в себя, в частности, интервью и ток-шоу.

Наша первая задача, т. е. определение и установление границ хезитации, составляет основу всей работы. От границ хезитации зависит то, какие речевые элементы могут указывать на хезитацию (ср. Кирвесмяки 2010: 14). Данная задача не является простой (ср. Мустайоки 2006: 69–71, 78–79). Во-первых, значения сами по себе находятся за пределами досягаемости прямого наблюдения, и отсюда следует, что любые категории, основывающиеся не на форме, а на значении, имеют нечеткие границы, в основном они имеют континуумы той или иной категории (Mustajoki 1993: 13–14). Кроме того, как мы уже сказали во введении, когда применяется подход от значения к форме, определение границ изучаемого явления является одновременно исходным пунктом и результатом. Что касается определения и установления границ когнитивно-взаимодействующей категории хезитации, процесс исследования имеет спиральный характер. Это означает, что сначала для хезитации определяется какое-либо значение, затем опознаются формы ее реализации в материале, после этого при помощи данных речевых элементов определяются и устанавливаются более точные границы, а затем снова выясняется, как в речевом потоке можно опознать конкретные маркеры данного явления.

Когда для инвентаризации всех типов реализации определяются речевые элементы явления хезитации, необходимо принимать во внимание результаты исследований. Точнее, на основании результатов исследований хезитацию можно определить при помощи наличия различных элементов речи, часть из которых имеют и другие функции. Употребляя их, говорящий может выразить, например, отношения, связанные с текстуальностью, управлением сменой ролей и развертыванием дискурса (см., например, Шмелев 2004; Schegloff 2009; 2010). Кроме того, в некоторых исследованиях, посвященных изучению явления хезитации, оно рассматривается вместе с указанием на неуверенность, но оба эти понятия определены неточно, и границы между ними не установлены (см., например, Good & Butterworth 1980; Goodwin 1987). С другой стороны, известно, что неуверенность в отношении толкования положения дел оказывает влияние и на языковое выражение (Smith & Clark 1993), и адресат может истолковать проблемы производства речи говорящего, т. е. хезитацию, как неуверенность (Brennan & Williams 1995). Традиционно неуверенность включается в разряд эпистемической модальности (см.,

например, Мустайоки 2006: 287; VISK § 1556). В русистике она рассматривается в рамках субъективной модальности (см., например, КРГ § 440, 578). Следовательно, с точки зрения нашего анализа особенно важным является уже упомянутый первый исследовательский вопрос, т. е. распознавание хезитации, и определение критериев для ее распознавания. Кроме того, необходимо определить связь между хезитацией и неуверенностью, а также между хезитацией и полифункциональностью речи в целом (ср. Hakulinen 1996: 16–17; Fischer 2000: 266; Sinclair & Mauranen 2006: 61; Кирвесмяки 2010: 320).

Общей целью данной работы является расширение теории ФС для описания явления, связанного с производством речи и прагматикой. Теория ФС до сих пор не имеет средств описания явления применительно к устной речи. Таким образом, мы стремимся описать хезитацию как когнитивно-взаимодействующую категорию, т. е. категорию, которая как таковая еще не выделена в рамках данной модели. Вместе с тем, данная работа позволяет провести микроанализ хезитации и ее маркеров в русскоязычных телевизионных передачах. С точки зрения педагогики результаты данной работы можно использовать в преподавании русского языка как иностранного.

1.3 Теоретическая и методологическая основы исследования

Как уже было упомянуто, отправной точкой данной работы является теория ФС. Кроме того, мы будем опираться на модели, касающиеся фаз производства речи, с учетом когнитивных ограничений человека. Подробнее они будут рассмотрены в главе 2. Методологическую, (а тем самым также теоретическую) базу, в свою очередь, предлагает ИЛ (и одновременно КА). Их главные понятия и инструменты мы будем обсуждать в главе 3.⁴ В этой главе мы представим главные принципы КА и ИЛ, а также исходные предположения о языке и взаимодействии КА и ИЛ, которые составляют основу нашего анализа.

Данная работа рассматривает хезитацию в аутентичном взаимодействии собеседников с точки зрения теории ИЛ, которая, будучи лингвистическим подходом, имеет корни не только в КА. Однако именно КА создает главную теоретическую и методологическую основу для данного подхода (подробнее о

---

⁴ Кроме того, будут использованы некоторые другие инструменты, которые также рассматриваются в главе 3.

принципах ИЛ см., например, Couper-Kuhlen & Selting 2001: 1–7; 2018: 3–26; Hakulinen & Selting 2005: 1–11; Fox 2007; см. также Schegloff et al. 1996). КА, в свою очередь, берет свое начало в социологической этнометодологии (подробнее о ее принципах см., например, Heritage & Atkinson 1984; Heritage 1996 [1984]: 236–239; Hutchby & Wooffitt 2008: 4; ср. также Goodwin & Heritage 1990).

КА и ИЛ являются методами индуктивного подхода. Это означает, что исследование начинается с анализа материала без использования предварительных теоретических категорий, при этом в материале ищутся повторяющиеся явления (см., например, Levinson 1983: 295; Hakulinen & Selting 2005: 1–2; ср. также Heritage 1996 [1984]: 237–238). ИЛ рассматривает повторяющиеся лингвистические (речевые) явления во взаимодействии, а также взаимосвязь между языковыми (грамматическими) единицами, например, частицами (см., например, Keesvallik 2010a; 2010b; см. также Пауккери 2006; Paukkeri 2010), синтаксическими конструкциями (см., например, Lerner 1991; Гренобль 2008), а также просодическими признаками (см., например, Auer 1996; Routarinne 2003; Barth-Weingarten 2016) и их функциями (Schegloff et al. 1996: 33–38; Couper-Kuhlen & Selting 2001: 1–7; Hakulinen & Selting 2005: 2, 9–10).

Исследования ИЛ можно разделить на два основных типа. В-первых, это изучение употребления определенных языковых (речевых, грамматических) единиц в процессе интеракции, во-вторых, это определение языковых (речевых, грамматических) единиц, которые используются для совершения определенных речевых шагов и – шире – для определенного развертывания дискурса. (Couper-Kuhlen & Selting 2001: 3; ср. также Routarinne 2003: 23; Haddington & Sivonen 2010: 12.) Иначе говоря, в первом случае отправной точкой является форма, а во втором – функция. Как уже было отмечено выше, мы исходим из когнитивно-взаимодействующей категории, которая может быть охарактеризована как понятие, близкое к функции. Кроме того, целью данной работы является выявление дополнительных функций отдельных маркеров хезитации. Таким образом, мы рассматриваем то, как различные маркеры хезитации проявляют себя в разговоре и как варьируется их употребление.

Одним из исходных положений КА является положение о том, что в процессе интеракции все детали могут оказаться важными, ничто не может быть оставлено за рамками анализа как нерелевантное,

случайное, неорганизованное – наоборот, в КА и ИЛ все особенности интеракции и социальной действительности понимаются как организованные и отражающие устойчивые и общепринятые структуры, которые являются сознательно или несознательно опознанными и использованными людьми (Heritage 1996 [1984]: 236; см. также Goodwin & Heritage 1990: 283–284; Couper-Kuhlen & Selting 2001: 2–7; Hutchby & Wooffitt 2008: 12–23). Отмечено, например, что интеракция происходит путем **организации смены ролей** (organization of turn-taking, vuorottelujäsennys) и **схемы секвенции** (sequential organization, sekvenssijäsennys) в разного рода секвенциях (sequences, sekvenssit, toimintajaksot). Одновременно в разговоре остается возможность исправления уже сказанного, и данное свойство является устойчивым, т. е. говорится о **схеме исправления** (organization of repair, korjausjäsennys). (см., например, Hakulinen 1997a: 16; Hutchby & Wooffitt 2008: 41–65; ср. также Heritage 1996 [1984]: 257–260.) Тем самым подчеркивается линейность и инкрементальность взаимодействия. Речь разворачивается во времени небольшими единицами, т. е. КЕР (конструкционными единицами реплики) (подробнее см. п. 3.1), своего рода возможными репликами. (см., например, Schegloff 1996a: 55; см. также Couper-Kuhlen & Selting 2001: 2–3; Auer 2009: 1–3.)

Кроме того, в ИЛ подчеркивается роль языковых единиц в организованности интеракции. Точнее, язык и его единицы, имеющие близкую связь с взаимодействием и контекстуальностью, предлагают возможности для совершения различных речевых шагов в интеракции между собеседниками. Данные возможности используются говорящими как устойчивые шаблоны в секвенциально организованных речевых шагах и социальной действительности. (Couper-Kuhlen & Selting 2001: 2–3, 6–7; см. также Schegloff et al. 1996: 2–3; Hakulinen & Selting 2005: 1–4; Fox 2007.) Отсюда следует, что подробный анализ употребления, например, различных маркеров хезитации не только показывает, как они использованы в данной конкретной ситуации, но и раскрывает определенные тенденции.

Многие принципы, являющиеся важными в КА и ИЛ, подчеркивают организованность и устойчивость интеракции. Во-первых, при анализе используется только аутентичный материал для изучения явлений, которые можно наблюдать в интеракции (см., например, Heritage 1996 [1984]: 238; Couper-Kuhlen & Selting 2001: 2–3). Следовательно, в нем а

priori опротестовываются рассуждения относительно мотиваций и интенций говорящих (Heritage 1996 [1984]: 238; см. также Levinson 1983: 319; Hakulinen 1997a: 17). Однако мы не соблюдаем данный принцип, так как мы стремимся выяснить, почему говорящий колеблется в рамках формирующегося взаимодействия.

Во-вторых, расшифровка должна быть довольно точной (Hakulinen 1997a: 17; см. также Levinson 1983: 295; Atkinson & Heritage (eds.) 1984: ix–xvi; Schegloff et al. 1996: 18–19; Hutchby & Wooffitt 2008: 71–73). В-третьих, проводится тщательный микроанализ, в котором особое внимание уделяется речевым шагам участников, а также их **ориентированию** (orientation, orientoituminen), т. е. тому, как участники разговора сами толкуют реплики собеседников. Это связано с тем, что в КА и ИЛ предполагается, что всякое развертывание дискурса опирается на контекст, т. е. на то, что уже сделано к настоящему моменту и что делается сейчас. (см., например, Heritage 1996 [1984]: 236–239; Couper-Kuhlen & Selting 2001: 2–3, 6–7; Hakulinen & Selting 2005: 1–3; Hutchby & Wooffitt 2008: 12–13.) Иначе говоря, при анализе важно, как участники разговора сами толкуют реплики собеседников, т. е., как они имплицитно ведут **обсуждение** (переговоры) (negotiation, neuvottelu) того, как развертывается ход разговора. Речь идет о двойной контекстуальности, и это означает, что реплики не только обработаны контекстом, но и реорганизуют его. Каждый новый речевой шаг истолковывается на основе предыдущего шага, который можно считать фоном для нового. Кроме того, каждый новый речевой шаг создает рамки для дальнейшего развертывания дискурса. Данное явление называется в КА обсуждением направления развертывания дискурса, так как каждый речевой шаг имплицитно подтверждается или отрицается собеседником. (см., например, ten Have 1990; Heritage 1996 [1984]: 237, 249–260; см. также Sacks et al. 1974: 728–729; Ford 2004; подробнее ср. примеры 8 и 9, п. 3.2.) В данной работе мы употребляем термин «обсуждение направления развертывания дискурса», когда между собеседниками наблюдаются разногласия. Другими словами, при обсуждении речь идет о методе доказывания следующей реплики (next-turn proof procedure, seuraavan vuoron todistusmenetelmä) (см., например, Hutchby & Wooffitt 2008: 13; см. также Couper-Kuhlen & Selting 2001: 2–3; Stevanovic 2017: 104). Подводя итог, можно сказать, что в КА и ИЛ значения реплик и функции речевых шагов формируются как продукты кооперации (см.,

например, ten Have 1990; Heritage 1996 [1984]: 249–260; см. также Ford 2004: 29, 34, 44–47).

Контекстом, а также объектом ориентирования собеседников являются не только предыдущие и последующие реплики, но и более широкие рамки, на которые говорящие опираются в своих речевых шагах и толкованиях (Heritage 1996 [1984]: 237; см. также Drew & Heritage 1992: 18–23, 43–45). Такими рамками может являться, например, телевизионная беседа (см., например, Nuolijärvi & Tiittula 2000; подробнее см. п. 3.2), как это и происходит в нашем исследовании.

Однако, когда рассматриваются отдельные речевые единицы, такие как, например, маркеры хезитации, которые могут находиться внутри реплики, КЕР и речевого шага, возникает вопрос, как можно исследовать их функции в речи, если рассмотрение самого ориентирования участников разговора невозможно? Ориентирование, как уже было отмечено, как правило, направлено не на отдельные единицы, а на сам речевой шаг и реплику в целом. (см. Haakana 2001: 81; Hakulinen & Selting 2005: 3.) Разумеется, различные мелкие элементы взаимодействия могут оказывать влияние на речевой шаг и его интерпретацию собеседниками. Тогда необходим поиск повторяющихся случаев, в которых присутствует данная черта. (Haakana 2001: 81; см. также Levinson 1983: 295; Hakulinen 1997a: 17; Couper-Kuhlen & Selting 2001: 1–3; Hutchby & Wooffitt 2008: 93–98.) Как подчеркивает М. Хаакана (Haakana 2001: 81; см. также Routarinne 2003: 22), таким образом можно получить подтверждение того, что элемент разговора, например, особый тип хезитации, является в речевых шагах людей не случайным, а регулярным и представляет собой часть особых реплик. Таким образом, можно изучать единицы языка, на которые собеседники ориентируются не напрямую, но которые представляют собой организованную и повторяющуюся черту во взаимодействии. Как уже было отмечено выше, такие исследования являются объектом ИЛ.

1.4 Материал исследования

Материал нашего исследования состоит из четырех фрагментов бесед, снятых и показанных на российском телевидении в 1990-х годах (а также, возможно, в 2000 году), после распада СССР. Общая продолжительность фрагментов составляет 1 час 15 минут 13 секунд.

Телевизионные передачи более подробно описаны в следующих таблицах.

Программа	Телеканал	Продолжительность фрагмента
«Как это было»	ОРТ	22:37
«Киноглаз» (14.08.1993)	РТР	24:20
«На здоровье»	РТР	14:11
«Про это»	НТВ	14:05

Таблица 1. Технические данные фрагментов

Программа	Участники
«Как это было» ⁵	В ⁶ /ОШ, ВЕС, АМИ, НАП-Р, ВИМ
«Киноглаз» (14.08.1993)	В/МЯ, ЮБН
«На здоровье»	В/АБ, НМ, ЮА, РСР
«Про это»	В/ЕХ, Т, З/1, З/2, И/ИК, И/ГЛ

Таблица 2. Участники передач

Во всех программах тележурналист либо ведет разговор на какую-либо тему, либо берет интервью у гостя или гостей в рамках главной темы. В программе «Как это было» вспоминают об Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки. В студию были приглашены бывшие спортсмены и член руководства советской спортивной делегации. В «Киноглазе» журналист берет интервью у мультипликатора по теме его творчества. Передача «На здоровье» обсуждает проблематику здорового образа жизни. Ведущий спрашивает у трех гостей их мнения

---

⁵ В данной программе были показаны фрагменты передач Олимпийских игр 1952 года. В них говорит спортивный комментатор (СК), в речи которого гезитация не встречается.

⁶ Символ *В* в таблице обозначает ведущего, *З* – зрителя в студии и *И* – человека, который выступает в отдельном фрагменте, в инсерт.

по этому вопросу. В передаче «Про это» главной темой являются сексуальные проблемы инвалидов. В студии женщина, потерявшая когда-то ногу, рассказывает о своем опыте. Поскольку программы были показаны на телевидении, они являются публичным материалом. В связи с этим мы можем употреблять настоящие имена, отчества и фамилии участников телевизионных бесед. Мы используем, как правило, начальные буквы имени, отчества и фамилии, как видно из таблицы 2. В программе «Про это» также выступают два анонимных зрителя в студии. Кроме того, она включает в себя два интервью, взятых у специалистов.⁷

Фрагменты передач получены нами от Е. Ю. Протасовой, сделавшей их расшифровки, которые мы затем уточнили главным образом по принципам КА (см., например, Jefferson 1978; Atkinson & Heritage (eds.) 1984: ix–xvi; Seppänen 1997a; Schegloff 2007). Это означает, что, за исключением просодических и других признаков, речь записана по стандартной орфографии. Точнее, в ней не зафиксированы отклонения произношения от нормы (кроме одного участника программы, в речи которого отмечаются региональные фонетические черты, проявляющиеся в изменении /г/ на /х/). Ударение передано в тексте только в тех случаях, когда оно отклоняется от литературной просодии. Что касается расшифровки контура интонации, он также отмечен по принципам КА, а не по широко употребляемой в русской лингвистике системе, разработанной Е. А. Брызгуновой (см., например, Брызгунова 1978). Кроме того, в расшифровке отсутствует систематическое обозначение глоттального взрыва (glottal plosive/stop), указана только незавершенность слова.

Расшифровка была уточнена нами после прослушивания и просмотра передач. Кроме того, большая часть материала, почти 60 %, была впоследствии проверена с использованием программы речевого

---

⁷ Эти интервью разделены на пять инсертв общей продолжительностью 5 мин. 28 сек. В инсертах нет реплик тележурналиста, поэтому на их основании невозможно тщательно проанализировать все случаи хезитации.

анализатора *Praat*.⁸ Проверенные программой *Praat* фрагменты обозначены в примерах курсивом. Все символы, использованные при расшифровке, указаны в списке символов и условных обозначений для расшифровки материала.

В нашем материале задействовано 17 участников телевизионных бесед, которые имеют разное социальное происхождение (в т. ч. пол, возраст и профессию). Во всех фрагментах телевизионных бесед главным является личный опыт. Все передачи ведет ведущий, и, хотя в двух программах участвует более одного гостя, ведущий обычно задает гостям вопросы по одному. Таким образом, свободные беседы между гостями передач редки, за исключением гостей программы «Как это было».

Следует отметить, что жанр материала оказывает влияние на анализ. Во-первых, большинство телевизионных программ было показано не в прямом эфире – они были отредактированы перед показом, поэтому в некоторых случаях, когда возможные маркеры хезитации были расположены вблизи от отредактированного фрагмента, мы не могли тщательно рассматривать их функции. В таких случаях мы определяли данные речевые единицы как возможные маркеры хезитации. Во-вторых, мы не выбрали угол зрения. Точнее, мы не могли систематически учитывать мультимодальные аспекты взаимодействия, такие как взгляды и жесты, которые могут быть связаны с маркированием хезитации (см., например, в английском языке Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; в финском Laakso 1997; Helasvuo et al. 2004; в русском PPP: 471; Гришина 2009; см. также Laitinen 2013: 91). Данные элементы интеракции отмечены в нашей работе только в тех случаях, когда сама телепередача делает это возможным и взгляды и жесты встречаются в окружении маркеров хезитации. В таких случаях взгляды описаны не так подробно, как это обычно принято в КА (ср.,

---

⁸ При помощи программы *Praat* была, в частности, измерена длительность пустых пауз примерно в 2/3 материала. Таким образом мы выяснили общую длительность пустых пауз в разных контекстах каждого участника телевизионных бесед. Путем данной проверки мы также выяснили, что все хезитационные пустые паузы уже были зарегистрированы в ходе прослушивания. Все они оказались более длительными, чем пустые паузы, имеющие другие функции (например, синтаксические). Проверенные паузы отмечены в расшифровке в соответствии с их длительностью (например, (0.7)), а непроверенные паузы отмечены символом (*n*). В рамках данной работы было невозможно измерить длительность всех пустых пауз, так как измерение длительности при помощи программы является весьма долгим процессом. Кроме того, измерение 2/3 пустых пауз уже дало нам достаточно информации о роли пустых пауз в указании на хезитацию.

например, Atkinson & Heritage (eds.) 1984: xiv–xv; Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987).

Вышеупомянутые четыре фрагмента телевизионных бесед содержат 625⁹ маркеров хезитации. Данные маркеры включают в себя лингвистические и паралингвистические элементы, кроме того, они нередко встречаются вместе в виде цепочек. Мы считаем цепочку отдельной единицей. Если в промежутке между маркерами речь развертывается по своей главной линии (см., например, Sorjonen 1997: 113; Routarinne 2003: 85; подробнее см. пп. 3.2 и 3.3), данные случаи мы рассматриваем отдельно. Поскольку распознавание хезитации может оказаться затруднительным и спорным, в частности, когда речь идет о пустых паузах, имеющих синтаксическую функцию (см. дискуссию о роли синтаксических пауз в маркировании хезитации, например, Кибрик и др. 2009в: 64–69; Подлесская & Кибрик 2009: 179; см. также п. 4.6), или о некоторых лексических маркерах (см., например, *ну* Шмелев 2004: 213–220; *такой* Сатюкова & Воейкова 2010; см. также п. 4.7), и поскольку для человеческой речи характерна полифункциональность, наш материал включает в себя 375 возможных

---

⁹ В процессе исследования критерии определения маркеров хезитации, а также их возможных типов были несколько уточнены. В связи с этим указанное количество является приблизительным. Кроме того, в рамках данной работы мы не будем системно рассматривать количественные данные употребления маркеров хезитации в отношении их положения в конструкционной единице реплики (КЕР), реплике, в секвенциальности и в развертывании дискурса вообще (ср. п. 1.3), так как взаимодействие, как правило, понимается в ИЛ и КА как глубоко полифункциональное (ср. Hakulinen 1996: 16–17; Fischer 2000: 266; Koivisto 2011: 13; см. также Heritage 1996 [1984]: 291–292; Couper-Kuhlen & Selting 2001: 3; Hakulinen & Selting 2005: 10), а следовательно, разграничение является во многих случаях затруднительным. Кроме того, в процессе исследования категории местоположения маркеров хезитации были несколько уточнены. Некоторые контексты возникновения хезитации, представленные в данной работе, можно включить более, чем в одну категорию (ср., например, пп. 5.2.6.1 и 5.3.3). Можно также отметить, что, возможно, по этой причине в рамках КА и ИЛ при рассмотрении употребления той или иной языковой единицы или шире какого-либо явления нечасто даются количественные данные, и исследование является по большей части качественным и тщательным микроанализом (ср., например, Kurhila 2003; Пауккери 2006; Schegloff 2010; Koivisto 2011; Mikkola 2014; см. также, например, Ochs et al. (eds.) 1996; ср., однако, Laakso 1997; Routarinne 2003). Кроме того, во многих случаях данной работы маркеры формируют цепочки. Когда рассматриваются все маркеры хезитации, которых насчитывается 625, то необходимо отметить, что 260–350 из них встречаются в цепочках. Следовательно, около 90 из них можно было определить только как возможные, так как в данных случаях роль того или иного маркера в указании на хезитацию является спорной. Из вышесказанного следует, что давать точные количественные данные об употреблении того или иного маркера хезитации в том или ином контексте нецелесообразно. Когда в работе упоминаются количественные показатели, они являются обобщением.

маркеров. Их главной задачей является не указание на хезитацию, а функция, связанная, в частности, с взаимодействием и текстuality. Мы определяли маркеры хезитации в практическом исследовании, опираясь на предпонимание (*esiymmärrys*) (см., например, Siljander 1988) (ср. герменевтику von Wright 1970; Siljander 1988) изучаемого явления, а также на исследовательскую литературу.

В нашем материале встречаются некоторые чрезвычайно редкие маркеры хезитации (в частности, лексические маркеры), которые, на наш взгляд, дополняют картину возникновения хезитации. В связи с этим на основе нашего анализа мы используем и другие вторичные материалы. К ним относятся 8 фрагментов российских телевизионных передач общей длительностью около четырех часов двадцати минут, расшифровка которых сделана весьма грубо, различные фрагменты повседневных разговоров общей длительностью около двух часов, которые включены в материал, собранный П. Пауккери (2006) для своей докторской диссертации, а также т. н. корпус текстов о свидениях, который был собран группой исследователей под руководством А. А. Кибрика и В. И. Подлесской (2009).¹⁰ Помимо нашей собственной языковой интуиции, при анализе редких маркеров хезитации мы используем языковую интуицию пяти информантов (трое из которых являются носителями языка, а двое – финны, владеющие русским языком), участвовавших в экспериментах.¹¹ Примеры, найденные во вторичном материале и описаниях, полученных от других информантов, участвовавших в экспериментах, мы используем для дополнения своих результатов, полученных на основе сравнительно небольшого количества некоторых лексических маркеров.

---

¹⁰ В данном исследовании приняло участие 129 детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет, которые в течение двух часов рассказывали о своих снах. Более половины информантов (69) имеют какое-либо неврологическое расстройство. Остальные (60) являются представителями контрольной группы.

¹¹ Эксперимент был проведен 13.09.2010 следующим образом: мы дали информантам (одному носителю языка и двум финнам) расшифровку восьми небольших фрагментов телевизионных бесед. В расшифровке были отмечены те места, на которые мы хотели бы, чтобы они обратили внимание и сделали любые замечания в письменном виде. Кроме того, были отмечены места, функцию/значение/роль которых мы хотели бы, чтобы они прокомментировали в письменной форме. Кроме того, ранее (19.05.2010) мы провели сходный устный эксперимент с одним носителем языка, используя только расшифровку (30 пунктов). В дополнение мы задали данному и еще одному носителю языка дополнительные специфические вопросы о функции/значении/роли этих элементов речи в данных фрагментах.

1.5 Структура работы

Во введении (гл. 1) описывается предмет исследования, используемая теория и методология, а также обосновывается его актуальность. В первой главе также описывается материал исследования, обсуждаются его особенности и структура данной работы.

Вторая глава посвящена объекту нашего исследования, т. е. явлению хезитации. Она состоит из трех параграфов. В первом на основе литературного обзора обсуждаются общие свойства хезитации и ее место в человеческой коммуникации. Во втором параграфе хезитация рассматривается более подробно, а также обсуждается ее связь с производством речи. Последний параграф второй главы рассматривает ФС (модель функционального синтаксиса), лежащую в основе определения хезитации.

В третьей главе представлены главные понятия, которые являются чрезвычайно важными для анализа нашего материала, т. е. для телевизионных бесед. В этой главе дается обзор литературы, которая предлагает нам инструменты, являющиеся для нас методически целесообразными. Большинство понятий, которые представлены в данной главе, употребляются в рамках КА и ИЛ, а также рассматриваются инструменты, имеющие корни в других областях лингвистики. Глава состоит из четырех параграфов. Первый параграф посвящен обсуждению того, что взаимодействие, как и наш материал, образуется из реплик. Во втором параграфе представлены инструменты, с помощью которых можно рассматривать явления, связанные с организованностью и устойчивостью человеческой коммуникации с точки зрения развертывания дискурса. В третьем параграфе представлены понятия, при помощи которых рассматриваются явления КА и ИЛ, которые в нашей работе относятся к хезитации. Последний параграф посвящен понятиям, которые являются для нас важными, так как в нашем материале встречается множество многосоставных реплик, являющихся элементом рассказывания. В конце третьей главы также представлен арсенал инструментов, при помощи которых мы можем определить точное местонахождение маркеров хезитации по отношению к реплике, КЕР, секвенциальности и развертыванию дискурса в целом. Кроме того, данный арсенал необходим при рассмотрении возможных причин возникновения хезитации.

В четвертой главе, которая представляет собой первую из двух эмпирических глав, производится инвентаризация маркеров хезитации. Во-первых, определяется когнитивно-взаимодействующая категория хезитации, а затем рассматриваются общие черты всех маркеров хезитации на основе литературы. Затем каждый маркер хезитации детально рассматривается в отдельном параграфе. Даются критерии его определения, а также признаки того, что речь идет уже о другом явлении. Кроме того, обсуждаются особенности каждого отдельно взятого маркера.

Пятая глава, т. е. вторая из эмпирических глав нашей работы, описывает главные результаты нашего анализа. В ней дается классификация маркеров хезитации по местоположениям и возможным функциям. Данная классификация составлена с использованием понятий, представленных в третьей главе, а также абстрактных моделей фаз производства речи, представленных во второй главе. Пятая глава делится на три основных параграфа в соответствии с тем, где расположен маркер хезитации по отношению к реплике. Первый параграф описывает контексты/функции маркеров хезитации, находящихся в начале реплики. Во втором параграфе рассматриваются контексты (а тем самым и функции) маркеров хезитации, расположенных в начале КЕР. Третий параграф посвящен функциям маркеров хезитации, которые находятся внутри КЕР.

В заключении мы рассматриваем главные результаты нашей работы, а также подводим ее итоги. Кроме того, в заключении обсуждается достоверность и обобщенность результатов исследования. В конце перечисляются возможные направления дальнейших исследований.

2 Хезитация как явление

Настоящая глава посвящена теоретическим вопросам изучения хезитации. В первом параграфе на основе результатов исследований обсуждаются когнитивные и физиологические явления, связанные с возникновением и проявлением хезитации, в том числе когнитивные задачи производства речи и ограничения человеческой памяти. В связи с этим обсуждается также вопрос влияния сегментации речевого потока на хезитацию.

Во втором параграфе более подробно рассматривается хезитация в отношении производства речи. Рассматриваются существенные для анализа нашего материала психолингвистические модели производства речи, в том числе классификация различных видов хезитации на семантическом, грамматическом, лексическом, просодическом и артикуляционном уровнях.

Третий параграф настоящей главы рассматривает модель ФС, лежащую в основе нашей концепции когнитивно-взаимодействующей категории хезитации и определяющей форму описания и анализа нашего материала и представления результатов работы. На наш взгляд, общие принципы ФС позволяют определить границы хезитации, а также обнаружить и опознать различные ее маркеры в материале исследования. Следует, однако, подчеркнуть, что в настоящей работе используются только те идеи и принципы теории ФС, которые релевантны для описания и анализа хезитации.

2.1 Когнитивная и физиологическая основы хезитации

Речевой поток, как правило, делится на отрезки (куски), составляющие семантическое, просодическое и/или прагматическое целое. Данное явление уже давно привлекает внимание ученых разных дисциплин – от фонетики и логопедии до психолингвистики, функциональной грамматики и этнометодологии, однако мнения о том, какие единицы представляют собой эти куски, какими свойствами они обладают и как их определить, существенно различаются. Например, в психолингвистике, на которую мы будем опираться при описании фаз производства речи (см. п. 2.2), важно членение речи на когнитивные целостности (см., например, Griffin & Bock 2000; Jay 2003; Erman 2007; Белянин 2011; см. также Baars & Gage 2010: 348–349, 371–372). В КА и

в ИЛ, составляющих теоретическую и методологическую основу нашего исследования (см. п. 1.3), членение речи рассматривается как явление, обусловленное взаимодействием прагматических, семантических, грамматических и просодических признаков высказывания (см. п. 3.1; см., например, Sacks et al. 1974; Auer 1996; 2005; Ford et al. 1996; Ford & Thompson 1996; Schegloff 1996a). Хезитация же обусловлена прежде всего когнитивными причинами, она возникает в результате колебания, вызванного ограничениями рабочей памяти¹² человека (см., например, Алексиева 2007; Fehringer & Fry 2007; Baars & Gage 2010: 349; см. также Подлеская & Кибрик 2005; 2009: 178–179).

До обсуждения вопросов хезитации необходимо остановиться на когнитивных и физиологических вопросах, связанных с сегментацией речевого потока. Ниже будут представлены основные причины того, почему говорящему необходимо членить речевой поток на сегменты, почему в речи возникают паузы и чем обусловлена хезитация. Особое внимание будет уделено когнитивным задачам производства речи и ограничениям рабочей памяти как факторам, управляющим процессом сегментации речевого потока.

С сегментацией речи тесно связано паузирование. Нередко паузы следуют за сегментами речи.¹³ Кроме того, что паузы возникают, в частности, вследствие когнитивных усилий говорящего, они имеют и физиологические потребности, так как они, как правило, совпадают с тем временем, когда говорящий делает вдох. (Кибрик и др. 2009в: 65; см. также Aulanko 2009: 138; Богданова-Бегларян и др. 2013: 163.) Что касается когнитивной функции пауз между сегментами (или по терминологии КА и ИЛ – КЕР), она состоит, в частности, в

---

¹² Когда речь идет о связи между производством речи и хезитацией, а также ограничениями памяти, как правило, говорят о рабочей памяти (working memory, työmuisti) или о кратковременной памяти (short-term memory, lyhytkestoinen muisti). Эти термины не являются синонимами, хотя по значению они близки друг другу. (см. Aho & Yli-Luukko 2005: 206; Baddeley 2005 [1997]: 9, 26–27; 2014: 14–15; Eysenck 2009: 193–196; см. также HUS; PSYPERE.) Как полагает Ю. Д. Потанина со своими коллегами (Потанина и др. 2016: 568), термин «рабочая память», в отличие от термина «кратковременная память», подчеркивает функциональную значимость этой когнитивной системы.

¹³ Очевидно, существуют и паузы внутри порции речи, например, внутри КЕР (подробнее см. пп. 4.6 и 5.4), кроме того, во взаимодействии встречается также явление подхвата (rush through, ryntäys), когда паузы между сегментами (КЕР) нет (Schegloff 1982: 76; см. также Коротаев и др. 2009: 318; подробнее см. п. 3.1).

планировании последующего сегмента (см., например, Levelt 1989: 258; Biber et al. 1999: 1048–1049, 1052–1053; Алексиева 2007: 275; Eysenck 2009: 255; Кибрик и др. 2009в: 65; Подлесская & Кибрик 2009: 179; см. также Lounsbury 1954: 100; Chafe 1980a: 14–15; 1980b: 174–176; Kylänpää 1981: 98–99; Ладыженская 1984; Подлесская & Кибрик 2005; Mauraanen 2009: 220; 2016: 83).¹⁴

Какое когнитивное усилие связано с говорением? Во время процессов производства речи говорящий имеет множество задач (см., например, Кожевникова 1985: 512–513; Levelt 1989: 2–8; Biber et al. 1999: 1052; Sinclair & Mauraanen 2006: 60; Алексиева 2007: 275; Fehringier & Fry 2007: 41). Как, на наш взгляд, наглядно формулирует Л. П. Блохина¹⁵ (цит. по Алексиевой 2007: 275), говорящий, во-первых, должен синхронно планировать и продуцировать сообщение. Кроме того, для коммуникации в режиме реального времени характерна необратимость поступательного развертывания. Говорящему также необходимо принимать во внимание не только ситуативную обусловленность, но и социальные параметры участников разговора, содержание и оценку степени их лингвистического опыта. (там же.) Разговор всегда представляет собой деятельность кооперативного характера (ср. гл. 1; подробнее см. гл. 3). Времени для выполнения всех этих задач весьма мало, и на их реализацию оказывают влияние ограничения объема кратковременной/рабочей памяти говорящего (Алексиева 2007: 275, 278 и указанные там источники; см. также Levelt 1989: 2–8; Biber et al. 1999: 1052; Дараган 2003; Fehringier & Fry 2007: 41 и указанные там источники; Baars & Gage 2010: 44, 349).

Когнитивные процессы производства речи включают также планирование на разных уровнях и фазах производства речи, контроль за подходящей вербализацией, а также возможные исправления неправильного построения единиц речи (Алексиева 2007: 275–276; см. также Кожевникова 1985: 512–514; Levelt 1989: 2–8; Дараган 2003; Fehringier & Fry 2007: 41; Подлесская & Кибрик 2009: 178–196).

¹⁴ Несомненно, паузирование между сегментами имеет и другие функции кроме когнитивных, например, членение потока речи (ср. п. 1.4; подробнее см. п. 4.6). Кроме того, по словам Б. Эрмана (Erman 2007: 31), важно помнить, что, поскольку у нас нет доступа к мыслям говорящего во время паузирования, невозможно с уверенностью утверждать, что паузы связаны именно с когнитивными усилиями и планированием.

¹⁵ Блохина, Л. П. 2004. К проблеме просодической организации устной речевой коммуникации. *Язык и речь: проблемы и решения*. Сб. науч. тр. М.

Перефразируя У. Л. Чейфа (Chafe 1980b: 171; см. также Goldman-Eisler 1968: 32; Rose 2017: 51), можно сказать, что говорящему необходимо, во-первых, решить, что сказать, а затем, – как сказать. Решение о том, как сказать, касается не только грамматической формулировки и выбора слов, но и артикуляции (см. п. 2.2). Однако, как полагает Ю. В. Дараган (2003), слова, конструкции и мысли имеют тенденцию забываться в неподходящий момент, уже спланированная порция речи может потребовать дополнений в процессе ее вербализации, а для передаваемой информации может не найтись адекватного словесного оформления. Иначе говоря, когнитивные задачи во время производства речи могут оказаться иногда слишком жесткими, в связи с чем возникают проблемы производства речи, т. е. хезитация (ср. Кожевникова 1985: 516–517; Fehringer & Fry 2007: 41).

Прежде чем рассматривать ограничения кратковременной памяти, необходимо кратко рассмотреть вопрос о том, на каких отрезках свойственно производить речь. Процессы планирования и производства речи могут происходить в чередующихся циклах (см., например, Goldman-Eisler 1968: 81–82 и указанные там источники; см. также Jay 2003: 203 и указанные там источники; Meyer et al. 2007: 210–211 и указанные там источники; Кибрик и др. 2009в: 65 и указанные там источники). Продуктами производства речи могут также являться беглые и прерывистые фазы (Goldman-Eisler 1968: 82 и указанные там источники; Кожевникова 1985: 512; Jay 2003: 203; Алексиева 2007: 275). На плавность речи влияют ограничения объема рабочей памяти. Отсюда следует, что человек не может планировать и продуцировать слишком сложное и длинное сообщение без перерыва. (Jay 2003: 203.)

Как отмечает Т. Б. Джей (Jay 2003: 164 и указанные там источники), в традиционных моделях исследования памяти подчеркивается, что кратковременная память может удерживать только ограниченное число единиц, таких как слова или цифры. Существует, например, понятие «семь плюс/минус два», введенное Г. Миллером (Miller 1956) и подразумевающее, что человек может обнаружить в кратковременной памяти от пяти до девяти каких-либо единиц (там же; ср. также Aho & Yli-Luukko 2005: 206; Baddeley 2005 [1997]: 59–62; 2014: 39–40; Eysenck 2009: 193; Потанина и др. 2016). Однако, как пишет Т. Б. Джей (Jay 2003: 164, 203 и указанные там источники), более новые исследования полагают, что рабочая память является более сложным

механизмом,¹⁶ в котором свою роль играет, в частности, сложность структуры предложения и тематики. Речь идет о производстве речи, а также о ее понимании (там же; см. также Aho & Yli-Luukko 2005: 206 и указанные там источники; Fehringer & Fry 2007: 40, 60–61 и указанные там источники; Auer 2009: 2; Eysenck 2009: 193 и указанные там источники; Baddeley 2014: 23–25, 38, 43–44).

Как уже было отмечено выше, одно когнитивное или семантическое целое нередко совпадает с интонационной единицей. Размер интонационной единицы обычно составляет несколько слов (см., например, Kylänpää 1981: 105; Chafe 1994: 65; Kärkkäinen et al. 2006: 91). Кроме того, он, возможно, связан с ограничениями рабочей памяти и когнитивными процессами (см. точнее Aho & Yli-Luukko 2005: 207; Ullakonoja et al. 2007: 224 и указанные там источники).

Следовательно, в основном именно ограничения кратковременной и рабочей памяти говорящего и адресата приводят к тому, что люди разбивают свою речь на сравнительно небольшие сегменты, отрезки (chunks), или КЕР, составляющие одну грамматическую, фонологическую, семантическую или когнитивную единицу (см., например, Chafe 1980b: 171; Sinclair & Mauraanen 2006: 55–58; Mauraanen 2009: 220–223; 2016: 79, 83; см. также Fischer 2000: 160; Baddeley 2005 [1997]: 59–62; 2014: 23–25; Baars & Gage 2010: 349; Barth-Weingarten 2016: 2–3; в русском языке см., например, Кибрик и др. 2009в: 55–57).

2.2 Хезитация с точки зрения моделей фаз производства речи

Явление хезитации – это множество различных затруднений и сбоев, возникающих в устной речи в связи с тем, что речь производится в режиме реального времени (подробнее см. п. 2.1). Однако процессы производства речи являются до сих пор недоступными для прямого наблюдения.¹⁷ О них можно судить только по их продуктам, т. е. высказываниям. Что касается хезитации и речевых ошибок, то среди

---

¹⁶ Подробнее о роли и абстрактных механизмах рабочей памяти см., например, Baddeley 2000; 2005 [1997]: 51–53; 2014: 9–18, 46–64; Fehringer & Fry 2007: 39–40; см. также Aho & Yli-Luukko 2005: 206 и указанные там источники; Eysenck 2009: 196–199; Baars & Gage 2010: 50, 347–349.

¹⁷ Пока неизвестно, по каким принципам в мозгу человека происходят процессы, связанные с производством речи. Однако предполагается, что механизмы, отвечающие за производство речи и понимание, должны быть сложными, чрезвычайно точными с точки зрения времени, а также распределенными. (Krause 2009: 26; Baars & Gage 2010: 395.) Как известно, в процессе говорения задействуются различные области мозга (подробнее см., например, Jay 2003: 31–49; см. также Krause 2009: 260; Baars & Gage 2010: 382–395).

психолингвистов широко распространено мнение, в соответствии с которым они свидетельствуют о неудаче в производстве речи. Таким образом, путем их исследования можно сделать выводы относительно процессов производства речи. (см., например, Levelt 1989: 2–8; Jay 2003: 191–199, 202–205; Подлесская & Кибрик 2009: 176–178; Белянин 2011: 98; см. также Кожевникова 1985: 512–517; Griffin & Ferreira 2006: 23–24; Коротаев 2009: 182.) Именно поэтому в психолингвистике существуют модели возможных процессов производства речи и взаимосвязи этих процессов. В данном параграфе мы рассмотрим эти модели подробнее.

Существуют некоторые модели фаз производства речи (см. обзоры, например, Jay 2003: 206–217; Белянин 2011: 106–122; см. также Postma 2000; Griffin & Ferreira 2006: 22–23; Erman 2007: 29–30). Их можно разделить на два главных типа: сериальные, которые представляют собой традиционный взгляд, и параллельные (Jay 2003: 205–206, 217; Белянин 2011: 106).¹⁸ В данной работе мы ограничимся рассмотрением моделей именно сериального типа, так как они, как нам представляется, являются более пригодными для нашего практического анализа. Другими словами, мы будем представлять результаты нашего анализа с использованием в основном последовательности фаз производства речи в соответствии с сериальными моделями.

По словам В. П. Белянина (2011: 106), сериальные, или последовательные модели предполагают, что производство речи происходит в определенной последовательности. После завершения одной фазы человек переходит к следующей до тех пор, пока все высказывание не будет закончено. Суть параллельных моделей, в свою очередь, заключается в том, что разные фазы производства речи могут происходить одновременно. (там же; см. также Jay 2003: 205–206, 217.)

Разные модели, в частности, когда речь идет о именно сериальном типе, очень похожи друг на друга (см. Griffin & Ferreira 2006: 23; Белянин 2011: 122). Как утверждается в работе В. П. Белянина (2011: 122), разные модели, скорее всего, дополняют и уточняют друг друга, а не противоречат друг другу. Теперь рассмотрим более подробно сериальные модели и их взаимозависимость и последовательность.

---

¹⁸ Существуют модели, учитывающие жесты (см., например, Jay 2003: 217–225).

Согласно гипотезам¹⁹ некоторых ученых (см., например, Кожевникова 1985: 514; McNeill & Duncan 2000: 141, 144–148; см. также Jay 2003: 181–182 и указанные там источники; Griffin & Ferreira 2006: 22–23), а также по результатам эксперимента, проведенного З. М. Гриффин и К. Бок (Griffin & Bock 2000; см. также Jay 2003: 182–185), при производстве речи происходят одновременно два процесса: процесс производства целостной, нелинейной внутренней речи²⁰ (*holistic inner speech*), при котором человек составляет себе концепцию будущего сообщения, и линейный, языковой процесс, в котором создается словесная форма содержания внутренней речи.

Когда речь идет о сериальном процессе производства речи, согласно моделям многих ученых (см., например, Levelt 1989: 108–110; Jay 2003: 206–212; Белянин 2011²¹: 112–120; см. также Postma 2000: 98–100; Griffin & Ferreira 2006: 21–22; Eysenck 2009: 255–256; Baars & Gage 2010: 385) первой фазой является составление концепции будущего сообщения. В рамках данного ментального процесса говорящий создает очень общую идею о том, что он хочет выразить. Однако отношения между единицами этой концепции еще не определены. (Levelt 1989: 3–4; Jay 2003: 206–212; Griffin & Ferreira 2006: 21–22; см. также Eysenck 2009: 255–256; Белянин 2011: 112–120.)

Следующая фаза заключается в том, как высказать уже выбранную идею, т. е. как ее сформулировать (Levelt 1983: 47–49; Griffin & Ferreira 2006: 21; см. также Jay 2003: 206–212; Baars & Gage 2010: 385; Белянин 2011: 112–120). Хотя существуют разные взгляды на то, какие процессы входят в данную фазу, а также на их последовательность, можно заключить, что данная фаза, как правило, содержит семантические, синтаксические, интонационные и модальные решения, а вслед за ними – лексические, морфологические и фонологические решения (Jay 2003: 185–186, 206–212; см. также Levelt 1989: 107–412; Postma 2000: 98–100; Griffin & Ferreira 2006; Eysenck 2009: 256; Baars & Gage 2010: 385; Белянин 2011: 112–120).

---

¹⁹ Данные гипотезы впервые выдвинули У. Джеймс в 1890 году и В. Вундт в 1900 году (подробнее см. Jay 2003: 181–182).

²⁰ Здесь следует подчеркнуть, что под термином «внутренняя речь» нередко понимается именно линейный языковой процесс, а точнее фаза, предшествующая артикуляции (см., например, Levelt 1983: 47–49; Белянин 2011: 115).

²¹ В. П. Белянин описывает модели некоторых психолингвистов, например, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А. А. Леонтьева и В. Левелта. В работе Т. Б. Джеймса описываются, в частности, модели В. А. Фромкина (*the Fromkin model*), М. Ф. Гаррета (*the Garrett model*), К. Бока и В. И. М. Левелта (*the Bock and Levelt model*).

- 04 > =[э:→ город посмотреть?]
 05 > ВИМ: [по: по↑воду про]гулок.=
 06 > =что я здесь [(-) сказать.]»
 07 В/ОШ: [можно было выйти (-)]
 08 ВИМ: »боязнь↑ была.---

(4) «Киноглаз»

- 01 ЮБН: .xx что касается значит худо↑жника #то:# (#и#) здесь у
 02 > нас? (0.3) .xx (0.2) хотя #и::→# э:→ внешне (0.2) э:→#
 03 > (0.2) глядя на фильм можно пос• пэ↑ (0.3) подумать что
 04 присутствует .xx (0.3) некая гармо↑ния на самом деле?
 05 это п• это постоянная непрерывная война.

В строках 5–6 примера 3 мы видим маркеры хезитации при принятии, по всей вероятности, семантических решений, так как помимо других типов хезитации (строка 5) гость поясняет свой сбой: *что я здесь (-) сказать*. Другими словами, он задает себе метаязыковой, специальный вопрос. Следовательно, известно, что говорящий не знает, **что** сказать. (подробнее см. п. 4.3.) Что касается роли маркеров хезитации в строках 3–4, на наш взгляд, они, вероятно, указывают на проблемы структурного типа, возможно, именно синтаксического сбоя, так как первый возможный тип хезитации встречается только после вопросительного местоимения. Говорящий уже в какой-то мере определил смысл будущего высказывания, но еще не решил, какими словами и конструкциями это выразить. Возможно также, что говорящий колеблется перед принятием конкретных лексических решений.

В строках 2–3 примера 4 мы видим цепочку маркеров хезитации (0.2) э:→# (0.2) после начала синтаксической конструкции *хотя #и::→# э:→ внешне*. *Внешне* в качестве наречия синтаксически проецирует (подробнее см. п. 3.1) глагольную форму. Следовательно, можно утверждать, что на данном этапе продвижения речи проблема лежит уже не на семантическом (синтаксическом) уровне, а заключается, скорее всего, в принятии лексических решений.

Следующее местоположение хезитации встречается после произнесения *пос•* (строка 3). Следующая единица речи, т. е. *пэ↑*, начинающаяся с правильного звука, а также продолжение КЕР указывают на то, что говорящий старается произнести глагол *подумать*. Как нам кажется, речь здесь идет, вероятно, о проблеме фонетического типа, так как начатая КЕР проецирует глагол в неопределенном наклонении. Кроме того, как нам кажется, появление в

речи ошибок и хезитации, и особенно сами их формы (преимущественно наличие звука *n*), дают понять, что говорящий уже ничего не выбирает. Следовательно, по всей видимости, говорящий старается произнести уже выбранный глагол как следует, но правильное произношение для него в данном случае затруднительно (подробнее см. п. 5.4.6).

Кроме представленных выше двух процессов производства речи, т. е. производства целостной, нелинейной внутренней речи и линейного языкового процесса, которые содержат также подпроцессы, выделяется и третий процесс – самомониторинг (*self-monitoring*) (Levelt 1983: 49–56; 1989: 458–499; Levelt et al. 1999: 3–6; Postma 2000; ср. также Jay 2003: 211; Подлесская & Кибрик 2009: 179; Белянин 2011: 120; Nooteboom & Quené 2017). Как полагает Т. Б. Джей (Jay 2003: 211), о том, что существуют процессы самомониторинга, свидетельствует наличие речевых ошибок, их исправлений, пауз и маркеров хезитации. Данное явление можно заметить также в примере 4, в строке 3, когда говорящий начинает произносить слово и замечает, что это не то слово. Он сам себя перебивает и не произносит слово до конца, он произносит только *нос*• (подробнее см. п. 5.4.6).

Согласно некоторым гипотезам (см., например, Levelt et al. 1999: 3–6; Postma 2000: 98–100; см. также Levelt 1983: 51–54; Levelt 1989: 460–463), процессы самомониторинга присутствуют в каждой фазе производства речи. Иначе говоря, человек все время контролирует планирование, формулировку сообщения и свою речь как продукт (Jay 2003: 203; см. также Levelt 1983: 49–53; 1989: 460–463).²² Например, если все идет не так, как планировал говорящий, т. е. содержание или форма сообщения не являются удовлетворительными, говорящий нередко исправляет свою уже произнесенную речь (Levelt 1983: 51–54;

---

²² В рамках психолингвистики самомониторинг можно разделить на два главных типа: скрытый (*covert*) и явный самомониторинг (*overt self-monitoring*) (Levelt 1989: 478–479; Jay 2003: 203; см. также Levelt 1983: 44–45). Самомониторинг планирования, т. е. скрытый тип самомониторинга (*covert self-monitoring*) был выявлен, например, в ходе экспериментов, показавших, что говорящий совершает больше нейтральных ошибок, чем ошибок, содержащих слова-табу (Jay 2003: 203). Когда говорящий исправляет уже сказанное, речь идет о явном самоисправлении, а когда он колеблется перед выбором какой-либо языковой единицы, это явление называется скрытым самоисправлением, так как мы не можем быть полностью уверены в том, где лежит проблема (Levelt 1983: 55; 1989: 478–479; см. также Postma 2000: 103–106). Наличие явных и скрытых самоисправлений признано и в рамках КА: явные самоисправления называются постпозитивными самоисправлениями, а спрятанные – препозитивными самоисправлениями (Schegloff 1979: 273; подробнее см. п. 3.3).

1989: 460–463; см. также Postma 2000: 102–106; Jay 2003: 203). В рамках КА и ИЛ данное явление рассматривается немного с другой точки зрения и называется схемой исправления. Мы рассмотрим схему исправления более подробно в параграфе 3.3.

В настоящем параграфе мы рассмотрели модели фаз производства речи. Как мы увидели, широко известно, что производство речи, как правило, начинается с того, что человек хочет что-то сказать, и это можно назвать концептуальным уровнем. После этого человек принимает решение о том, как это сделать. Такая последовательность является отправной точкой в теории ФС, разработанной А. Мустайоки (2006; см. также Mustajoki 1993) и являющейся теоретической основой данной работы. Следующий параграф посвящен рассмотрению главных идей теории ФС.

Описанный выше порядок следования фаз производства речи будет также использоваться в нашем практическом анализе: в параграфе 5.2 мы будем рассматривать случаи, в которых проблема состоит в основном в том, что говорящий не знает, что сказать или же как сформулировать свою мысль. Далее, в параграфе 5.3 рассматриваются случаи, в которых проблема заключается, как правило, именно в формулировании говорящим своей мысли. Другими словами, это случаи, когда предварительные решения относительно концепции и семантики уже приняты. Параграф 5.4 посвящен проблемам лексического уровня, а также сбоям в артикуляции и исправлениях.

2.3 Изучение хезитации по принципу «от значения к форме»

Одно из направлений функциональной лингвистики рассматривает язык по принципу «от значения к форме» (см., например, Dik, Бондарко).²³ При таком подходе исходным пунктом описания языковых явлений является то, что говорящий хочет выразить. Задача исследователя — определить сначала семантические категории,

---

²³ Под термином «функциональный» в русской (и русскоязычной), а иногда и в западной лингвистике понимается, как правило, принцип описания языка «от значения к форме» (Мустайоки 2006: 112–145). В западной лингвистике данный термин подразумевает чаще всего, что языковая система видится не как автономное и ментальное явление вне употребления языка, она рассматривается как тесно связанная с социальной действительностью. Другими словами, в функциональных направлениях (в западной лингвистике) изучается именно употребление языка. (см., например, Haddington & Sivonen 2010: 11–12.) Кроме того, как уже отмечено в параграфе 1.3, в ИЛ и КА (см., например, Berg 2003) возможной отправной точкой исследований является не форма, а какой-либо речевой шаг, например, обвинение.

служащие основой описания, а затем описать те языковые средства, которые употребляются для выражения этих значений. В настоящей работе мы будем применять эту идею к рассмотрению разных форм хезитации. Как теоретическую основу мы используем теорию ФС А. Мустайоки (2006).

В рамках функционального подхода к языку рассматриваются, как правило, такие семантические категории, как отрицание, аспектуальность, определенность/неопределенность и побуждение, а способами выражения являются грамматические категории и различные лексико-грамматические средства или же иногда контуры интонации и другие просодические средства. Хезитация представляет собой явление другого характера, поскольку она тесно связана с прагматикой речи. При рассмотрении хезитации принцип «от значения к форме» раскрывает совершенно новые возможности для более глубокого понимания ее сущности, но, с другой стороны, такой подход требует переосмысления самой теории ФС.

Теория ФС ищет ответ на вопрос, какими способами в определенном языке выражается то или иное значение (Мустайоки 2006: 21–24). Для этого требуется, во-первых, определить данное значение, или по терминологии данного подхода – семантическую категорию. Ее определение – нелегкая задача, оно имеет более или менее интуитивный характер, и невозможно составить определение, которое являлось бы удовлетворяющим во всем и для всех. (Мустайоки 2006: 69–73, 78–79, 82.)

После определения семантической категории рассматривается вопрос о том, при помощи каких языковых средств ее можно выразить. Понятием, весьма близким к семантической категории, является семантическая структура.²⁴ Под ней понимается тот смысл, который хочет выразить говорящий. Конкретные языковые средства, которые выражают данный смысл, т. е. семантическую структуру, образуют совокупность поверхностных структур. Они все понимаются как репрезентанты одной и той же семантической структуры. Языковые средства дают поверхностной структуре определенное дополнительное значение, и здесь важно помнить некоторые важные принципы. Во-первых, следует отделять друг от друга **денотативное** значение,

---

²⁴ Подробнее о взаимосвязи между семантической категорией и семантической структурой см. Мустайоки 2006: 24, 27, 33–36, 69–73, 78–85; ср. также там же: 232–236, 332–336, 411, 422; Кирвесмяки 2010: 26–28.

выражающее семантическую структуру и имеющее сравнительно общий характер, и **презентативное** значение, выражающее поверхностную структуру, являющуюся конкретной формой выражения и создающую дополнительное значение.²⁵ Во-вторых, нельзя утверждать, что разные языковые средства как репрезентанты одной и той же семантической структуры являются синонимичными; они обладают основным, глубинным значением, а также одновременно имеют и свое личное, дополнительное значение. (Мустайоки 2006: 81–83.) В-третьих, поскольку в теории ФС утверждается, что разные языковые средства, выражающие одну и ту же семантическую структуру, имеют некоторые различия в своем конкретном значении, целесообразно также рассмотреть языковые средства как репрезентанты одной и той же семантической структуры, а также обсудить критерии их отбора (см. Мустайоки 2006: 69, 89–91, 411; Кирвесмяки 2010: 13–14).

В теории ФС последним этапом, т. е. этапом, следующим за определением семантической категории и просмотром конкретных способов ее выражения в языке, является рассмотрение того, имеются ли какие-либо условия, ограничивающие употребление той или иной поверхностной структуры в выражении данной семантической структуры. Точнее сказать, итоговой задачей является определение ограничения того или иного языкового средства в выражении какого-либо значения. (см. Мустайоки 2006: 69, 89–91, 411; Кирвесмяки 2010: 13–14.)

Теперь мы кратко обсудим, насколько теория ФС подходит в качестве основы для нашего исследования (ср. Кирвесмяки 2010). Наши исследовательские вопросы соответствуют схеме, представленной выше. Однако, поскольку наш объект исследования, т. е. хезитацию, невозможно считать семантической структурой и семантической категорией, необходимо в некоторой степени расширить вышеуказанные понятия.

Если хезитация не является семантической структурой и семантической категорией, чем ее можно считать? Как уже было отмечено в параграфе 1.2, первой нашей задачей является определение хезитации. В предыдущих параграфах (в частности, в параграфе 2.1) было отмечено, что трудности при производстве речи происходят

---

²⁵ Термины «денотативное значение» и «презентативное значение» первоначально были употреблены П. Адамцом (см. Мустайоки 2006: 100).

вследствие когнитивных задач, связанных не только с производством речи, но и с коммуникативными и контекстуальными признаками. Следовательно, нам необходимо считать хезитацию категорией и когнитивного, и прагматического типа, т. е. когнитивно-взаимодействующей категорией.

Как уже было сказано выше, определение значения, а точнее, семантической категории является задачей сравнительно трудной и даже спорной. То же самое касается и когнитивно-взаимодействующей категории. Как подчеркивает А. Мустайоки (2006: 70), интуитивный характер определения предполагает, что «необходимо прибегнуть к представлениям человека о различных явлениях действительности». Отсюда следует, что на основе здравого смысла носителя финского языка, владеющего русским языком, и опираясь на исследования, можно считать, что во взаимодействии иногда встречается явление хезитации. По мнению А. Мустайоки (там же: 26, 33–34), все (семантические) категории являются абстрактными понятиями и не имеют эквивалентов в мозгу человека. Однако люди их опознают (ср. Мустайоки 2006: 70–71). Таким образом, мы можем распознать хезитацию, когда мы слышим различные ее маркеры.²⁶ Данное явление проявляется и в том, что люди сами отмечают, что они колеблются, забывают слова или теряют смысл своего высказывания (ср. Simpson 1994: 26–54). Кроме того, это явление можно встретить в газетных статьях, где люди высказывают свое мнение по какому-либо вопросу, – там требуется более медленное и продуманное производство речи и недопустимо использование разного рода маркеров хезитации.²⁷ Также оно проявляется и в том, что, если мы рассказываем нелингвистам, что мы изучаем хезитацию, им более или менее понятно, что это понятие обозначает.

Как уже было сказано, объектом нашего исследования является хезитация, которую можно охарактеризовать, прежде всего, как когнитивно-взаимодействующую категорию. Говорящий не обязательно стремится выразить хезитацию, она может проявляться в

---

²⁶ В рамках КА данное явление носит название «сознание принадлежности» (membership knowledge), которое опирается на то, что люди как представители одной и той же культуры опознают особенности данной культуры. Другими словами, участники разговора, как правило, опознают речевые шаги, которые совершаются в рамках разговора. (см., например, Brouwer 2003: 537; ср. также Hakulinen 1997a: 17.)

²⁷ Различные мнения на данную тему были, в частности, опубликованы в газете «Helsingin Sanomat» в 2005–2017 годах.

результате возникновения проблем при взаимодействии или производстве речи. В данной работе мы рассматриваем хезитацию как когнитивно-взаимодействующую категорию, функцией которой является создание *ситуации, в которой говорящий не сразу может решить, как продолжить (или начать) свою речь*. Реакция может быть разной: от молчания до различных вербальных проявлений. Данную функцию можно охарактеризовать как общую, денотативную. Дополнительные функции, которые передаются конкретными типами хезитации в различных контекстах, в свою очередь, кроме данной общей функции, имеют и дополнительную, презентативную задачу (ср. выше денотативное и презентативное значение).

Выше мы определили когнитивно-взаимодействующую категорию. Следующей задачей, следуя процессу, описанному А. Мустайоки, является рассмотрение того, какими конкретными способами она выражается в языке. Рассмотрим пример 5, который уже был рассмотрен в параграфе 1.1 в качестве примера 1. Он иллюстрирует данную задачу.

(5) «Как это было»

- 01 В/ОШ: =и что↑ же всё-таки?=давайте вспомним.
 02 (0.2) .xx (.) вот тот самый день.
 03 (0.5)
 04 > НАП-Р: .xx я °э° вышла на это поле?
 05 > .xx и:→ #э# когда первые мои#:# э:#:→# #э:→# (0.4)
 06 > °#м#° подрухи по команде. .xx (.) э: #э# °#м:#° выступили
 07 > неуспеш(но)? (.) .xx и вот тут?=я начала: #э:→# (.) **так**
 08 > ~сказать~ .xx крутить .xx плёнку в своих мозгах? а---

Пример наглядно демонстрирует, что хезитация может проявляться в русском языке многими способами, например, ЗП (заполнителями пауз) (э, м), растяжками звука (:), которые могут включать скрипучий голос (creaky voice) (#), пустыми паузами (например, 0.4) и лексическими маркерами (*так сказать*). Поскольку все эти типы маркируют когнитивно-взаимодействующую категорию хезитации, они все имеют одну и ту же общую, глубинную функцию: они представляют собой *реакцию говорящего на ситуацию, в которой он не сразу может решить, как продолжить (или начать) свою речь*. Однако дополнительные функции, тесно связанные с контекстом, отличаются друг от друга. Например, в начале пятой строки проблемой говорящего, вероятно, является формирование цельной КЕР, а точнее ориентация для рассказа (подробнее см. п. 5.3.3). Хезитация

маркирована растяжкой звука союза и ЗП, произнесенных скрипучим голосом. В конце пятой строки и в начале шестой проблема, очевидно, заключается в том, что говорящий ищет подходящее слово. Маркеры хезитации формируют в данном случае цепочку, которая включает в себя растяжки звука и ЗП с растяжками звука, произнесенные скрипучим голосом, а также пустую паузу. Хотя в этих двух случаях хезитации (формирование цельной КЕР и поиск подходящего слова) говорящий употребляет частично одни и те же средства, конкретная проблема в каждом из случаев разная, и таким образом оба случая имеют особую, дополнительную функцию, помимо общей функции.

В строках 7–8 идет поиск подходящего слова или выражения (см. подробнее п. 5.4). Однако здесь проблема имеет иной характер, чем в предыдущем случае. Точнее, как нам кажется, говорящий испытывает трудности в описании и наименовании действия (подробнее см. п. 5.4.3). Среди прочих примеров хезитации говорящий использует выражение *так сказать*, после которого она (говорящий – женщина) при помощи метафоры выражает, что она подумала, когда вышла на поле и ее подруги по команде потерпели неудачу. *Так сказать* указывает и на характер проблемы, т. е. на неточность вербализации, и тем самым – на отношение говорящего к проблеме и ее решению (подробнее см. п. 4.7.5). Другие рассмотренные выше типы хезитации (строки 5–6) такой импликации не имели.

Таким образом, данный пример показывает, что различные маркеры хезитации не имеют одинаковой презентативной функции и их нельзя употребить синонимически. Отсюда следует, что последний этап в исследовательском процессе, описанном А. Мустайоки, становится релевантным. Далее следует рассмотреть отношения между различными средствами выражения хезитации и определить возможные ограничения в употреблении данных средств. Эти вопросы будут рассмотрены, в частности, в параграфах 4.7.7, 5.4.8 и 6.1.

3 Основные понятия

В следующих параграфах мы будем обсуждать понятия, являющиеся наиболее важными для нашего практического анализа. Во-первых, мы рассмотрим, при помощи каких инструментов проводился анализ, а затем опишем проблемы, которые могут быть связаны с использованием данных понятий. Это сделает наши исследовательские вопросы более наглядными, а особенности нашего материала – более понятными. Кроме того, задачи данного исследования будут сопоставлены с выбранной методологией.

Поскольку одними из важнейших понятий для анализа положения типов хезитации являются реплика и КЕР, в первом параграфе мы рассмотрим, что они собой представляют и как они формируются. Будут даны определения данных понятий, а также на основе исследований и нашего практического анализа будет рассмотрена спорность данных определений. Кроме того, мы кратко рассмотрим организацию смены ролей, т. е. по каким принципам собеседники берут право слова и передают данное право адресату.

Второй параграф посвящен рассмотрению элементов взаимодействия, а именно разворачиванию дискурса, что представляет важность в нашем анализе и делает разговор, по крайней мере, в какой-то степени устойчивым и тем самым предсказуемым. Такими элементами являются проекция синтаксического типа и секвенциальность, в частности, преференциальная организация (см. подробнее п. 3.2), а также различные элементы институциональности – в данном случае телевизионной беседы.

В третьем параграфе представлена таксономия исправлений. Мы рассмотрим, каким образом хезитация, как правило, понимается в рамках КА и ИЛ. Другими словами, данное явление рассматривается как часть фрагмента исправления, в котором участники разговора стремятся решить проблему взаимодействия.

Четвертый параграф посвящен инструментам, которые требуются для определения местоположения маркеров хезитации в многосоставных репликах, в особенности, в рассказывании.

3.1 Реплика и КЕР

Реплика (turn, vuoro) может быть определена как часть разговора, произведенная одним говорящим (см., например, Sacks et al. 1974; Hakulinen 1997b: 38; VISK § 1004). Она может состоять из одного слова, как, например, частицы в высказываниях, составляющих **многосоставные реплики**²⁸ (multi-unit turns, moniyksikköiset vuorot) (см., например, Goodwin & Heritage 1990: 299; Schegloff 1996a: 60–73; см. также Sacks et al. 1974: 709, 726–727; VISK § 1005–1006), и может быть отграничена сменой говорящего (см., например, Sacks et al. 1974: 699–701; Hakulinen 1997b: 36–43; VISK § 1004–1006; см. также Selting 2000: 511–512; Пауккери 2006: 41–44). По мнению А. Койвисто (Koivisto 2011: 26; см. также Goodwin 1981: 20), ее можно заметить ретроспективно, т. е. после того, как реплика уже произнесена и собеседник получил право слова.

Что касается отношения между репликой и речевыми шагами, оно является непрямым на том основании, что одна реплика может содержать один или несколько речевых шагов. Отсюда следует, что нельзя сказать, что реплика является единицей функционального характера. (VISK § 1004.) Например, в телевизионной беседе ведущий может, во-первых, представить нового интервьюируемого, затем задать ему вопрос или указать на то, что он воспринял информацию собеседника (ср. Пауккери 2006) и предложить новую **тему** (топик) (topic, topiikki) разговора. Контекст взаимодействия оказывает влияние на то, насколько длительной может быть реплика (подробнее см., например, Schegloff & Sacks 1973; Sacks 1974; Sacks et al. 1974: 701–703, 709; Schegloff 1996a; Paukkeri 2010).

Хотя реплики весьма легко определить ретроспективно, данное определение имеет свои трудности (см., например, Goodwin 1981: 15–20; Koivisto 2011: 25; см. также Selting 2000: 511–512). Например, если после одной порции речи говорящего адресат не истолкует ситуацию как то, что ему следует ответить, говорящему необходимо продолжить речь и каким-то образом заставить собеседника отреагировать (Raevaara 1997: 79; Ford 2004: 44–47; Ринне 2006: 95–96). В нашей

---

²⁸ Под понятием «многосоставная реплика» понимается реплика, которая содержит более одной КЕР, т. е. в которой первая или какая-либо другая КЕР проецирует производство другой/других КЕР (подробнее см. Schegloff 1996a: 61–69; см. также Sacks et al. 1974: 709, 726–727; см. также теоретическую дискуссию о взаимосвязи между КЕР и многосоставной репликой Ford et al. 1996; Selting 2000; Koivisto 2011: 27).

трактовке речь в таком случае идет о двух отдельных репликах, так как говорящий, как правило, воспринимает ситуацию как своего рода проблему. В связи с этим он не двигается дальше, а повторяет, уточняет или расширяет свою первоначальную реплику. Рассмотрим наглядный пример.

(6) «Как это было»

01	В/ОШ:	<i>хорошо. (-) >с вами ~конечно~ проводили какие-то до э:<</i>
02		<i>бесе↑ды до до отъезда.</i>
03 >		<i>(0.4)</i>
04 >		<i>°э:→° >туда.<</i>
05 >		<i>°э° о чём↑ говорили с вами.</i>
06 >		<i>(0.3)</i>
07 >		<i>э:→ (0.2) в ваших ячей↑ках комсомольских таких</i>
08		<i>временных?</i>
09 >		<i>(0.2)</i>
10	АМИ:	<i>[вы зна]ете.=говорили только о том (0.6) как победить.</i>

Как видно выше, мы записали речь ведущего как четыре отдельные реплики. Каждая из них занимает отдельную строку или две строки, если они являются длинными. Как можно понять, что говорящий намерен получить ответ от собеседника? После общего вопроса (строки 1–2) возникает пауза, которая, как нам кажется, указывает на то, что ведущий ждет ответа уже на данном этапе. На данную паузу реагирует ведущий, продолжая свою речь заполнителем паузы и (уточняющим) **инкрементом**²⁹, т. е. элементом, являющимся продолжением той же самой темы после завершения реплики (см., например, Schegloff 1996a: 90; Ford et al. 2002: 16–18; Couper-Kuhlen & Ono 2007: 514–516; см. также VISK § 1052–1058), имеющей нисходящую интонацию (строка 4). После произнесения ЗП ведущий меняет форму своего вопроса, превращая его в специальный вопрос (строка 5). Далее снова возникает пауза (строка 6). Ведущий после произнесения ЗП и пустой паузы, как и раньше (строка 4), дополняет вопрос инкрементом, уточняющим место: *в ваших ячей↑ках комсомольских таких временных?* (строки 7–8). После этого следует еще одна пауза (строка 9), которая наконец-то поощряет гостя к ответу (строка 10). Все эти признаки вместе с ЗП, очевидно, свидетельствуют о том, что говорящий ориентируется на то, что собеседник должен

²⁹ Подробнее об инкрементах и их классификациях см. Schegloff 1996a: 90; Ford et al. 2002: 16–18; Couper-Kuhlen & Ono 2007: 514–516; см. также VISK § 1052.

взять право слова, а также о том, что он испытывает трудности с продолжением беседы, если адресат молчит.

Что касается КЕР³⁰ (turn constructional unit (TCU), vuoron rakenneyksikkö (VRY)), то она, можно сказать, является возможной репликой (Schegloff 1996a: 55; Selting 2000: 478, 480, 512; Koivisto 2011: 26). Как пишет М. Зельтинг (Selting 2000: 512), КЕР является самой мелкой лингвистической единицей, которая в своем контексте взаимодействия может считаться завершенной совокупностью. Поскольку КЕР имеет характер возможной реплики, собеседники также признают ее и ее потенциальный характер. Кроме того, они могут предвидеть, когда реплика, возможно, будет завершена. (см., например, Sacks et al. 1974: 702–703, 706–709, 719–722; Auer 1996: 57–61; 2005; Ford & Thompson 1996: 157; Routarinne 2003: 64–66.)

Как правило, завершенность КЕР рассматривается, в частности, в отношении прагматики, синтаксиса и просодии (см., например, Sacks et al. 1974; Auer 1996; 2005; Ford et al. 1996; Ford & Thompson 1996; Schegloff 1996a; см. также Tanaka 1999: 61–99).³¹ Это связано с тем, что, как полагает Г. Сакс со своими коллегами (Sacks et al. 1974: 702–704, 720–722; см. также, например, Hakulinen 1997b: 36–46; VISK § 1004), говорящий имеет право на одну КЕР, т. е., например, на слово, выражение или предложение, которые составляют особое синтаксическое и просодическое целое. После КЕР следует первое **возможное место смены говорящего** (transition relevance place, vuorojen välinen siirtymätila) (Sacks et al. 1974: 703; см. также Hakulinen 1997b: 42).

Поскольку вариантов много – от единичных слов до комплексных предложений, – как понять, сколько их будет достаточно, т. е. какие

---

³⁰ Понятиями, являющимися сравнительно близкими КЕР, являются, в частности, «высказывание», которое представляет собой, как правило, синтаксическое и просодическое целое, а с прагматической точки зрения – один речевой шаг (подробнее см. Грамота s.v. высказывание; ср. также Hakulinen 1997b: 37; VISK § 864), а также «элементарная дискурсивная единица», т. е. ЭДЕ. ЭДЕ имеет весьма сходное определение, так как она также видится как совокупность синтаксического, просодического и смыслового типа. Однако в определении просодические критерии превалируют над остальными. (Подлеская & Кибрик 2007: 5; Кибрик и др. 2009b: 55–64; см. также Кибрик & Подлеская 2006; Коротаев 2015.) Хотя ЭДЕ и имеет свои особенности в сравнении с КЕР, они во многом сходны. Ср. также достаточно близкое понятие «синтагма», которое можно определить как минимальную коммуникативную и интонационную единицу, – например, предложение или фраза (см., например, Степанов 2008: 47–48; ср. также Kärkkäinen et al. 2006: 84 и указанные там источники).

³¹ Визуальные и семантические признаки также играют свою роль (подробнее см. Auer 1996: 58; ср. также Ford et al. 1996: 429, 434–435).

единицы языка могут составлять целое? При решении данной задачи, помимо синтаксиса и просодии, важную роль играет прагматика. Другими словами, контекст определяет условия для формирования КЕР и реплик. Таким образом, КЕР должна составлять прагматическое целое, т. е. целое с точки зрения отдельных речевых шагов или развертывания дискурса в целом. (Schegloff 1996a: 55–60; Routarinne 2003: 64–65; VISK § 1004; ср. также Sacks et al. 1974: 702–704, 716, 720–722; Auer 1996: 58–61; Ford & Thompson 1996: 150–157; Ford 2004.)

Собеседники видят прагматические признаки, а также опознают ход развертывания дискурса и речевые шаги, которые говорящий совершает или, очевидно, совершит, и возможность их использования при построении последовательных речевых шагов (см., например, Schegloff 1979: 267; Goodwin & Heritage 1990; Raevaara 1997; Auer 2005: 16–24). Данное явление называется **прагматической проекцией** (pragmatic projection, pragmaattinen projektio) (см., например, Lindström 2006; Koivisto 2011: 108; см. также Auer 2005: 8–13; Barth-Weingarten 2009: 144) и основывается на сущности **смежных пар** (adjacency pairs, vierusparit) и **секвенциальной импликации** (sequential implicativeness, sekventiaalin implikaatio) (Schegloff & Sacks 1973: 295–296), а шире – секвенциальности. Под понятием смежной пары понимаются две реплики, из которых первая, т. е. **первый элемент смежной пары** (first pair part, etujäsen), требует относительно сильной реакции, предлагаемой второй репликой, т. е. **вторым элементом смежной пары** (second pair part, jälkijäsen). Типичная смежная пара в нашем материале – это вопрос–ответ. (подробнее см., например, Schegloff & Sacks 1973: 295–296; см. также Heritage 1996 [1984]: 240; Raevaara 1997: 76; Пауккери 2006: 42.) Секвенциальная импликация, в свою очередь, означает, что формирующий речевой шаг уже предполагает, каким, очевидно, будет следующий речевой шаг или в рамках каких речевых шагов он с очевидностью будет совершен (Schegloff & Sacks 1973: 296). Иначе говоря, участники разговора опознают явления, по которым формируется ход разговора во взаимодействии. Он состоит из последовательных речевых шагов, которые образуют секвенции, т. е. речевые шаги, соединяющиеся друг с другом различными способами (там же; Schegloff 1979: 267; Raevaara 1997: 75; Auer 2005: 8–10, 16–17, 27–28; см. также Koivisto 2011; о разнообразных типах

последовательности речевых шагов см., например, Sacks 1974; Heritage 1996 [1984]; Schegloff 2007).

Кроме прагматических признаков собеседники опознают и синтаксические структуры (types of turn-constructual units, rakennekaavat), т. е. **синтаксическую проекцию** (syntactic projection, syntaktinen projektio) (Sacks et al. 1974: 702–703, 719–723; Auer 2005: 13–16; ср. также Schegloff 1979; Auer 1996; 2009; Ford & Thompson 1996; Routarinne 2003: 23–24; Ford 2004; Koivisto 2011). К синтаксической проекции в русском языке относятся, в частности, правила управления, согласования и примыкания (см., например, КРГ § 343–424; ср. также Хуршудян 2006; Алексиева 2007: 277; Подлесская & Кибрик 2009: 184–187; см. также в немецком языке Auer 2005: 14, 27). В начале реплики существует много вариантов, как закончить КЕР, но по мере того, как слово за словом разворачивается высказывание, нарастает возможность предвосхищения того, что требуется для окончания КЕР (Routarinne 2003: 24, 110–116; см. также Sacks et al. 1974: 702–703, 719–723; Schegloff 1979; Auer 2005: 13–16; 2009). Как полагается в работе П. Ауера (Auer 1996: 58–60), говорящий достигает возможного окончания КЕР, когда структура сообщения становится синтаксически независимой, т. е. она уже ничего не проецирует.

Когда речь идет о просодических признаках, в русском языке главную роль играет интонационный контур. Он является важным показателем того, когда КЕР может быть завершенной или незаконченной. (подробнее см. Брызгунова 1978; ср. также Коротаев 2018; см. также в других языках, например, Sacks et al. 1974: 721–722, 732; Auer 1996: 68–86; Ford & Thompson 1996: 145–149 и указанные там источники; Schegloff 1996a: 59, 62; Hakulinen 1997b: 43; Routarinne 2003: 162–235.) В русском языке еще одним просодическим признаком, указывающим на незавершенность КЕР, является подхват следующей КЕР, что, разумеется, имплицитно желает говорящего продолжить (подробнее в русском языке см. Ринне 2006: 89; в других языках Sacks et al. 1974: 731–732; Schegloff 1982: 76; 1996a: 93–94; Hakulinen 1997b: 38).

Как уже было отмечено, границы КЕР и окончание реплики имеют множество разнообразных маркеров (в частности, прагматических, синтаксических и просодических). Нередко данные маркеры указывают на один и тот же фактор, например, они могут имплицитно, что КЕР является завершенной, и тогда можно

говорить о том, что возможное место смены говорящего является комплексным (complex) (подробнее см. Ford & Thompson 1996: 153–157; ср. также Auer 1996: 58). Однако имеются и случаи, в которых данные признаки противоречат друг другу. Например, КЕР может быть завершена синтаксически, но не интонационно и не прагматически (Ford & Thompson 1996: 153–156; см. также Schegloff 1982: 76; Auer 1996; Aho & Yli-Luukko 2005: 202–206 и указанные там источники). Следовательно, синтаксические намеки сами по себе не являются приемлемыми признаками окончания КЕР (Ford & Thompson 1996: 155, 172).

Пример 7 иллюстрирует проблематику определения КЕР в ситуации, когда прагматические, синтаксические и просодические признаки указывают на разные факторы. Пример наглядно показывает соотношение между этими тремя критериями (см. в японском языке Tanaka 1999: 82–84).

(7) «Как это было»

01	В/ОШ:	<i>a:→ нэ а вот вспомните?=</i>
02		<i>=какие ощущения (0.4) [.xx]</i>
03	НАП-Р:	<i>[всё-]таки я ещё себя?</i>
04		<i>в то время? (0.3) .xx выезжая на Олимпийские ихры;=</i>
05 >		<i>=чувствовала себя новичком.</i>
06		<i>(0.2)</i>
07		<i>.xx (.) потому что#о:# (0.2) э::→ веду↑щей в то время;</i>
08		<i>(.) .xx (.) и не то↑лько в то время;=но на протяжении э</i>
09		<i>э::→ (.) #э:→# (0.3) полутора десятков лет?</i>
10 >		<i>(.) .xx была?=неувяда↑емая Нина Яковлевна Думбадзе;</i>
11		<i>(.) .xx и вот °э° на эти Олимпийские ихры?</i>
12		<i>.xx (.) я конечно ехала?=за (0.4) широ↑кой спиной;=</i>
13 >		<i>=этой прославленной спортсменки?</i>
14		<i>.xx (.) и <думать о том;=что я должна (0.3)</i>
15		<i>выихрать?> .xx я просто:→ э считала бы; э:→</i>
16 >		<i>нетактичным.</i>
17		<i>(.)</i>
18		<i>.xx (.) потому что вы↑ихрать её;=практически было</i>
19 >		<i>@невозмож[но.]@ ((произносит по слогам))</i>
20	В/ОШ:	<i>[что] не было даже ма↑ленькой надежды?=</i>
21	НАП-Р:	<i>=не:т↑ нет нет.=</i>
22	В/ОШ:	<i>=и что↑ же всё-таки?=давайте вспомним.---</i>

Как известно, для русской речи характерно, что для выражения завершенности в повествовании говорящий употребляет нисходящую интонацию, ИК-1 (подробнее см. Брызгунова 1978: 16–19). В нашей расшифровке нисходящий контур интонации выражается при помощи

точки (.) (подробнее см. Список символов и условных обозначений для расшифровки материала). Все остальные варианты подразумевают, что говорящий намерен продолжить реплику. Точек нисходящего контура в примере 7 в строках 3–19 всего 3 (в конце строк 5, 16, 19). В данных точках КЕР являются завершенными с точки зрения синтаксиса. Однако с точки зрения прагматики они немного отличаются друг от друга.

Как полагают С. Э. Форд и С. А. Томпсон (Ford & Thompson 1996: 150–151), прагматическое окончание может быть локальным (local) и глобальным (global).³² В случае локального прагматического окончания у говорящего еще есть право продолжать, так как он еще не завершил речевой шаг, который начал. Однако в локальной точке окончания адресату предлагается возможность кратко прокомментировать уже сказанное, включая указание на понимание, интерес к сказанному или призыв к продолжению. (там же: 150; подробнее о реактивных репликах в русском языке см. Пауккери 2006; Paukkeri 2010.) Как подчеркивают С. Э. Форд и С. А. Томпсон (Ford & Thompson 1996: 150), речь идет о кратких репликах, которые не дают права слова (non-floor-taking turns). На наш взгляд, первые два окончания (в конце строк 5, 16) входят в данную категорию на том основании, что их прагматическая проекция еще не завершена. Второй тип прагматического окончания, т. е. глобальное окончание, заключается в том, что речевой шаг в целом является для говорящего завершенным. Другими словами, продолжение речи говорящего, например, рассказывание, уже не проецируется. (там же: 151.) Такая ситуация имеется и в нашем примере в конце строки 19, и, как видно, ведущий предполагает свое завершение ответа гостю в форме догадки (candidate understanding, ymmärrysehdokas/-tarjokas/-tarjous), т. е. он предлагает свое толкование ситуации, которое собеседник должен подтвердить или опровергнуть (см. Schegloff et al. 1977: 376–379; Schegloff 1996a: 67; Sorjonen 1997: 131; ср. также, например, Berg 2003; VISK § 1207; Koivisto 2011) (строка 20), а после этого выражает призыв к новому речевому шагу (строка 22).

В данном примере имеются и случаи, в которых КЕР завершена только синтаксически. В нашем примере таких случаев только два

---

³² Данное разделение имеет, по мнению авторов (Ford & Thompson 1996: 175), много общего с понятиями «открытая единица дискурса» (open discourse unit) и «закрытая единица дискурса» (closed discourse unit), представленными Х. Хауткоп и Х. Мазеланд.

(строки 3–19, в конце строк 10, 13). Кроме того, как уже было отмечено выше, при помощи интонации говорящий также может указать на то, что его реплика является незавершенной. На основе нашего анализа можно утверждать, что в обоих случаях, т. е. когда КЕР завершена только синтаксически или представляет собой интонационную конструкцию, указывающую на незавершенность, собеседник может произнести краткую реактивную реплику. С точки зрения прагматики речь тогда идет о локальном окончании.

В русском языке прагматика играет большую роль в определении границ КЕР, если речь не идет о праве собеседника на реактивные реплики (ср. о знаменательной роли прагматики в японском языке Tanaka 1999: 83–84). Кроме того, как мы увидели, свою роль играют также синтаксис и интонация (ср. Ford & Thompson 1996: 153–157, 172). Отсюда следует, что в расшифровке нашего материала, когда речь идет о многосоставных репликах, содержащих множество КЕР, каждая КЕР занимает отдельную строку по крайней мере, когда синтаксические, интонационные и прагматические признаки указывают на завершенность, в частности, комплексного и глобального типа, а также весьма часто и локального типа. Возможно, что не все три параметра указывают на завершение, однако мы рассматриваем данную речевую единицу как КЕР (см., например, КЕР, которые в вышеуказанном примере не являются завершенными с точки зрения прагматики или интонации). Если в таких положениях встречаются маркеры хезитации, то они считаются находящимися между КЕР и анализируются как признаки более масштабной проблемы производства речи (или взаимодействия), чем поиск одного слова.

Подводя итог, можно сказать, что реплика в данной работе всегда является реализацией, порцией речи одного говорящего или, по крайней мере, ориентированием того или иного участника взаимодействия. По нашему мнению, если КЕР является завершенной с точки зрения прагматики, синтаксиса и просодии, она может трактоваться как реплика. Однако, когда данная речевая единица завершена только по некоторым отдельным критериям, она считается КЕР, а именно потенциалом, так как даже такие единицы могут вызывать краткие реакции собеседника.

Соотношение между репликой и КЕР можно проиллюстрировать при помощи следующей схемы:

Говорящий: КЕР (+ КЕР + КЕР + КЕР + ...) = реплика

Собеседник: КЕР (+ КЕР + КЕР + КЕР + ...) = реплика

Необходимо также кратко описать принципы управления сменой ролей. На то, как могут формироваться реплика и КЕР, влияют, как мы уже увидели, не только их синтаксические и просодические признаки и секвенциальное положение, но и общие правила смены ролей, предложенные Г. Саксом и его коллегами (Sacks et al. 1974: 702–706, 726; см. также Hakulinen 1997b: 45–47; Koivisto 2011: 26–27). Г. Сакс с коллегами (Sacks et al. 1974: 704–706) представляет принципы, согласно которым выбирается следующий говорящий в ситуации, когда настоящий говорящий достиг в своей реплике возможного места смены говорящего. Принципы переговоров осуществляются в следующем порядке. Если говорящий желает, он может строить свою реплику таким образом, что он сам выбирает следующего говорящего. Если так не происходит, то тот, кто первым начинает реплику, получает право слова. Если собеседник не берет право слова, то первоначальный говорящий может продолжить говорить до следующего возможного места смены говорящего (и до того момента, когда действительно происходит смена ролей между собеседниками). В этом случае снова соблюдаются вышеуказанные принципы в том же самом порядке. (там же.) Однако здесь необходимо подчеркнуть, что, когда речь идет не о диалоге, а о разговоре, в котором участвует более двух собеседников (*multi-party conversation*, *monenkeskinen keskustelu*), то управление сменой ролей является более сложным (см., например, Londen 1997: 57–61). В такой ситуации может возникнуть, например, борьба за то, кто будет говорить следующим (там же: 57–58). В нашем материале одна из телевизионных программ представляет собой беседу более чем двух участников. Следует также подчеркнуть, что в нашем материале в управлении сменой ролей значение имеет институциональность (см. п. 3.2).

3.2 Развертывание дискурса и связанные с этим явления с точки зрения местоположения хезитации

Как мы увидели в параграфе 1.3 в КА и ИЛ, все черты взаимодействия и социальной действительности понимаются как организованные и отражающие устойчивые и общепринятые структуры, которые также сознательно или несознательно опознают и используют собеседники. Таким образом, взаимодействие – не только с точки зрения управления сменой ролей и структуры реплики и КЕР (ср. п. 3.1), – а на всех его

уровнях, например, в последовательности речевых шагов, а также в рамках институциональной интеракции и нередко в общей структуре разговора всегда является для собеседников, по крайней мере, в какой-то степени предвидимым (см., например, Schegloff & Sacks 1973: 296; Sacks et al. 1974: 702–709, 718–722, 727; Ford et al. 1996; Peräkylä 1997; Ford 2004: 29, 37, 43–44).³³

В настоящем параграфе рассматриваются некоторые предвосхищающие элементы взаимодействия, а именно развертывание дискурса, которое играет важную роль в нашем практическом анализе. Таковыми являются проекция синтаксического типа, секвенциальность, в том числе преференциальность, а также институциональность, включая особенности телевизионной беседы.

Под понятием проекции понимается возможность предвосхищения. Когда проекция основывается на ходе разговора, или точнее, на последовательности речевых шагов, то речь идет о прагматической проекции, а синтаксическая проекция, в свою очередь, опирается на синтаксические структуры. (подробнее см. п. 3.1.) Речь, как правило, развертывается по своей **главной линии**³⁴ (*puheen päälinja*) (подробнее см. п. 3.3), при этом она следует прагматической и синтаксической проекции (см., например, Sorjonen 1997: 113; Duvallon & Routarinne 2001: 132–151; Routarinne 2003: 69–75, 80–87). Однако, как подчеркивает П. Ауер (Auer 2005: 16; см. также 2009), степень прагматической и синтаксической (или по терминологии автора – грамматической)³⁵ проекции может меняться. Точнее, степень обоих типов проекции образует континуум (Auer 2005: 16). Поскольку для нашего анализа степень синтаксической проекции является более важной, мы сосредоточимся на ее рассмотрении.³⁶

³³ Хотя в разговоре можно предвидеть многое, при этом он на каждом этапе является открытым для различных возможностей (*contingency*) (см., например, Schegloff 1996b: 10–12, 21–22; Ford 2004; Fox 2007; ср. также Tainio 1997: 104–105; Routarinne 2003: 110–116). В связи с этим нельзя не согласиться с Э. А. Щеглоффом (Schegloff 1996b: 22) в том, что открытость интеракции – это ее преимущество.

³⁴ Употребляется также термин «основная линия» (см. Подлесская & Кибрик 2009: 211–215).

³⁵ Мы будем употреблять термины «синтаксическая проекция» и «грамматическая проекция» синонимически.

³⁶ Примером весьма сильной проекции прагматического типа, встречающейся и в нашем материале, является речевой шаг вопроса, который ожидает ответа (Auer 2005: 16; см. также Schegloff & Sacks 1973: 295–296; Heritage 1996 [1984]: 240; Raevaara 1997: 76–77). Что касается слабой прагматической проекции, согласно П. Ауеру (Auer 2005: 16), речевой шаг проецирует речевой шаг, имеющий множество возможных вариантов.

Согласно П. Ауеру (Auer 2005: 16), грамматическая проекция является особенно сильной, когда в речи встречается предлог. В русском языке, как мы уже отмечали (см. п. 3.1), управление, согласование и примыкание представляют собой чрезвычайно сильную проекцию. Другой конец континуума – это некоторые союзы, например, *und* 'и', 'а' и *oder* 'или', которые дают все возможности для продолжения речи (там же). С другой стороны, открытость (см. сноску 33) для различных возможностей может оказывать влияние на осуществление проекции в сравнительно неожиданных положениях КЕР и реплики, так как даже чрезвычайно сильная синтаксическая проекция не всегда осуществляется или же задерживается до ее исполнения (см., например, Routarinne 2003: 110–116; Ford 2004: 42; Auer 2005: 18–22, 25–27; см. также Duvallon & Routarinne 2001: 132–134, 145; Подлесская & Кибрик 2009: 213–216). Задержка продвижения по синтаксической (а также одновременно – по прагматической) проекции (или иногда даже уничтожение синтаксической проекции) встречается также, когда во взаимодействии имеется какой-либо маркер хезитации. При сравнении синтаксической и прагматической проекции нередко уничтожается именно синтаксический тип проекции (Auer 2005: 25–27; см. также Гаспаров 1978: 77–78). Одной из причин этого явления автор (Auer 2005: 27) считает ограниченный объем памяти (подробнее см. п. 2.1) на том основании, что, по данным психолингвистических исследований, человек лучше запоминает содержание, чем форму речи (см. Duvallon & Routarinne 2001: 145; Routarinne 2003: 155).

Степень проекции, в частности, синтаксического типа является одним из важнейших инструментов нашего анализа, благодаря тому, что ее можно использовать для подведения итогов о проблеме производства речи. Если какой-либо маркер хезитации встречается в точке сильной синтаксической и, как правило, также прагматической проекции, то проблема производства речи нередко заключается в поиске слова или какой-либо конструкции (подробнее см. п. 5.4). Если синтаксическая проекция является слабой, то проблема, вероятно, имеет более масштабный характер (подробнее см. пп. 5.2 и 5.3). Другими словами, говорящий колеблется, что сказать или как сформулировать свою мысль. В свою очередь, когда прагматическая проекция является достаточно слабой, то возможно, что хезитация больше всего отражает проблему именно взаимодействия, например,

собеседники могут вести переговоры о направлении развертывания дискурса (подробнее см. п. 5.2.6).

Поскольку явление **секвенциальности** (sequentiality, sekventiaalisuus), т. е. последовательности речевых шагов, возникает вследствие того, что речевые шаги, по крайней мере, каким-то образом проецируют следующие речевые шаги, следует рассмотреть, что такое **речевой шаг** (action/activities, toiminto) и **развертывание дискурса**³⁷ (деятельность) (activity, toiminta) (о терминологии см., например, Schegloff & Sacks 1973; Sacks et al. 1974; Heritage 1984; 1996 [1984]; Schegloff 2007; в русском языке Пауккери 2006). Развертывание дискурса, как правило, понимается как явление более широкое, чем речевой шаг. Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, реплика может содержать более одного речевого шага. К речевым шагам в рамках КА относятся, например, вопросы, ответы, приглашения и даже рассказы. Термин «развертывание дискурса», в свою очередь, указывает на совокупность речевых шагов. Кроме того, он употребляется и когда разговор и взаимодействие рассматриваются на более абстрактном уровне. (см., например, Schegloff & Sacks 1973; Heritage 1996 [1984]; Пауккери 2006; Koivisto 2011; Niemelä 2011.) В данной работе чаще употребляется термин «развертывание дискурса», так как наш материал является институциональным (подробнее см. ниже) и реплики в нем длинные. Это приводит к тому, что количество речевых шагов в реплике также нередко составляет более одного и эти речевые шаги следуют друг за другом без четких границ. В связи с этим термин «развертывание дискурса» зачастую лучше характеризует прагматический контекст возникновения хезитации, чем «речевой шаг».

Помимо последовательности речевых шагов, особое свойство секвенциальности, **преференциальная организация** (preference organization, preferenssijäsennys), т. е. организация предпочтения, также является важной с точки зрения нашего анализа. Под ней понимается

³⁷ В русском языке нет адекватного перевода данных терминов. Мы используем в данной работе менее точные термины: «речевой шаг», под которым подразумевается одно «действие» и «развертывание дискурса», или «ход разговора», что подразумевает «деятельность» в более широком значении. Кроме того, английские и финские термины употребляются не совсем точно. Например, в финском чередуются термины «toiminto» 'действие' и «toiminta» 'деятельность', тогда как в английском употребляется «action» 'действие'. (ср., например, Heritage 1984: 245, 271; 1996 [1984]: 240, 267; ср. также Sacks et al. 1974; Niemelä 2011.)

выбор второго элемента (а иногда и первого элемента)³⁸ смежной пары (см. п. 3.1) из двух противоположных, т. е. **предпочтительных** (preferred, preferoitu) и **непредпочтительных** (dispreferred, preferoimatton) альтернатив. Иначе говоря, предпочтительная альтернатива является в данном секвенциальном положении ожидаемой и непроблематичной. Например, в случае просьбы предпочтительным речевым шагом является именно согласие, а непредпочтительным – несогласие. (Levinson 1983: 307–308, 336; Heritage 1996 [1984]: 261–263; см. также Tainio 1997: 93–94; Пауккери 2006: 43–44.) Как отмечается в работе Л. Тайнио (Tainio 1997: 110), согласие во взаимодействии как более широкое явление касается всех черт взаимодействия, например, от выбора темы до особых языковых выборов. Таким образом, можно говорить о **согласии в том направлении развертывания дискурса**, которое предложил собеседник (alignment, samanlinjaisuus), или, когда оно отсутствует, – об **отклонении от данного направления развертывания дискурса** (или от речевого шага) (disalignment, erilinjaisuus) (см., например, Mälkä 2008; Niemelä 2011; Mikkola 2014; подробнее см. гл. 5, особенно пример 55, п. 5.3.5.1).

Как хезитация связана с преференциальной организацией? Различные типы хезитации имплицируют именно непредпочтительность речевого шага. Точнее, реплика, которая будет непредпочтительной, как правило, имеет в начале, а нередко и везде, разнообразные элементы речи, указывающие на хезитацию, смягчение и осторожность, и таким образом говорящий может дать понять, что сам речевой шаг является некоторым образом спорным.³⁹ (Levinson 1983: 307–308, 334–335; Heritage 1996 [1984]: 261–275; Tainio 1997: 96–104; см. также Jefferson 1974: 194; Davidson 1984: 103–104, 109–110; Gardner 2001: 90–91; Davis & MacLagan 2010: 197; Schegloff 2010: 141–

³⁸ Например, просьба может быть сформулирована так, что ее даже не требуется представлять, если собеседник выступает с предложением по собственной инициативе (Levinson 1983: 343, 355; Tainio 1997: 106–108).

³⁹ Другими чертами непредпочтительных вторых элементов смежной пары являются, например, пояснения (accounts, selittely), осложненная структура реплики (complexity, monipolvisuus), которая будет результатом того, что в непредпочтительной реплике присутствует, как правило, множество различных элементов (таких как, например, цепочки хезитации, просьбы о прощении, задержки и смягчения). Кроме того, как правило, непредпочтительный второй элемент смежной пары начинается позже, чем его предпочтительный вариант. Между репликами нередко встречаются паузы. (Levinson 1983: 307–308, 333–335; Heritage 1996 [1984]: 261–275; Tainio 1997: 96–104; см. также Schegloff 2010: 141–143.)

143; подробнее см. гл. 5, особенно примеры 49 и 50, п. 5.2.6.3.) Следовательно, предпочтение и не предпочтение являются преимущественно структуральными свойствами взаимодействия, и их можно отличать друг от друга именно по этим критериям (Levinson 1983: 307–308, 334–335; см. также Heritage 1996 [1984]: 263; Tainio 1997: 94–96).

Преференциальная организация сильно институционализована, а также связана с **сохранением лица**⁴⁰ (face-work, kasvojen ylläpito) (см. Goffman 1967: 5–45; Brown & Levinson 1978; см. также Heritage 1996 [1984]: 264) в щекотливых ситуациях (Heritage 1996 [1984]: 264, 271–275; см. также Tainio 1997: 102, 106–108). Речевые шаги, которые угрожают лицу собеседника или самого говорящего, являются нередко не предпочтительными, а отсюда следует, что они содержат, помимо других признаков не предпочтения, например, маркеры хезитации, которые, как правило, видятся как смягчители угрозы и играют роль в сохранении лица (Heritage 1996 [1984]: 271–275; Tainio 1997: 102, 106–108; ср. также Jefferson 1974: 194–196; Brown & Levinson 1978: 62; Levinson 1983: 343, 355–356; Simpson 1994: 98–103; Шмелев & Протасова 1998; Fischer 2000: 161–162).

Кроме того, отмечается, что в репликах, которые могут угрожать лицу говорящего, имеется множество возможных мест смены говорящего. Когда речь идет, например, о предложении, в реплике встречается множество мест, в которых собеседник может выразить одобрение, а говорящему предлагаются разные положения, чтобы сделать свое предложение более привлекательным (Davidson 1984: 104–107, 115–124; Heritage 1996 [1984]: 272–275). Такие возможные места смены говорящего называются **местами наблюдения** (monitor

---

⁴⁰ «Лицо» (имидж) – понятие, разработанное Э. Гоффманом. Оно понимается как совокупность положительных социальных ценностей, которые человек сам создает на основании своего коммуникативного и социального поведения во взаимодействии и которые другие, возможно, разделяют (Goffman 1967: 5). П. Браун и С. Левинсон (Brown & Levinson 1978) развивали идеи лица Э. Гоффмана. По их мнению, у каждого человека имеется как положительное, так и отрицательное лицо. Положительное лицо является желанием человека получить признание и одобрение от других людей. Отрицательное лицо понимается как потребность человека быть самостоятельным и независимым от других. (там же: 64–67.) Речевыми шагами против положительного лица собеседника являются такие ситуации, в которых говорящий не заботится о чувствах и нуждах собеседника, например, выражение неодобрения, критики, несогласия и упоминание табуированных тем (там же: 71–72). Деятельность, ограничивающая свободу действий адресата, включает в себя, например, приказы, просьбы, советы и предположения (там же: 70–71).

spaces, tarkkailutilat), в которых говорящий может наблюдать, что происходит или не происходит в тот момент, когда КЕР доходит до конца, т. е. уже ничего не проецирует с точки зрения синтаксиса, просодии и прагматики (Davidson 1984: 117–124; см. также Heritage 1996 [1984]: 274; Ford 2004: 34). Для мест наблюдения характерно наличие редундантных компонентов, в частности, переформулировки уже сказанного (Heritage 1996 [1984]: 274; см. также Davidson 1984: 117–124). Другими словами, данные положения являются точками, в которых предлагаются возможности для переговоров о направлении развертывания дискурса (см. п. 5.2.6; ср. также Ford 2004: 34 и указанные там источники).

Теперь рассмотрим роль хезитации в сохранении лица собеседника (и в преференциальной организации). Если употребление данных маркеров является значительно институционализированным в щекотливых ситуациях, наши методы исследования не могут дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, испытывает ли говорящий в таких ситуациях затруднения, связанные с производством речи или взаимодействием, а также являются ли данные элементы всего лишь устоявшимся средством указания на непредпочтение или сохранение лица. Однако в данной работе мы будем рассматривать и случаи, в которых маркеры хезитации встречаются в окружении непредпочтения (и угрозы лицу), ввиду того, что мы не можем однозначно утверждать, что они не имеют никакой связи с проблемами производства речи или взаимодействия. На наш взгляд, именно совершение спорного/непредпочтительного речевого шага может вызвать хезитацию, так как говорящий, возможно, хочет подобрать слова тщательнее, чем обычно, чтобы создать впечатление вежливости (ср. Sorjonen 1997: 119–120; Шмелев & Протасова 1998; Etelämäki & Jaakola 2009: 198–199). Для таких секвенциальных положений, однако, характерно наличие разных типов хезитации (сравнительно часто – цепочек хезитации), которые встречаются во многих местах по отношению к репликам и КЕР (см. гл. 5).

Здесь мы рассмотрели только некоторые элементы, связанные с последовательностью речевых шагов, а именно преференциальной организации, которые важны для нашей работы. Помимо вышеописанных явлений, для нашего исследования важно понятие институционального взаимодействия и, прежде всего, интервью и телевизионной беседы. В большинстве случаев присутствуют смежные

пары типа вопрос–ответ, а преференциальность/непреференциальность (предпочтение/непредпочтение) можно главным образом встретить во вторых элементах смежной пары, а именно в ответах (или в их задержках, подробнее см. п. 4.9).

Под понятием институционального разговора в рамках КА понимается такое взаимодействие, в котором участники разговора выполняют особые институциональные задачи (см., например, Drew & Heritage 1992: 3–5; Drew & Sorjonen 1997: 92–94; Peräkylä 1997: 177). Таким образом, наш материал, т. е. телевизионные беседы, являются институциональными на том основании, что в них тележурналисты исполняют свои обязанности, а гости часто представляют какие-либо институты (Nuolijärvi & Tiittula 2000: 13). Однако институциональность не рассматривается как устойчивая внешняя рамка разговора, она является внутренним, местным феноменом, который участники оживляют своей речью и который формируется во время разговора (Heritage 1996 [1984]: 288, 290; Drew & Sorjonen 1997: 92; см. также Drew & Heritage 1992: 3–4, 20–25; Peräkylä 1997: 180, 203; Рогозин & Яшина 2007: 88).

По мнению П. Дрю и Дж. Херитиджа (Drew & Heritage 1992: 22–25), **институциональность** обладает тремя измерениями, которые оказывают воздействие на разговор. Первое из этих измерений – это цельность разговора, которая уже была упомянута выше при определении институционального разговора. Второе – в разговоре могут иметься ограничения на участие. Третье – участники разговора ориентируются на институциональность, и она может иметь влияние на толкование ситуации. (там же.) Эти три фактора могут управлять не только организацией смены ролей, но и схемой секвенций, включая влияние реактивного речевого шага на предыдущую реплику и исправления, а также выбор слов и средств описания (там же: 29–38; см. также, например, Drew & Sorjonen 1997: 99–106; Peräkylä 1997: 180–191; Nuolijärvi & Tiittula 2000: 101–104, 115, 144–180; Попова 2002; Рогозин & Яшина 2007). П. Дрю и Дж. Херитидж (Drew & Heritage 1992: 28–53; см. также Peräkylä 1997: 180–182) рассматривают признаки, которые согласно исследованиям являются характерными именно для институциональных разговоров и, как пишет А. Перякюля (Peräkylä 1997: 180), в которых повторно наблюдается «отпечаток институции». Согласно А. Перякюля (там же), часть данных признаков влияют друг на друга и пересекаются между собой. Так как эти

признаки институциональности оказывают значительное влияние на наш анализ, рассмотрим их более подробно с помощью двух примеров из нашего материала.

(8) «Как это было»

- 01 В/ОШ: добрый вечер. (п) .xx в эфи↑ре программа? Как это было.
 02 .xx в тыся↑ча девяно↑с↑то пятьдесят↑ втором году.
 03 .xx после сороколет↑него перерыва советские
 04 спортсмен↑ы готовились?=выступить на Олимпийских
 05 ±игр±ах.
 06 .xx один из немно↑гих людей.=которые знали какой
 07 политический смысл?=вкладывало руководство СССР в
 08 учас↑тие советских спортсменов в Олимпиаде? .xx был
 09 <Влади↑мир Ефи↑мович Семи±част±ный.>=тогда? (п)
 10 секретарь↑ ЦК ВЛКСМ? (п) член руководства советской
 11 >спортивной делега↑цией< на <Олимпийских? играх?
 12 в Хельсинки.>=
 13 =и вот сегодня? .xx он гость? (п) нашей студии.
 14 (п)
 15 >скажи↑те пожалуйста.<=а: кто↑ был инициатором.
 16 (0.6) а:→ поездки нашей сборной? (0.2) э:→ в
 17 Хельсинки?=
 18 ВЕС: =э:→ главная инициатива принадлежала м:→ тогда---

(9) «Про это»

- 01 В/ЕХ: .xx а↑ что вы почувствова#ли#. .xx когда после
 02 операции?=впервы↑е увидели себя в зерка#ле#. (1.2) / ((шум))
 03 Т: .xx а: я↑ почувствовала что жизнь кончена(х)?
 04 (0.6)
 05 ну как было просто очень (м / !) (1.4) оби↑дно
 06 что#:→# (0.7) >жизнь так ко↑нчилась а я-то как бы ещё
 07 жива↑ и физически я жива(х).<
 08 (0.1)
 09 .xx но я больше никто↑ и ничто.
 10 >тем более я была лы↑сая совершенно.=
 11 =волосы (-) постриг↑ли так как там кровь↑ запеклась;=
 12 =и всё< .xx (.) #а:→# (0.2) лицо чёрное?=
 13 =потом #м:.# ножки нет?
 14 (0.3) .xx (0.2) ((шум)) (0.2) а#:э→# (0.3) ра↑ньше (0.8) до
 15 ампутации? (0.2) м я была бабочк°ам:°
 16 вокруг были одни поклонники?=
 17 =ну: .xx (0.2) две↑сти три↑ста мужчин(х)?
 18 .xx=
 19 В/ЕХ: =вы были популяр↑ной девушкой.=
 20 Т: =д(х)а. .xx ездила на мотоциклах?
 21 .xx (0.3) м[:→ я не ду]мала о завтрашнем дне?=
 22 [°угу.°]
 23 В/ЕХ:

Эти примеры иллюстрируют вышеприведенное утверждение о том, что институциональные рамки взаимодействия нередко оказывают влияние на схему секвенции. Точнее, строение смежных пар и других секвенций может содействовать выполнению институциональных задач (Peräkylä 1997: 181). Как правило, в телевизионной беседе нередко встречаются секвенции вопроса тележурналиста и ответов гостя (см., например, Heritage & Greatbatch 1991: 97–98; Рогозин & Яшина 2007). Например, в работе М. Берг (Berg 2003: 58–66; см. также Heritage & Roth 1995: 39–41) отмечается, что в телевизионной беседе перед вопросом тележурналиста, т. е. перед первым элементом смежной пары, нередко встречается предсеквенция (pre-sequence, esisekvenssi), введение (preface⁴¹, johdatteluosio), в котором содержатся обстоятельства и мотивация для последующего вопроса. Следовательно, вопросительные реплики, также содержащие предсеквенцию, часто являются сравнительно длинными и формируются из многих КЕР (Berg 2003: 49–51, 58, 65; см. также Heritage & Roth 1995: 37–41; Hakulinen 1997b: 54). Таким образом, речь идет об институциональной особенности формулировки целостной реплики (см., например, Drew & Heritage 1992: 34–36; Peräkylä 1997: 181, 191–197). Также в примере 8 наблюдается такая процедура: тележурналист представляет гостя, а также обстоятельства телевизионной беседы, мотивацию приглашения именно этого гостя и первого вопроса перед тем, как задать вопрос.

Собеседник также ориентируется на наличие многосоставных реплик и не берет слово пока тележурналист не представит единицу речи, которая может быть истолкована как вопрос (Hakulinen 1997b: 54; Berg 2001: 122; 2003: 49–51; см. также Nuolijärvi & Tiittula 2000: 81 и указанные там источники; VISK § 1006). Не только вопросы, но и ответы в телевизионных беседах являются длинными и сложными (Hakulinen 1997b: 54; Berg 2003: 68). От гостя в качестве ответа могут ожидать длинной, многосоставной реплики (Heritage & Greatbatch 1991: 102; Berg 2003: 68; ср. также Рогозин & Яшина 2007: 90). Это видно из примера 9.

Как видно из обоих примеров, и гостю, и тележурналисту известно и они признают, что у них разные задачи, так как институциональный представитель задает вопросы, а собеседник на них отвечает (ср. Drew

⁴¹ Англоязычный термин взят у Дж. Херитиджа (цит. по Berg 2003: 58). Heritage, J. *Turn-taking and the News Interview*. Unpublished manuscript. UCLA, 1996.

& Heritage 1992: 49). Понятно, что ведущий имеет право на управление ходом разговора (ср. Drew & Heritage 1992: 49; Nuolijärvi & Tiittula 2000: 15, 144, 170–172), и, следовательно, роли участников разговора являются асимметричными (asymmetric, epäsymmetrinen) (ср. Drew & Heritage 1992: 47–53; Peräkylä 1997: 181–182; Попова 2002: 27). В рамках телевизионного разговора асимметричность видится, помимо различных прав на управление ходом разговора, в том, что участники нередко имеют разный **доступ** (access, pääsy) к информации (ср. Drew & Heritage 1992: 49–51). Например, в телевизионной беседе (в личном интервью и ток-шоу) это заметно главным образом в том, что именно гость является специалистом в своей профессии, лучше всего знает о своих чувствах и опыте (Nuolijärvi & Tiittula 2000: 15; Ринне 2006: 86–87). Кроме того, асимметричность заключается в том, что для институционального представителя разговор является рутинной, а для гостя (или клиента) эта самая ситуация (возможно) оказывается однократной, исключительной и личной (Drew & Heritage 1992: 50–51; Nuolijärvi & Tiittula 2000: 15–16).

Как полагает М. Берг (Berg 2001: 122), сосредоточиваясь на расспрашивании, тележурналист производит впечатление как бы нейтрального (neutralistic, neutralistinen) собирателя информации, что, по мнению П. Дрю и Дж. Херитиджа (Drew & Heritage 1992: 45–47; см. также, например, Heritage & Greatbatch 1991: 116–118; Nuolijärvi & Tiittula 2000: 155–156), является вместе с **профессиональной осторожностью** (professional cautiousness, ammatillinen varovaisuus) (Drew & Heritage 1992: 45–47) характерным для институционального разговора. Данные признаки заметны, в частности, в примере 9, в котором после того, как гостя дает очень трогательное описание своих чувств и внешности после аварии (строки 4–14), ведущая не проявляет никаких признаков сочувствия, как могло бы происходить в обыденном разговоре (ср. Peräkylä 1997: 181, 191; Nuolijärvi & Tiittula 2000: 152–153). Данное отступление можно рассматривать и с точки зрения выбора реактивного речевого шага, которое, как уже было отмечено выше, является одним из факторов, на который институциональность может оказывать влияние.

Оба эти примера иллюстрируют также то, что некоторые институциональные беседы (Drew & Heritage 1992: 43–45; Peräkylä 1997: 181, 197–202) имеют общую структуру разговора. В телевизионной беседе таковой является **сценарий**, расписание

предполагаемого хода разговора, созданное тележурналистом (Nuolijärvi & Tiittula 2000: 18–19, 135–143; ср. также Степанов 2008: 31). Как правило, «следы» наличия сценария можно заметить в телевизионных передачах (см. Nuolijärvi & Tiittula 2000: 215–220). В примере 8 длительная начальная реплика (aloitus/avaus(puheen)vuoro) устанавливает сценарий будущего разговора, и таким образом создаются рамки для толкования следующих речевых шагов (ср. Berg 2003: 39–42; см. также Nuolijärvi & Tiittula 2000: 190–191). Кроме того, сценарий, как правило, определяет порядок тем разговора и интервью гостей, места инсертов и порядок обращения к возможным зрителям в студии (ср. Nuolijärvi & Tiittula 2000: 135–143).

Представленные в данном параграфе понятия и инструменты анализа являются очень важными для нашей работы. Они помогают (см. гл. 5) в определении секвенциального положения возникновения хезитации. Кроме того, при помощи опознания секвенций и развертывания дискурса можно выяснить возможные причины возникновения хезитации во взаимодействии. Наконец, то, что наш материал состоит именно из телевизионных бесед, обуславливает то, что реплики тележурналиста и гостей сравнительно часто имеют значительную длину. Значит, и большинство случаев хезитации возникает именно в окружении многосоставных реплик. Кроме того, секвенциальное положение нередко имеет признаки непреференциальности.

3.3 Таксономия (само)исправлений и хезитация

Данный параграф посвящен схеме исправления, которая имеет большую важность для нашего анализа. В рамках КА и ИЛ схема исправления включает в себя, как пишет М.-Л. Сорjonen (Sorjonen 1997: 111; см. также, например, Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; Fox et al. 1996; Sorjonen & Laakso 2005), все те речевые шаги и средства, с помощью которых участники разговора обсуждают проблемы, возникающие при производстве, слушании и понимании речи. Важно именно то, как участники разговора маркируют какую-либо точку взаимодействия в качестве исправляемой проблемы и как они ее трактуют (Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; Sorjonen 1997: 112; см. также Sorjonen & Laakso 2005: 244).

Отсюда следует, что в КА и ИЛ никакие элементы речи не толкуются как ошибка (Schegloff et al. 1977: 363; см. также Sorjonen

1997: 112) или отражатель процессирования речи, как в психолингвистике (см., например, Levelt 1983; 1989; Jay 2003; см. также Sorjonen 1997: 111–112; Подлеская & Кибрик 2009: 177–178). Они обсуждаются в качестве маркированных участниками разговора проблемных точек, необходимых для взаимопонимания (Schegloff 1992: 1301; см. также, например, Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; Sorjonen 1997: 112; Brouwer 2003; Sorjonen & Laakso 2005). Однако, как уже было отмечено, в данной работе хезитация рассматривается именно как отражатель процессирования речи, а схема исправления используется как инструмент анализа.

В схеме исправления отмечена следующая таксономия. Во-первых, выделяется то, кто производит стимул к исправлению (коррекции, корректировке) и кто совершает само исправление, т. е. корректирует. Как полагают Э. А. Щеглофф, Г. Джефферсон и Г. Сакс (Schegloff et al. 1977: 364; см. также Schegloff 1979), стимул к исправлению может порождать сам говорящий (self-initiation of repair) или адресат (other-initiation of repair). Оно может быть совершено тем, кто произнес реплику, содержащую проблему, т. е. **самоисправление** (self-repair, itsekorjaus), или адресатом (other-repair, toisen korjaus) (Schegloff et al. 1977: 363–365; см. также Sorjonen 1997; Lilja 2001; Sorjonen & Laakso 2005; подробнее ср. примеры 49 и 50, п. 5.2.6.3).⁴² Согласно авторам (Schegloff et al. 1977: 375–377), на исправление влияет предпочтительная организация (подробнее см. п. 3.2). Самой предпочтительной является ситуация, в которой сам говорящий инициирует и разрешает проблему. Следовательно, речь идет о самоисправлении. (Schegloff et al. 1977: 375–377.) В данной работе этот термин указывает именно на такой тип исправления.

Во-вторых, самосправления могут быть разделены на две группы в зависимости от их направления. Речь идет о **препозитивных** (pre-positioned self-repairs) и **постпозитивных** самоисправлениях (post-positioned self-repairs) (Schegloff 1979: 273). В препозитивных самоисправлениях исправление направлено вперед, так как проблема еще не озвучена. Как правило, говорящий что-либо ищет. Синтаксическая проекция не уничтожается, ее продвижение только задерживается во время решения проблемы. (там же; см. также

---

⁴² Кроме того, во взаимодействии имеются и совместно исправленные конструкции, особенно при поиске слов (см., например, Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; Kurhila 2003; Laakso & Lehtola 2003).

Schegloff et al. 1977: 363; Sorjonen 1997: 113–121; Sorjonen & Laakso 2005: 246.) Нередко речь идет о так называемом **поиске слова** (word search, sanahaku), но может производиться поиск и конструкций более крупного плана и даже смысла или мысли (ср. Sorjonen 1997: 118–121; Kurhila 2003: 139). Однако о таких случаях также нередко говорится как о поисках слова (Kurhila 2003: 139; см. также Sorjonen 1997: 118–119). В настоящей работе мы употребляем данный термин только в тех случаях, когда на самом деле ищется лексический элемент.

Пример 10 иллюстрирует это явление.

(10) «На здоровье»

01 >	НМ:	--->когда люди начинают< (0.9) делить на: м: э
02 >		граммы;= на: на сантиметры;= на: на часы;=
03 >		= на минуты;---

В данном примере мы видим, что говорящий колеблется перед лексическими элементами. Синтаксическая проекция только задерживается, но не уничтожается.

При постпозитивных самоисправлениях говорящий исправляет что-либо уже сказанное. Другими словами, здесь исправление направлено назад. Оно уничтожает синтаксическую проекцию, в связи с тем, что уже сказанное не оставляется нетронутым. (Schegloff 1979: 273; см. также Schegloff et al. 1977: 363; Sorjonen 1997: 114–118; Sorjonen & Laakso 2005: 246.) В примере 11 мы видим, что говорящий замещает конструкцию *с югославской командой* конструкцией *сборной Югославии*.

(11) «Как это было»

01	ВЕС:	=нам пришлось играть с югославской командой?= 02
	В/ОШ:	=°угу.°= 03
	ВЕС:	=э::→ сборной Югославии?

Кроме того, как утверждается в работе Э. А. Щеглоффа (Schegloff 1979: 273; ср. также пример 45, строка 13, п. 5.2.6.1), существуют также смешанные формы самоисправления, в которых самоисправление направлено вперед, т. е. проблемная точка еще не озвучена, хотя при решении проблемы говорящий или повторяет, или переформулирует уже произнесенную единицу речи. Другими словами, структурально речь идет о постпозитивном исправлении, хотя проблема направлена вперед. В настоящей работе такие смешанные формы рассматриваются в качестве постпозитивных самоисправлений, т. е. по структуральным

критериям. Значит, разницу между препозитивным и постпозитивным самоисправлением можно рассмотреть и с точки зрения развертывания речи после возникновения проблемной точки.

Препозитивные самоисправления можно охарактеризовать как имеющие синтагматические отношения с единицей речи, произнесенной до возникновения проблемы. Постпозитивные самоисправления, в свою очередь, имеют парадигматическую связь с тем, что исправляется. Таким образом, можно утверждать, что в препозитивном самоисправлении речь после возникновения проблемы развертывается по синтагматической оси, а в постпозитивном типе – по парадигматической оси. Данное разделение опирается на идею О. Дуваллон и С. Роутаринне (Duvallon & Routarinne 2001) о роли **парентезы**, т. е. вставной конструкции, прерывающей рассказ или другое развертывание дискурса ради выяснения чего-либо (Routarinne 2003: 15, 72, 80, 161) на синтагматической или парадигматической оси главной линии речи.⁴³

В-третьих, постпозитивные самоисправления можно также разделить на типы в зависимости от того, какую операцию они совершают: **замещение** (замена) (replacing an element, korvaus) (см., в частности, пример 11), **добавление** (adding an element, lisäys) (см. пример 70, строка 5, п. 5.4.7) или **отказ от построения начатого высказывания** (abandoning the ongoing utterance TCU and syntactic construction, hylkäys)⁴⁴ (см. пример 45, строка 13, п. 5.2.6.1) (Sorjonen & Laakso 2005: 245–251; см. также Sorjonen 1997: 114–118; Wilkinson & Weatherall 2011). При замещениях говорящий может заменить одну

⁴³ Идея авторов во многом основывается на франкоязычных трудах группы исследователей синтаксиса (GARS) (см. Duvallon & Routarinne 2001: 129). Согласно О. Дуваллон и С. Роутаринне (там же), линейно развертывающаяся речь образуется из единиц, которые, как правило, могут соединяться друг с другом двумя способами. Во-первых, связь может быть синтагматической: единицы речи образуют синтагматические совокупности на основе какого-либо доминирующего синтаксического элемента, например, управления, примыкания или согласования. Можно сказать, что в случае синтагматической связи речь развертывается по синтагматической оси и тем самым продвигается вперед горизонтально. Во-вторых, связь может быть парадигматической, и в этом случае говорящий произносит элементы речи, которые не образуют между собой синтагматических отношений, а имеют одинаковые отношения с другими элементами речи. Данную связь можно описать как продвижение по парадигматической оси, вертикально. Тогда синтагматическое продвижение прерывается в каком-то местоположении, в котором предлагается больше, чем один элемент. Таким образом, по парадигматической оси продвигается перечень. (там же: 129–130.)

⁴⁴ Ср. также понятие «фальстарт» (false start) вне КА и ИЛ (см., например, MacLay & Osgood 1959: 24; Biber et al. 1999: 1062–1063; Подлесская & Кибрик 2009: 187–188).

языковую единицу другой, часто относящейся к той же грамматической и семантической категории. Второй тип, т. е. добавление, включает случаи, когда говорящий добавляет что-либо к уже сказанному. При третьем типе говорящий полностью отказывается от построения начатого высказывания и выстраивает его по-новому при помощи другой синтаксической конструкции.⁴⁵ (Sorjonen & Laakso 2005: 245–251; см. также Sorjonen 1997: 114–118; в русском языке Rinne 2010: 98–101; ср. также Степанов 2008: 139–140.)

Как подчеркивает М.-Л. Сорьонен (Sorjonen 1997: 112; см. также Schegloff et al. 1977: 363–365), исправление рассматривается в КА как процесс, целью которого является решение какой-либо проблемы. Данный процесс называется **фрагментом исправления** (repair segment, korjausjakso), он начинается, когда речь каким-то образом задерживается или прерывается (Sorjonen 1997: 113–121; см. также Schegloff 1979: 273). В этом случае говорящий переходит к вставке-секвенции⁴⁶ (insert sequence, välisekvenssi), т. е. отклоняется от главной линии речи по своего рода боковому пути. После решения проблемы участники разговора возвращаются на главную линию речи, т. е. к тому, что было начато до задержки или прерывания. (Sorjonen 1997: 113, 126; см. также Routarinne 2003: 85.) Следовательно, фрагмент исправления как вставка-секвенция задерживает секвенциальную импликацию, возникшую до данного фрагмента (см. Sorjonen 1997: 126). Рассмотрим пример 12, который наглядно иллюстрирует это явление.

(12) «Как это было»

- 01 > НАП-Р: ---и не толь↑ко в то время;=но на протяжении э
02 > э::→ (.) #э:→# (0.3) полутора десятков лет?---

⁴⁵ Кроме того, в русском языке существует также четвертый тип, так называемый частичный отказ от построения высказывания, в котором говорящий может использовать тот языковой материал, от которого он уже отказался в синтаксическом плане, в процессе построения нового высказывания (Ринне 2009; Rinne 2010: 98–99).

⁴⁶ Кроме вставки-секвенции употребляется также термин «побочная секвенция» (side sequence, sivusekvenssi). Значения данных понятий являются сравнительно сходными, и оба термина указывают на ситуацию, в которой изначальное развертывание дискурса прерывается и затем продолжается после данной секвенции. (см., например, Jefferson 1972: 294; Sorjonen 1997: 113, 126; см. также Laury 2005b: 638; Schegloff 2007: 97.) Другими словами, самоисправление можно рассматривать как такое направление развертывания дискурса, в котором нередко, но не всегда (см. Simpson 1994: 80; Routarinne 2003: 86) участвуют и говорящий, и адресат, и тем самым формируется смежная пара (см., например, Jefferson 1972; Simpson 1994: 80–84; Schegloff 2007: 97).

В своей реплике на главной линии речи говорящий произносит *и не толь↑ко в то время;=но на протяжении*. После этого говорящий колеблется, так как испытывает трудности с поиском выражения отрезка времени. Другими словами, речь говорящего переходит к фрагменту исправления. После хезитации говорящий находит подходящее выражение и возвращается на главную линию речи.

Все типы исправления, т. е. самоисправления и исправления, совершенные адресатом, как принято, классифицированы в рамках КА в зависимости от точки начала фрагмента исправления, т. е. от того, в каком положении произносится стимул к исправлению и от местоположения самой проблемы (*trouble source, ongelmavuoro*). Кроме того, внимание обращается и на то, в каком положении исправление совершается до конца, и тем самым завершается фрагмент исправления. (Schegloff et al. 1977: 365–369, 372–380; Sorjonen 1997: 113–114.)

Возможных точек начала исправления множество, в зависимости от того, что необходимо исправить, речь, понимание или слушание, и кто, говорящий или адресат, создает стимул к исправлению (Sorjonen 1997: 113–136; см. также Schegloff et al. 1977: 365–367, 370–374). При возникновении хезитации речь чаще всего идет именно о проблеме производства речи, и большинство таких случаев являются самоисправлениями. Итак, мы сосредоточимся на представлении их возможных местоположений.

Как уже было сказано выше, наиболее предпочтительной является ситуация, когда говорящий сам исправляет свою речь. При возникновении проблемы производства речи, согласно М.-Л. Сорьонен (Sorjonen 1997: 114; см. также Schegloff et al. 1977: 366), говорящему необходимо совершить самоисправление в той реплике, в которой заключается проблема, так как, если он продвигается дальше, до возможного места смены говорящего, то собеседник может взять право слова. В таком положении совершаются и постпозитивные, и препозитивные самоисправления (Sorjonen 1997: 114–121; см. также Schegloff 1979; ср. пример 4, строки 2–3, п. 2.2). Следующая точка начала фрагмента исправления, а именно самоисправления, находится в возможном месте смены говорящего (Schegloff et al. 1977: 366; Sorjonen 1997: 113, 121–124; см. также пп. 5.2.6.1 и 5.2.6.2).

Когда речь идет об исправлениях, совершенных адресатом, самым первым, а также типичным местом начала фрагмента исправления для

собеседника является реплика, следующая за репликой, в которой заключается проблема (Schegloff et al. 1977: 367; Sorjonen 1997: 113–114, 124–134; см. также Schegloff 1992: 1320–1321). Такие исправления с маркерами хезитации рассматриваются в параграфе 5.2.6.3. В этих ситуациях смешиваются непредпочтительность и отклонение от данного направления развертывания дискурса, которое предложил ведущий (ср. п. 3.2).⁴⁷

Как мы уже отмечали выше, большинство маркеров хезитации нашего материала представляют собой именно самоисправления. Они чаще всего совершены в той реплике, в которой заключается проблема. Кроме того, самоисправления чаще всего направлены вперед и тем самым продвигаются по синтагматической оси. Иначе говоря, речь идет о проблеме, направленной вперед, когда говорящий что-то ищет, например, подходящее слово, конструкцию или фрагмент речи. Однако встречаются и фрагменты исправлений, в которых адресат сам производит исправление (подробнее см. п. 5.2.6.3).

Как хезитация связана со схемой исправления? Маркеры хезитации нередко находятся в начале фрагмента исправления, а также могут являться частями разного рода операций исправления (ср., например, Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; Laakso 1997; Sorjonen 1997; Laakso & Lehtola 2003; Helasvuori et al. 2004). Однако существует один тип исправлений, а именно препозитивное самоисправление, основной предпосылкой которого является проявление хезитации (ср. пример 10). Другими словами, если нет элемента речи, задерживающего продвижение по проекции, то вообще не наблюдается никакого препозитивного самоисправления.

3.4 Структура рассказывания

Данный параграф посвящен инструментам, при помощи которых можно точнее определить местоположение хезитации в

---

⁴⁷ Существуют также другие места для исправлений разных типов, которые, однако, не являются особенно релевантными для нашей работы (подробнее см. Schegloff et al. 1977: 366; Schegloff 1992: 1301–1304; Sorjonen 1997: 113–114, 134–136). Однако пример 11 иллюстрирует явление, при котором собеседник успевает произнести реактивную реплику перед самоисправлением, совершенным говорящим, и самоисправление при этом находится не в возможном месте смены говорящего, а только в третьей реплике (3rd turn, kolmas vuoro) (ср. Sorjonen 1997: 134–135).

многосоставных репликах.⁴⁸ Точнее, речь пойдет об организации рассказывания и связанных с ней явлениях в рамках КА, о внутренней структуре нарратива и о разбивке речи на куски, а также о построении рамок, т. е. заднего плана для переднего плана.

Как уже отмечалось в параграфах 3.1 и 3.2, в телевизионных беседах нередко встречаются многосоставные реплики (ср. Лаптева 2007 [1990]: 17), которые часто имеют признаки рассказывания. Рассказывание в рамках КА понимается как многостороннее явление, и с ним связаны многие черты взаимодействия, включая **рассказываемость** (tellability, kerrottavuus), т. е. причину рассказывания, которая основывается на асимметричном доступе к рассказу между участниками разговора (см., например, Goodwin 1984; Seppänen 1997b: 161; см. также Goodwin 1987; Routarinne 1997: 139, 142). Как правило, требуется наличие чего-то нового или значительного в том, что в данной ситуации сообщается, по крайней мере, некоторым адресатам.⁴⁹ Таким образом, рассказываемость оказывает влияние на то, рассказывается ли что-либо, и на то, каким образом построен рассказ. (Sacks 1992 [1968–1972]: 12–13; 172–173, 233; см. также Routarinne 1997: 142; 2003: 38–39; Ochs & Capps 2001: 34.)

(Секвенциальная) организация рассказывания ((sequential) organization of the telling, (sekventiaallinen) kerrontajäsennys) (термины см., например, Sacks 1974: 337; Routarinne 1997: 139) выделена на основе будничных разговоров, а не только в результате анализа рассказывания (см., например, Jefferson 1978; Sacks 1992 [1968–1972]), в том числе шуток (см. Sacks 1974). Считается, что рассказывание имеет последовательный характер (см., например, Sacks 1974; Jefferson 1978). Рассказывание состоит, как правило, из секвенции введения (preface sequence, johdantojakso/-sekvenssi), в котором предлагается рассказывание, секвенции рассказывания (telling sequence, kerrontajakso/-sekvenssi) и секвенции ответа (response sequence, vastaanottojakso), в котором реципиент предлагает свою оценку рассказанному (Sacks 1974: 340–349; см. также, например, Jefferson 1978; Routarinne 1997: 139–152; 2003: 40–50). Секвенция ответа

---

⁴⁸ Данный параграф во многом (особенно когда речь идет о секвенциальной организации рассказывания и о внутренней структуре нарратива) опирается на нашу публикацию (Laitinen 2013).

⁴⁹ Ср. перерассказы и перерассказывание (Norricks 2000: 67–91), а также совместные воспоминания (см., например, Londen 1997: 69–73; ср. также Norricks 2000: 85–91).

создается реципиентом после того, как в рассказе или рассказывании достигнута точка кульминации (punchline, kertomuksen huipennus/kärki), которая определяется как результат кооперации, и поэтому может стать объектом переговоров (Sacks 1974: 347–353; Jefferson 1978: 243–245; Routarinne 1997: 150–152; 2003: 47–50; см. также Ford 2004: 44–47). Например, если слушающий не опознает в рассказывании такой точки, он не берет права слова (см. п. 5.2.6.1).

Единственным обязательным элементом в рассказывании является именно секвенция рассказывания. Однако, если все упомянутые части встречаются в рассказывании, их взаимный порядок не меняется. (Sacks 1974: 337; Jefferson 1978; Routarinne 1997: 140; см. также Goodwin & Heritage 1990: 299–300.) В нашем материале, который, как уже было сказано (ср. п. 3.2), можно охарактеризовать как институциональное взаимодействие, секвенция введения нередко отсутствует, при этом и гость, и ведущий могут сразу начинать рассказывание, так как оно может быть частью другого типа развертывания дискурса, например, представления гостя или ответа, данного гостем. Кроме того, нечасто встречается и «чистая» секвенция ответа. Точнее, если встречается оценка рассказывания, она представляется сравнительно скудной (подробнее о нейтральном отношении тележурналиста см. п. 3.2), а восприятие рассказывания нередко сливается с другим типом хода разговора, задаваемого тележурналистом, включая переход к представлению новой темы (ср. пример 71, строка 2, п. 5.4.7).

Секвенция рассказывания может быть произведена преимущественно одним говорящим, (если речь не идет, например, о совместном воспоминании (ср. сноску 49)). Отсюда следует, что, как отмечает С. Роутаринне (Routarinne 2003: 55), внутренняя структура секвенции рассказывания нечасто является объектом исследований взаимодействия. Однако, когда в рамках КА или ИЛ исследуется структура данной секвенции, нередко используется, по крайней мере, в какой-то степени модель У. Лабова (см., например, Goodwin 1990; Eriksson 1997: 100–103; Norrick 2000: 29–43; Routarinne 2003: 55–60; Niemelä 2011; Laitinen 2013), касающаяся **внутренней структуры нарратива** (или рассказа) (internal structure of narrative) (Labov 1972; см. также Labov & Waletzky 1967; Goodwin 1990: 231). Данная модель

имеет, однако, свои недостатки (см., например, Schegloff 1997a: 98–101; Routarinne 2003: 60–63; Georgakopoulou 2011: 397).⁵⁰

Нарратив определен У. Лабовым и Дж. Валетским (Labov & Waletzky 1967: 20; см. также Labov 1972: 359–360) как метод, при помощи которого можно повторить вербально в том же самом порядке те последовательные речевые шаги, которые произвел рассказчик. Следовательно, нарратив должен содержать, по меньшей мере, два предложения, указывающие на последовательные речевые шаги (temporal juncture) (Labov 1972: 360–361; см. также Labov & Waletzky 1967: 25; Labov 1997).⁵¹ Можно отметить, что его определение опирается на семантические и синтаксические критерии (Laitinen 2013: 89). То же самое касается и классификации элементов внутренней структуры нарратива (см. Labov 1972; 1997; Labov & Waletzky 1967). Однако в данной работе мы будем рассматривать эти элементы, уделяя внимание именно их семантическим свойствам, так как они представляются менее языкозависимыми, чем структуральные критерии (см., например, Helasvuoto 1991; Мустайоки 2006: 378–390; см. также Laitinen 2013: 89). Кроме того, семантические критерии больше подходят для нашей теоретической основы, так как в ФС (подробнее см. п. 2.3) отправной точкой является именно семантика.

Обязательными частями нарратива являются **усложняющее действие**⁵² (complicating action, juonilinja), которое рассказывает в хронологическом порядке о последовательных речевых шагах, и **результат/развязка** (resolution/result, tulos/ratkaisu), которые дают ответ на то, что произошло в конце. Кроме подобных минимальных нарративов, имеются и другие, более длительные и осложненные нарративы, которые содержат и другие элементы – **резюме** (abstract,

---

⁵⁰ Проблемой базисного типа является, например, то, что данная модель была создана не на основе аутентичных данных, а по результатам опроса на тему, оказывались ли информанты когда-либо в ситуации смертельной опасности (см. Labov 1972: 354). Однако, как отмечает С. Рутаринне (Routarinne 2003: 55), данный вопрос не особенно далек от будничного разговора. Такие ситуации, как поощрение собеседника к рассказу можно встретить и в обыденном взаимодействии. Вопрос, сформулированный подобным образом, стимулирует собеседника к рассказу, который опирается на личный опыт, который хорошо сохранился в памяти и, возможно, уже был рассказан ранее. (там же.)

⁵¹ Данная совокупность называется минимальным нарративом (minimal narrative, minimikertomus) (Labov 1972: 360–361; см. также Labov 1997; финноязычная терминология см. Routarinne 2003: 55–57, 60).

⁵² По нашим данным, терминология элементов внутренней структуры нарратива не устоялась. Русскоязычные термины взяты из Н. А. Коротаева (2009: 22). Однако используются и другие термины (см., например, Плунгян 2008; Сичинава 2008).

abstrakti/johdanto), **ориентацию** (orientation, orientaatio), **оценку** (evaluation, evaluaatio) и **заключительную часть** (coda, yhteenveto). Задача резюме – суммировать весь рассказ. Ориентация, связанная с резюме, встречается, как правило, в начале рассказа, и раскрывает вспомогательную информацию и обстоятельства. Главной функцией оценки является выражение отношения рассказчика к рассказу. Иначе говоря, она дает понять, что является сутью дела. Оценка может быть выражена отдельными предложениями (external) после представления усложняющего действия (и результата/развязки) или может быть встроенной (embedding of evaluation) в другие части нарратива, в том числе во все части рассказа. В самом конце нарратива может также встретиться заключительная часть, которая не только информирует о том, в чем заключается (имплицитный) вопрос, на который развязка уже предложила ответ и который, таким образом, уже не является релевантным, но и как бы сопровождает собеседников из мира рассказа в настоящий момент реальности. Порядок вышеописанных элементов может немного варьироваться, и они могут соединяться друг с другом. (Labov & Waletzky 1967: 32–41; Labov 1972: 362–375; Routarinne 2003: 55–57; ср. также Labov 1997; подробнее ср. примеры 51 и 52, п. 5.3.3.)

Как мы уже отмечали, модель У. Лабова немного отличается от концепций КА, ИЛ и других областей, ориентирующихся на взаимодействие.⁵³ Как известно (см., например, Routarinne 2003: 60–63; ср. также Eriksson 1997: 24–25), рассказывание во взаимодействии не всегда в полной мере соответствует определению нарратива модели У. Лабова. Оно рассматривается как деятельность более общего характера (см., например, Hakulinen 1989: 55; Eriksson 1997: 24–25; Ochs & Capps 2001: 18–20; Routarinne 2003: 66) и может пересекаться с другими речевыми шагами (Ochs & Capps 2001: 40). Вот почему считается, что модель, разработанная У. Лабовым (и Дж. Валетским),

⁵³ Хотя модель У. Лабова и принципы КА во многом различаются, в них имеются и сходства. Во-первых, резюме и секвенция введения находятся в отношении секвенции в инициальном положении. Однако их функции отличаются друг от друга. (Routarinne 2003: 56–57.) Как уже было сказано выше, функцией секвенции введения является предложение рассказа, а не суммирование его в форме резюме. Однако данные функции могут пересекаться, как можно заключить из примера, представленного С. Роутаринне (там же: 40–41, 57). Во-вторых, оценка может иметь функцию построения рассказываемости (см. фиксируемость (reportability) Labov 1997). Наконец, в-третьих, как отмечается конuersационными аналитиками (Goodwin & Heritage 1990: 300; Schegloff 1997a: 102; см. также Jefferson 1978: 228–237; Routarinne 2003: 56–59), рассказчик может производить заключительную часть или оценку ввиду проблем взаимодействия, то есть причиной создания заключения или оценки может быть то, что собеседник не предлагает секвенции ответа.

должна пониматься не как определение рассказывания, а как его прототип (Routarinne 2003: 63; ср. также Eriksson 1997: 43; Norrick 2000: 29–38; Ochs & Capps 2001: 3). В данной работе мы будем исходить именно из этого. Если по определению У. Лабова рассказывание входит в (минимальный) нарратив, мы будем называть такое развертывание дискурса **рассказом** (ср. пример 51, п. 5.3.3), а если нет, то в нашей терминологии оно будет называться **рассказыванием** (ср. пример 52, п. 5.3.3). При помощи модели У. Лабова мы можем определить местоположение хезитации внутри рассказа и рассказывания, а именно в переходах его внутренней структуры (см. п. 5.3.3).

Однако не все типы хезитации находятся в границах между разными частями рассказывания. Встречаются и другие местоположения в начале КЕР в окружении многосоставных реплик (см. пп. 5.3.4 и 5.3.5). Следовательно, требуются и другие инструменты для анализа. Рассмотрим сначала явление **разбивки речи на куски** (chunking) (Sinclair & Mauranten 2006; Mauranten 2009; 2016; см. также Fischer 2000: 160; Barth-Weingarten 2016: 2–3; в русском языке см., например, Кибрик и др. 2009в: 55–57). Под ним понимается тенденция людей обрабатывать любую информацию и речь в достаточно мелких единицах, сегментах (см. п. 2.1).

В нашей работе мы используем понятие разбивки речи на куски для обозначения отдельных последовательных КЕР в таком секвенциальном положении, в котором продолжается тот же самый речевой шаг. Такая ситуация возникает, например, когда говорящий оценивает что-либо в КЕР, затем создает маркер хезитации между КЕР и снова оценивает что-либо в КЕР (см. п. 5.3.4). Отсюда следует, что разбивка речи на куски имеет здесь несколько более узкое значение, чем, например, у А. Мауранен (Mauranten 2009; 2016).

Вышеописанных инструментов не хватает для описания всех случаев возникновения хезитации между КЕР, так как наш анализ показывает, что маркеры хезитации встречаются и в более узких границах. Для определения местоположения маркеров хезитации в более узких границах нам потребуется понятие **создания рамок, т. е. заднего плана для переднего плана** (background(ing)–foreground(ing), taka-ala(istaminen)–etuala(istaminen)) (см., например, Hopper & Thompson 1980; см. также Longacre 1989; Helasvuori 1991; Routarinne 2003: 57–63), которое встречается в разных областях наук и в

различных направлениях лингвистики (см., например, Labov & Waletzky 1967: 20–28; Labov 1972: 359–362; Langacker 1987; Leino 1989; Viikari 1990: 43–44; ср. также п. 2.2).

В рамках КА и ИЛ отношение между передним и задним планом нередко обсуждается именно с точки зрения речевых шагов в форме двойной контекстуальности (ср. п. 1.3), а следовательно, и как признак реплики и КЕР (Heritage 1996 [1984]: 236–237; Routarinne 2003: 60; см. также Helasvuoto 1991: 39, 43–44).⁵⁴ В данной работе это явление рассматривается, однако, именно как свойство единиц более мелкого типа, чем КЕР, на том основании, что они могут быть весьма значительными во взаимодействии и при их помощи совершаются разнообразные речевые шаги (см., например, Goodwin 1984: 226–242; Helasvuoto 1991: 38–41, 44; Routarinne 2003: 58–59). Точнее, рассматриваются случаи, в которых маркеры хезитации встречаются после создания рамок, именно в таких ситуациях, где говорящий уже начал свою КЕР или построил КЕР таким образом, что она проецирует **составную КЕР**⁵⁵ (compound TCU), однако в которой во время возникновения хезитации еще не наблюдается синтаксической проекции (см. пп. 3.1; 3.2 и 5.3.5).⁵⁶

⁵⁴ Кроме того, явление переднего и заднего плана нередко рассматривается как свойство именно единиц предложения или придаточного предложения (см., например, rank schemes, rankianalyysi Longacre 1989; в финском языке Helasvuoto 1991; foregrounded portions/clauses vs. backgrounded portions/clauses Hopper & Thompson 1980: 280–281).

⁵⁵ Под термином «составная КЕР» понимается двухчастная или еще более осложненная синтаксическая конструкция, например, когда – тогда, если – то, каузальное или относительное предложение. Другими словами, первая часть конструкции проецирует вторую или более. (Lerner 1991: 442; Selting 2000: 489; Гренобль 2008: 30.)

⁵⁶ Синтаксическая проекция понимается в данной работе шире, чем указание на то, какую связь следующая КЕР имеет с предыдущей КЕР или репликой (ср. Hakulinen 1997b: 44; Mauranen 2009: 22; см. также Shriberg 1994: 50–51; Auer 2005: 16).

4 Инвентарь маркеров хезитации

4.1 Хезитация как когнитивно-взаимодействующая категория и ее опознание во взаимодействии

Перед тем как представить инвентарь маркеров хезитации, следует кратко рассмотреть определение хезитации и критерии ее опознания в речевом потоке. Как мы говорили раньше (см. пп. 1.2 и 2.3), одной из главных задач данной работы является определение когнитивно-взаимодействующей категории хезитации, т. е. ее денотативной функции. Под ней мы понимаем *реакцию говорящего на ситуацию, в которой он не сразу может решить, как продолжить (или начать) свою речь*. Отсюда следует, что, помимо взаимодействия (ср. Betz et al. 2018; см. также п. 2.1), проблема может лежать в области прагматики, семантики, грамматики, лексики, фонетики и самомониторинга, а также самоисправления. Кроме того, маркируя хезитацию, говорящий стремится выиграть время для процессирования. (см., например, Chafe 1980b: 175–176; Simpson 1994: 62–72; Clark & Fox Tree 2002: 87; Fehrer & Fry 2007: 41, 43; Betz et al. 2018; см. также в русском языке, например, Ладыженская 1984: 76; Алексиева 2007: 279; Подлеская & Кибрик 2009: 179; Сатюкова & Воейкова 2010: 197.) Кроме того, как полагает А. Мауранен (личное сообщение), колеблясь, говорящий может произвести оценку ситуации, и тем самым он как бы наблюдает за реакцией собеседников.

Как уже было отмечено (см. п. 1.2), хезитация иногда рассматривается вместе с указанием на неуверенность. Здесь следует кратко рассмотреть вопрос того, как в данной работе будет пониматься связь между хезитацией и неуверенностью. Под неуверенностью понимается неполная уверенность в отношении положения дел (ср. Грамота s.v. неуверенность; Мустайоки 2006: 287). На наш взгляд, хезитация связана именно с проблемами производства речи и взаимодействия. Она не является «отношением говорящего к достоверности положения дел» (Мустайоки 2006: 287), поэтому хезитация как таковая не относится к категории эпистемической модальности (там же; ср. также VISK § 1556) или, по русской лингвистической традиции, к категории субъективной модальности (см., например, КРГ § 440, 578). Другими словами, она не относится к

таким категориям, в которые, как правило, входит неуверенность. Однако, как уже было сказано в параграфе 1.2, неуверенность в ситуации, безусловно, может влиять и на речевую формулировку. Нечеткость границ между хезитацией и неуверенностью трактуется в данной работе следующим образом: если языковой материал указывает на неполную уверенность в положении дел, речь идет о неуверенности, а если данная связь не является несомненной, мы толкуем ситуацию таким образом, что неуверенность в положении дел отражается на употреблении языкового материала, и неуверенность входит в хезитацию.

Выше мы представили определение хезитации. Она преимущественно рассматривается как явление с точки зрения взаимодействия, а если рассматривать хезитацию с точки зрения результата в речи, т. е., как она выглядит и как ее можно распознать в речевом потоке (а точнее, в расшифровке), требуется более точное определение, а именно: хезитация представляет собой *различные задержки в развертывании речи говорящего, возникающие вследствие проблем, касающихся взаимодействия и производства речи*. Слово *различные* указывает на то, что хезитация может проявляться различными языковыми и внеязыковыми средствами. *Задержка*, в свою очередь, указывает на то, что при хезитации всегда имеется временное измерение. Таким образом, внезапные, беглые изменения плана или постпозитивные самоисправления (см. п. 3.3) не входят в состав хезитации. Говорящему требуется время, так как он или планирует то, что будет говорить, или перепланирует уже сказанное. Под *развертыванием речи* понимается, что высказывание развертывается в сторону, в которую указывают синтаксические и прагматические признаки. Следовательно, хезитация всегда является задержкой развертывания речи по проекции.⁵⁷

Можно сказать, что с возникновением хезитации тесно связаны ограничения памяти человека (см. п. 2.1), процессуальность и линейность человеческой речи (см. пп. 2.2 и 3.3), а также то, что взаимодействие в целом строится при активном участии собеседников (см. п. 1.3 и гл. 3). Поскольку проблема взаимодействия с точки зрения нашего определения всегда отражается в языковой форме, можно утверждать, что все проблемы взаимодействия входят в разряд проблем производства речи. В связи с этим можно, например,

---

⁵⁷ Иногда уничтожается проекция синтаксического типа (см. пп. 3.2 и 3.3).

употребить термин «выражения-индикаторы речевого сбоя» (ср. п. 4.3), хотя, помимо проблем производства речи, явление включает в себя проблемы взаимодействия.

4.2 Общие замечания

В данном параграфе мы будем рассматривать по отдельности все маркеры хезитации, которые были найдены в нашем материале.⁵⁸ В начале каждого параграфа кратко рассматриваются исследования, касающиеся определенного типа хезитации. После этого мы рассмотрим каждый тип в рамках нашего материала. Мы определим границы употребления каждого типа, так как почти каждый из них имеет и другие функции. Отсюда следует, что нам необходимо разграничить случаи, когда речь идет о возникновении хезитации, а когда данная речевая единица выполняет другую функцию. В конце каждого параграфа мы обсудим особенности каждого маркера хезитации, которые были выявлены в результате проведения анализа.

Прежде чем пойти дальше и обсудить каждый тип хезитации отдельно, сначала рассмотрим кратко их общие черты. Как правило, большинство маркеров хезитации не имеют пропозиционального значения,⁵⁹ т. е., если они отсутствуют, пропозициональное значение КЕР не меняется (Lappalainen 2004: 124; см. также Vuorinen 1981: 80–81; Алексиева 2007: 276). При рассмотрении типов хезитации некоторые из них с точки зрения синтаксиса представляются самостоятельными. Таким образом, они могут находиться в КЕР в любой позиции. (Lappalainen 2004: 124; ср. также Vuorinen 1981: 80–81.) Следовательно, маркеры хезитации во многом похожи, например, на такие лингвистические классы, как дискурсивные слова (ср. Киселева & Пайар 1998: 7–9), междометия (ср. Hoffmann 1997: 362) и коммуникативы (ср. Шаронов 1996: 92–93). Однако некоторые

---

⁵⁸ Однако в данной работе глоттальные явления рассматриваются несистемно (см., например, Кибрик и др. 2009а: 354–356; Подлесская & Кибрик 2009: 182–183). По данным исследований, они могут оказывать воздействие на маркирование начала самоисправления постпозитивного типа (см., например, в финском языке Sorjonen & Laakso 2005: 248; в английском Jaspersen 2002; см. также Подлесская & Кибрик 2009: 182–183), а также представлять собой индивидуальную особенность произношения (Подлесская & Кибрик 2009: 183).

⁵⁹ Исключениями являются лексические маркеры (см. п. 4.7), хотя их лексическое значение можно охарактеризовать как достаточно слабое (см. Краевская 1978: 163; Алексиева 2007: 276), а также выражения-индикаторы речевого сбоя, так как они указывают на проблему напрямую, при помощи своего лексического значения (см. п. 4.3).

лексические маркеры, в частности, согласуемого типа, имеют близкое синтаксическое и семантическое родство с будущим словом или словосочетанием, а их положение не является самостоятельным (Подлесская & Кибрик 2009: 184–187; ср. также Lappalainen 2004: 124).

В качестве маркеров хезитации в данной работе рассматриваются следующие речевые элементы:

- 1) выражения-индикаторы речевого сбоя (экспликация) (п. 4.3),
- 2) т. н. ЗП (заполнители пауз), или «звуки хезитации» (см. проблематику терминологии, например, Rinne 2010: 91) (п. 4.4),
- 3) просодические признаки (п. 4.5),
- 4) пустые паузы (п. 4.6),
- 5) лексические маркеры хезитации (п. 4.7),
- 6) повторы (п. 4.8),
- 7) задержки продвижения по прагматической проекции (п. 4.9).

В работах в качестве маркеров хезитации встречаются и некоторые другие типы, которые, однако, не были представлены в нашем материале. Речь идет о восходящем контуре интонации (Smith & Clark 1993⁶⁰) и о некоторых лексических маркерах, как например: *сейчас*, *этот самый* (Подлесская & Кибрик 2009: 185–186; см. также Краевская 1978: 163; Кормилицына & Кочеткова 1983: 74; Дараган 2000; Алексиева 2007: 277; Богданова-Бегларян и др. 2013), *того* (см., например, Алексиева 2007: 277; ср. также Прокуровская 1983: 176), *тут* и другие (см., например, Дараган 2000; 2003; Богданова-Бегларян и др. 2013; ср. также Ладыженская 1984: 72; Столярова 2003 [1992]: 37; Шмелев 2004: 205; Подлесская & Кибрик 2005; 2009: 184, 191, 210).

Эти семь маркеров хезитации представлены в порядке, который впервые иллюстрирует типы, сравнительно ясно и конкретно указывающие именно на речевой сбой. Такими являются первые три типа маркеров хезитации, т. е. выражения-индикаторы, т. н. ЗП и просодические признаки. Однако последние четыре типа, т. е. пустые паузы, лексические маркеры, повторы и задержки имеют некие ограничения, например, в отношении их местоположения, в том случае, когда их можно истолковать как маркеры хезитации. Они имеют и другие функции: например, некоторые маркеры хезитации

---

⁶⁰ В данной работе постановка проблемы такова, что хезитация совпадает с неуверенностью в положении дел (см. п. 4.1).

могут иметь и свою специфическую, дополнительную функцию (см. п. 2.3).

4.3 Выражения-индикаторы речевого сбоя

По мнению Р. Вуоринен (Vuorinen 1981: 83–84), говорящий может выявить свою проблему производства речи (или взаимодействия), во-первых, задавая самому себе или собеседнику **метаязыковой, специальный вопрос**: *как это?, как (это) сказать?, как это называется?, как его?* (см. Краевская 1978: 163; Кормилицына & Кочеткова 1983: 74; Алексиева 2007: 277; Подлесская & Кибрик 2009: 185–186; ср. также PPP: 471; Ладыженская 1984: 72; Дараган 2003; Мустайоки 2006: 26; Хуршудян 2006: 67; Степанов 2008: 143–144),⁶¹ или, во-вторых, произнося **повествовательное предложение с содержанием вербализации проблемы**, как например: *мне трудно выразить это словами, не могу найти подходящего слова для этого* (Мустайоки 2006: 26; ср. также в финском языке Laakso 1997: 145–151; Kurhila 2003: 146; Laakso & Lehtola 2003: 7, 15–16; Simula & Pekkala 2006: 179–180, 182; в английском Goodwin & Goodwin 1986: 58–59; Norrick 2005: 1823, 1831–1832; в датском Brouwer 2003). В обоих типах экспликации, по результатам исследований (подробнее см. Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; Laakso 1997: 160–181, 189–190; Kurhila 2003: 146–157; Laakso & Lehtola 2003: 15–16; Simula & Pekkala 2006: 182), могут играть свою роль и мультимодальные аспекты взаимодействия, включающие жесты, направление взгляда, силу голоса, которые намекают, намерен ли говорящий решить свою проблему самостоятельно или ожидает ли он помощи от собеседника. Примеры 13 и 14 иллюстрируют данные два типа экспликации проблемы.

(13) «Как это было»

01	ВИМ:	=это же огром↑ная сумма.=	
02	НАП-Р:	=[°(--)°]	
03	В/ОШ:	=[что вот] э:→ об по: по поводу прогулок?= 04	=[э:→ город посмотреть?]
05	ВИМ:	[по: по↑воду про]гулок.=	

⁶¹ Подобные замечания встречаются и в других языках (см., например, в английском языке Schegloff et al. 1977: 363; 2010: 136; Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; в японском Fox et al. 1996: 205–206; Hayashi 2003: 113, 136; в финском Laakso 1997: 145–151, 175–178; Kurhila 2003: 148–157; Helasvuo et al. 2004; Simula & Pekkala 2006: 179–180, 182; в датском Brouwer 2003; в немецком Rieger 2003: 61).

06 > =что я здесь [(--) **сказать.**]]
 07 В/ОШ: [можно было выйти (-)]
 08 ВИМ: »боязнь↑ была.----

(14) «Про это»

01 Т: .xx а для↑ мужчи↑ны не главное внешность.
 02 я считаю.
 03 (0.8)
 04 соверше↑нно не главное внешность. =
 05 =для мужчи↑ны главное *(ну) наверно что-то
 06 другое(х)?*
 07 (0.5)
 08 3/2: спасибо что вы приехали в Россию?=
 09 =возможно вы поддержите многих женщин?=
 10 =не только жєнщин но и мужчин?
 11 .xx потому что эта проблема она:→
 12 м.:еждународна(я)?
 13 .xx но всё↑-таки интересно понять.
 14 .xx вот э:→м (¥) >@критерий@ (ударение на первом
 15 слоге)) вы в принципе сказа↑ли ну:м °м° я вот не понял.<
 16 .xx (0.1) в ч:ём э:→ мужч:и↑на в чём вот эта пре↑лесть
 17 что именно обращает внимание на вас.
 18 .xx то есть физи↑ческий недостаток. =
 19 =что им движет. =
 20 =желание помогать↑ вам.
 21 > .xx желание поддержать↑ там: м: **я [не знаю что.]**
 22 Т: [»я поняла вас.]
 23 3/2: я просто: (0.1) [пытаюсь (п) на]бро[сать что-то.]
 24 Т: [я поняла вас.<] [и часто] кстати
 25 спра↑шивают меня об этом.

В примере 13 в строке 5 мы видим, как гость реагирует на вопрос, в котором внезапно представлен новый топик (ср. Simpson 1994: 78–79). После повторного употребления (recycle) (Laury 2005a: 166) слов ведущего говорящий продолжает свою речь, поясняя свой сбой: *что я здесь (--) сказать*. Он задает себе метаязыковой, специальный вопрос. Таким образом, собеседнику известно, что говорящий не знает, **что** сказать. Точнее, выбор слов говорит нам, что речь идет не о поиске слова, а о проблеме более крупного плана, т. е. семантического типа. Он вообще не знает, что сказать в ответ. Ведущий толкует ситуацию таким образом, так как он начинает уточнять свой вопрос (см. Raevaara 1997: 79).

В примере 14 зритель студии задает вопрос госте (женщине, потерявшей ногу). В строках 16–17 он формулирует вопрос о том, почему мужчины испытывают интерес к госте. После вопроса он

высказывает некоторые догадки (см. п. 3.1). Однако, произнеся несколько вариантов, он испытывает затруднение. Как мы видим в строке 21, он не находит продолжение в КЕР, а растягивает последний звук слова *там*, потом произносит ЗП с растяжкой, а потом в качестве пояснения произносит повествовательное предложение с содержанием вербализации проблемы: *я не знаю что*. Рассмотрим это более подробно. Растяжка последнего звука уже, возможно, намекает на проблему производства речи. Это, очевидно, выявляет ЗП с растяжкой. Когда говорящий произносит: *я не знаю что*, мы точно знаем, что у говорящего существует проблема производства речи, и даже знаем тип проблемы. Он уже не может сообразить, что именно эти мужчины, возможно, поддержали бы. Другими словами, речь идет, вероятно, о поиске слова на уровне семантики.

Выражения-индикаторы речевого (или взаимодействующего) сбоя в нашем материале сравнительно редки (ср. Laakso & Lehtola 2003: 7; Simula & Pekkala 2006: 178–179; ср., однако, противоположную ситуацию Kurhila 2003: 149). На эту редкость, возможно, и намекает пестрота терминов, указывающих на оба типа экспликации (подробнее о терминах в русском языке см., например, Краевская 1978: 163; Дараган 2003; Мустайоки 2006: 26; Степанов 2008: 143–144; Подлесская & Кибрик 2009: 185–186).⁶²

При просмотре (эксплицитных) выражений-индикаторов можно отметить, что имеется два класса выражений, которые косвенно связаны с выражениями-индикаторами хезитации, а именно: они имеют в какой-то степени сходные формы, а также значения, не очень отличающиеся друг от друга. К данным категориям выражений относятся, во-первых, неуверенность и средства ее выражения и, во-вторых, лексические маркеры речевого сбоя, которые будут подробнее рассмотрены в параграфе 4.7.

Выражения-индикаторы речевого сбоя, особенно если речь идет о повествовательных предложениях, могут быть также употреблены в функции сообщения о неуверенности. Например, *я не знаю* может указывать единственно на неуверенность во внеязыковом мире, а не на языковые проблемы, и тогда, безусловно, речь идет не о хезитации (ср. п. 4.1). В примере 14 видна взаимосвязь между хезитацией и

---

⁶² Ситуация аналогична и в финском (см., например, Vuorinen 1981: 81–84; Laakso & Lehtola 2003: 7, 14–15; Simula & Pekkala 2006: 179–180, 182) и в английском (см., например, Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; Laakso 1997: 145–150, 175–178; Brouwer 2003; Hayashi 2003: 113; Kurhila 2003: 146–157).

неуверенностью. На наш взгляд, говорящий не мог сообразить, какой именно вариант эти мужчины, возможно, поддержали бы. Он, скорее всего, не имел знаний или опыта в данном вопросе. Следовательно, *я не знаю что*, видимо, кроме проблемы производства речи, указывает и на неполную уверенность в положении дел. Как уже было описано раньше (ср. пп. 1.2 и 4.1), если, по мнению говорящего, он не уверен в чем-либо во внеязыковом мире, у него, возможно, нет точной формулировки для описания.

Вторая языковая категория, которая достаточно близка к выражениям-индикаторам речевого сбоя, это лексические маркеры речевого затруднения. Некоторые лексические маркеры (подробнее см. п. 4.7) представлены метаязыковыми комментариями, в частности, выражениями *так сказать* и *скажем*. Однако, хотя они имеют метаязыковое значение, они указывают на речевой сбой не явно, а, скорее, предположительно. Они более всего выражают оговоренное отношение к выбору слова или решению проблемы производства речи. На наш взгляд, можно сказать, что, когда речь идет о лексических маркерах проблемы производства речи, имеющих метаязыковое значение, говорящий имплицитно сообщает, что он уже решил/решил проблему. Выражения-индикаторы проблемы производства речи, в свою очередь, сообщают, что процессы решения проблемы еще не завершены во время их произнесения. Кроме того, данные два типа явления хезитации также отличаются друг от друга по структурным свойствам. Выражения-индикаторы являются, как правило, предложениями вопросительного или повествовательного типа, хотя иногда достаточно «мелкими», а лексические маркеры представляют собой слова или словосочетания. Итак, возможно, следует разделять данные два типа маркирования хезитации.

Два примера, представленные выше, иллюстрируют, как нам кажется, главное свойство выражений-индикаторов, и, по сравнению с другими маркерами хезитации, важное различие между ними – ясность. Собеседникам не нужно догадываться, в чем состоит проблема производства речи, она выражена точно (ср. Дараган 2003; Kurhila 2003: 149, 153). Говорящий переходит в «метатекстовый режим», мысленно начинает устранять сбой и сопровождает данную задачу разнообразными комментариями (Дараган 2003). При помощи выражений-индикаторов можно проинформировать, во-первых, об уровне проблемы с точки зрения различных фаз производства речи,

т. е. является ли проблема, например, проблемой семантического, грамматического, лексического или артикуляционного типа. Во-вторых, выражения-индикаторы дают понять, заключается ли проблема в знании или в памяти. Иначе говоря, речь идет о том, что говорящий либо не знает, либо не может вспомнить что-либо (ср. Дараган 2003; см. также пп. 5.4.3 и 5.4.4). Кроме того, выражения-индикаторы могут, безусловно, выявить проблемы взаимодействия. Другие типы хезитации являются, скорее, предположительными. Они также могут указывать на вышеупомянутые детали, но не так определенно. И тогда контекст играет чрезвычайно важную роль. Наконец, выражения-индикаторы, в частности, второй тип, т. е., повествовательные предложения, говорят об отношении говорящего к решению проблемы (ср. п. 4.7). Например, в примере 14 говорящий имплицировал, что ему уже не по силам семантический поиск (ср. Дараган 2003).

Подводя итог, можно сказать, что, хотя сами процессы производства речи являются недоступными прямому наблюдению, выражения-индикаторы речевых сбоев дают нам ясные и достаточно подробные данные о явлении хезитации, а также косвенно – о процессах производства речи. По сравнению с другими маркерами хезитации, они кажутся самыми очевидными для опознания хезитации.

4.4 ЗП

ЗП (заполнители пауз) в данной работе – это нелексические вставные элементы речи, местоположение которых является свободным с точки зрения синтаксиса, секвенциальности и управления сменой ролей (см. Ринне 2006: 16–17; Rinne 2010: 90; ср. п. 4.2; Rose 2019: 19). ЗП являются наиболее универсальными маркерами хезитации (Подлеская

& Кибрик 2009: 181; ср. также Коротаев 2009: 32–33).⁶³ Кроме того, они являются весьма частотными в речи (Подлеская & Кибрик 2009: 181). Например, в материале авторов частота ЗП составила почти два на 100 слогов. Частота была примерно одинаковой, в среднем 1 раз на 7 ЭДЕ (ср. КЕР) (подробнее см. п. 3.1) и внутри ЭДЕ, а также на границах между ними. (там же.)

Прежде чем идти дальше, следует кратко обсудить употребление термина «ЗП». Лингвистический статус ЗП является относительно неясным, так как ЗП имеет свойства и звука, и слова (подробнее см. Ринне 2006: 17–18 и указанные там источники; см. также разнообразие названий Rinne 2010: 91; и таксономий Ринне 2006: 6–9, 12–14). ЗП определяются в работах исследователей как звуки (Blankenship & Kay 1964; Ладыженская 1984; Шмелев & Протасова 1998; Столярова 2003 [1992]) и как слова (Земская 1987: 91; Clark & Fox Tree 2002; ср. противоположный взгляд Corley & Stewart 2008). Однако в данной работе этот вопрос не будет рассматриваться, и поэтому будет употребляться термин «ЗП», который является спорным, так как он указывает на то, что в речи встречается пауза, которая должна быть заполнена. С другой стороны, она указывает на его хезитационную роль сравнительно ясно.

В русском языке заполнение пауз производится, как правило, как описывают А. Д. Шмелев и Е. Ю. Протасова (1998), и с открытым, и с закрытым ртом. В первом случае звучит протяженный неопределенный гласный с гортанной окраской. При расшифровке данный гласный обозначается как э. Если произношение является более открытым и задним, то в расшифровке употребляется буква а. Во втором случае, при произнесении с закрытым ртом, ЗП превращается в своего рода

⁶³ Данное явление можно заметить и в том, что существует множество исследовательской литературы о роли ЗП в хезитации (см., например, в русском языке Баринова и др. 1978; Краевская 1978; Ладыженская 1984; Шмелев & Протасова 1998; Шмелев 2004; Подлеская & Кибрик 2005; 2009; Ринне 2006; Алексиева 2007; Степанов 2008: 142; Богданова-Бегларян и др. 2013; Верходанова и др. 2018; в английском, например, Maclay & Osgood 1959; Blankenship & Kay 1964; Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; 2010; Chafe 1980a; 1980b; Simpson 1994; Biber et al. 1999: 1053; Clark & Fox Tree 2002; Arnold et al. 2003; 2004; Fehrer & Fry 2007; Corley & Stewart 2008; в немецком Hoffmann 1997; Fischer 2000; Selting 2007; ср. также Schmid & Fägersten 2010; в шведском Horne 2009; Eklund 2010; в финском, Laakso 1997; Sorjonen 1997; Laakso & Lehtola 2003; Simula & Pekkala 2006; в японском Hayashi 2003: 113; Rose 2017; ср. также англоязычный портал: FPRC). Например, Н. В. Богданова-Бегларян с коллегами (2013: 157–179) изучали процесс чтения и отметили, что в нем также встречаются ЗП и другие маркеры хезитации.

мычание, т. е. произнесение звука, близкого к протяжному [м] (в расшифровке – *м*).⁶⁴ Близость особенно очевидна, если данный звук производится с размыканием сомкнутых губ. ЗП может возникать и при резком выдыхании воздуха через нос при закрытом рте и напряжении голосовых связок, завершающемся гортанной смычкой. Поскольку при таком произнесении звук является смычным, он всегда произносится довольно кратко. (там же: ср. также Краевская 1978: 163; Подлесская & Кибрик 2009: 182; Коротаев 2019: 7.)

ЗП имеют разную длительность. Имеются и их сочетания типа *эм*, *нэ*: (подробнее о вариативности см. Ладыженская 1984: 71–72; Шмелев & Протасова 1998; Подлесская & Кибрик 2009: 182; Коротаев 2019: 7; см. также в английском языке Zhang 2019; ср. положение о конвенциональной форме в Clark & Fox Tree 2002: 73, 76, 79–80), а также цепочки ЗП, например, *м:: э::* (ср. Dollaghan & Campbell 1992: 61; Clark & Fox Tree 2002: 82–86). Они, возможно, содержат и другие гласные и согласные типа *э* $\nrightarrow$ *а::* $\rightarrow$ или пустые паузы типа (*н*) *э::* $\rightarrow$. В произнесении отдельных ЗП имеются и качественные различия, но поскольку мы не употребляем фонетической транскрипции, они не видны в нашем материале. Когда ЗП длинные, т. е. встречаются с растяжкой (см. п. 4.5) (см., например, Краевская 1978; Подлесская & Кибрик 2009: 181–182; ср. также Shriberg 2001: 164–165), они часто имеют монотонную интонацию ($\rightarrow$) (ср. Clark & Fox Tree 2002: 104; см. также Gardner 2001: 88; Shriberg 2001: 165 и указанные там источники).

Кроме того, ЗП нередко встречаются вместе с другими типами хезитации (например, с пустыми паузами Schegloff 1979: 272–273; Dollaghan & Campbell 1992: 61; Smith & Clark 1993: 34–35; Clark & Fox Tree 2002: 82–86, 95–97; Кибрик и др. 2009в: 67; Betz & Kosmala 2019; с растяжками и пустыми паузами Laakso 1997: 125–130; с лексическими маркерами хезитации Алексиева 2007: 277; как например: с частицей *ну* Шмелев 2004: 213; Кибрик и др. 2009д: 150; *значит* Шмелев 2004: 212; и *вот* Долгов & Лейнонен 1988: 132).

Рассмотрим пример, который иллюстрирует вышеописанное.

⁶⁴ Ср., например, в англоязычной расшифровке, как правило, *uh* и *um* (*uhm*) (см., например, Jefferson 1974; Schegloff 1979; Clark & Fox Tree 2002; Arnold et al. 2003; 2004; Schegloff 2009; 2010), а в испанской (в Латинской Америке) – *eh* (Graham 2018).

(15) «Киноглаз»

- 01 ЮБН: .xx и менее всего мне хотелось бы вообще;
 02 (0.8) плодить подражателей.;=
 03 > =#э:# потому как э:→ .xx ну >прежде всего (это) для
 04 них↑< печально.=
 05 =>потому что они должны прожить свою жизнь.<
 06 > (0.4) .xx (0.2) °#э#° во:→т° но:→ (1.2) что
 07 касается сам#ой# (0.3) моей мультипликации что она?---

Как можно увидеть, иногда ЗП могут сопровождаться другими (отличными от выше представленных) просодическими признаками, включая тихий ° ° (см. строка 6) и скрипучий # # (см. строки 3, 6) голос. Как утверждает в работе М. Хорне (Horne 2009: 277–281, 283–286), посвященной ЗП в шведском языке, произнесение речи скрипучим голосом как просодический признак имеет дополнительную функцию нерешительности и неуверенности при принятии решения о формулировании сообщения или выборе слов. Следовательно, можно предположить, что скрипучий голос только усиливает хезитационную роль ЗП.

ЗП и их функции в речи и во взаимодействии изучены сравнительно широко и разносторонне в разных областях (языко)знания, психолингвистики и КА (см. достаточно детальный обзор исследований, посвященных данной теме Ринне 2006: 36–63; см. также обзор, представленный в Clark & Fox Tree 2002: 90–91). Подводя итог, можно сказать, что, помимо указания на хезитацию (или препозитивное самоисправление) (см. работы по КА, например, Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; Simpson 1994; Sorjonen 1997; Helasvuoto et al. 2004) или ее отражения (см., в частности, работы по психолингвистике, например, Boomer 1965; Levelt 1983; Shriberg 1994; ср. также, например, Erman 2007; Corley & Stewart 2008),⁶⁵ а также, помимо указания на начало постпозитивного самоисправления (см., например, Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; Sorjonen 1997; Clark & Fox Tree 2002), ЗП также играют роль во владении управлением сменой ролей (см., например, в русском⁶⁶ Ладыженская 1984: 76; Ринне 2006: 87–97; ср. также Шмелев & Протасова 1998). Кроме того, они имеют текстуальную важность, особенно в контекстах разного рода

⁶⁵ Ср. также в русском языке (Краевская 1978; Ладыженская 1984; Шмелев & Протасова 1998; Шмелев 2004; Подлесская & Кибрик 2005; 2009; Алексиева 2007).

⁶⁶ См. подобные замечания в английском языке (см., например, Maclay & Osgood 1959; Schegloff 1982; Simpson 1994; Gardner 2001).

переходов (см., например, в русском языке⁶⁷ Шмелев 2004; Laitinen 2013), и как смягчители представляют собой средства выражения вежливости, например, в непредпочтительном речевом шаге (ср. п. 3.2; см. также в русском языке Шмелев & Протасова 1998; Шмелев 2004). В дополнение, как отмечает Дж. Э. Фокс Три⁶⁸ (цит. по Brennan & Williams 1995: 384; ср. также Brennan & Schober 2001; Fox Tree 2001; Corley & Stewart 2008), ЗП не только являются важными для говорящего как индикаторы вышеупомянутых функций для собеседника, но и облегчают понимание адресата.⁶⁹ Нередко данные функции пересекаются друг с другом (см., например, Simpson 1994: 13–20, 32–39; Ринне 2006: 59–60, 93, 101).

Хотя, как уже указывалось выше, ЗП имеют весьма многосторонние функции, почти каждая из них имеет какую-либо связь с явлением хезитации. Например, если говорящий начинает свою реплику, произнося ЗП, то ЗП, вероятно, может не только выполнять функцию управления сменой ролей, но и указывать на то, что говорящий еще не знает, как начать, например, ответ на трудный вопрос (см., например, Шмелев & Протасова 1998; ср. также Simpson 1994: 32–33). Кроме того, когда ЗП употребляются в переходах рассказа, данный элемент речи имеет не только текстуальную важность, но и, очевидно, отражает трудность говорящего при переходе (Chafe 1980a; 1980b; ср. также Simpson 1994: 75–80). Однако, как подчеркивает Э. А. Щеглофф⁷⁰ (цит. по Schegloff 2009: 365–366; ср. также Шмелев & Протасова 1998; Clark & Fox Tree 2002: 90–91; Шмелев 2004: 211–212; Schegloff 2009; 2010), ЗП также имеют функции, которые не имеют хезитационных импликаций. Тогда они нередко маркируют важность каких-либо деталей во взаимодействии (подробнее см. Шмелев & Протасова 1998; Schegloff 2009; 2010).

Хотя ЗП имеет и другие функции, не связанные с явлением хезитации, то, что его главная функция – это, несомненно, указание на проблему производства речи, можно подтвердить на основе

---

⁶⁷ Подобные результаты имеются и в других языках, например, в английском (см. Schegloff 1979: 270–272; 2009; 2010; Chafe 1980a; 1980b) и в немецком (см. Fischer 2000: 160; ср. также Schmid & Fägersten 2010: 755–756).

⁶⁸ Fox Tree, J. E. *Comprehension after speech disfluencies*. Unpublished doctoral dissertation. Stanford University. Stanford, CA, 1993.

⁶⁹ См. также гипотезы на данную тему (MacLay & Osgood 1959; Lalljee & Cook 1974; Simpson 1994: 75–80; Шмелев 2004: 212; Rose 2019: 19).

⁷⁰ Schegloff, E. A. 2008. 'What is this 'uh' about?': The reason-for-the-call as a locus of order. *Studies in Greek Linguistics* 28, 2008. Manolis Triantafyllidis Foundation, Institute for Modern Greek Studies, Thessaloniki.

этнографических интервью (Simpson 1994: 26–39; Fox Tree 2007). Например, по результатам исследований Дж. Э. Фокс Три (Fox Tree 2007: 305), большинство интервьюируемых указало роль ЗП как потребность говорящего продумать свое высказывание. Результаты исследований Дж. М. Симпсон (Simpson 1994: 29–39) были практически аналогичны, так как были выделены три главных функции использования ЗП: получение дополнительного времени для планирования высказывания, управление сменой ролей и смягчение сообщения в деликатных ситуациях (там же). Однако около половины информантов сообщили, что в управлении сменой ролей заполнение пауз выполняло также функцию планирования (там же: 32–33). Кроме того, когда речь шла об использовании ЗП как смягчителя, многие интервьюируемые отметили, что в данном контексте необходимо обдумать, что или как сказать (там же: 34–39).

В определении и распознавании отдельного ЗП имеются, на наш взгляд, три проблемы. Во-первых, ЗП может иметь то же фонетическое оформление, что и частица-союз⁷¹ *а*. Следовательно, мы должны отличать их друг от друга. При их разграничении мы можем использовать функциональные и интонационные характеристики данных элементов (подробнее см. Ринне 2006: 20–22). Однако в нашем материале имеются также случаи, в которых функции ЗП и частицы-союза *а*, возможно, смешиваются (ср. Ринне 2006: 21). Такие случаи проанализированы как возможные маркеры хезитации.

Во-вторых, ЗП в виде согласного *м* необходимо отличать от диалогичной (реактивной) частицы *угу* (*мхмх*), *ага*, которая выражает принятие информации и того, что собеседник занимает позицию реципиента (см., например, Баринава и др. 1978; Paukkeri 2010; см. также ТСРЯ s.v. *ага*, *угу*; подробнее о различных функциях диалогичных (реактивных) частиц см., например, Gardner 2001; Пауккери 2006; VISK § 797). Такие функции не имеют ЗП. Как

⁷¹ Некоторые слова (как например: *а, что*) и словосочетания (например, дискурсивные слова типа *вообще говоря, кроме того*, ср. Киселева & Пайар 1998: 8) разных частей речи (особенно частицы и союзы) при нахождении в начале реплики или КЕР, только слабо указывают на то, как продолжение реплики/КЕР относится к предыдущей ответственной единице (ср. Hakulinen 1997b: 44; см. также Mauranen 2009: 222). В данной работе в таком положении мы называем их **частицами-союзами**. В английском языке встречаются, например, термины «connectors» (см., например, Couper-Kuhlen & Selting 2018: 435; в русском «коннекторы» см. Пауккери 2006; Хуршудян 2006: 56–60; Подлесская & Кибрик 2009: 186), «appositionals» (см. Sacks et al. 1974: 719; см. также Hakulinen & Selting 2005: 8) и «conjunctionals» (см. Jefferson 1983).

правило, диалогические частицы и ЗП можно отличать друг от друга по интонации: интонационно ЗП из нашего материала содержат только одну вершину контура, тогда как большинство реактивных частиц являются двухвершинными (подробнее см. Ринне 2006: 19–20).

В-третьих, как указывалось выше, некоторые исследователи отмечают, что иногда употребление ЗП не имеет хезитационного характера. Точнее, тогда он чаще всего подчеркивает что-либо (как, например, в «лекторском меканья» см. Шмелев & Протасова 1998). Однако в нашем материале иногда трудно определить, идет ли речь о настоящей хезитации или ЗП употребляются в основном как маркеры в функции «лекторского меканья», включая произведение впечатления высокой продуманности (ср. п. 5.4.5). Пример 16 сделает данное явление более наглядным. В нем имеется инсерт, в котором проводится интервью с сексологом, т. е. профессионалом. Он комментирует ситуацию гостыи – сексуальные проблемы женщины-ампутантки.

(16) «Про это»

01	И/ИК:	<i>.xx а пробле↑ма одна↑ко заключается в том↑ что:?=</i>
02		<i>=э некоторых людей? .xx это касается в равной мере и</i>
03 >		<i>мужчин и женщин? .xx М:→э э::→ э::→ э:→ не↑кая</i>
04		<i>физическая неполноценность?=отта↑лкивает и человек</i>
05 >		<i>перестаёт? .xx э:→ интересовать↑ своего .xx э:→</i>
06 >		<i>партнера? (0.1) э:→ мужа? (0.2) или .xx э:→ жену.</i>
07		<i>.xx н:о: э:→ здесь↑ есть↑ э друга↑я э:→ (0.1) э:→</i>
08		<i>сторона дела? .xx э:→ и:→ она э:→ тоже э:→</i>
09		<i>°обсу°ждается (.xx #в# #прог#рамме?</i>

В этом примере мы видим много ЗП, но ограничимся описанием некоторых из них (цепочка в строке 3 и три случая в строках 5–6). В строке 3, после парентетического уточнения (строки 2–3), говорящий начинает формулировать проблему. В таком положении, т. е. в начале КЕР, цепочка ЗП маркирует проблемы формулировки или поиска конструкции, точнее, подходящую терминологию. На наш взгляд, в данном положении речь действительно идет о явлении хезитации, возможно, смешанном с профессиональной осторожностью (ср. п. 3.2), на том основании, что маркеров хезитации много. Однако в строках 5–6 ситуация, на наш взгляд, является иной. В первом случае ЗП находится внутри КЕР в положении, в котором имеется сильная грамматическая проекция. После произнесения ЗП говорящий произносит слово *партнера*. Возможно, что он действительно должен подыскать подходящее слово, но вполне возможно и другое

толкование ситуации, в соответствии с которым ЗП только подчеркивает выбранное слово и указывает на профессиональную осторожность и продуманность. Подобное истолкование возможно в следующих двух случаях ЗП. Возможно, что после произнесения слова *партнера* говорящий еще обдумывает продолжение и после ЗП принимает решение – уточнить слово *партнера*. Однако то, что перед обоими уточняющими словами, которые являются сравнительно общими, встречается ЗП, повышает вероятность того, что данные ЗП употреблены, прежде всего, для выделения. Поскольку мы не можем получить исчерпывающего ответа о причине употребления ЗП, мы классифицировали такие случаи нашего материала как возможные маркеры хезитации.

Подводя итог, можно суммировать особенности ЗП таким образом, что он нередко встречается с другими маркерами хезитации. Речь идет о просодических типах хезитации и о других маркерах. Как было отмечено в начале этого параграфа, ЗП является наиболее универсальным типом хезитации.

4.5 Просодические признаки

В настоящем параграфе рассматриваются просодические признаки, в частности, растяжки звука⁷² (:), являющиеся универсальной стратегией в хезитации (Хуршудян 2006: 174). Они нередко сопровождаются монотонным контуром интонации (→) (ср. п. 4.4), а также иногда – скрипучим голосом (ср. в финском языке Laakso 1997: 127; в шведском Högne 2009: 284–286). Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, просодические признаки особенно часто встречаются вместе с ЗП. Однако имеются и другие единицы языка, которые сопровождаются растяжкой, монотонной интонацией или скрипучим голосом и которые из-за этих просодических признаков приобретают хезитационную

---

⁷² Терминология растяжек звука не устоялась. Например, в русскоязычной лингвистике используются такие термины, как «растяжки» (Алексиева 2007), «удлиненные звуки» (Хуршудян 2006), «удлинение звуков» (Подлесская & Кибрик 2007), «удлиненная реализация фонем» (Подлесская & Кибрик 2009). В англоязычных работах спектр еще шире. Встречаются, например, термины «(sound) stretches» (особенно в КА см. Schegloff et al. 1977: 367; Schegloff 1979; ср. также Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; Hayashi 2003), «prolongations» (Merlo & Barbosa 2010), «non-phonemic lengthening of phonemes» (Blankenship & Kay 1964), «elongated pronunciations» (Arnold et al. 2003) и другие (см. Arnold et al. 2004: 578–579). Мы будем употреблять термин «растяжка звука», так как он представляется наиболее точным эквивалентом англоязычного термина «sound stretch» КА.

функцию (см. Алексиева 2007: 276; ср. также Ладыженская 1984: 71; Хуршудян 2006: 161–176; Верхованова и др. 2018).⁷³ Рассмотрим это явление при помощи следующих коротких фрагментов.⁷⁴

(17) «Как это было»

- 01 > ВЕС: .xx э::→ тогда у нас были очень э::→ не• н::у довольно
02 (п) недружеские отноше↑ния с Югославией?
03 > .xx и:→ э: вот э↑та игра?=
04 =она выделялась.=среди всех других?
05 .xx соревнова[ний?] в особую игру↑
06 В/ОШ: [°угу.°]
07 > ВЕС: »и::→ к:→ к:→ и к ней был и повышенный интерес---

(18) «Как это было»

- 01 НАП-Р: ---и <думать о том;=что я должна (0.3) выхрять?>
02 > .xx я просто:→ э считала бы; э:→ нетактичным.

(19) «Киноглаз»

- 01 > ЮБН: .xx случайно я::→ собрал все эти бумаги?=документы?
02 > но: >самое оригинальное состоит в том↑ что когда я---

(20) «Киноглаз»

- 01 > ЮБН: ---[+хотя+] хотя надо сказать #что:→# .xx #м:→# <я>
02 В/МЯ: [я]
03 > ЮБН: »могу:→ °э° наверно с (п) такой же> .xx #м:→# (1) ¥>с
04 > такой же необходимостью говорить и о:→ скажем о
05 японской поэзии.<

(21) «Про это»

- 01 > Т: [>нет.=это я] поняла↑ просто из моего< о↑пыта:→ с
02 обычными мужчинами.

(22) «На здоровье»

- 01 > ЮА: ---для меня нет я: я не осилю так ~сказать:~ (0.2) два
02 три стакана---

Как показывают примеры, и согласно данным В. Г. Хуршудян (2006: 161), растяжка звука может быть расположена и в гласных, и в

⁷³ Ср. также в других языках, например, в английском (Jefferson 1974; Schegloff et al. 1977: 367; Schegloff 1979: 273; Arnold et al. 2003; 2004; Хуршудян 2006), в немецком (Betz et al. 2017; 2018), в португальском (Merlo & Barbosa 2010), в финском (Laakso 1997: 127–130; Sorjonen 1997; Simula & Pekkala 2006), в венгерском (Gósy & Eklund 2017), в иврите (Silber-Varod et al. 2019), в армянском и в итальянском (Хуршудян 2006).

⁷⁴ Здесь мы не будем принимать во внимание те случаи, в которых просодические признаки связаны с ЗП (ср. п. 4.4).

согласных (см. в согласном, пример 17, строки 1, 7). Кроме того, можно увидеть, что большая часть растяжек звука находится в частицах-союзах (ср. п. 4.4) (пример 17, строки 3, 7; пример 19, строка 2; пример 20, строка 1) и в предлогах (пример 17, строка 7; пример 20, строка 4) (ср. Хуршудян 2006: 162–168; см. также Clark & Fox Tree 2002: 102–103, 106). Однако можно отметить, что растяжку звука может иметь любая часть речи. В примерах мы видим растяжку в наречии (пример 18, строка 2), в местоимении (пример 19, строка 1; пример 22, строка 1), в глаголе (пример 20, строка 3) и в существительном (пример 21, строка 1).

Кроме того, примеры делают наглядным и то, что растяжка звука нередко встречается в речи вместе с другими средствами указания на хезитацию. Другими словами, они находятся в цепочках хезитации (см. пример 17, строки 3, 7) (ср. пп. 1.1 и 1.4; см. также Schegloff 1979: 273; Clark & Fox Tree 2002: 102–103; Hayashi 2003: 115). Как мы видим, данные цепочки являются разнообразными. Наряду с данными растяжками звука, помимо ЗП (см. пример 20, строка 1) (ср. п. 4.4), имеются другие растяжки звука (см. пример 17, строка 7), (нерелевантные) повторы (пример 17, строка 7) (подробнее см. п. 4.8) (ср. Алексиева 2007), лексические маркеры поиска и решения проблемы (см. пример 20, строка 4) и пустые паузы (пример 22, строка 1). Необходимо отметить и то, что, как показывают примеры, в нашем материале почти все растяжки звука приходятся именно на последний слог (ср. Хуршудян 2006: 162; Алексиева 2007: 276; см. также в других языках Silber-Varod et al. 2019: 47 и указанные там источники).

Также следует подчеркнуть, что в русском языке растяжки звука употребляются в разных типах маркирования хезитации. Как видно из примеров, они расположены внутри КЕР (см. пример 17, строка 1; пример 21, строка 1), а следовательно, чаще всего сигнализируют о поиске слова (ср. в английском языке, например, Schegloff 1979: 273; Goodwin 1987: 121; Fox Tree & Clark 1997: 163–165; в японском Hayashi 2003: 115). Они также могут располагаться в начале реплики и КЕР (см. пример 17, строки 3, 7) в позиции, в которой они, как правило, указывают на проблему более широкого типа, например, синтаксический или даже семантический род (подробнее см. пп. 5.2 и 5.3). Кроме того, согласно результатам исследований финского языка М. Лааксо (Laakso 1997: 125–130; ср. также Sorjonen 1997: 121; Simula

& Pekkala 2006: 177), растяжки звука встречаются чаще всего именно в препозитивных самоисправлениях.

В большей части исследований, в которых растяжки звука рассматриваются как тип хезитации, их специальная роль не учитывается. Она изучается как один из маркеров хезитации, а объектом исследования является не сам данный маркер (см., однако, Fox Tree & Clark 1997), а какое-либо другое явление (см., например, Arnold et al. 2003; 2004; Merlo & Barbosa 2010). Иначе говоря, о том, почему в определенном случае возникает конкретный маркер хезитации, известно немного. Что растяжка звука дает взаимодействию и явлению хезитации? Данная работа, к сожалению, не в состоянии полностью раскрыть данный вопрос, однако она дает широкий спектр подконтекстов явления хезитации, в которых встречаются именно растяжки звука.

Просодические признаки хезитации, в частности, растяжки звука (см., например, Кибрик и др. 2009б: 344–349 и указанные там источники; Подлесская & Кибрик 2009: 183)⁷⁵ и скрипучий голос (ср. в финском языке Ogden 2004) могут выполнять и другие функции. Например, в русском языке растяжки звука выполняют задачи, связанные с ударением слова и интонацией (см., например, Брызгунова 1978: 14, 18; Кибрик и др. 2009б: 346). Кроме того, они употребляются для выражения эмфазы (ср. Кибрик и др. 2009б: 349 и указанные там источники; Подлесская & Кибрик 2009: 183). Пример 23 иллюстрирует данное явление.

(23) «Как это было»

01	В/ОШ:	одним из тех?=на кого возлагались осо↑бые надежды
02		накануне Хельсинкской Олимпиады?
03		.xx был нападающий московского Спартака?
04		и сборной СССР по футболу? .xx Анато↑лий
05		~Михайлович~ Ильи <u>н</u> .
06		(п)
07		я с удовольствием? приглашаю его? (п) в студию.
08		(1)
09 >		~А::→натолий Михайлович~ ну кто ещё↑ входил тогда в
10		сборную СССР.=назови↑те пожалуйста.=

В данном фрагменте ведущий только что представил нового гостя и пригласил его в студию. Когда он обращается к нему, он растягивает

⁷⁵ См. также в других языках (Merlo & Barbosa 2010: 254 и указанные там источники).

первый звук имени гостя (строка 9). В данном случае речь, очевидно, не может идти о том, что тележурналист ищет нужное имя, так как он только что его произнес (ср., например, Fischer 2000: 162; Arnold et al. 2003: 26, 34–35 и указанные там источники; 2004: 581). Напротив, он, по всей вероятности, акцентирует внимание на выступлении нового гостя и его имени, а также, возможно, на том, что собирается интервьюировать именно его.

Основываясь на анализе нашего материала, мы можем сказать, что, как нам кажется, скрипучий голос не может самостоятельно, без других маркеров хезитации, в том числе без растяжки звука или ЗП, указывать на хезитацию. Он может выполнять другие функции. Например, в финском языке отмечается, что скрипучий голос играет важную роль в управлении сменой ролей, сигнализируя о намерении окончания реплики говорящим (Ogden 2004: 35–43, 57–58; ср. также в других языках Horne 2009: 284 и указанные там источники).

По сравнению с другими типами хезитации растяжка звука вместе с задержкой продвижения по прагматической проекции (см. п. 4.9), а также пустой паузой (см. п. 4.6) является единственным средством, которое дает говорящему возможность реагировать на проблему производства речи перед произнесением «лишних» единиц языка или совершением ошибки (ср. Jefferson 1974: 194–195). Таким образом, если говорящий решит проблему кратко, он может сразу продолжить свою реплику по проекции без других маркеров хезитации. Однако, как мы увидели, достаточно часто данный маркер сопровождается другими типами хезитации.

Вторая особенность этого маркера заключается в том, что растяжка звука может встретиться в любом слове, и сравнительно часто они находятся в частицах-союзах (ср. п. 4.4, сноску 71), которые могут выполнять множество функций во взаимодействии. Следовательно, данный тип является хорошим подтверждением того, что речь идет о хезитации, когда говорящий произносит, например, *a*, которое может встречаться и в роли частицы-союза, и в роли ЗП, особенно если растяжка звука встречается вместе с монотонным контуром интонации (ср. в эстонском языке Keevallik 2010b: 151). Что касается лексических маркеров (ср. п. 4.7), находящихся в начале КЕР или реплики, их можно включить в разряд возможных маркеров хезитации только при наличии других типов хезитации, таких как, например, растяжки.

4.6 Пустые паузы

Широко известно, что пустые⁷⁶ паузы могут играть в хезитации определенную роль (в русском языке см., например, Ладыженская 1984; Подлесская & Кибрик 2005; 2009: 178–179; Алексиева 2007: 276; Степанов 2008: 137–142; Коротаев 2009; Богданова-Бегларян и др. 2013).⁷⁷ Однако, поскольку паузы имеют в речи и другие функции, включая членение потока речи и набор воздуха (в русском языке см., например, РЯЭ s.v. пауза; Степанов 2008: 86–88; Подлесская & Кибрик 2009: 179),⁷⁸ существуют мнения о том, что их стоит исключить из возможных маркеров хезитации (Shriberg 1994: 2; Fox Tree 1995: 709–710; Bortfeld et al. 2001: 141; см. также Postma 2000: 106).

Во многих исследованиях подчеркивается, что пустые паузы выступают в роли маркеров хезитации достаточно бесспорно только тогда, когда они находятся внутри КЕР (или другой соответствующей единицы речи), т. е. они не имеют синтаксической функции (в русском языке см., например, Алексиева 2007: 276; Кибрик и др. 2009в: 68; Коротаев 2009: 45, 182; Подлесская & Кибрик 2009: 179).⁷⁹ Однако пустые паузы хезитации встречаются и в других положениях в отношении КЕР. Рассмотрим пример, иллюстрирующий данное явление.

(24) «Как это было»

01 >	НАП-Р:	.xx (.) потому чт#о: # (0.2) э: → веду↑щей в то время;
02		(.) .xx (.) и не толь↑ко в то время; =но на протяжении э
03 >		э: → (.) #э: → # (0.3) полутора десятков лет?
04		(.) .xx была? =неувяда↑емая Нина Яковлевна Думбадзе;
05		(.) .xx и вот °э° на эти Олимпийские ихры?
06 >		.xx (.) я конечно ехала? =за (0.4) широ↑кой спиной; =
07		=этой прославленной спортсменки?

В примере 24 мы видим, что пустые паузы, которые главным образом выполняют хезитационную функцию, находятся внутри КЕР (строки 3, 6) или в начале новой КЕР после первого элемента или

⁷⁶ В русской лингвистике встречается также термин «абсолютные паузы» (см., например, Кибрик и др. 2009в: 67–69; Коротаев 2009).

⁷⁷ Подобные наблюдения есть и в других языках (в английском см., например, Maclay & Osgood 1959; Blankenship & Kay 1964; Schegloff 1979; Biber et al. 1999: 1053; Postma 2000; Erman 2007; в португальском см. Merlo & Barbosa 2010; в финском см. Laakso 1997: 117; Sorjonen 1997; Laakso & Lehtola 2003; Simula & Pekkala 2006; в японском см. Rose 2017).

⁷⁸ Ср. также в английском языке (например, Chafe 1980a: 14; Erman 2007: 31–32).

⁷⁹ См. также в других языках (Cruttenden 1997: 30–31; Sorjonen 1997: 114; ср. также Chafe 1980a; Simula & Pekkala 2006; Merlo & Barbosa 2010).

первых элементов, например, частицы-союзы (строка 1). Данное положение является, по результатам исследования Н. А. Коротаева (2009: 182; ср. также Boomer 1965: 155–156; Kylänpää 1981: 105; Cruttenden 1997: 30–31), весьма типичным для пустой паузы и для ЗП, имеющих хезитационную природу. Как видно из примера, пустые паузы нередко встречаются вместе с другими маркерами хезитации (строки 1, 3) (с ЗП см., например, Clark & Fox Tree 2002: 82–86, 95–97; с *ну* и *вот*, которые иногда выступают в роли лексических маркеров см. Столярова 2003 [1992]: 35; ср. п. 4.7).

Данный пример иллюстрирует и то, что пустые паузы, имеющие хезитационный характер, сравнительно часто встречаются именно в препозитивном самоисправлении, в том числе в качестве маркера поиска слова или более крупной единицы (ср. Schegloff 1979: 273–274; Laakso 1997: 129–130; Laakso & Lehtola 2003: 7, 9; Подлесская & Кибрик 2009: 178–179). Они также могут быть расположены и в постпозитивном самоисправлении (см. п. 5.4.7; ср. Schegloff 1979: 273–274; Laakso 1997: 117; Simula & Pekkala 2006: 176; Подлесская & Кибрик 2009: 179, 191, 194).

Этот пример наглядно показывает, в каких контекстах пустые паузы можно считать маркерами хезитации, и одновременно раскрывает положения, в которых пустые паузы, как правило, не имеют других функций, в том числе синтаксических или текстуальных. Хотя в вышеприведенном примере часть пустых пауз встречаются вместе с другими маркерами как часть цепочки хезитации, пустые паузы без наличия других маркеров в таких же контекстах, несомненно, также входили бы в категорию маркеров хезитации, так как, как уже упомянуто, они, очевидно, не имеют других функций.

Как уже было сказано, пустые паузы встречаются и в синтаксических границах вместе с частицами-союзами. В. И. Подлесская и А. А. Кибрик (2009: 179) отмечают, что паузы, встречающиеся на границах интонационного и семантического единства, могут иметь двоякие функции. Другими словами, они могут не только выступать в роли членения потока речи, но и маркировать проблемы, связанные с производством речи (там же; см. также Chafe 1980a: 14–15; 1980b: 174–175). Кроме того, по данным У. Л. Чейфа (Chafe 1980b: 174–175; см. также гипотезу Lounsbury 1954: 99–100), маркеры хезитации, в том числе пустые паузы и ЗП, встречаются непосредственно между высказываниями.

Если считать, что пустые паузы, расположенные в синтаксических границах, имеют и хезитационную роль, требуется определить критерии для этой задачи. Иначе говоря, необходимо выяснить, в каких условиях пустые паузы, выполняющие синтаксическую функцию, указывают на хезитацию? Довольно часто в определении пауз хезитационного характера обращается внимание на длительность пустой паузы. Однако не существует устоявшегося мнения о том, какая должна быть длительность у паузы, чтобы она маркировала хезитацию. Существуют различные определения, касающиеся длительности пустой паузы, например, от 0,4 секунды до 2 секунд. (ср., например, Lounsbury 1954: 98; Barik 1968: 157; Chafe 1980a: 14–15; Laakso & Lehtola 2003: 7, 9, 23 и указанные там источники; см. также Postma 2000: 103, 106; Rose 2017: 50; 2019: 20.)⁸⁰

Другая возможность, на наш взгляд, заключается в исключении пустых пауз, имеющих только функцию членения потока речи, из категории пустых пауз, которые играют роль в маркировании хезитации, – это сравнение длительности всех пустых пауз каждого участника телевизионной беседы отдельно. Итак, к категории маркеров хезитации, как уже было упомянуто выше, можно отнести, во-первых, пустые паузы внутри КЕР, во-вторых, те пустые паузы (в частности, длительные), которые находятся в любой позиции и сопровождаются другими типами хезитации, т. е. образуют цепочки хезитации, и в-третьих, пустые паузы, расположенные между КЕР или в начале КЕР или реплики и кажущиеся более длительными, чем паузы того же участника телевизионной беседы, или являющиеся, по крайней мере, такими же длинными, как и пустые паузы, находящиеся в цепочке хезитации.

Когда пустые паузы располагаются между КЕР или в инициальной позиции по отношению к КЕР, мы принимаем во внимание тот факт, что, помимо функции маркирования хезитации, они могут иметь и

---

⁸⁰ Например, М. Лааксо и М. Лехтола (Laakso & Lehtola 2003: 7) решили отнести к маркерам поиска слова те пустые паузы, которые имели значительную длительность (по меньшей мере, 1,5 сек.), а также случаи, когда они встречаются вместе с другими показателями поиска слова, например, с ЗП, повтором или частицей поиска. А. Постма (Postma 2000: 103; см. также Ладыженская 1984: 72) также подчеркивает лишнюю продолжительность паузы в маркировании хезитации. В. И. Подлесская (личное сообщение) имеет немного другое мнение: она включает в разряд хезитационных пауз все паузы с минимальной длительностью 0,4 сек. У. Л. Чейф (Chafe 1980a: 14–15) полагает, что пустые паузы, которые выполняют функцию маркирования хезитации, могут быть как сравнительно длительными, так и краткими.

другие функции, например, синтаксические. Однако иногда бывает трудно определить, имеет ли та или иная пауза отношение к хезитации.⁸¹ Такие случаи определяются как возможные маркеры хезитации и их в нашем материале в общей сложности 375, причем более 1/3 из них – пустые паузы.

Рассмотрим еще один пример, который иллюстрирует наше определение границ хезитационных пауз, а также представляет собой спорный случай.

(25) «Киноглаз»

01 >	ЮБН:	---.xx ну ещё? один человек? (0.4) с которым мы работали
02		все фильмы?
03 >		(0.8) ¥ это композитор Меерович?
04 >		(1.3) .xx но к сожалению:→ месяц назад он умер;
05 >		(0.9) (°-°) (0.6) да. месяц назад.
06		и:→ #э.:→# я не знаю как дальше будет работа над
07		Шинелью?

Из данного примера видно, что между КЕР, несомненно, встречаются пустые паузы (строки 3–5). Они расположены в таких местах, в которых КЕР является завершенной, по крайней мере, с точки зрения синтаксиса (ср. п. 3.1). Можно сказать, что пустые паузы играют определенную роль в синтаксическом членении. Как можно заметить, данные паузы (строки 3–5) являются сравнительно долгими (от 0,6 до 1,3 сек.). Таким образом, мы считаем их маркерами хезитации, хотя, очевидно, они также выполняют синтаксическую функцию членения речевого потока. Однако самая первая пауза (строка 1) не имеет такой большой продолжительности, что ее можно было бы сразу включить в разряд хезитационных пауз. Поскольку, помимо других функций, она может иметь хезитационную роль, она определяется в нашем исследовании как возможный тип хезитации.

Рассмотрим кратко особенности пустой паузы как маркера хезитации. Подобно растяжке и задержке продвижения по прагматической проекции, пустая пауза предоставляет говорящему возможность реагировать на речевой сбой перед явными маркерами хезитации (см. п. 4.5). Следовательно, решив проблему кратко,

⁸¹ Трудность связана и с тем, что в рамках данной работы было невозможно измерить длительность всех пустых пауз (ср. также сноску 8). Однако, как нам кажется, эту неточность нельзя считать слабой стороной данной работы, так как, как уже отмечалось выше, среди лингвистов до сих пор нет единогласия по вопросу о том, какими по длительности должны быть пустые паузы, чтобы они играли безусловную роль в указании на хезитацию.

говорящий может сразу продолжить свою реплику по проекции. Однако, как мы увидели, достаточно часто данный тип сопровождается другими маркерами хезитации.

Вторая особенность пустой паузы заключается в том, что она является бесспорным типом хезитации, только если она расположена внутри КЕР. В других позициях она может выполнять другие функции. Отсюда следует, что, как уже отмечалось, в нашей работе достаточно большую часть (почти 150) пустых пауз невозможно с полной уверенностью включить в маркеры хезитации или исключить из них. Они являются возможными типами хезитации.

4.7 Лексические маркеры хезитации

4.7.1 Общие замечания

В настоящем параграфе рассматривается роль лексических маркеров хезитации, например, некоторые частицы, союзы, местоимения и вводные слова. Мы употребляем термин «лексические маркеры», так как все элементы, входящие в данную категорию, имеют свое лексическое значение, хотя оно является сравнительно слабым (ср. п. 4.2).⁸² Лингвисты, занимающиеся исследованиями многих языков, считают, что данные элементы играют свою роль в хезитации (см. в русском языке Краевская 1978; Ладыженская 1984; Кожевникова 1985; Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2000; 2003; Шмелев 2004; Подлеская & Кибрик 2005; 2009: 184–187; Степанов 2008: 142–144; ср. также Сатюкова & Воейкова 2010: 197).⁸³ Однако частицы, союзы, местоимения и вводные слова всегда выполняют и другие функции. Можно сказать, что роль лексических маркеров при хезитации является двойкой и не всегда ясной. Для данного истолкования лексические маркеры хезитации всегда требуют наличия других маркеров

---

⁸² Для обозначения данных элементов языка используются и другие термины, например, «дискурсивные маркеры» (discourse markers) (см., например, Shriberg 1994: 2; Bortfeld et al. 2001: 132, 141; Merlo & Barbosa 2010: 254) (ср. «дискурсивные слова», например, Киселева & Пайар 1998), но, как полагает Л. Кееваллик (Keevallik 2010a: 159), данный термин может оказаться неподходящим для исследования взаимодействия и всех его явлений, так как термин исходит из того, что разговор является, прежде всего, только обменом высказываниями (обменом информацией между собеседниками).

⁸³ Ср. также в других языках (в армянском Хуршудян 2006; в английском Postma 2000; Fehrer & Fry 2007; в финском Laakso 1997; Sorjonen 1997; Helasvuo et al. 2004; Lappalainen 2004; Sorjonen & Laakso 2005; Etelämäki & Jaakola 2009; в эстонском Keevallik 2010b; в японском Fox et al. 1996; Hayashi 2003; в испанском (в Латинской Америке) Graham 2018).

хезитации, например, пустых пауз, ЗП и растяжек звука. (ср., например, Столярова 2003 [1992]: 35; Кибрик и др. 2009д: 150.) Следовательно, подобно пустым паузам, данные элементы языка также иногда исключаются исследователями из типов хезитации (см., например, Shriberg 1994: 2; Bortfeld et al. 2001: 141; Merlo & Barbosa 2010: 254).

Лексические маркеры хезитации в достаточно большой степени являются языкозависимыми и имеют свои собственные функции, в том числе текстуального типа (см., например, Vasilyeva 1972; Земская 1987; Дараган 2003; Кибрик и др. 2009д; Коротаев 2009), а также связанные с управлением сменой ролей (см., например, Rathmayr 1985; Шмелев 2004; Пауккери 2006). Таким образом, на наш взгляд, не стоит подробнее рассматривать исследования лексических маркеров хезитации, посвященные другим языкам, вместо этого мы ограничимся представлением результатов исследований, касающихся именно русского языка.

Лексические маркеры хезитации можно разделить на две группы на основе того, согласуются ли они с именной группой или нет (ср. Хуршудян 2006: 67; Подлесская & Кибрик 2009: 185–186). В частности, согласуемые с именной группой маркеры употребляются при поиске слов и нередко называются маркерами препаративной подстановки или препаративной замены⁸⁴ (см. Дараган 2003; Хуршудян 2006: 66–67; Алексиева 2007: 277; Подлесская & Кибрик 2009: 184–187).⁸⁵ Рассмотрим сначала несогласуемые лексические маркеры (пп. 4.7.2–4.7.5), а затем согласуемые маркеры (п. 4.7.6). При помощи лексических маркеров хезитации говорящий может также выразить отношение к решению или попытке решения проблемы (см. пп. 5.4.3 и 5.4.5; ср. также Кормилицына & Кочеткова 1983: 76; Sorjonen 1997: 120; Lappalainen 2004: 122, 124–127; Lautenbacher 2007: 463).

---

⁸⁴ См. также в английском языке термин «placeholder» (Fox et al. 1996: 206; Hayashi 2003: 128, 136; см. также Amiridze et al. (eds.) 2010).

⁸⁵ Явление препаративной подстановки заключается в том, что говорящий испытывает затруднение в производстве речи и, не находя удовлетворительной вербализации, временно вставляет на место подыскиваемого слова или конструкции заместитель (см., например, Хуршудян 2006: 67; Подлесская & Кибрик 2009: 185; Подлесская 2013: 621). По мнению В. Г. Хуршудян (2006: 67), данный заместитель встраивается в определенное место синтаксической структуры, т. е. в то самое положение, в которое говорящий первоначально собирался поставить подходящее слово или конструкцию.

Все следующие замечания основываются на достаточно небольшой выборке, рассматриваются также вторичные источники. Необходимо подчеркнуть, что результаты, представленные в следующих параграфах, имеют предварительный характер.⁸⁶

4.7.2 Ну

Рассмотрим сначала слово *ну*, которое употребляется как междометие и как частица. Как междометие оно может выражать (нетерпеливое) побуждение, призыв к речевому шагу, а также удивление, восхищение, недовольство, негодование, иронию и другие чувства. Когда слово *ну* употребляется как частица, оно имеет множество функций. В изложении эта частица выражает подведение итогов, а также возможность перехода к дальнейшему высказыванию. Кроме того, она может выражать неожиданное и резкое начало речевого шага. Данная частица также имеет функцию частичной уступки и настороженности, так как она выражает утверждение при некотором недовольстве, а также готовности возражать. *Ну* также употребляется вместе с другими частицами и другими лексическими единицами, и тогда сочетания имеют свои особенные функции. (Грамота s.v. ну; ТСРЯ s.v. ну; см. также Vasilyeva 1972: 94–103, 223, 227, 231; Rathmayr 1985: 166–168, 175–180; Дараган 2003; Столярова 2003 [1992]: 37–40; Шмелев 2004 и указанные там источники; Пауккери 2006; Кибрик и др. 2009д: 147–151.) Кроме того, данная частица может имплицировать несогласие с собеседником (Столярова 2003 [1992]: 37–38; ср. также Vasilyeva 1972: 232–233). Подводя итоги, можно сказать, что *ну*, во-первых, нередко употребляется как первая реакция на эмоции или уступку, а во-вторых, – как побуждение, включая возможность перехода.

Данные условия употребления также влияют на функции частицы *ну* при хезитации. Частица *ну* нередко маркирует именно поиск слова, но может указывать и на более широкую проблему (см., например, Vasilyeva 1972: 101; Алексиева 2007: 276–277; см. также PPP: 471; Сиротинина 1974: 71; Гаспаров 1978: 77–78; Краевская 1978: 163;

---

⁸⁶ Кроме того, в следующих параграфах не будут рассматриваться некоторые лексические маркеры хезитации, роль которых в маркировании хезитации является весьма спорной и которые представляют собой только отдельные случаи. Речь идет о таких маркерах, как *там* (Краевская 1978: 163; Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2000; Столярова 2003 [1992]: 37; Шмелев 2004: 205; Алексиева 2007: 277; см. также Дараган 2003; Левонтина 2011: 275–277) и *какой-то* (см. Грамота s.v. какой-то), которые, как нам кажется, прежде всего являются решениями говорящего о поиске слова.

Кормилицына & Кочеткова 1983: 74; Ладыженская 1984: 72; Земская 1987: 91; Дараган 2000; 2003; Столярова 2003 [1992]: 35–37; Шмелев 2004: 215–220; Подлесская & Кибрик 2005; 2009: 185–186, 191, 204–205, 211–212; Степанов 2008: 142, 144).

Что же особенного сообщает данный маркер о поиске слова? Рассмотрим пример.

(26) «Как это было»

01	В/ОШ:	=вот так в двух словах?<=
02		=о чём↑ вы говорили со спортсменами?= 03 ВЕС: =любой ценой нигде не ставился так вопрос↑ победить. 04 единст↑венная была встреча по футболу?= 05 =нам пришлось играть с югославской командой?= 06 В/ОШ: =°угу.°= 07 ВЕС: =э.:→ сборной Югославии? 08 > .xx э.:→ тогда у нас были очень э.:→ не• н::у довольно 09 (п) недружеские отноше↑ния с Югославией? 10 .xx и:→ э: вот э↑та игра?= 11 =она выделялась.=среди всех других? 12 .xx соревнова[ний?] в особую игру↑» 13 В/ОШ: [°угу.°] 14 ВЕС: » и:→ к:→ к:→ и к ней <i>был и повышенный</i> интерес и у 15 руководства страны?

Обращаем особое внимание на употребление частицы *ну* при поиске подходящего описания отношений между СССР и Югославией в речи члена руководства советской спортивной делегации на Олимпийских играх (строка 8). Как мы увидели, говорящий испытывал трудности после произнесения слова *очень* (ЗП, произнесенный с растяжкой и монотонной интонацией). *Ну* с растяжкой встречается в середине фрагмента исправления, когда говорящий, уже произнеся начало (по всей вероятности, слово *недружеские*), перебивает себя и произносит частицу *ну*, а потом продолжает, замещая ранее употребленное наречие *очень* наречием *довольно* (ср. п. 3.3), а также используя маркер хезитации (пустую паузу).

Иначе говоря, употребляя частицу *ну* и, в частности, замещая слово *очень* словом *довольно*, говорящий сильно смягчает свое высказывание. Как полагают некоторые ученые (Дараган 2000; Подлесская & Кибрик 2005; 2009: 185; Алексиева 2007: 277; см. также Шмелев 2004: 215), поисковое *ну* нередко встречается именно при исправлении своей речи. Поскольку слово *ну*, помимо других функций, имеет также функцию настороженности и частичной уступки (ср.

выше), оно в данном контексте указывает не только на проблему выбора описания, но и, возможно, на уступительное и настороженное отношение говорящего к своему будущему выбору.⁸⁷

Как видно, новый вариант является более осторожным и не таким радикальным, как возможный изначальный выбор слова. Возможно, что *ну* сообщает здесь, что будущее описание не будет максимально удачным, но будет достаточным для данного случая. Как утверждает в работе А. Н. Васильевой (Vasilyeva 1972: 101; см. также Шмелев 2004: 217–218), *ну* употребляется, когда говорящему трудно найти точную формулировку или он вообще не хочет быть точным. Таким образом, речь идет о своего рода аппроксимации (ср. Дараган 2003; Podlesskaya 2010: 25–29; Подлесская 2013: 623–627; Потанина и др. 2016: 571). А. Д. Шмелев (2004: 215) имеет весьма сходную точку зрения: по его словам, говорящий, употребляя частицы *ну*, нередко испытывает трудности выбора между равно приемлемыми возможностями. Кроме того, как полагают А. Д. Шмелев (там же) и Ю. В. Дараган (2003), употребление частицы *ну* при поиске слова и других затруднениях связано с апелляцией к собеседнику. Другими словами, если говорящий считает, что он не имеет возможности быть максимально точным в своей вербализации, он должен рассчитывать на понимание собеседника, что адресат может сам домыслить, о чем идет речь. На наш взгляд, отсюда следует, что с использованием *ну*, возможно, связана мысль о «капитуляции» перед наиболее удачным описанием или выбором слова. Почему в данном контексте можно сделать такие выводы? Во-первых, говорящий начинает описание более радикального типа. Иначе говоря, он, возможно, меняет описание только из вежливости. Во-вторых, описание отношений между Югославией и СССР может оказаться трудной задачей, в которой вообще нет оптимального выбора слов. Говорящий как бы дает собеседнику возможность самому домыслить ситуацию, так как он делает намеки, первоначально выбирая *очень* и затем исправляя его на наречие *довольно*. Также нащупывание возможного описания *недружеские* дает понять, что описание является проблематичным.

---

⁸⁷ Данное употребление частицы *ну*, на наш взгляд, имеет немного общего и с функцией частичной уступки (см. Шмелев 2004: 216; ср. также Vasilyeva 1972: 96, 223, 231; Столярова 2003 [1992]: 37–38). Как полагает А. Д. Шмелев (2004: 216), *ну* в функции частичной уступки указывает на частичное согласие с уже сказанным собеседником и имеет значение возражения. А. Д. Шмелев не включает данное употребление в разряд хезитационных *ну*.

Как нам кажется, пример 26 довольно удачно показывает, какую добавочную информацию частица *ну* может выражать при поиске слова.⁸⁸ Она дает информацию о том, как говорящий относится к проблеме и ее решению.

Если сравнивать главные функции частицы *ну* без маркирования хезитации с функциями, связанными с проблемами производства речи, можно заметить, что в обоих случаях подчеркивается функция (эмоциональной) реакции. Реакция может быть причиной реплики собеседника, в том числе причиной постановки трудного вопроса (ср., например, Столярова 2003 [1992]: 36; Шмелев 2004: 218, 220), или причиной потребности самого говорящего, например, при поиске более точного слова. Кроме того, когда речь идет об уступке или настороженности, их можно нередко заметить и при проблемах вербализации.

Как уже было сказано выше (см. п. 4.7.1), так же, как и другие лексические маркеры, *ну* как маркер хезитации требует наличия в речевом потоке других типов хезитации перед или после *ну*. Нередко данный маркер встречается вместе с пустой паузой (ср. Столярова 2003 [1992]: 35), с повтором (ср. Кибрик и др. 2009д: 150), с ЗП (ср. Шмелев 2004: 213; Кибрик и др. 2009д: 150), а также с другими маркерами хезитации, в том числе с растяжкой.

Вообще частиц *ну* в таком употреблении в нашем материале весьма немного, и большая их часть расположена в начале реплики или КЕР, в связи с чем они, возможно, прежде всего выполняют текстуальные функции, включая готовность к переходу, хотя встречаются и с другими маркерами хезитации. Наиболее вероятно частица *ну* связана с хезитацией, когда она находится внутри КЕР, что происходит при поиске слова или какой-либо конструкции. Тогда, как можно судить на основании результатов нашего анализа, она, возможно, имеет дополнительную функцию частичной уступки и/или апелляции. Иначе говоря, произнося *ну* в конце поиска слова, говорящий может стараться найти как можно более точную вербализацию, но не находит лучшего варианта, а собеседник при этом сам может домыслить остальное.

---

⁸⁸ Имеются и другие функции частицы *ну*, связанные с хезитацией, которые являются не особенно релевантными с точки зрения данной работы (подробнее см. Дараган 2003; Столярова 2003 [1992]: 37; Шмелев 2004: 218–220).

4.7.3 *Вот*

Вот определяется как частица и местоименное наречие. Чаще всего это слово имеет указательную функцию: оно указывает на кого-либо или что-либо, что находится или происходит поблизости, или же при рассказывании – как бы перед глазами. *Вот* употребляется и в составе словосочетаний с другими частями речи, и тогда оно может быть употреблено для уточнения или усиления, например, значения последующего слова, высказывания в целом или эмоциональной реакции говорящего. Кроме того, оно используется и для подтверждения предыдущей реплики собеседника, а также может указывать на неожиданный или нежелательный результат. Кроме того, оно употребляется как связка, а также имеет и другие функции, когда сочетается с другими частями речи, например, со сложными союзами. (Грамота s.v. вот; ТСПЯ s.v. вот; см. также Vasilyeva 1972: 82–90, 211–214, 217–219, 224, 233; Rathmayr 1985: 171–172, 175–180; Земская 1987: 93–94; Долгов & Лейнонен 1988 и указанные там источники; Grenoble & Riley 1996; Дараган 2003; Столярова 2003 [1992]: 39–41; Кибрик и др. 2009д: 147–151; Коротаев 2009: 181.) Кроме того, *вот* также может играть важную роль в различных текстуальных переходах (Долгов & Лейнонен 1988: 138–143; Grenoble & Riley 1996: 827, 829–837; см. также Дараган 2003).

При указании на хезитацию частица *вот* часто маркирует именно поиск слова, но может быть маркером и проблемы более крупного плана (см., например, Vasilyeva 1972: 101; Земская 1987: 91, 94; Долгов & Лейнонен 1988: 132; Алексиева 2007: 276–277; см. также Сиротинина 1974: 71; Гаспаров 1978: 77–78; Краевская 1978: 163; Кормилицына & Кочеткова 1983: 74; Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2000 и указанные там источники; 2003; Столярова 2003 [1992]: 35–37; Степанов 2008: 142, 144). По словам Э. А. Столяровой (2003 [1992]: 35), *вот* и *ну* являются наиболее употребительными частицами при возникновении проблем, связанных с производством речи.

Как считает А. Н. Васильева (Vasilyeva 1972: 101), *вот* выполняет особую роль в хезитации и, подобно частице *ну*, употребляется, когда говорящему трудно выбрать нужное слово или он намеренно хочет дать неопределенное описание положения дел. Ю. В. Дараган (2003; см. также 2000) имеет несколько иное мнение о характере проблемы, испытываемой говорящим – она считает, что частица *вот* употребляется, когда говорящему трудно концептуализировать то, что

он намерен выразить. В таком контексте, как считает автор, встречается множество маркеров хезитации, например, *вот, так и такой*. Автор подчеркивает, что в этом случае речь идет об апелляции к собеседнику, т. е. говорящий рассчитывает, что, хотя он не может выразиться точнее, адресат может достроить недостающие элементы описываемой ситуации или сделать соответствующие выводы о положении дел. (Дараган 2003.)

Пример 27 предлагает немного другой взгляд на употребление *вот* при поиске слова. В нем также можно увидеть, что с маркированием хезитации совпадают другие функции данной языковой единицы (ср. ну п. 4.7.2). Кроме того, пример является наглядным с точки зрения того, как можно определить, когда речь идет о *вот* в роли хезитации и когда *вот* выполняет прежде всего другие функции.

(27) «Как это было»

01	В/ОШ:	Владимир ~Ефимович~.
02		(.)
03		помните? э.:→ кто пер[вый] завоевал тогда»
04	ВЕС:	[&]
05 >	В/ОШ:	»(0.3) °э° °вот° самую первую (0.2) золотую медаль? =
06		=на той Олимпиаде.

Как мы видим, ведущий испытывает трудности с вербализацией (строка 5) после произнесения слова *тогда*. Подобно маркеру *ну, вот* также может дать дополнительную информацию о поиске слова. Сначала идет пустая пауза, тогда ведущий произносит ЗП и частицу *вот* относительно тихо, почти шепотом. Как правило, тихий голос не является средством, используемым для указания на что-либо или выделения содержания (а это главные функции *вот*, ср. выше). Отсюда следует, что *вот* стоит здесь в такой синтаксической позиции, которая, вероятно, указывает на поиск слова (без импликации указания или выделения именно содержания) (ср. Долгов & Лейнонен 1988: 132; см. также Дараган 2003). Однако в данном случае можно утверждать, что, поскольку содержание продолжения реплики является весьма точным и важным (*самую первую (0.2) золотую медаль*), то *вот* может подчеркивать сам выбор референта (ср. подчеркивание конкретной уверенности/решительности Vasilyeva 1972: 224). Говорящий может дать понять, что при поиске слова он решил задачу именно так, как было услышано.

Итак, при сравнении главных функций частицы *вот* без маркирования хезитации с функциями, связанными с проблемами производства речи, можно заметить, что они используются для указания на что-либо или для подчеркивания чего-либо. Если *вот* не маркирует хезитацию, данные функции являются более конкретными и ясными, а при маркировании удачного поиска слова они слабее.

Что касается наличия других маркеров хезитации, данный пример иллюстрирует и тот факт, что вместе с *вот* нередко встречается пустая пауза (Столярова 2003 [1992]: 35) и/или ЗП. Результаты исследований И. Долгова и М. Лейнонен (1988: 132) показывают, что возможно также наличие других лексических маркеров.

Анализ нашего материала, включая и дополнительные источники, показывает, что при поисках слов после произнесения *вот* нередко встречается достаточно точный референт по сравнению, например, с поиском слов с частицей *ну* (ср. пример 26, п. 4.7.2). Данная точность вызывает трудности при анализе, так как иногда трудно определить, имеет ли *вот* функцию указания на поиск слова или акцентирование или же указывает только на удачный выбор и, таким образом, прежде всего, – на отношение говорящего к решению проблемы.

Спорность также является особенно явной в тех случаях, когда *вот* употребляется в начале КЕР или реплики. Как отмечают И. Долгов и М. Лейнонен (1988: 145), кроме функций, связанных с поиском слова, *вот* также может играть роль в планировании рассказывания.⁸⁹ Кроме того, на основе результатов анализа нашего материала можно сказать, что *вот* нередко употребляется в разного рода переходах. Однако, подобно маркеру *ну*, трудно утверждать, указывает ли *вот* преимущественно на переход или на проблему производства речи.

4.7.4 Значит

Значит может являться частицей (см., например, Rathmayr 1985: 168–169; Дараган 2003), а также вводным словом и союзом (Грамота s.v. значит; ТСРЯ s.v. значит). Значение слова *значит* – это выражение следствия (Грамота s.v. значит; ТСРЯ s.v. значит). Точнее, как описывает Н. И. Ильминская (1983: 192), цитируя В. В. Виноградова⁹⁰, данная единица языка выражает «отношение содержания какого-либо

⁸⁹ Ср. также другие функции *вот* хезитационного типа, которые не являются настолько важными с точки зрения данной работы (Столярова 2003 [1992]: 37).

⁹⁰ Виноградов, В. В. *Указ. раб.*, с. 579.

отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания», обозначая «разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению». Кроме того, *значит* употребляется как связка в значении «это (есть)» (ТСРЯ s.v. значит), имеет значение «это обозначает» в случае догадок, в отношении которых говорящий желает что-либо уточнить у собеседника, ожидая в ответ согласия или отрицания (Rathmayr 1985: 168–169).

Однако *значит* употребляется также в функции указания на проблемы производства речи (см., например, Сиротинина 1974: 71, 73; Гаспаров 1978: 77–78; Ильминская 1983: 192; Кормилицына & Кочеткова 1983: 74; Земская 1987: 91; Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2000 и указанные там источники; 2003; Шмелев 2004: 205, 212; Подлесская & Кибрик 2009: 185–186, 205). Согласно В. И. Подлесской и А. А. Кибрику (2009: 185–186, 205; ср. также Дараган 2003), *значит* употребляется и как показатель поиска слова, и как маркер коррекции, когда говорящему требуется дополнительное время для совершения исправления.

Чтобы классифицировать частицу *значит* как тип хезитации, как и в случае с другими лексическими маркерами, необходимо знать, что она требует наличия других типов перед или после нее в речевом потоке (ср. Шмелев 2004: 212). Рассмотрим более подробно, как в нашем материале используется *значит* как маркер хезитации. Как мы увидели, слово *значит* нередко употребляется как маркер следствия или выяснения чего-либо, а также как маркер перехода. Эти функции данного слова можно найти в нашем материале, особенно в позициях, когда слово *значит* расположено вместе с другими типами хезитации в начале КЕР или реплики. Однако, как и в случае с другими лексическими маркерами в данном положении, их можно считать только возможными маркерами хезитации.

А. Д. Шмелев (2004: 212) отмечает, что в таком положении *значит* и ЗП нередко выполняют функцию маркера «делимитативного меканья», т. е., помимо указания на хезитацию, они членят речевой поток. В этом случае, как мы уже увидели в случае с частицами *ну* и *вот*, может быть затруднительно определить, маркирует ли частица *значит* проблему производства речи. Следовательно, на основе нашего практического анализа можно утверждать, что *значит* наиболее явно маркирует

хезитацию, находящуюся внутри КЕР, т. е. является маркером поиска слова.

Подобно маркеру поиска *вот* (ср. п. 4.7.3), *значит* может маркировать такой поиск слова, при котором решение является весьма точным. Приведем пример.

(28) «Киноглаз»

01	ЮБН:	но:→э:→н:→но это было общее.
02 >		>а: второй↑ кинооператор это:< м:→ <i>значит</i> Игорь
03		Скидан-Босин;=мы с ним Сказку сказок снимали?

Из данного примера видно, что говорящий ищет в памяти имя кинооператора (строка 2). Перед частицей *значит* он уже произнес другие маркеры поиска слов (растяжку и ЗП с растяжкой и монотонной интонацией). Очевидно, говорящий не сразу вспоминает это имя, и ему приходится искать его в памяти. Как нам представляется, так же, как и употребление маркеров хезитации *ну* и *вот*, использование маркера *значит* может дать определенную информацию о характере проблемы, а также об отношении говорящего к ее решению (ср. пп. 4.7.1; 4.7.2 и 4.7.3). Употребление слова *значит* при поисках слова может указывать на то, что говорящий осознанно ищет точную вербализацию и верит в то, что она будет найдена. Весьма сходное мнение имеет Ю. В. Дараган (2003), который утверждает, что, употребляя частицу *значит* при хезитации, говорящий информирует собеседника, что он, хотя и испытывает трудности, намерен продолжить свое высказывание до конца. Вдобавок, Ю. В. Дараган (2000) полагает, что *значит* употребляется именно тогда, когда говорящий торопится и ему необходимо говорить по существу.

4.7.5 Как бы, так сказать и скажем

Как бы, так сказать и *скажем* имеют много общего. Во-первых, они нередко встречаются внутри КЕР. Во-вторых, все они выражают неточность или оговорку. *Как бы* может быть употреблено и как частица, и как союз. Когда оно используется как частица, то выражает некое подобие, а в качестве союза – сравнение. *Так сказать* и *скажем*, в свою очередь, определяются как вводные слова. *Так сказать* употребляется как оговорка и смягчает утверждения, а *скажем* выражает допущение. (ТСРЯ s.v. как бы, так сказать, скажем.) Кроме того, *так сказать* и *скажем* представляют собой метаязыковые

комментарии выбора слов говорящего (ср. замечания о финском языке Lautenbacher 2007: 463; см. также п. 5.4.5).

Все вышеупомянутые языковые единицы могут играть свою роль в указании на проблемы производства речи (см., например, как бы Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2000; Шмелев 2004: 205; Подлесская 2013: 623; см. также Дараган 2003; Степанов 2008: 144; так сказать Кормилицына & Кочеткова 1983: 74, 76; Земская 1987: 91; Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2000; Степанов 2008: 143; скажем Дараган 2000).⁹¹ В большинстве случаев как бы, так сказать и скажем расположены внутри КЕР во фрагменте поиска слова или другого типа конструкции. Рассмотрим примеры.

(29) «На здоровье»

- 01 НМ: *наверное; то же самое и.:→ °так ~сказать~;°*
 02 *я↑ .м м (0.1) .xx (0.2) >когда люди начинают< (0.9)*
 03 *делить на: м: э граммы;=на: на сантиметры;=*
 04 *=на: на часы;=на минуты;*
 05 *(0.1) .xx (0.5) у ме•(!) для моего характера это просто*
 06 *немыслимо.=*
 07 > *=Господь управил так чтоб мне(!/м) (1) как бы*
 08 *совершенно (-) иной↑ характер.*
 09 *.xx (0.1) и.:→ я просто: °м:° точно знаю; (0.4) .xx (0.7) э*
 10 *что такое счастье.=*

(30) «На здоровье»

- 01 НМ: *---=я придумал г б во время пробежек;*
 02 *длинных пробежек;*
 03 > *и н:е не так ~сказать~ спуртовых? =*
 04 *=там километра три быстро;=*
 05 *=а(!) .xx дли↑нная пробе↑жка там.=*
 06 *=восемь сёмь десять километров---*

(31) «Киноглаз»

- 01 ЮБН: *---[+хотя+] хотя надо сказать #что:→# .xx #м:→# <я»*
 02 В/МЯ: *[я]*
 03 ЮБН: *»могу:→ °э° наверно с (п) такой же> .xx #м:→# (1) ¥>с*
 04 > *такой же необходимостью говорить и о:→ скажем о*
 05 *японской поэзии.<*

Из примера 29 видно, как говорящий, произнося *мне(!/м) (1) как бы совершенно (-) иной↑ характер*, испытывает затруднения при характеристике самого себя (строки 7–8), описывая, как он отличается

⁹¹ Так же, как и о лексическом маркере *значит*, об этих трех маркерах существует мало данных об их особенностях, связанных с хезитационными функциями.

от других людей. Ю. В. Дараган (2000) также полагает, что *как бы* может быть связано именно с концептуализацией, т. е. говорящий формирует в своем сознании понятия, которые в дальнейшем соответствуют содержанию одной или нескольких языковых единиц. Кроме того, по мнению В. И. Подлесской (2013: 623–624), *как бы* употребляется при речевом сбое в качестве аппроксиматора. Другими словами, говорящий не находит более точного варианта и решает быть неточным.

В примере 30 говорящий сам ориентируется на то, что длинная пробежка (строка 2) не является точным понятием, и хочет уточнить его пояснением. Произнося *и н.е не так ~сказать~*, он ищет подходящее описание того, каковой длинная пробежка не является, но не находит точного варианта (*спуртовый*) (строка 3), так как это описание он будет еще пояснять (*там километра три быстро*) (строка 4). М. А. Кормилицына и Т. В. Кочеткова (1983: 76), а также Ю. В. Дараган (2003) также признают такое употребление *так сказать*. Точнее, по словам М. А. Кормилицыной и Т. В. Кочетковой (1983: 76), *так сказать* употребляется, когда говорящий хочет более точно назвать или охарактеризовать что-либо. Однако в этом случае точность описания получается не сразу, а предлагается другое объяснение. Таким образом, *так сказать* (а также *скажем так* и *как бы*), по мнению Ю. В. Дараган (2003), употребляется при речевом сбое в качестве аппроксиматора (ср. выше).

Обратим внимание также на то, как произносится *так ~сказать~*. Символы ~ ~ вокруг слова указывают на то, что оно произнесено неясно. Это, на наш взгляд, может подразумевать, что данное вводное слово реализовано на артикуляторном уровне автоматически (см. Алексиева 2007: 278). Такое произнесение встречается в нашем материале сравнительно часто.

В обоих этих примерах речь идет о проблеме описания чего-либо. Как мы увидели, в обоих фрагментах решение поиска является не особенно точным (см. выражение *совершенно (-) иной↑ характер*, которое не раскрывает, каким был тогда характер, и слово *спуртовых*, которое, по мнению самого говорящего, требует пояснения). Следовательно, маркеры хезитации, т. е. в примере 29 *как бы*, а в примере 30 *так сказать*, по всей видимости, указывают на проблему характеристики, а также одновременно раскрывают отношение говорящего к проблеме и ее решению. Произнося *так сказать*,

говорящий уже намекает на неточность, а также, возможно, – на оговоренное отношение к данной неточности. В примере 29, в свою очередь, необходимо толкование адресатом – что значит в данной ситуации *совершенно (-) иной*[↑] *характер*.

Пример 31 немного отличается от двух уже рассмотренных. В нем говорящий испытывает трудности в поиске того, о чем говорит *с такой же необходимостью*. Сама *японская поэзия* не является таким неопределенным понятием, как *длинная пробежка* или *совершенно иной характер*. Как нам кажется, здесь трудность может заключаться в том, что у говорящего есть много вариантов, но ему необходимо выбрать один. На наш взгляд, вводное слово *скажем* в данном случае, помимо функции поиска слова, указывает на точность и оговоренное отношение к поиску слова, подчеркивая сам выбор. Иначе говоря, в данном контексте *скажем* имплицитно, что говорящий мог выбрать и другого референта. Необходимо также подчеркнуть, что *скажем* встречалось в нашем материале сравнительно редко, и отсюда следует, что невозможно сделать вывод о его роли в указании на поиск слова или шире – на хезитацию.

Подобно другим, уже представленным лексическим маркерам хезитации, главные функции данных трех маркеров оказывают влияние на то, как они употребляются при хезитации. Кроме того, *как бы* и *так сказать* нередко связаны с таким поиском слов, а также шире – с хезитационными фрагментами, в которых говорящий испытывает затруднения при поиске точного описания, в том числе в концептуализации (подробнее см. п. 5.4.3). Кроме того, все три маркера, по словам Ю. В. Дараган (2000), будучи оценочными с точки зрения говорящего, выражают удачность реализации.

Подводя итог, можно сказать, что, поскольку подобно другим лексическим маркерам, *как бы*, *так сказать* и *скажем* могут в какой-либо мере выражать точность/неточность, а также оговоренное отношение говорящего к выбранной реализации (именно с точки зрения точности/неточности),⁹² трудно сказать, являются ли данные языковые единицы маркерами поиска слова или же чаще всего показателями того, как говорящий решает проблему речевого сбоя и как он относится к данному решению.

⁹² Ср. также сходные замечания о выражениях типа *sanotaan nyt* 'скажем сейчас', *vai* 'или', *meinasin* 'я соб(и)рался' в финском языке (Lautenbacher 2007: 463).

4.7.6 Такой и этот

Данный параграф посвящен рассмотрению местоименных прилагательных *такой* и *этот*. *Такой* обозначает схожий или подобный данному, или тому, о ком или о чем шла речь. Кроме того, оно употребляется для выражения сильной степени качества или усиления оценки. (Грамота s.v. такой; ТСРЯ s.v. такой; см. также РРР: 359–360; Богданова 1983: 140–142; Сатюкова & Воейкова 2010.) Кроме того, как утверждается в работе Д. Н. Сатюковой и М. Д. Воейковой (2010), *такой* имеет и другие функции, например, анафорическую, катафорическую, дейктическую, классифицирующую, типизирующую, контактоустанавливающую и интродуктивную.

Местоименное прилагательное *этот*, в свою очередь, имеет, прежде всего, указательные функции. Оно, например, указывает на что-либо близкое в пространстве или на какой-либо предмет или лицо, выделяемые из ряда других или названные в предшествующем повествовании. Кроме того, оно указывает на что-либо близкое во временном отношении и на одновременность речевого шага с другими речевыми шагами, о которых идет речь. (Грамота s.v. этот; см. также Богданова 1983: 143–147; ТСРЯ s.v. этот.)

Кроме вышеуказанных функций, данные два местоименных прилагательных употребляются и в хезитационной роли, в частности, при поиске слова (ср. *такой* Дараган 2000; 2003; Хуршудян 2006: 67; Алексиева 2007: 276–277; Подлесская & Кибрик 2009: 186; Сатюкова & Воейкова 2010: 201; Потанина и др. 2016: 571; см. также РРР: 272, 471; *этот* РРР: 360, 471; Сиротинина 1974: 73; Богданова 1983: 147; Земская 1987: 91; Дараган 2000; 2003; Столярова 2003 [1992]: 36; Хуршудян 2006: 67, 105; Алексиева 2007: 277; Подлесская & Кибрик 2009: 185–186). Лексических маркеров хезитации, которые согласуются с именной группой, в нашем материале два (ср. *этот самый* п. 4.2). Согласуясь, они уже раскрывают род, число и падеж подыскиваемого слова. Речь идет о «близком» поиске, который означает, что предстоящая порция речи уже довольно хорошо спланирована, и, таким образом, проблема касается именно выбора конкретного выражения среди ограниченного набора возможностей. (Хуршудян 2006: 67; Подлесская & Кибрик 2009: 185–186; Подлесская 2013: 622–623; ср. также Потанина и др. 2016: 571.) Что еще особенного сообщают *такой* и *этот* о будущем выборе слова?

Рассмотрим примеры: в примере 32 в хезитационном фрагменте имеется *такой*, а в примере 33 – *этот*.

(32) «Киноглаз»

- 01 > В/МЯ: ну вы всегда предпочитаете работать в очень **таком**:
 02 э:→ сложившемся коллективе?
 03 #и:→# #э:→# .xx (0.2) у вас по-моему за всё время было
 04 два опера↑тора и?=
 05 ЮБН: =>вы знаете мне ~наверно~ повезло?===

(33) «Киноглаз»

- 01 ЮБН: --- (мне) иногда ка↑жется <что:→ у меня:→ э жизнь
 02 как бы: #э:→# вот> (0.2) вот она движется?
 03 но постоянно; .xx на каком-то стержне.=
 04 > и:→ **эти** (0.1) за↑ки свинчивают меня с двух сторон.=
 05 =~несмотря~ на то что этот стержень всё
 06 увеличивается.===

Из примера 32 видно, что еще при произнесении местоименного прилагательного *такой* говорящий испытывает трудности в поиске слова, так как *таком* произнесено с растяжкой. После этого он произносит ЗП с растяжкой и монотонной интонацией и продолжает свою речь по проекции (синтаксически и прагматически), т. е. производит вербализацию, отвечая на вопрос, где. Рассмотрим более подробно, какую вербализацию он ищет. Выбранный вариант является сравнительно неточным. Это видно по тому, что сам говорящий ориентируется на неточности, так как он делает уточнение о том, что он имел в виду (строки 3–4). Иначе говоря, проблема говорящего может лежать в сфере концептуализации (см. п. 5.4.3), т. е. в затруднении, которое, по данным Ю. В. Дараган (2003; см. также 2000), тесно связано с употреблением *такой*. Следовательно, данный пример иллюстрирует и точку зрения, представленную Д. Н. Сатюковой и М. Д. Воейковой (2010: 189; ср. также Подлесская 2013: 625), о том, что *такой* может использоваться, когда говорящий испытывает затруднения в нахождении точного определения или описания. Кроме того, *такой*, возможно, уже намекает на данную неточность, а также одновременно служит намеком на отношение говорящего к будущей проблеме и ее решению: точного описания не получается.

В примере 33 еще до произнесения слова *эти* говорящий указывает на будущую проблему производства речи, произнося частицу-союз *и* с растяжкой и монотонной интонацией (строка 4). *Эти*, однако, больше

сообщает о типе будущей проблемы, речь идет о поиске слова во множественном числе. Как же говорящий решает проблему? После произнесения местоименного прилагательного *эти* он делает очень короткую паузу (0.1) и произносит референт *гайки*. *Гайка* является сравнительно точным, но, с другой стороны, не обязательно будничным референтом. Как нам кажется, здесь проблема может заключаться в том, что говорящий или не сразу вспоминает слово (ср. Дараган 2003; см. также Алексиева 2007: 277), или он еще не выбрал референт, так как слово *гайка* употребляется в данном контексте в метафорическом значении.

Примеры 32 и 33 наглядно демонстрируют, что, как и в случае с другими лексическими маркерами, *такой* и *этот* как маркеры хезитации требуют наличия других маркеров, включая пустые паузы (ср. Сатюкова & Воейкова 2010: 201), ЗП и растяжки, которые стоят перед или после них в речевом потоке. Данные три дополнительных маркера встречаются в этом контексте в нашем материале достаточно часто.

Опираясь на наш основной и на дополнительный материал, можно также утверждать, что для употребления *такой* довольно характерны намеки на проблемы концептуализации (ср. п. 5.4.3), и решение проблемы, по всей видимости, не является особенно точным. Таким образом, *такой* дает понять, что говорящий не ищет точного выражения или не верит, что найдет его. В свою очередь, употребление *этот* имплицитно подразумевает поиск достаточно точного референта, а также намекает на отношение говорящего к будущей проблеме и ее решению. Говорящий в этом случае верит в то, что найдет точное слово.

Если сравнивать употребление местоименных прилагательных *такой* и *этот* при поиске слова с основными функциями этих двух местоименных прилагательных, данное разделение не является чудом, так как *такой* имеет значение подобности и сходности. Другими словами, речь идет не о точном свойстве, а о приблизительности (ср. Грамота s.v. такой). *Этот*, в свою очередь, имеет указательные функции. Когда речь идет о поиске слова, данная указательность относится к памяти и выбору слова (ср. Дараган 2003). Следовательно, как и у других лексических маркеров, основные функции местоименных прилагательных *такой* и *этот* оказывают влияние на их поисковые функции в процессе хезитации.

Кроме того, можно также утверждать, что, употребляя тот или иной маркер, рассмотренный в данном параграфе, говорящий намекает на то, что он уже знает/выбрал родовые/числовые-падежные признаки подыскиваемого слова (см. Подлесская & Кибрик 2009: 186), а также рассчитывает на то, что найдет решение без особых проблем и изменений. Иначе говоря, он считает, что проекция не меняется.

Как уже отмечалось в отношении других маркеров, *такой* и *этот* также, возможно, намекают на будущее решение о поиске слова по параметрам точности-неточности, а также на отношение говорящего к выбору будущей вербализации.

4.7.7 Выводы

В заключение можно отметить, что все лексические маркеры хезитации имеют и другие, нехезитационные функции, например, некоторые из них указывают на переход, а другие на неточность. Кроме того, когда они употребляются в хезитационном фрагменте, их лексическое значение и основные функции нередко смешиваются с хезитационной функцией. В связи с этим, хотя некоторые лингвисты (см., например, Краевская 1978: 163; Кормилицына & Кочеткова 1983: 74; Ладыженская 1984: 71–72; Долгов & Лейнонен 1988: 132; Столярова 2003 [1992]: 35) считают, что, когда лексические маркеры употребляются в функции указания на хезитацию, они являются семантически опущенными, данный взгляд необязательно является верным. Вдобавок, отсюда следует и то, что различные лексические маркеры выполняют, помимо общей (денотативной) функции, еще и дополнительную (презентативную) функцию, и, таким образом, их нельзя употреблять синонимически (ср. п. 2.3).

Можно также отметить, что отношение между лексическими маркерами и хезитацией является несколько спорным. Когда речь идет о маркерах (в частности, *ну*, *вот*, *значит*), которые используются в начале реплики и КЕР и которые выполняют в этих случаях прежде всего текстуальные функции, их хезитационную роль нельзя выяснить однозначно. В нашей работе в таких случаях они определяются как возможные маркеры хезитации.

Иногда спорность встречается и внутри КЕР не только у данных маркеров, но и у других. Когда речь идет, например, об употреблении *вот* как части поиска слова, иногда бывает невозможно однозначно определить, подчеркивает ли *вот* референта или (удачный) выбор

слова. В последнем случае речь идет о том, что говорящий показывает нам свое отношение к будущему решению проблемы. То же самое касается и других лексических маркеров, в том числе тех, у которых есть модальные значения/функции. Это маркеры *такой, ну, как бы, так сказать, скажем*.

Следовательно, можно поставить вопрос, являются ли лексические маркеры маркерами проблемы производства речи или взаимодействия или же они раскрывают отношение говорящего к тому или иному вопросу. Однако мы решили толковать их роль при указании на отношение говорящего к проблеме и ее решению как достаточно тесно связанную с хезитацией. Кроме того, эти маркеры, возможно, раскрывают тип проблемы, испытываемой говорящим, в связи с чем их связь с хезитацией является еще более тесной. Например, если тот или иной маркер указывает, что говорящий считает, что не найдет точного описания, то он дает понять, что говорящий испытывает трудности в сфере вербализации по параметру точности-неточности (а возможно, и концептуализации). Поскольку, как мы уже сказали, связь между лексическими маркерами и хезитацией является несколько спорной, в цепочках хезитации именно лексический маркер иногда рассматривается как возможный маркер хезитации, тогда как другие элементы данной цепочки имеют более ясную и прямую связь с хезитацией. Кроме того, как было отмечено в предыдущих параграфах, многие российские лингвисты одобряют точку зрения, согласно которой лексические маркеры относятся к маркерам хезитации.

Как мы увидели, вышеуказанные маркеры можно разделить на две группы в зависимости от того, согласуются ли они с именной группой или нет. Это в некоторой степени влияет также на то, какие другие нехезитационные функции имеют вышеописанные единицы языка, а также на то, в каком положении в отношении КЕР и реплики они, как правило, находятся. Часть маркеров хезитации, которые не согласуются с именной группой, т. е. *ну, вот* и *значит*, как правило, имеют также текстуальные или реактивные функции и довольно часто находятся в начале КЕР или реплики. В таком положении они чаще всего не выполняют хезитационной функции или же она является чрезвычайно слабой. С другой стороны, те маркеры, которые согласуются с именной группой, а также маркеры хезитации *как бы, так сказать* и *скажем*, как правило, не имеют текстуальных функций, а выполняют прежде всего модальные функции. При этом они

сравнительно часто находятся внутри КЕР и указывают на поиск слова. Конечно, они также могут быть расположены в самом начале КЕР или реплики, и тогда проблема нередко является проблемой лексического типа. Если сравнивать маркеры, которые согласуются с теми, у которых нет такой особенности, последняя группа может маркировать хезитацию шире, так как они могут указывать на хезитацию в отношении глагольной группы (ср. Подлесская & Кибрик 2009: 186). Другими словами, *такой* и *этот* можно использовать только с именной группой.

Вышеуказанные маркеры хезитации можно разделить еще на две категории в зависимости от того, на поиск слова какого типа они указывают по параметру точности/неточности. Как было отмечено, маркеры поиска слова *ну*, *как бы*, *так сказать* и *такой* могут указывать на то, что будущий выбор является в какой-то степени неточным, а *вот*, *значит*, *скажем* и *этот*, по всей видимости, могут указывать на точность выбора. Однако данное разделение не является безусловным и окончательным. Необходимо подчеркнуть, что лексических маркеров в нашем материале (а также в дополнительном материале) было немного.

Когда речь идет о возможных ограничениях в употреблении того или иного лексического маркера, можно подвести следующие итоги. Во-первых, как уже отмечалось, согласуемые маркеры *такой* и *этот* можно использовать только с именной группой, т. е. с их помощью ищутся преимущественно прилагательные и существительные. Таким образом, речь идет об особенном типе поиска слова. Во-вторых, при поиске слова говорящий может, выбирая тот или иной лексический маркер, раскрыть свое отношение к проблеме и ее решению. Другими словами, характер проблемы и ее решение оказывают влияние на выбор лексического маркера. Эти ограничения основываются на сравнительно небольшой выборке и являются пока гипотезами, которые необходимо проверить в большем масштабе.

Подводя итог, можно сказать, что, когда речь идет о понимании явления хезитации, то, как нам представляется, в особенности лексические маркеры приобретают свою роль только на основе того, что стоит в речи сразу перед ними или после них. Иначе говоря, если говорящий произносит, например, слово *такая*, нам неизвестно, что далее последует хезитация, а когда говорящий продолжает, произнося, например, *такая: э:→ вещь*, уже понятно, что речь идет о хезитации.

Другими словами, иногда хезитацию можно опознать только в качестве результата, а не в процессе, в речевом потоке, когда произносятся первые ее возможные маркеры.

4.8 Повторы

Широко известно, что повторы могут маркировать хезитацию (в русском языке см. Краевская 1978; Кожевникова 1985; Дараган 2003; Алексиева 2007: 276; Степанов 2008: 142; Подлесская & Кибрик 2009; Богданова-Бегларян и др. 2013; ср. также Подлесская & Кибрик 2005; Подлесская 2014),⁹³ если они не выполняют других функций, таких как сообщение об окончании секвенции (подробнее см. Curl et al. 2006) или выражение экспрессивности, включая интенсификацию (см., например, Земская 1987: 176–177; Israeli 1997; ср. также Гаспаров 1978: 78).

Как правило, в качестве повторов рассматриваются повторы слова (см. Краевская 1978: 163; Laakso 1997: 127, 129; Rieger 2003: 58–68; Степанов 2008: 142) или словосочетания (см. Laakso 1997: 129; Rieger 2003: 58–68; Simula & Pekkala 2006: 178), хотя встречаются и другие точки зрения (см., например, Алексиева 2007: 276; Tiittula et al. 2007: 165; Степанов 2008: 142; Верходанова и др. 2018; ср. также Laury 2005a⁹⁴). Например, Л. Тийттула с коллегами (Tiittula et al. 2007: 165) рассматривает в качестве повтора повторы слога или фонемы.

Рассмотрим повторы как типы хезитации на основе нашего материала. Согласно нашим данным, повторами являются прежде всего частицы-союзы, а также местоимения (ср. Vuorinen 1981: 82; Biber et al. 1999: 1058–1059; Laakso & Lehtola 2003: 7–9; Rieger 2003: 63; Helasvuoto et al. 2004: 14, 29) и предлоги (ср. Fox et al. 1996: 204–205; Rieger 2003: 63). Однако, несомненно, можно повторить любую часть речи. В примере 34 повторяется вводное слово *например*.

⁹³ См. также в других языках (например, в английском Maclay & Osgood 1959; Biber et al. 1999: 1055–1062; Rieger 2003; ср. также Postma 2000; Fehrer & Fry 2007; в немецком Rieger 2003; ср. также Schmid & Fägersten 2010; в финском Laakso 1997; Laakso & Lehtola 2003; Helasvuoto et al. 2004; Simula & Pekkala 2006).

⁹⁴ Р. Лаури (Laury 2005a: 165–167, 185) пишет о повторном употреблении, имея в виду любое повторное использование (reuse) лингвистических конструкций. Данное явление мы будем рассматривать в следующем параграфе. Поскольку в некоторых исследованиях повторное употребление уже употребленных языковых единиц включается в разряд повторов (см., например, Schegloff 1979: 272–274, 278–279; Curl et al. 2006; Подлесская & Кибрик 2009: 197; ср. также Laakso 1997: 127, 129; Helasvuoto et al. 2004: 14, 29; Подлесская & Кибрик 2005; Подлесская 2014), в данном параграфе рассматриваются результаты повторов, хотя иногда речь при этом идет о явлении, которое мы называем повторным употреблением языкового материала.

Повторы могут быть употреблены при поиске слова (ср. Fox et al. 1996: 204–205; Laakso 1997: 127, 129; Rieger 2003: 59–61; Helasvuoto et al. 2004: 14; Алексиева 2007: 276; см. также Краевская 1978: 162–163; Schegloff 1979: 272, 278–279; Дараган 2003) и при возникновении проблем более широкого плана (ср. Biber et al. 1999: 1058–1059; Rieger 2003: 65; см. также Краевская 1978: 162–163; Chafe 1980b: 172; Алексиева 2007: 278). Когда речь идет о повторах разных частей речи и их функции по отношению к фазе производства речи, частицы-союзы, находящиеся в начале КЕР, могут указывать на проблемы более широкой сферы, чем поиск слова, в том числе на планирование следующей порции речи, включая КЕР, а повторяемые местоимения и предлоги, расположенные, как правило, внутри КЕР, чаще всего имплицитно указывают на поиск слова. Рассмотрим два примера, которые иллюстрируют данное явление.

(34) «Киноглаз»

01	ЮБН:	---°м° .xx что касается? (0.2) завязки с
02		документаль↑ным изображением?
03		(0.8) ¥ то#:→#¥ (0.8) я и студентов своих(!) больше
04 >		ориентировал всегда на .xx а:→ на : °м: ° ¥ видение °м°
05		документального кино и игрового.
06		+но+ игрового? тоже .xx весьма выборочно.
07 >		ну на приме:р. (0.2) ° э:→° >например< Аталанты.
08		(0.9)
09 >		или:→ э: или <u>Чап</u> лин.
10		(0.2) .xx то есть э:→ #э::→# (0.5) ±фильмы±?,---

В примере 34 мы можем увидеть три случая, в которых говорящий испытывает трудности при поиске слова, и одним из маркеров данного затруднения является повтор уже произнесенного элемента речи. Во всех случаях речь идет именно о поиске слова, так как КЕР продвигается в точке хезитации к этапу, который уже проецирует особую лексическую единицу, так как в первом случае (строка 4) уже произнесен предлог, который предшествует определяемому слову особенной семантики, а во втором (строка 7) и в третьем (строка 9) тоже предвидится особенное содержание, хотя нельзя быть уверенным, что речь идет именно о поиске слова. Однако продолжение КЕР в обоих случаях подтверждает, что речь на самом деле шла, видимо, о проблеме лексического типа.

В строке 4 повторяется предлог *на*, а в непосредственной близости встречаются и другие маркеры поиска слова: два ЗП с растяжкой, из

которых первый произнесен с монотонной интонацией. Кроме того, повтор также произнесен с растяжкой. В строке 7 говорящий повторяет вводное слово *например* после первых маркеров хезитации, т. е. после растяжки, пустой паузы и ЗП с растяжкой и монотонным контуром интонации. В строке 9 повторяется частица-союз *или*. Перед этим в речевом потоке можно заметить и другие возможные маркеры хезитации, т. е. долгую паузу (0.9), частицу-союз *или*, произнесенную с растяжкой и монотонной интонацией, и ЗП с растяжкой. Необходимо также упомянуть, что, хотя здесь повторяется частица-союз, в данном контексте она, по всей вероятности, не маркирует планирование будущего высказывания, и говорящий испытывает трудности с поиском слова (с названием фильма или именем режиссера).

При том, что повтор во всех трех вышепредставленных случаях может указывать на поиск слова, возможно также, что при помощи повтора говорящий как бы сообщает, что проекция является не только прагматической, но и синтаксической (ср. Fox Tree 1995: 730). Другими словами, он дает понять, что не отказался от первоначального замысла при построении высказывания.

Рассмотрим пример 35, в котором повтор указывает на планирование более крупной единицы языка, чем слова.

(35) «Про это»

01	T:	---.xx вот (0.1) тэ/дэ допустим как я↑ хожу.
02		(0.2) .xx (0.2) >на костылях↑ без протеза совершенно я
03		без ко↑мплексов я хожу?<=
04	>	=~и~ (0.3) .xx (0.1) и: меня можно встретить.=
05		=но это это мало?===

Как видно в строке 4, говорящий (гостя программы) испытывает затруднения в начале новой КЕР. Она произносит частицу-союз *и*, затем в речи встречаются пустая пауза (0.3), вдох и опять чрезвычайно краткая пустая пауза (0.1). После этого она повторяет *и* с растяжкой и продолжает с новой КЕР. Как нам кажется, данное положение повтора (а также пустой паузы) указывает на то, что говорящий планирует целое высказывание или его содержание, или же синтаксическую структуру. Поскольку частицы-союзы, как правило, встречаются в начале новой КЕР или реплики, их повторы также нередко находятся в том же самом положении и, таким образом, имплицитно указывают на проблемы планирования будущей КЕР или другой крупной единицы языка.

Примеры 34 и 35 наглядно показывают, что повторы, имеющие хезитационную роль, нередко встречаются именно вместе с другими маркерами хезитации (см., например, Rieger 2003: 59, 61–62; Кибрик и др. 2009д: 150; ср. также Подлесская & Кибрик 2009: 197). Как при помощи других маркеров хезитации, так и с помощью повторов говорящий может получить больше времени для решения проблемы производства речи (ср. п. 4.1; см. также Fox et al. 1996: 204–205; Дараган 2003; Подлесская & Кибрик 2009: 196–197).⁹⁵

Как уже было сказано выше, повторы также употребляются в русском языке в других функциях, помимо указания на хезитацию. Однако в этих случаях, как правило, повторяются более значимые слова, чем предлоги, местоимения и частицы-союзы (ср. в английском языке Biber et al. 1999: 1056). В связи с этим достаточно просто определить, когда речь идет о хезитации, а когда нет. Рассмотрим наглядный пример.

(36) «Как это было»

01	ВИМ:	---мы (0.7) собственно говоря? (0.7) не представляли? =
02		=что такое? >наш настоящий противник.<
03		.xx мы только знали по печати?
04		(п) какие они набирают? (п) суммы баллов?
05		(п) >кто становится чемпионом своей< страны?
06		.xx или в международных встре↑чах участвует?
07		.xx ну ощущать соперника? (2) ((качает головой))
08 >		мы не не имели возможности.

Как видно в строке 8, повтор отрицательной частицы *не*, очевидно, не указывает на проблемы производства речи и подчеркивает значение отрицания. Данный вывод можно сделать на основании того, что в окружении этой частицы нет других маркеров хезитации. Кроме того, существуют другие маркеры выделения отрицания. Говорящий использует жест, указывающий на отрицание (т. е. качает головой), при том, что раньше он другими словами уже выразил, что они не знали соперников (строки 1–7).

⁹⁵ Кроме представленных здесь функций повторов при хезитации, повторы используются также в постпозитивных самоисправлениях (ср. п. 3.3) (подробнее см. Подлесская & Кибрик 2005; 2009: 196–197; Подлесская 2014). Кроме того, с помощью повторов (повторного употребления уже употребленных языковых единиц) говорящий может сообщить о возвращении на главную линию речи после парентезы (подробнее см. Duvallon & Routarinne 2001: 146; Подлесская & Кибрик 2009: 197).

В данной работе типами хезитации не считаются повторы, в которых говорящий начинает произносить слово и, не договорив до конца, обрывает его, а затем произносит его снова, теперь уже до конца (ср. Подлесская & Кибрик 2009: 196–197).⁹⁶ Мы не рассматриваем такие случаи как маркеры хезитации, так как в них нет временного измерения (см. п. 4.1). Мы также не относим к хезитации такие повторы, в которых говорящий, повторяя слово или часть слова, только исправляет какую-либо ошибку, а в окружении не имеется маркеров хезитации. Кроме того, повторы в наложении речи двух или более человек не рассматриваются в данной работе как маркеры хезитации, так как, как нам кажется, в таком случае повтор является средством получения права слова и при его помощи можно убедиться, что собеседники при наложении и сразу после него слушают, что произносит говорящий (ср. Rieger 2003: 51; Drew 2009: 75). Цепочки ЗП, т. е. случаи, в которых повторяются ЗП, не называются здесь повторами, так как в данной работе повторами считаются лишь повторения лексических единиц. Однако цепочки хезитации, безусловно, являются, как правило, маркерами хезитации и исключены из разряда повторов.

Обсудим кратко особенности повторов как маркеров хезитации. Как уже было сказано, для хезитационных повторов характерно, что повторяются не значимые слова, а предлоги, местоимения и частицы-союзы. Таким образом, их легко распознать среди повторов, имеющих другие функции, например, выражение экспрессивности. Кроме того, на наш взгляд, как уже отмечалось, повторы (в частности, находящиеся внутри КЕР) как маркеры хезитации подчеркивают сохранение грамматической (а также, безусловно, прагматической) проекции. Иначе говоря, повторяя незначимую единицу языка, говорящий как бы дает понять, что испытываемые им трудности не являются настолько серьезными, что ему пришлось бы изменить стратегию продвижения своей речи.

4.9 Задержка продвижения по прагматической проекции

Задержка продвижения по прагматической проекции речи, как правило, не считается маркером хезитации (ср. однако, Rinne 2010: 97–98, 100–101; в английском языке Schegloff 1979: 273–274; Biber et al.

---

⁹⁶ Например, в КА такие повторы называются повторными исправлениями (toistokorvaus) (Lilja 2001: 38).

1999: 1049–1050; в финском Tainio 1997: 96–100). В нашем материале такое явление тем не менее встречалось. Как уже было упомянуто (см. п. 1.1), речь направлена, как правило, на других людей, и говорящий принимает во внимание собеседника и его потребности во взаимодействии (recipient design) (см., например, Sacks et al. 1974: 727; Goodwin 1981: 149–166; в русском языке Пауккери 2006: 41). Это заметно, например, в выборе слов и описаний (см. п. 3.2). Отсюда следует, что реплика всегда является одним из вариантов того, что хочет сказать говорящий. Если говорящий испытывает проблемы производства речи или взаимодействия, одним из возможных решений является формулирование своей реплики так, чтобы он смог избежать проблемы, например, строя свою КЕР таким образом, чтобы не нужно было называть слово, которое он не может вспомнить (Schegloff 1979: 273–274). Кроме того, говорящий может сформулировать свою реплику, задерживая продвижение по прагматической проекции. Это можно истолковать как стратегию задержки для получения большего количества времени для решения проблемы (см. п. 4.1; ср. также Rinne 2010: 97–98, 100–101).

С использованием каких стратегий говорящий может задержать продвижение по прагматической проекции? Во-первых, как нам представляется, одной из стратегий можно считать **повторное употребление** уже употребленных языковых единиц, которые были произнесены говорящим раньше или же собеседником в предыдущей реплике (см. Laury 2005a: 165; ср. также Podlesskaya 2010: 23). В нашем материале повторное употребление чаще всего касается лингвистических единиц первого элемента смежной пары во втором элементе смежной пары. Во-вторых, мы считаем, что при задержке говорящий может строить свою реплику по проекции медленно, т. е. таким образом, что секвенциальная импликация, возникшая раньше (как правило в предыдущей реплике) (ср. п. 3.1), удовлетворяется не сразу. Точнее, говорящий не сразу, не в естественной позиции произносит проецируемую единицу, в том числе содержание ответа на специальный вопрос, кто, где, когда и так далее. Другими словами, говорящий **многословен вплоть до ожидаемой единицы языка**. Тогда речь может идти и об употреблении избыточных выражений (об избыточности см., например, Воейкова (отв. ред.) (2010)). В-третьих, возможен также **перифраз** уже сказанного для получения большего

времени для решения проблемы (см. пример 45, п. 5.2.6.1; ср. также Fehringer & Fry 2007; Rinne 2010: 100–101).⁹⁷

Для задержки продвижения по прагматической проекции в нашем материале типично то, что она находится во втором элементе смежной пары. Это неудивительно, так как тогда у говорящего, возможно, спрашивают что-то, что он не знает или на что он не хочет отвечать. Следовательно, проблема, которую говорящему необходимо решить, возникает нередко вследствие того, что собеседник ожидает ответа особого содержания, на который говорящий не сразу может найти что сказать. Итак, можно утверждать, что в таком случае проблема имеет корни именно во взаимодействии, оказывающем влияние на производство речи. Конечно, данный тип хезитации можно встретить и в других секвенциальных окружениях, но тогда он является, на наш взгляд, не таким очевидным.

Рассмотрим задержку продвижения по прагматической проекции подробнее с помощью двух примеров. В обоих случаях речь идет о повторном употреблении уже употребленных языковых единиц, а во втором имеются и другие элементы задержки.

(37) «Как это было»

01	ВИМ:	=это же огром↑ная сумма.=	
02	НАП-Р:	=[°(--)°]	
03	В/ОШ:	=[что вот] э:→ об по: по поводу прогулок?= 04	=[э:→ город посмотреть?]
05 >	ВИМ:	[по: по↑воду про]гулок.=	
06		=что я здесь [(--) сказать.]»	
07	В/ОШ:	[можно было выйти (-)]	
08	ВИМ:	»боязнь↑ была.=---	

(38) «Как это было»

01	В/ОШ:	<i>Владимир ~Ефимович~.</i>	
02		<i>(.)</i>	
03		<i>помните? э:→ кто пер[вый] завоевал тогда»</i>	
04	ВЕС:	<i>[&]</i>	
05	В/ОШ:	<i>»(0.3) °э° °вот° самую первую (0.2) золотую медаль?= 06</i>	<i>=на той Олимпиаде.</i>
07 >	ВЕС:	<i>это: нашу у::→ из нашей команды?=первую медаль? .xx</i>	
08 >		<i>завоевала? (0.2) э:→ н н нэ: Нина? (0.3) Пономарёва-</i>	
09		<i>Ромашкова.=</i>	

⁹⁷ Кроме этих трех типов задержки продвижения по прагматической проекции, возможным маркером является также замедление темпа речи (ср. дискуссию об этом, пример 42, п. 5.2.4). Однако роль этого признака рассматривается в рамках данной работы несистемно, так как она представляется спорной.

- 10 В/ОШ: =я приглашаю в студию?=олимпийскую чемпионку?=
- 11 =Нину Аполдоновну .xx ПОНОМАРЁВУ-РОМАШКОВУ.

Из примера 37 видно, что гость, еще не зная ответа в начале своей реплики, повторно использует языковой материал (строка 5), произнесенный ведущим (строка 3). После этого он также эксплицитно сообщает, что не знает, что сказать (строка 6). Из примера 38 видно, что ведущий ожидает от гостя имени спортсмена, который выиграл первую золотую медаль на Олимпийских играх в 1952 году. Реплика гостя сформулирована так, что говорящий мог упомянуть подыскиваемое имя во многих точках продвижения речи. Данные точки, во-первых, находятся уже в самом начале реплики, во-вторых, – после слова *это*, которое произнесено с растяжкой и, возможно, указывает на поиск слова, в-третьих, – после слова *нашу*, которое встречается вместе с ЗП, в-четвертых, – после выражения *из нашей команды*, и в-пятых, – после произнесения глагола *завоевала*, который опять сопровождается (возможными) маркерами хезитации, т. е. пустой паузой и ЗП, который изменяет свою форму с *э* на *н* и повторяется несколько раз (ср. Schegloff 1979: 278–279). На наш взгляд, говорящий при построении своего ответа постоянно контролирует свою способность поиска необходимого слова и готов к его произнесению сразу после его нахождения.⁹⁸ Кроме того, данный пример иллюстрирует и то явление, что при задержке гость, помимо других средств, также повторно использует лексические единицы: *первую медаль, завоевала* (строки 7–8), уже произнесенные ведущим.

Как нам представляется, необходимо также рассмотреть вопрос о том, когда речь идет о повторном употреблении языковых единиц, а когда о повторах (см. п. 4.8). Пример 37 является наглядным для выяснения данной разницы. Повторное употребление является повтором речевого материала в ином контексте, нежели в изначальном окружении (ср. Laury 2005a). Точнее, оно, как правило, находится в другой реплике, чем первоначальное употребление. Повторы, в свою очередь, нередко встречаются в той же самой секвенциальной точке. Обычно повтор расположен в непосредственной близости от первоначального лексического элемента. Между первоначальным словом и его повтором встречаются, как правило, другие маркеры хезитации или (другие) паралингвистические элементы.

⁹⁸ В этом случае речь, возможно, идет о том, что слово как бы вертится на языке (TOT, tip-of-the-tongue phenomenon) (подробнее см. п. 5.4.6).

Следовательно, по этому определению, в примере 37, когда ведущий повторяет предлог *по* (строка 3), речь идет о повторе, а когда гость повторяет целое выражение (строка 5), произнесенное ведущим ранее (строка 3), мы считаем данное действие повторным употреблением языковых единиц.

Когда речь идет об особенностях задержки продвижения по прагматической проекции, необходимо сказать, что данный тип хезитации имеет своего рода скрытый характер. Однако, как мы увидели в примере 38, вместе с ним нередко встречаются и другие, (более) очевидные маркеры хезитации, которые указывают на то, что говорящий на самом деле испытывает затруднения, связанные с производством речи (и с взаимодействием).

Что мы имеем в виду под тем, что задержка является скрытой? Как нам представляется, в задержке нет явных внешних маркеров хезитации, и она очень сильно зависит от его окружения. Иначе говоря, зависит от контекста, с помощью какого языкового арсенала говорящий может задержать продвижение проецируемого речевого материала. Необходимо также подчеркнуть, что, на наш взгляд, важно быть осторожным при отнесении отдельных случаев к задержкам продвижения по прагматической проекции. Если в речи встречаются и другие типы хезитации, то задержка представляется более вероятным вариантом. Кроме того, наличие сильной грамматической (и прагматической) проекции и многократное избегание ее осуществления сравнительно явно подразумевают, что говорящий на самом деле задерживается.

4.10 Заключение

В данной главе мы рассмотрели различные маркеры хезитации. Они являются выражениями-индикаторами речевого сбоя (т. е. экспликацией) (включая метаязыковой, специальный вопрос и повествовательное предложение с содержанием вербализации проблемы) и включают в себя, в том числе, ЗП, просодические признаки (в том числе растяжки звука, монотонный контур интонации и скрипучий голос), пустые паузы, лексические маркеры, повторы и задержки по прагматической проекции. Последний маркер включает в себя повторное употребление уже употребленных языковых единиц, перифраз, а также многословие до ожидаемой единицы языка. Роль всех этих языковых/речевых элементов в хезитации (кроме задержки

по прагматической проекции) весьма широко признана и в других языках. Отсюда следует, что в русском языке указания на хезитацию, как правило, осуществляются по большей части теми же средствами, что и в других (не только в индоевропейских, но и в других, например, в финском и японском) языках.

Все маркеры хезитации имеют и другие функции (кроме эксплицитных выражений в форме специального вопроса). Таким образом, мы определили критерии каждого маркера, когда речь идет о хезитации и когда – о каком-либо другом явлении. Как уже было сказано, иногда невозможно однозначно утверждать, относится ли данное явление к хезитации или нет. В этих случаях мы считали эти явления возможными маркерами хезитации. К этой категории были, в частности, отнесены пустые паузы и некоторые лексические маркеры, особенно в тех случаях, когда они были расположены в начале КЕР вместе с другими маркерами хезитации.

Что касается цепочек хезитации, то почти все маркеры хезитации располагаются вместе с другими, и мы можем сделать вывод о том, что они имеют тенденцию образовывать разнообразные цепочки. Когда речь шла о лексических маркерах, именно наличие других маркеров было основным критерием их включения в данную когнитивно-взаимодействующую категорию. Однако в рамках данной работы рассмотреть их взаимный порядок более детально невозможно (см. Дараган 2003; ср., однако, Schegloff 1979: 272–273; Fox Tree & Clark 1997: 155–156; Laakso 1997: 127, 129–130; Clark & Fox Tree 2002: 82–86, 95–97, 102–103; Подлесская 2013: 627; Crible et al. 2017: 76; Betz et al. 2018; Betz & Kosmala 2019).

В нашей дипломной работе мы отмечали (Ринне 2006: 17; см. также о коммуникативах Шаронов 1996: 90–92), что ЗП может привнести в высказывание какую-либо дополнительную информацию, однако она не относится к его содержанию. То же самое касается и других маркеров хезитации. Они, возможно, маркируют намерение преодоления проблемы производства речи или взаимодействия (ср. Clark & Fox Tree 2002: 79–80; Ринне 2006: 13). Вслед за В. Н. Шароновым (1996: 90) о свойствах коммуникативов в описании признаков типов хезитации можно сказать, что интенция говорящего, как правило, выражена через маркер хезитации имплицитно, а не описана с его помощью. Единственным исключением являются выражения-индикаторы.

Какую дополнительную информацию могут привнести различные маркеры? Как уже было сказано в предыдущих параграфах, каждый из вышепредставленных маркеров имеет свои особенности. Самую ясную дополнительную информацию дают лексические маркеры. Как уже было упомянуто, они могут, например, указывать на характер проблемы говорящего, а также имплицировать отношение говорящего к решению проблемы. О сравнительно аналогичном явлении писали также В. Л. Смит и Г. Г. Кларк (Smith & Clark 1993), отмечая, что на формы ответа на вопрос оказывает влияние чувство знания (*feeling of knowing*) говорящего.⁹⁹ Как правило, люди используют чувство знания во взаимодействии (подробнее см. Smith & Clark 1993; Brennan & Williams 1995; Baars & Gage 2010: 366). Кроме того, как было отмечено в параграфе 2.2, говорящий все время контролирует свое производство речи (и то, что уже произнесено, и то, что только планируется произнести).

Таким образом, следует предположить, что другие маркеры также могут быть показателями характера проблемы и отношения говорящего к ней. Как уже было сказано в данной главе, выражения-индикаторы ясно дают понять, в чем заключается проблема, а также имплицитно указывают на отношение к ней говорящего, так как с их использованием говорящий может попросить о помощи в лексическом поиске или прямо сказать, что он не помнит. Другими словами, он дает понять, что уже сдался перед проблемой, и не сам верит в свои возможности для ее решения.

Что касается ЗП, просодических признаков, пустых пауз, а также повторов, мы считаем, что их употребление, возможно, указывает на то, что говорящий верит в возможность нахождения (быстрого) решения. Роль повторов, в частности, внутри КЕР можно истолковать таким образом, что они указывают на то, что говорящий намерен продолжать ту же самую синтаксическую структуру, а следовательно, можно утверждать, что он считает, что найдет подыскиваемое слово или конструкцию без отказа от построения начатого высказывания, т. е. без отказа от первоначального плана.

Когда речь идет о задержках продвижения по прагматической проекции, то, на наш взгляд, они могут подразумевать, что говорящий сразу понимает, что для решения проблемы производства речи или взаимодействия требуется немало времени. Другими словами, у

---

⁹⁹ Подробнее о чувстве знания см., например, Baars & Gage 2010: 363–367.

говорящего возникает такое чувство, что он на самом деле знает или вспоминает необходимую речевую единицу, но на ее поиск требуется больше времени.

В настоящей главе мы рассмотрели некоторые особенности каждого маркера хезитации. Мы еще вернемся к данной тематике в главе 6, в которой объединяются результаты этой и следующей главы.

5 Хезитация с точки зрения положения в реплике, секвенции и развертывания дискурса

5.1 Принципы классификации маркеров хезитации и структура главы

В настоящей главе будут представлены результаты нашего анализа в отношении положения маркеров хезитации. Как мы уже отмечали (см. п. 1.2), одна из главных задач данной работы – выяснить, что вызывает хезитацию в речи и взаимодействии. Для того, чтобы решить данную задачу, нам необходимо обратить внимание на то, в какой фазе возникает хезитация в отношении текущей КЕР, реплики, секвенциальности и хода разговора. Другими словами, рассмотрение типичных контекстов возникновения хезитации может указывать на то, в чем заключается проблема. Хезитация делится на категории в зависимости от ее положения в отношении реплики и КЕР. Таким образом, существует три основных контекста хезитации: самое начало реплики, начало КЕР и внутри КЕР. Самое начало реплики или КЕР, однако, включают и случаи, в которых перед хезитацией встречается частица-союз (см. п. 4.4, сноску 71; ср. также Shriberg 1994: 50–51; Bortfeld et al. 2001: 132).

Каждый из этих трех контекстов имеет также свои подконтексты, встречающиеся в типичном окружении в отношении секвенции и развертывания дискурса. В первом параграфе (5.2) рассматривается хезитация, возникающая прежде всего в начале реплики. Кроме того, в некоторых подконтекстах хезитация проявляется не только в самом начале реплики. Второй параграф (5.3) посвящен рассмотрению контекста хезитации в начале КЕР, а также внутри реплики и развертывания дискурса. Здесь речь идет, как правило, о многосоставных репликах. В третьем параграфе (5.4) будут рассмотрены случаи, в которых хезитация возникает внутри реплики. Это нередко происходит в ситуациях, когда идет поиск слова или возникают другие проблемы, связанные с отдельными словами или другими мелкими единицами.

В третьей главе были представлены инструменты нашего анализа. Здесь они будут еще проиллюстрированы при помощи схемы (см. ниже). Во-первых, хезитация может быть рассмотрена с точки зрения

того, каково соотношение между тем, что имеется перед хезитацией и тем, что встречается после возникновения проблемы. Иначе говоря, продвижение в окружении хезитации может произойти на синтагматической оси, и тогда речь идет о препозитивном самоисправлении или на парадигматической оси, когда встречается постпозитивное самоисправление (подробнее см. п. 3.3).

Во-вторых, как уже отмечено, хезитацию можно классифицировать по ее положению в реплике и КЕР. С ее положением тесно связаны и два параметра, представленные раньше. Во-первых, большим воздействием обладает проекция, в частности, синтаксического типа (подробнее см. п. 3.2). Во-вторых, с положением в реплике и КЕР, а также со степенью (синтаксической) проекции связаны также фазы производства речи (подробнее см. п. 2.2). Когда проекция слабая, для решения проблемы производства речи, очевидно, достаточно начальной фазы.

Кроме того, хезитацию можно рассмотреть с точки зрения управления сменой ролей (см. п. 3.1) в секвенциальной ситуации и в ситуации развертывания дискурса (подробнее см. п. 3.2), когда речь идет, главным образом, о взаимодействии собеседников. Хезитацию также можно наблюдать с точки зрения ее текстуального положения (особенно внутри рассказывания или другого типа многосоставной реплики) (см. п. 3.4). Возможно, при таком положении хезитации также играют роль ограничения рабочей памяти.

Следующая схема иллюстрирует взаимосвязь между различными представленными выше инструментами и параметрами, оказывающими влияние на наш анализ.

1. Синтагматическая – парадигматическая ось (препозитивное – постпозитивное (само)исправление);

Показывает нам, что происходит после хезитации по отношению к предыдущей части высказывания, КЕР или реплики.

2. Положение в отношении реплики и КЕР: внутри КЕР – в начале КЕР или реплики;

Показывает нам точку хезитации и указывает на причину речевого сбоя.

- 2.1. Степень грамматической/синтаксической проекции (континуум): сильная ... слабая (поиск слова – проблема в построении высказывания) связана с местом хезитации: внутри КЕР – в начале КЕР или реплики;

Используется при определении типа/причины проблемы.

2.2. Фаза производства речи (континуум): семантика ... формулировка ... выбор слова ... фонетическое производство ... контроль осуществляемой речи. Связана с местом хезитации: в начале КЕР (реплики) – внутри КЕР;

Используется при определении типа/причины проблемы.

3. Взаимодействующая ситуация: например, управление сменой ролей, секвенциальность, развертывание дискурса, институциональные роли;

Оказывает влияние на возникновение затруднения при производстве речи и взаимодействии.

4. Текстуальные свойства в отношении целой реплики;

Оказывают влияние на возникновение хезитации, особенно во многосоставных репликах и при переходах.

В нижеследующих параграфах случаи хезитации рассмотрены при помощи вышепредставленных параметров. Некоторые из них имеют два противоположных свойства, которые исключают друг друга, другие составляют континуум. Некоторые параметры могут оказывать влияние на возникновение хезитации. Это текстуальные свойства сообщения и ситуация взаимодействия.

Следует еще раз подчеркнуть, что, хотя эти параметры представлены выше по отдельности, они не являются изолированными и независимыми друг от друга, они влияют друг на друга и пересекаются друг с другом. Границы между данными группами нередко являются нечеткими. Например, похоже, что существует континуум хезитации, возникающей вследствие коммуникативных задач, т. е. ситуаций взаимодействия, текстуальных причин или просто вследствие мотивов производства речи, включая также ограничения рабочей памяти.

Вышепредставленный анализ предназначен для того, чтобы раскрыть дополнительные функции самого общего явления хезитации. Эти дополнительные функции выполняются конкретными маркерами хезитации в разных контекстах по отношению к реплике, секвенции и развертыванию дискурса.

5.2 Хезитация, связанная с управлением сменой ролей и особенностями телевизионной беседы

5.2.1 Обзор литературы

Хезитация в положении начала реплики (и КЕР) довольно широко изучена в рамках лингвистики, в частности, в КА, а также в психолингвистике. Главное внимание сосредотачивается на том, что

маркеры хезитации, а особенно ЗП, находящиеся в начале реплики, играют большую роль в управлении сменой ролей (ср. п. 4.4). В дальнейшем мы ограничимся рассмотрением основных результатов некоторых работ, представляющих новые направления исследований, а также более новых работ, которые имеют особое значение непосредственно для нашего анализа. Кроме того, мы также рассмотрим исследования, посвященные явлению хезитации в начале реплики в русском языке.

С тем, что маркеры хезитации (в частности, ЗП) важны в начале реплики как маркеры одобрения реплики, согласны многие языковеды (см., например, Beattie 1983; Gardner 2001; см. также Fischer 2000: 163–165; Schegloff 2009; 2010; в русском языке Шмелев & Протасова 1998). Например, в области изучения употребления ЗП в телефонных беседах отмечается, что они располагаются преимущественно в начале реплики в момент смены говорящего, а потому играют большую роль в управлении репликой (Beattie 1983: 98–99).

Как отмечает Г. Сакс (цит. по Schegloff 1982: 81; ср. также Jefferson 1972: 297), иногда тот, кто овладевает правом на реплику, но еще не подготовил ее, предпочитает употребить маркер хезитации, а точнее – ЗП, сразу после окончания предшествующей реплики, затем молчит, готовясь к продолжению, и не удерживает начало незаполненной паузой. Как подчеркивает Э. А. Щеглофф (Schegloff 1982: 81), в тех точках разговора, где смена ролей между участниками разговора является возможной, важно, чтобы было сообщено о понимании текущего статуса разговора (*current state of the talk*). Следовательно, произнесение ЗП в вышеописанной ситуации является признаком не только того, что говорящий хочет взять право слова, но и того, что ему известно, что в данной точке разговора это можно сделать (там же).

В российской лингвистике отмечается также, что одним из типичных местоположений хезитации является начало реплики (см., например, Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2003; см. также Шмелев 2004: 218). Как утверждается в трудах А. Д. Шмелева и Е. Ю. Протасовой (1998), а также Ю. В. Дараган (2003), начало ответа на (трудный) вопрос может вызвать возникновение хезитации. В начале ответа, помимо ЗП, нередко встречается также частица *ну* (ср. пп. 4.4 и 4.7.2). По терминологии КА и ИЛ речь идет о втором элементе смежной пары.

Ю. В. Дараган (2003), в свою очередь, считает, что особенно трудной задачей для говорящего является абсолютное начало сообщения. А. Д. Шмелев и Е. Ю. Протасова (1998) также соглашаются с данной мыслью, отмечая, что хезитационные ЗП могут встречаться и в абсолютном начале монолога как признак того, что говорящий подыскивает подходящий способ начать свою речь. В КА и ИЛ в таком случае нередко говорится о первом элементе смежной пары или начале секвенции.

Разумеется, имеются и другие секвенциальные положения второго элемента смежной пары, в начале которых встречается хезитация. Например, как отмечается в работе К. Фишер (Fischer 2000: 165), ЗП в начале реплики может означать и то, что информация говорящего принята собеседником и он обдумывает как к ней относиться.

Когда речь идет об управлении сменой ролей, необходимо вспомнить и то, что отмечается во многих исследованиях (см., например, Goffman 1978: 806–807; Ладыженская 1984: 76; ср. также Hoffmann 1997: 371–372, 385–386, 407), а именно, что некоторые маркеры хезитации (в частности, ЗП) играют важную роль, в том числе при удержании нити разговора у говорящего, т. е., другими словами, произнося ЗП, говорящий может указывать на то, что он, ощущая возможность смены говорящего, тем не менее намерен продолжить свою реплику.¹⁰⁰ Гипотеза эта была выдвинута еще в 1950-е годы (см. Maclay & Osgood 1959: 41). Хотя существуют некоторые работы, предпринимающие попытки опровергнуть данную гипотезу (см., например, Lalljee & Cook 1969; Lalljee & Cook 1974), все же достаточно много авторов согласны с тем, что хезитация важна в данном окружении (см., например, Simpson 1994: 72; Gardner 2001: 66, 87; Clark & Fox Tree 2002: 89, 104; ср. также Bortfeld et al. 2001: 138; Fehring & Fry 2007: 64; Mauranen 2009: 222; в русском языке см. Шмелев & Протасова 1998; Дараган 2000 и указанные там источники; Шмелев 2004: 211). Существуют и результаты, указывающие на то, что люди сами признают важную роль маркеров хезитации (ЗП) в управлении сменой ролей (подробнее см. п. 4.4).

---

¹⁰⁰ Данное местоположение совпадает также со случаями, представленными в параграфе 5.3. Однако в данном параграфе рассматривается, среди прочего, управление сменой ролей и его возможная связь с хезитацией. В следующем параграфе точка зрения будет иной, так как подчеркиваются текстуальные и когнитивные признаки.

Помимо важной роли хезитации в управлении сменой ролей, у многих авторов не вызывает возражений и то, что маркеры хезитации нередко, в частности, находящиеся как в начале реплики, так и в других положениях, играют большую роль в преференциальной организации, указывая на непредпочтительность и в первых, и во вторых элементах смежной пары. В таких репликах маркеры хезитации (вместе с задержками, включающими в себя, кроме ЗП, паузу или частицу в начальной позиции и пояснение) имплицитно проблематичный речевой шаг, например, просьбу, отрицание или исправление, совершенное другим (см. пп. 3.2 и 4.4).¹⁰¹

Кроме того, существует исследование (Etelämäki & Jaakola 2009), в котором обсуждается роль маркера хезитации *tota* (частица финского языка, обозначающая 'это, вот' (well, uhm) в обсуждении будущего речевого шага (ср. п. 1.3). Как полагают авторы (там же: 189, 193, 199, 201), *tota* указывает на то, что развертываемый речевой шаг является еще в какой-то степени нерешенным, открытым, и над ним еще необходимо поработать.

Итак, подводя итог, можно сказать, что нередко, помимо того, что маркеры хезитации указывают на трудности производства речи, они возникают вследствие разнообразных взаимосвязанных проблем. Таковыми являются, как мы здесь описали, управление сменой ролей, вежливость в щекотливой ситуации (преференциальность), указание на неуверенность, а также обсуждение направления развертывания дискурса. Необходимо помнить, что в указанных случаях речь идет не только о самом начале реплики, в котором можно встретить маркеры хезитации, хотя оно (самое начало) и является типичным местом.

5.2.2 Общие принципы

В данном параграфе (5.2) мы будем рассматривать такие подконтексты хезитации, в которых взаимодействие и управление сменой ролей играют большую роль. Кроме того, речь идет о возникновении хезитации в начале реплики. Поскольку хезитация возникает в данном положении, то для подконтекстов, представленных в данном

---

¹⁰¹ Другие взаимосвязанные функции хезитации, которые рассматриваются не только в КА и ИЛ, но и в других областях лингвистики, это указания на неуверенность, касающуюся правильности ответа (Smith & Clark 1993) или положения дел вообще (Goodwin 1987; см. также Simpson 1994: 66–67). Кроме того, маркеры хезитации употребляются также при маркировании сознательного указания на неуверенность (Good & Butterworth 1980: 147–151; см. также Fischer 2000: 162; Fox Tree 2006: 725).

параграфе, характерно, что грамматическая проекция является чрезвычайно слабой в точке хезитации. Когда ситуация рассматривается с точки зрения фаз производства речи, можно сказать, что говорящий нередко испытывает трудности самой начальной фазы, т. е. он не знает, что сказать (семантическая проблема) или как сказать (структурная проблема).

5.2.3 Хезитация в начале ответа или другого типа второго

элемента смежной пары – проблема, что/как ответить или как отреагировать

Настоящий параграф посвящен рассмотрению случаев, в которых хезитация возникает в положении, в котором имеется только прагматическая проекция, но пока целиком отсутствует грамматическая проекция (ср. Аuer 2005). Речь идет о начальной позиции второго элемента смежной пары, т. е. зачастую – о начале какого-либо ответа или другого типа реакции. Таких мест в нашем материале достаточно много. Поскольку во время хезитации КЕР еще не проецирует никаких грамматических форм, вполне возможно, что при хезитации говорящий испытывает трудности семантического характера, т. е. не знает, что сказать. Второй вариант – это проблема структурного типа, когда говорящий уже определил в какой-то мере смысл будущего высказывания, но еще не решил, какими словами и конструкциями это выразить. Эти два типа проблемы, как правило, невозможно четко отделить друг от друга. Единственным исключением является употребление выражений-индикаторов речевого сбоя. В этом случае говорящий вербально выясняет, в чем заключается проблема (подробнее см. п. 4.3).

В примере 39 не так просто понять, за счет чего возникает проблема.

(39) «Про это»

01	T:	да.
02		(0.5)
03		.xx (0.4) н:о:↑ (0.4) когда скажем так.=
04		=дело доходило до секса?
05		(0.4) .xx (0.7) я чувствовала что:→ (0.4) .xx мужчина не
06		может иметь со мной секс.
07		а:→ по↑лностью на сто проце↑нтов он не мо↑жет быть
08		удо•удовлетворён;
09		(1.2)
10		име[я секс со] мной.
11	B/EX:	[почему же.]

5 Хезитация с точки зрения положения в реплике, секвенции и развертывания дискурса

12 > (0.7)
 13 > Т: а потому что .xx (0.4) #°°# для обы↑чного мужчи↑ны я:
 14 (0.6) стала уродом?
 15 (1)

В начале фрагмента мы видим, что гостья рассказывает о своей личной жизни и о своих чувствах. После этого тележурналист задает специальный вопрос о причине интерпретации, данной гостьей выше (строка 11), и гостья начинает свою реплику, колеблясь (строка 13). Перед этим во взаимодействии встречается пауза между репликами (gap) (строка 12). После вопроса ведущей гостья начинает отвечать не сразу. Что происходит после этого? Помимо использования пустой паузы и ЗП, она раньше как бы задерживает ответ, будучи ненужно многословной вплоть до ожидаемой единицы языка и произнося эквивалент вопроса в ответе (почему – потому что) (ср. п. 4.9). Сама задержка недвусмысленно указывает на хезитацию, а речевые элементы, сопровождающие ее, подтверждают данное толкование. Этот пример иллюстрирует и то, что в самом начале ответа нередко встречается цепочка разных маркеров хезитации. Однако проблема в таком секвенциальном положении может быть промаркирована достаточно минимально.

В примере, представленном выше, проблема не эксплицируется, и поэтому мы точно не знаем, почему говорящему трудно. Однако в данном фрагменте тема может быть истолкована как щекотливая, и в предыдущей реплике гостьи (строки 1–10) в некоторых точках встречаются различные маркеры хезитации. Это не помогает нам в анализе, так как в этом случае говорящий может испытывать трудность в том, что сказать или как сказать (см. Chafe 1980b: 171), хотя, наверное, немного более вероятным является предположение о том, что трудность заключается именно в содержании ответа. Этот вывод можно сделать на основе опыта человеческого поведения.

На основе анализа мы предполагаем, что маркеры хезитации, расположенные в абсолютном начале второго элемента смежной пары, каким-то образом имплицировали не только затруднения при начале речевого шага, в том числе – подачи ответа, но и некоторую затрудненность самого развертывания дискурса. Это было видно и в примере 39.

Рассмотрим еще один пример, который секвенциально и с точки зрения развертывания дискурса отличается от примера,

представленного выше. В нем нет смежной пары «вопрос–ответ», но есть пара «аргумент – (своего рода) контраргумент». Следовательно, во фрагменте речь также идет о преференциальной организации, а именно о непредпочтении (ср. пп. 3.2 и 5.2.6.3). Пример 40 наглядно иллюстрирует затрудненность самого развертывания дискурса. Здесь трудность заключается в том, что ведущий только что представил аргумент, который ясно показывает противоречие между мнением гостя и его поведением. Речевые шаги ведущего можно истолковать как своего рода нападение или обвинение (ср. Berg 2001; 2003).

(40) «На здоровье»

- 01 В/АБ: =>вы ~сказали~ что счас↑тье это когда живёшь↑ вот
02 ни о чём не думая< вот как дышишь не замечая.
03 (0.3)
04 и в то же время >вы говорите< что я так жить не
05 могу? (0.3) что я себя заставляю? что
06 вот мне даже не хочется идти играть;=(но) мне надо?
07 (0.3)
08 и я иду потому что так надо.
09 (0.5)
10 НМ: а при чём тут(!) (0.2) х₀↑чешь и ((-) я говорю) про
11 сча↑стье а не про то что на°до.°
12 (0.2)
13 В/АБ: .xx (0.2) нет. вэ вы живёте так как на↑до ведь #всё-
14 таки#.
15 (0.6)
16 а не так↑ как хочется вот.
17 всё-таки >не хо↑чется идти на корт а идёшь.<
18 > (1.1)
19 > НМ: **¥ (0.3) & (0.2) ¥ (0.2) (.)xx °м° я:→ ((шипение в**
20 > **горле)) / (0.4) пытаюсь делать то что должно?**
21 (0.3)
22 и думаю что пусть будет что будет.
23 (0.4)
24 В/АБ?: .xx
25 НМ: [и]
26 В/АБ: [Ю]рий я хотел спро[сить;]=а что:↑ такое для вас.---
27 ЮА: [да.]

В строках 19–20 мы видим, что перед тем, как начать высказывать свое мнение, которое строится как уступка, гость долго колеблется между разными типами хезитации. До цепочки маркеров хезитации также заметна сравнительно длительная пауза между репликами. Как и в примере 39, здесь видно, что пауза в данном секвенциальном

положении является типичной, так как речь идет о трудностях (начала) развертывания дискурса во втором элементе смежной пары.

Этот фрагмент показывает, как ранее ведущий настойчиво парирует слова гостя (см. строки 1–8, 13–17). Гость уже представил контраргумент (строки 10–11), который был сразу же отвергнут ведущим. Таким образом, гостю, возможно, трудно не только снова сформулировать реакцию, но он, к тому же, находится в ситуации, когда ему необходимо или защитить свое мнение, или уступить, признав, что он был не прав.

Необходимо также подчеркнуть, что маркеры хезитации, находящиеся в начале ответа, не только подразумевают, что ответ еще не является готовым, но и используются при построении интервью (ср. Seppänen 1997b: 160–176). Другими словами, отвечающий сообщает о своем ориентировании на то, что они вместе создают интервью (ср. Raevaara 1997: 79). Если собеседник не дает понять, что он готов начать ответ, то говорящий должен сделать что-то, например, переформулировать вопрос, уточнить его (там же).

Как следует из подведения итогов на основе примеров, представленных выше, говорящий может разнообразными средствами указывать на то, что для него трудно в позиции второго элемента смежной пары. Если проблема минимальна, говорящий может указывать на нее только кратковременным маркером, но если требуется больше времени, то говорящему необходимо или затратить какие-то значительные усилия, или каким-либо образом оформить задержку. Тогда речь может идти об употреблении перифраза или о повторном употреблении элементов предыдущей реплики, или, например, об употреблении избыточных выражений, чтобы быть намеренно многословным, как выше.

Данный контекст возникновения хезитации можно наглядно отобразить при помощи следующей схемы:

ВЕДУЩИЙ: первый элемент смежной пары (в данном материале нередко вопрос);

(пауза между репликами);

ГОСТЬ: хезитация (часто разные типы, такие как цепочка) + второй элемент смежной пары (в данном материале – типично ответ).

Следует подчеркнуть, что при хезитации говорящий дает понять, что знает, что от него ожидается ответ или другой тип реакции, но он еще не готов к этому. Какие же маркеры употребляются в данном

контексте? У говорящего существует многосторонний арсенал средств, на которые он может опираться. Данный подконтекст не имеет особенно типичных для него маркеров хезитации. Разумеется, то, что проблема находится в самом начале реплики, подразумевает широкие возможности хезитации. Достаточно часто, примерно в половине из 15 случаев, встречалась цепочка хезитации или ЗП. Как правило, на основе анализа можно утверждать, что в данном секвенциальном контексте отсутствуют только особенные (согласующиеся) лексические маркеры хезитации, которые, как правило, употребляются при поиске слов. Однако, как уже отмечалось, между репликами нередко встречаются паузы.

5.2.4 Хезитация в начале ответа – проблема во вспоминании деталей

В предыдущем параграфе были рассмотрены случаи, в которых гостю было трудно решить, что сказать или как сказать. Такая проблема может возникать как реакция на почти любой тип вопроса. Сейчас мы перейдем к обсуждению ситуаций, в которых вопрос ведущего еще сильнее, по сравнению с примерами предыдущего параграфа, проецирует содержание ответа гостя. Вопрос предусматривает ответ на какую-либо специфическую деталь. Согласно Ю. В. Дараган (2003), припоминание какой-либо детали, например, имен, названий или числовых данных может оказаться трудной задачей и порождать хезитацию. Как нам кажется, данная тенденция неудивительна, особенно когда собеседник, а не сам говорящий стимулирует припоминание. Такая ситуация приведена в примерах 41 и 42.¹⁰²

Пример 41 рассматривается с вышеописанной точки зрения в статье (Rinne 2010: 97–98).

(41) «Как это было»

- 01 В/ОШ: =и вот сегодня? .xx он гость? (п) нашей студии.
02 (п)
03 >скажи↑те пожалуйста.<=а: кто↑ был инициатором.
04 (0.6) а:→ поездки нашей сборной? (0.2) э:→ в
05 Хельсинки?=
06 > ВЕС: =э:→ **главная инициатива принадлежала м:→ тогда**
07 > **председателю Комитета по ~физической~ культуре и**

¹⁰² Кроме того, идентичное секвенциальное положение рассматривается и в параграфе 4.9 в примере 38. Оно свидетельствует о том, что при возникновении проблемы припоминания деталей говорящий нередко опирается именно на задержку продвижения по прагматической проекции.

- 08 > *спорта;=при Совете Министров СССР?~Николаю*
 09 *Николаевичу~ Рома#нову#?*
 10 *(.)*
 11 *.xx (.) +ну↑ и наило поддержку это в правительстве и в*
 12 *Центральном комитете+ #партии#.=*
 13 В/ОШ: *=как-то срав↑нивали вообще? °э° какие шан↑сы на---*

Как видно, специальный вопрос ведущего (строки 3–5) порождает прагматическую проекцию на наименование инициатора. Гость так и поступает. Однако он, по-видимому, испытывает трудности, связанные с припоминанием либо поста инициатора, либо его имени. Это истолкование возникает вследствие произнесения ЗП в таких местах (в строке 6 два раза: *э:→* и *м:→*), в которых говорящий уже мог бы произнести имя или пост человека. Он мог бы произнести имя или пост человека в абсолютном начале второго элемента смежной пары (*э:→*), а затем после продвижения речи по главной линии туда, где произнесен глагол *принадлежала* (*м:→*), который не только прагматически, но и синтаксически настраивает слушающего на ожидание номинации. Кроме того, говорящий формулирует свой ответ в форме полного предложения (строки 6–9) (ср. в финском языке Berg 2003: 67; Raevaara & Sorjonen 2006: 130–142), хотя одного только наименования могло бы быть достаточно. Данная формулировка могла бы быть истолкована как задержка продвижения по прагматической проекции. Кроме того, говорящий повторно использует элемент первого элемента смежной пары, так как произносит слово *инициатива*, которое имеет общую основу со словом *инициатора* в реплике ведущего. Также такой поступок может быть расценен как способ говорящего выиграть время (ср. п. 4.1).

Как нам представляется, формирование ответа, а также положение ЗП намекают на то, что проблемы порождает именно желание вспомнить имя инициатора или его поста. Несомненно, возможны и другие причины. Однако, кроме наличия данных маркеров хезитации в речи говорящего, и секвенциальное, и синтаксическое их положение подтверждает, что речь идет именно о проблемах припоминания. Общечеловеческий опыт о том, что именно может вызвать хезитацию, также подтверждает взгляд, представленный выше.

Рассмотрим пример 42, который является наглядным случаем того, что невозможно однозначно утверждать, что говорящий испытывает проблемы с производством речи, хотя он выбирает слова и

конструкции так, что их можно истолковать как задержку.¹⁰³ Явными маркерами хезитации являются только растяжки звука в конце слов.

(42) «Про это»

- 01 В/ЕХ: сколько вам было лет.
02 > Т: .xx <это: было:> семь лет на#зад#.
03 (0.9) / ((шум))
04 В/ЕХ: .xx а↑ что вы почувствова#ли#. .xx когда после
05 операции?=впервы↑е увидели себя в зерка#ле#.

В этом примере мы отмечаем, что вопрос ведущей требует от гостьи сообщить свой возраст на момент аварии. Однако гостья не отвечает на вопрос, а формулирует свою реплику другим способом (строка 2). Она рассказывает, сколько лет назад это произошло. Иначе говоря, она избегает точного ответа и дает ответ семантически близкий. Ее реплика содержит некоторые маркеры хезитации и задержки. Во-первых, слова *это* и *было* произнесены медленнее, чем другие слова в реплике. Во-вторых, в обоих данных словах последние слоги являются затянутыми. Кроме того, *это было* не является обязательным элементом в данном положении, и данная конструкция может быть истолкована как задержка.

Задержка может возникать по разным причинам. Похоже, что гостья сразу, без начальной хезитации, начинает формулировать свою реплику совсем не для того, чтобы сообщить свой возраст. Это следует из того, что она не произносит ни личного местоимения первого лица в дательном падеже, ни числительного. Таким образом, она уже в начале формирования ответа решает, что не будет сообщать свой возраст, а поступит по-другому (ср. обсуждение направления развертывания дискурса, пп. 1.3 и 5.2.6). Возможно, что информация о возрасте женщины является нежелательной темой для разговора не только в русской культуре. Следовательно, если хезитация и задержка не связаны с тем, что говорящий не знает, как избежать информации о возрасте, то, как нам кажется, они, возможно, связаны с тем, что говорящий не может сразу вспомнить или не в состоянии быстро сосчитать, сколько лет прошло с момента аварии.

¹⁰³ Кроме того, данный пример имеет и (слабые) признаки обсуждения направления развертывания дискурса (ср. пп. 1.3 и 5.2.6). По этой причине он наглядно иллюстрирует то универсальное явление, что во всяких категориях имеются также пограничные случаи.

Вышепредставленные два примера проиллюстрировали, что, если говорящий не сразу отвечает, т. е. должен найти слово, указывающее на какие-либо детали, у него есть разные способы получить больше времени для решения данной задачи. Он может, как мы увидели, повторно использовать элементы, которые уже произнес собеседник (или же он сам), с применением слов и различных конструкций задерживать проекцию подыскиваемого элемента, а также употреблять ЗП (возможно, с просодическими признаками) и другие типы хезитации.

Маркеры хезитации кажутся разнообразными при оценке того, насколько явно они имплицитно проблематичны. Как нам кажется, цепочки хезитации, содержащие, например, ЗП, (несогласуемые) лексические маркеры, а также растяжки звука (в частности, с монотонной интонацией) и несинтаксические пустые паузы сравнительно явно дают понять, что говорящий испытывает трудности при производстве речи. Кроме того, в данном секвенциальном положении они в достаточной степени намекают на проблему вспоминания деталей. Использование повторного употребления уже употребленных языковых единиц и другого типа задержки продвижения по прагматической проекции, в том числе употребление избыточных или осложненных конструкций, имеют другой характер. Они более скрыто и косвенно намекают на проблемы производства речи. Кроме того, как видно из примера 42, такое речевое поведение может иметь и другие причины, например, какие-то другие предпочтения или отклонение от того направления беседы, которое предложил собеседник, включая нежелание говорить на данную тему или просто «сохранение лица» (говорящего или собеседника) (ср. п. 3.2).

Два примера, представленные выше, похожи друг на друга. В них тележурналист задает вопрос, ответ на который требует от гостя поиска деталей в памяти. Следовательно, вероятно, что, когда гости начинают отвечать, они еще не знают, как долго продлится данный когнитивный процесс. То есть, во время поиска они должны оценить его длительность и, возможно, заполнить его словами. Иначе говоря, речь идет об оценке чувства знания (ср. п. 4.10). Как утверждает в работах Э. А. Щеглоффа (Schegloff 1979: 273–280) и Б. А. Фокс и ее коллег (Fox et al. 1996: 205), задержки, в которых повторяется уже произнесенный речевой материал, являются типичными в ситуации, где подходящее слово найдено не сразу.

Случаи, рассматриваемые в настоящем параграфе, можно представить при помощи следующей схемы:

ВЕДУЩИЙ: первый элемент смежной пары, побуждающий второй элемент, который содержит специфическую деталь;

ГОСТЬ: хезитация (при которой типична задержка продвижения по прагматической проекции + возможны и другие маркеры) + второй элемент смежной пары, включающий специфические детали или их припоминание.

Для хезитации данного контекста (всего 4) характерны не только задержки продвижения по прагматической проекции (для получения большего количества времени для вспоминания), но и – особенно при длительном припоминании – цепочки разных типов хезитации, например, ЗП и растяжки звука. В вышеописанном контексте роль задержки представляется парадоксальной. Если задержки нет вообще, то не так просто доказать, что проблема заключается именно в припоминании той детали, реализация которой в данном случае задерживается не разными способами, а например, только ЗП. Однако, если в речи говорящего встречается только вербальная задержка продвижения по прагматической проекции, тогда вообще нет причин говорить о хезитации, а возможная хезитация как будто скрывается.

Настоящий параграф показал нам, что у говорящего имеется некоторый инструментарий для преодоления речевого сбоя, касающегося именно припоминания деталей. Нередко речь идет об обеспечении большего количества времени при поиске подыскиваемой единицы в памяти. В этом параграфе рассматривалось такое секвенциальное окружение, в котором толчок для начала процесса припоминания деталей инициировал адресат (путем постановки вопроса). С другой стороны, когда речь идет о сбое при припоминании деталей в процессе монолога или о внезапном сбое внутри КЕР, способы решения проблемы несколько отличаются (ср. п. 5.4.4). При этом говорящему, по всей вероятности, не так легко повторно использовать элементы, произнесенные собеседником.

5.2.5 Хезитация в начале первого элемента смежной пары – проблема в начале нового речевого шага в рамках сценария

В предыдущих параграфах были рассмотрены ситуации, в которых хезитация возникает в начале второго элемента смежной пары, т. е. главным образом в реплике гостя. В данном параграфе рассматриваются ситуации, в которых хезитация встречается в реплике

ведущего, а именно в начале первого элемента смежной пары. На основе практического анализа в ряде случаев можно подтвердить кажущуюся связь такого секвенциального положения хезитации с соблюдением ведущим сценария телевизионной беседы. Связанными со сценарием переходами являются, например, представление нового гостя и новой темы, которую в телевизионных беседах часто представляют в форме вопроса (см., например, Nuolijärvi & Tiittula 2000: 219). Следовательно, речь идет о том, что в телевизионной беседе под руководством тележурналиста происходит переход от одного речевого шага к другому, и в таком контексте возникает хезитация.

Пример 43 являет собой ситуацию, где новая тема представляется сразу после подхвата.

(43) «Как это было»

01	В/ОШ:	=угу.=
02	АМИ:	=так что +и Ру+мыния счёт.
03		(0.2)
04		три один (~выиграли~) у румын.
05		.xx после этого мы ездили (п) в Финляндию?
06		(п)
07		сыграли со сборной Финляндии два один выиграли?= 08 =это была вся подготовка.=
09 >	В/ОШ:	=>(всё!);<= <i>ну вот? нэ:→ (0.2) такой↑ вопрос.</i>
10		(0.3)
11		<i>а: в то время? [(0.7) ¥у нас же не↑ было</i>
12		<i>профессионального спорта.=да;]</i>
13		<i>[[((смотрит не на АМИ))]]</i>

До этого фрагмента ведущий спрашивал о предварительных играх перед Олимпийскими играми. Гость долго перечислял игры и их результаты, и этот речевой шаг продолжается в строках 2–8. После продвижения речи гостя до возможного места смены говорящего ведущий перехватывает право слова. В начале реплики он произносит, как нам кажется, *всё*, функцией которого является сообщение о том, что тема исчерпана (ср. Грамота s.v. *весь*; ТСПЯ s.v. *весь*; ср. также Grenoble & Riley 1996: 836). После этого он произносит цепочку частиц *ну вот*, последняя из которых произносится с восходящей интонацией. Эти частицы, прежде всего, имплицитно указывают на начало новой темы (ср. пп. 4.7.2 и 4.7.3). Однако, помимо этого, они, возможно, выполняют и функцию хезитации, так как сразу же после их произнесения в речи встречается, без сомнения, маркер хезитации – ЗП с растяжкой и монотонным контуром интонации. До продвижения речи возникает

еще и пустая пауза (0.2), которая также может указывать на хезитацию. Далее говорящий продолжает, сообщая, что будет вопрос по новой тематике – профессионального спорта.

Возможно, что во время подхвата тележурналист еще не решил, как он будет представлять новый топик и вопрос. Однако, поступая так, он указывает на то, что теперь пора перейти к следующим пунктам программы. Следовательно, хезитация может дать информацию не только о трудностях при переходе или формулировке вопроса, она может также являться маркером привлечения особого внимания собеседника и телезрителей, указывая на то, что сейчас будет что-то новое.

Пример 44 отличается от примера 43: в нем тележурналист берет слово, не употребляя средства подхвата, и новая секвенция с представлением новой темы начинается после аплодисментов.

(44) «Как это было»

01	В/ОШ:	=я приглашаю в студию?=олимпийскую чемпионку?= 02 = <u>Нину Аполдоновну</u> .xx <u>ПОНОМАРЁВУ-РОМАШКОВУ</u> . 03 (0.5) 04 НАП-Р: а я кстати до сих пор метая.= 05 В/ОШ: =>что вы говорите.<= 06 НАП-Р: =да; 07 (0.3) 08 .xx я: ещё и чемпионка мира?= 09 =и двукратная олимпийская чемпионка?= 10 =в.:→ [среди] ветеранов. 11 ?: 12 В/ОШ: ((кланяется)) ни[зкий вам поклон.] 13 Зрители: [((аплодируют))]] ((аплодируют)) 14 [((аплодируют))]] 15 НАП-Р: [И ПЯТИКРА↑ТНАЯ ЧЕМПИОНКА Европы.] 16 Зрители: ((аплодируют)) 17 (0.4) 18 > В/ОШ: а:→ нэ а вот вспомните?= 19 =какие <u>ощущения</u> (0.4) [.xx] 20 НАП-Р: [всё-]таки я ещё себя? 21 в то время? (0.3) .xx выезжая на Олимпийские ихры;= 22 =чувствовала себя новичком.

Из данного примера видно, что после представления новой гостьи ведущим (строки 1–2) гостья берет ситуацию на себя и начинает самостоятельно рассказывать о своих нынешних делах и успехах (строки 4, 6–10, 15). На это тележурналист реагирует, демонстрируя своей гостье уважение с жестом восхищения и вербально, а зрители

аплодируют. После окончания данной секвенции возникает пауза между репликами (строка 17). Затем ведущий берет право слова и колеблется (строка 18). После произнесения цепочки хезитации *a:→ нэ а вот*, в которой комбинация *а вот*, видимо, в основном указывает на представление новой темы (ср. п. 4.7.3; ср. также Grenoble & Riley 1996: 831–834), ведущий призывает вспомнить ощущения, непосредственно связанные с Олимпийскими играми.¹⁰⁴

Этот пример также показал нам, что хезитация и представление новой темы достаточно часто совпадают друг с другом. Почему существует связь между этими явлениями? Одну из гипотез выдвинул еще Ф. Дж. Лоунсбери (Lounsbury 1954: 99–100), по мнению которого паузы, связанные с колебаниями говорящего, появляются, когда в речи имеется точка наивысшей неопределенности в последовательности единиц данного порядка. Новая тема, без сомнения, является точкой наивысшей неопределенности в последовательности. У. Л. Чейф (Chafe 1980b: 172–176; ср. также 1980a: 43–49) разделяет данную точку зрения, подкрепляя ее результатами исследования, в соответствии с которыми говорящий колеблется как в начале рассказа, так и в различных переходах, в частности, между (нереальным) миром рассказа и миром настоящей жизни. По гипотезе, выдвигаемой автором (Chafe 1980a: 49), рост степени хезитации прямо сопоставим с ростом количества случаев перестроек сознания говорящего. Хотя и у тележурналиста есть свой сценарий, при переходе к новой теме или к представлению нового гостя он должен, по словам У. Л. Чейфа (там же), перестроить свое сознание. Следовательно, данные гипотезы связаны с тем, что говорящему действительно трудно сформулировать новый вопрос или иным способом перейти к новой секвенции.

Вторым возможным объяснением является «экономичность» хезитации. Как уже отмечалось в параграфе 4.2, большинство типов хезитации не имеют лексического значения или же оно является достаточно слабым. Однако, на наш взгляд, данное свойство маркеров хезитации делает их употребление экономичным в контексте представления новой секвенции и речевого шага, в частности, когда другие действия, например, аплодисменты, являются не вполне

---

¹⁰⁴ Гостя толкует призыв так же, так как она начинает свой ответ, ориентируясь на вопрос именно таким образом сразу после выражения *вспомните?* = *какие ощущения (0.4)*, которое синтаксически и просодически проецирует продолжение. Существует и прагматическая проекция продолжения КЕР и реплики, но их содержание можно уже предугадать, как это и делает гостя.

законченными. Тогда говорящему стоит начать свое высказывание при помощи речевых элементов, которые не содержат большого количества информации о будущем речевом шаге, так как информация, возможно, не достигает предполагаемых реципиентов. Следовательно, когда в таком контексте ведущий употребляет в своей речи маркеры хезитации, кроме упомянутых выше, ему, возможно, трудно решить, как и когда начинать свою реплику так, чтобы на нее действительно обратили внимание.¹⁰⁵

С другой стороны, как уже было упомянуто в параграфе 4.4, «экономичность» отчасти также связана с тем, что употребление маркеров хезитации (в частности, ЗП) облегчает понимание собеседника. На самом деле, как утверждает Дж. М. Симпсон (Simpson 1994: 78–79; ср. также Gardner 2001: 76; Шмелев 2004: 211), иллюстрируя свою точку зрения при помощи некоторых примеров, если говорящий внезапно переходит к вопросу, представляющему новую тему, то в начале реплики адресата, т. е. второго элемента смежной пары, как правило, встречаются маркеры хезитации. Таким образом, хезитация говорящего в начале новой секвенции, по-видимому, помогает собеседнику и (теле)зрителям следить за ходом беседы и ориентироваться на новую тему, нового гостя и т. п.

Хезитация в начале реплики (всего 5 случаев), где ведущий указывает на намерение перехода к новому речевому шагу (и к новому направлению развертывания дискурса), может произойти разными способами. Типичными случаями хезитации в таком секвенциальном положении являются цепочки хезитации, нередко содержащие ЗП. На основе нашего анализа можно сказать, что возможными частями цепочки являются, по крайней мере, пустые паузы, находящиеся в таком положении, когда они не выполняют синтаксической функции (ср. п. 4.6). Кроме того, цепочки встречаются и вместе с частицами-союзами/лексическими маркерами (несогласуемого типа), функцией которых часто является прежде всего указание на переход. С другой стороны, когда речь идет об отдельных маркерах хезитации, просодические признаки нередко играют большую роль. Толкование различных элементов (включая лексические маркеры или пустые паузы) как указывающих в первую очередь на хезитацию, а не,

---

¹⁰⁵ Безусловно, тогда можно спросить, является ли хезитация сознательной стратегией говорящего или непреднамеренным действием (ср. дискуссию о (не)сознательности хезитации в преференциальной организации п. 3.2).

например, на переход или как являющихся маркерами привлечения внимания, является слишком спорным.

Вышеописанный контекст возникновения хезитации может быть представлен с помощью следующей схемы.

ГОСТЬ/ЗРИТЕЛИ В СТУДИИ: развертывание дискурса;

подхват, совершенный тележурналистом ИЛИ пауза между репликами;

ВЕДУЩИЙ: хезитация (возможно, цепочка) (+ частица-союз/лексический маркер или их цепочка, указывающая прежде всего на переход) + фактический переход к новому речевому шагу (и к новому направлению развертывания дискурса), совершенный вербально тележурналистом;

ИЛИ частица-союз/лексический маркер или их цепочка, указывающая прежде всего на переход + хезитация (возможно цепочка) + фактический переход к новому речевому шагу (и к новому направлению развертывания дискурса), совершенный вербально тележурналистом.

Как видно из схемы, порядок маркеров хезитации и маркеров перехода может свободно изменяться. В нашем материале встречались оба варианта. Помимо порядка, в обоих случаях типы хезитации, как уже было упомянуто выше, могут облегчить понимание адресата, зрителей в студии и телезрителей.

В этом параграфе были представлены контекст возникновения хезитации, связанный с управлением сменой ролей, точнее, со взятием слова, а также со сменой темы и речевого шага. Другие переходы, которые непосредственно связаны с рассказыванием и в которых возникает хезитация, рассматриваются в параграфе 5.3.3.

5.2.6 Проблемы, возникающие вследствие обсуждения направления развертывания дискурса

Как уже детально обсуждалось выше (подробнее см. п. 1.3), всякая социальная действительность в рамках КА и ИЛ понимается как результат кооперации, т. е. обсуждения и переговоров. Это можно увидеть в ходе анализа разговора по многим уровням его членения, в том числе в секвенциальности, а именно: в выделении смежных пар, в которых, как правило, в первом элементе предлагается какой-либо речевой шаг, во втором собеседник либо утверждает, либо отрицает его или, во всяком случае, предлагает такое толкование развертывания дискурса, в соответствии с которым, в свою очередь, уже первый говорящий может его одобрить или оставить на дальнейшее обсуждение. (см. Schegloff & Sacks 1973: 297–298; Pomerantz 1984; ten

Have 1990; Heritage 1996 [1984]: 249–260; Ford 2004; Schegloff 2007: 100–102; Hutchby & Wooffitt 2008: 14–15; ср. также Sinclair & Mauranten 2006: 60.)

Итак, можно сказать, что обсуждение является устойчивым признаком разговора. Также необходимо подчеркнуть, что здесь мы говорим об обсуждении не в «будничном смысле», т. е. собеседники не дают эксплицитно понять, что они обсуждают направление развертывания дискурса, обсуждение идет несколько деликатнее. Например, если собеседник не выражает протеста, значит, он одобряет направление развертывания дискурса, предлагаемое говорящим.

Нередко у всех участников взаимодействия одинаковый взгляд на то, что происходит в разговоре. Например, один участник рассказывает что-то, а другие слушают. Иногда, однако, собеседники имеют разные мнения о развертывании дискурса, тогда с самого начала единогласия в разговоре нет. Это можно увидеть во взаимодействии, например, когда говорящий как бы отклоняется от того речевого шага, который предложил собеседник. Кроме того, важной точкой обсуждения является возможное место смены говорящего. Оно и определяет место наблюдения для говорящего. (подробнее см. п. 3.2.) Другими словами, если собеседник сразу не берет себе право слова в ситуации, когда КЕР является завершенной синтаксически, просодически и прагматически и говорящий ориентирован на смену, то говорящему предлагается сделать что-то, чтобы спровоцировать собеседника, т. е. вызвать ответ (см. Davidson 1984; Pomerantz 1984; Heritage 1996 [1984]: 272–275; Ford 2004: 39–41, 44–47). В данных секвенциях нередко встречаются и маркеры хезитации. Нередко первым признаком является именно пауза между репликами (ср. Davidson 1984: 103–107; Heritage 1996 [1984]: 272; Ford 2004: 41, 45; см. также Pomerantz 1984: 160–161). Ситуация возникает, главным образом, ввиду проблем взаимодействия, а точнее, взаимопонимания. В следующих параграфах подробнее представлены три контекста хезитации такого типа.

5.2.6.1 Хезитация в возможном месте смены говорящего после второго элемента смежной пары – проблема в обсуждении достаточности ответа

В данном параграфе рассматриваются случаи, в которых говорящий, – как правило, гость – испытывает трудности не в самом начале ответа, а после выражения такой (первой) КЕР, которая уже сама по себе может

сформировать реплику. Иначе говоря, она уже синтаксически, просодически и прагматически является полной, а не проецирует продолжение. Возможное место смены говорящего является комплексным, а прагматическое окончание – глобальным (ср. п. 3.1). Тогда речь может идти не только о том, что говорящий еще не решил, что (или как) сказать, но и о том, что собеседники обсуждают направление развертывания дискурса и кто следующим берет слово (ср. Berg 2003: 68), хотя, как утверждает М. Берг (там же: 67), расширение ответа является в телевизионной беседе предпочтительным, так как занятие позиции (kannanotto) нередко сопровождается обоснованиями.

Типичных секвенциальных контекстов хезитации в выше представленном положении в отношении смежной пары имеется два. В первом речь идет о том, что гость произносит (довольно краткий) ответ, достаточность которого затем обсуждается. Второй случай заключается в том, что ответ включает рассказывание или рассказ, а обсуждение касается именно его завершения. Другими словами, речь идет о том, что собеседники не соглашаются с тем, достигнута ли в рассказе/рассказывании точка кульминации или нет (подробнее см. п. 3.4). То, что собеседники толкуют достаточность ответа неодинаково, может порождать хезитацию (ср. Pomerantz 1984: 152–153).

Рассмотрим примеры 45 и 46. В примере 45 говорящий два раза расширяет свой ответ после паузы между репликами, а в примере 46 в контексте рассказа говорящий один раз пользуется расширением ответа, окончательно проясняя его.

(45) «Про это»

01	V/EX:	=то есть вы помогаете им .xx обрести уверенность в
02		се#бе#.=
03	T:	=да наверно?
04		(0.2)
05	V/EX:	°угу.°=как <u>женщи</u> [нам.]
06	T:	[да.]
07		(0.4)
08	V/EX:	>а где↑ же живут эти обожатели.=в каких [странах.<]
09	T:	[('°езде°)]
10		(0.3)
11		езде во всех странах.
12 >		(0.6)
13 >		#м:# по моей↑ философии. .xx (0.6) а: я считаю что это
14		просто: в жи↑зни во всём есть ба±ланс±.
15		(0.4)

- 16 .xx то есть ес• е↑если существуют женщины без ножки?
 17 (0.6) .xx то должны↑ быть мужчины которым мы
 18 нравимся.=потому что мы же так↑же хотим ±секс±.
 19 .xx мы так↑же хотим чтобы нас лю±би±ли.
 20 (0.2)
 21 .xx но для обы↑чных мужчин мы уже не существуем?
 22 > (1.3)
 23 В/ЕХ: [°угу. °]
 24 > Т: [.xx] а:→(м) (0.6) и поэтому: (0.5) °м° Бог или кто-то
 25 там;=со↑здал для нас↑ таких мужчин.=
 26 В/ЕХ: =°м. ° .xx ну если обычный мужчина в вас влюбится. =---

(46) «Про это»

- 01 Зрители: [((аплодируют))]
 02 В/ЕХ: [добрый вечер Татьяна.
 03 (1.2)
 04 как случилось что вы потеряли но#гу#.
 05 (0.3)
 06 Т: .xx на] мотоцикле;=я ехала на мотоцикле?
 07 и.: (1) ((поворачивает ладони)) м:→ (0.3) выехала
 08 ((показывает руками)) на встречную полосу.
 09 > (0.5) ((Т поворачивает ладони.))
 10 > °м:° в принципе всё очень банально(х).
 11 (0.3)
 12 В/ЕХ: сколько вам было лет.

Подробно рассматривая данные фрагменты, мы замечаем, что во всех трех случаях первым признаком проблемы, а также обсуждения того, кто продолжает разговор и каким способом, является достаточно длительная пауза между репликами (пример 45, строки 12, 22; пример 46, строка 9). Кроме того, во всех случаях гостя продолжает свою речь, однако в самом начале (а в примере 45 в обоих случаях – позже) в ее речи встречается хезитация в форме цепочки или ЗП с просодическими признаками (пример 45, строки 13, 24; пример 46, строка 10). Это, возможно, указывает не только на то, что она не знает, что или как сказать, но и на то, что она уже ориентирована на то, что ее ответ (в примере 46 в форме рассказа) является готовым к моменту паузы между репликами. Однако, поскольку тележурналист оценивает ситуацию несколько по-другому, госте требуется переориентироваться.

Данное ориентирование можно увидеть в том, как сформулированы расширения ответа. В примере 45 в строках 13–21 и 24–25 гостя после хезитации в двух положениях формулирует объяснение того, почему обожатели все-таки есть везде. Кроме того, в строке 13 она два раза

говорит, что речь идет о ее собственном мнении. В обеих версиях встречаются и маркеры хезитации: *#м:# по моей↑ философии. .xx (0.6) а: я считаю что*, а сам поступок переформулирован, т. е. имеет место постпозитивное самоисправление типа отказа от построения начатого высказывания, и построение его по-новому, что можно считать задержкой продвижения по прагматической проекции, т. е. сообщением содержания своего мнения (Rinne 2010: 100–101; ср. п. 4.9). Кроме того, такого типа самоисправление, как правило, намекает на то, что говорящий еще не решил окончательно, что или как сказать (ср. Алексиева 2007: 278). Кроме того, уже то, что именно говорящий повторно использует, обращаясь к уже сказанному, и дополняет в строке 11 первую версию ответа (строка 9), можно считать признаком того, что говорящий сам рассматривает ответ как заверченный (ср. повторное употребление уже употребленных языковых единиц в финском языке Laury 2005a: 185–186; см. также Pomerantz 1984; Heritage 1996 [1984]: 272–275).

Почти такая же ситуация имеется в том же самом примере, в строках 22 и 24. Однако там ведущая, произнося тихим голосом *угу* (строка 23), дает понять, что право слова еще у гостыи (ср. Paukkeri 2010: 68 и указанные там источники). Опять же, продолжение речи гостыи (строки 24–25), т. е. переформулировка следствия уже названной причины намекает на то, что гостыя относится к своему ответу как к завершённому (ср. Pomerantz 1984; Heritage 1996 [1984]: 272). Также ориентируется и тележурналист, задавая новый вопрос и немного развивая ту же тему (строка 26).

В примере 46 ответ сформулирован как небольшой рассказ (ср. элементы внутренней структуры нарратива п. 3.4) (строки 6–10). После представления результата/развязки, т. е. точки кульминации: *и:: (1) ((поворачивает ладони)) м:→ (0.3) выехала ((показывает руками)) на встречную полосу*. (строка 8) встречается первое возможное место смены говорящего с точки зрения прагматики, синтаксиса и просодии. Опять же, формулировка гостыи (строка 10) после возможных переговоров о праве слова и направлении развертывания речевого шага указывает на то, что у гостыи, скорее всего, рассказ и ответ готовы, так как она предлагает оценку результата: *в принципе всё очень банально(х)*., вероятно, из-за отсутствия реакции ведущей (ср. п. 3.4, сноску 53), что является своего рода заключительной частью (см. п. 3.4), и затем она заканчивает реплику выдохом (ср. в финском языке

Ogden 2004: 35). Все эти три случая продолжения речи гостя можно рассматривать как инкременты, при помощи которых говорящий может вызвать реакцию собеседника и преодолеть ситуацию, при которой собеседник не берет слово в возможном месте смены говорящего (см. п. 3.1).

В заключение можно сказать, что в настоящем параграфе представлен контекст возникновения хезитации, когда собеседники обсуждают завершенность ответа (и рассказа/рассказывания) гостя. Мы видим, что сам говорящий может решить проблему, предлагая новую альтернативу, которая сформулирована таким образом, чтобы по возможности более настойчиво побудить тележурналиста взять слово.¹⁰⁶

После уже завершенного ответа (или рассказа) гостя возникла пауза между репликами, а затем гостя продолжила свою речь, но не без трудностей. Вполне возможно, что она первоначально ориентировалась на то, что пора идти дальше. Однако, как уже было упомянуто (ср. п. 3.2), в телевизионном интервью у тележурналиста больше власти для определения того, кто и как продолжает говорить. Иначе говоря, в обсуждении направления развертывания дискурса чаще всего именно тележурналист имплицитно (в том числе, молча) или вербально намекает, кто продолжает говорить и каким образом. Например, во всех вышепредставленных случаях гостя продолжала свой ответ (и рассказ), иногда повторно используя его элементы.

Разумеется, вполне возможно и то, что оба собеседника принимают решение продолжить обсуждение. Тогда возможно возникновение перебивания (ср. пример 45, строки 23–24). Кроме того, возможно и то, что собеседник, т. е. ведущий, истолковывает ситуацию как необходимость взять слово. Однако, по результатам нашего анализа, в таком случае в речи ведущего, как правило, не возникает хезитации. Это, возможно, связано с тем, что тележурналист может придерживаться сценария, а также с тем, что у него как у

---

¹⁰⁶ Нередко продолжение речи говорящего после хезитации в контексте, представленном в данном параграфе, с точки зрения внутренней структуры нарратива представляет собой переход (ср. 5.3.3). Однако мы решили рассмотреть данный тип хезитации в этом параграфе, так как, как нам кажется, здесь то, что говорящий должен продолжить говорить, предлагая новое возможное место смены говорящего (и совершить переход), связано с отсутствием единогласия в отношении достаточности ответа. Переходы, которые непосредственно связаны с рассказыванием и в которых возникает хезитация, рассматриваются в параграфе 5.3.3.

профессионала есть разные стратегии для продолжения беседы, – например, предложить обсуждение чего-либо понятного обеим сторонам или попросить уточнить что-либо и т. п., а для гостя выступление на телевидении может, в свою очередь, являться исключительным событием (ср. п. 3.2).

Выше представленный тип хезитации может быть описан с помощью следующей схемы.

ГОСТЬ: ответ или рассказ/рассказывание;

(длительная) пауза между репликами – обсуждение права слова и направления развертывания дискурса;

ГОСТЬ: хезитация (типичная цепочка) + расширение ответа, в том числе, объяснение или окончание рассказа/рассказывания, включая оценку; (Оба варианта могут содержать повторное употребление речевого материала.)

(перебивание, если ведущий начинает свою реплику, например, новым вопросом;)

(ИЛИ Ведущий берет слово и предлагает, например, новую тему.)

Следует подчеркнуть, что короткая пустая пауза ($0.4 \leq t < \infty$), как правило, не указывает на хезитацию, т. е. на проблему взаимопонимания при завершении ответа или рассказывания, так как, по нашим данным, она является нормальной при смене ролей. Если в таком секвенциальном контексте встречается короткая пустая пауза, требуются и другие маркеры хезитации, чтобы можно было сказать, что речь идет именно о ней. Вполне возможно, что такая короткая пауза между репликами указывает на обсуждение того, кто должен продолжать разговор и в какую сторону развивается дискурс, однако, как нам кажется, в таком случае обсуждение идет бегом и проблемы взаимодействия и производства речи не будет или, по крайней мере, истолкование данной ситуации как проблемы является чрезвычайно спорным.

По результатам нашего анализа, наряду с пустой паузой между репликами нередко встречаются ЗП (с растяжкой и/или монотонной интонацией), растяжки звука в первом слове КЕР, например, частицы-союзы или разнообразные цепочки маркеров хезитации, содержащие, возможно, помимо вышеупомянутых элементов, и несинтаксические, пустые паузы. Кроме того, имеются и задержки продвижения по прагматической проекции, включая повторное употребление языкового материала (по крайней мере, его содержания) и перифразы. Толчком для хезитации в таком контексте является, скорее всего, отнюдь не беглая смена ролей после завершения ответа или прохождения точки

вершины рассказа, которая отмечается при помощи (длительной) паузы между репликами. Хезитация подразумевает, что говорящий понимает, что от него ждут продолжения, но его содержание (или его структура) еще не определены.

5.2.6.2 Хезитация в возможном месте смены говорящего после первого элемента смежной пары – проблема в обсуждении завершенности вопроса

Этот параграф представляет некоторым образом противоположную ситуацию по сравнению с контекстом предыдущего параграфа, так как здесь рассматриваются случаи, в которых возникает хезитация, когда реплика, точнее, как правило, вопрос тележурналиста, находящийся в положении первого элемента смежной пары, уже ничего не проецирует синтаксически и просодически. Прагматическая проекция, в свою очередь, может быть истолкована как спорная, так как реплика не вызывает второго элемента смежной пары, т. е. ответа. Другими словами, отсутствие второго элемента смежной пары, т. е. ответа, порождает, по-видимому, явление хезитации.

Пример 47 наглядно иллюстрирует данное явление. Пример рассматривается с этой же точки зрения в статье (Rinne 2010: 94–95). В данном фрагменте разговаривают ведущий и бывший футболист. Они только что говорили о том, как после Олимпийских игр в Хельсинки члены команды СССР считались профессионалами, и, следовательно, им уже не разрешили участвовать в следующей Олимпиаде.

(47) «Как это было»

01	В/ОШ:	<i>хорошо. (-) >с вами ~конечно~ проводили какие-то до э:<</i>
02		<i>бесе↑ды до до отъезда.</i>
03 >		<i>(0.4)</i>
04 >		<i>°э:→° >туда.<</i>
05 >		<i>°э° о чём↑ говорили с вами.</i>
06 >		<i>(0.3)</i>
07 >		<i>э:→ (0.2) в ваших ячей↑ках комсомольских таких</i>
08		<i>временных?</i>
09		<i>(0.2)</i>
10	АМИ:	<i>[вы зна]ете.=говорили только о том (0.6) как победить.</i>
11	В/ОШ:	<i>[(-)]</i>
12	В/ОШ:	<i>к(х)а• *как* победить.=</i>
13	АМИ:	<i>=это са[мое глав]ное.=</i>
14	В/ОШ:	<i>[°а::х?°]</i>

Как мы видим, наречием *хорошо* ведущий маркирует предыдущую тему как законченную. После этого он задает гостю общий вопрос (строки 1–2). Это видно при произнесении ударной части слова *беседы* выше уровня предударной части и с нисходящим контуром интонации в конце просодической единицы (ср. Брызгунова 1978: 130–131, 136). Собеседник не берет слова, при этом возникает пауза между репликами (строка 3). На эту ситуацию реагирует тележурналист, используя маркер хезитации (ЗП) и уточняя свою предыдущую КЕР инкрементом *туда*, который представляет собой выражение весьма общего характера (строка 4) (подробнее см. п. 5.4.4). Инкремент маркируется завершенным нисходящим контуром интонации. Гость снова не отвечает, и ведущий снова испытывает трудности, произносит ЗП и переформулирует вопрос как специальный (строка 5). Когда вопрос уже ничего не проецирует, ведущий маркирует его как завершенный нисходящей интонацией. Гость снова не берет слова, и возникает пауза между репликами (строка 6). В речи ведущего снова встречается хезитация (в данном случае цепочка: ЗП и пустая пауза), и, как и раньше (строка 4), он дополняет вопрос инкрементом, уточняющим место *в ваших ячейках комсомольских таких временных?* (строки 7–8). После этого делается пауза между репликами (строка 9), которая побуждает гостя к ответу (строка 10). Тележурналист также дает свое истолкование ситуации. Ведущий ориентируется на то, что гость еще не берет слово, и начинает свою реплику одновременно с ним (строка 11).

Как и в примерах предыдущего параграфа, в примере 47 хезитация возникает в месте наблюдения, когда тележурналист замечает, что гость не относится к вопросу как к завершенному. Формулировки продолжения реплик ведущего также указывают на то, что он сам считал вопрос завершенным. Иначе говоря, он предлагает инкременты и переформулировки вопроса, которые вызывают реакцию собеседника и предлагают новое возможное место смены говорящего (ср. п. 5.2.6).

Как утверждается в труде А. Померантц (Pomerantz 1984: 153), отсутствие ответа может являться следствием того, что собеседник не понимает смысла вопроса, т. е. собеседники не имеют достаточно общих знаний по теме или же тот или другой строит неправильные предположения. Это явление, возможно, объясняет и то, почему гость не начал свой ответ раньше: *говорили только о том (0.6) как победить*. Кроме того, ведущий, возможно, тоже не ожидал такого ответа, так как

он повторно использует его со смехом (строка 12). Пример 48 более ясно иллюстрирует отсутствие нужной информации у тележурналиста и влияние этого отсутствия на задержку ответа гостем.

(48) «Как это было»

- 01 В/ОШ: =>(всё!);<=ну вот? нэ:→ (0.2) такой↑ вопрос.
 02 (0.3)
 03 а: в то время? [(0.7) Ыу нас же не↑ было
 04 профессионального спорта.=да;]
 05 [((смотрит не на АМИ))]
 06 [.xx то есть каждый; (0.2) э::→ спортсмен? (0.3)
 07 +дожджен был+ где-то ра±бо±тать.=
 08 =я так понимаю.»
 09 [((смотрит на АМИ))]
 10 > »[.xx **значит** **£э::→£** **э:** >на заво↑де на фаб↑рике да?]=
 11 АМИ: [((кивает))]
 12 > В/ОШ: =э **и:**↑ли **там я не знаю э:**→<]]
 13 [((смотрит на АМИ))]
 14 АМИ: [н]ет.=
 15 =[я был] .xx как студент.
 16 В/ОШ: [((смотрит на АМИ и улыбается))]
 17 В/ОШ: как↑ как студент?=
 18 АМИ: =да.
 19 [(°честно°)]
 20 В/ОШ: [а что.] =+вам+ вы↑дали какую-то корочку:?=
 21 АМИ: =нет.=там во в: в: игровой кар↑точке написана
 22 про±фес±сия.=
 23 В/ОШ: =°а[ха.°]
 24 АМИ: [у] некоторых было там .xx портной?
 25 там вот Тату↑шин был портной?=
 26 В/ОШ: =портной?=
 27 АМИ: =портной?=он просто:?(п) работал да?
 28 В/ОШ: °а[ха?°]
 29 АМИ: [~не]которые~ студен↑ты были?=
 30 =>ну в об↑щем коро↑че он был по по профессии?<
 31 кто кого↑ [(-)]
 32 В/ОШ: [~вообще~]смешно↑ если бы попроси↑ли где-
 33 нибудь его? (как бы) (---) пока±зать±.=
 34 =как он умеет так ~сказать~ я не знаю [(-)]
 35 АМИ: [а он зако•] он
 36 за±кон±чил (-) ремесленное учи↑лище портновское.=
 37 =[так что он мог бы.] +ко+нечно.=---
 38 В/ОШ: =[ах действительно?]

В данном фрагменте ведущий завершает предыдущую тему (подготовку к Олимпиаде) и предлагает новую в форме вопроса (строки 1–7). Рассмотрим подробнее строки 10 и 12. До этого направление взгляда указывает на то, что вопрос не является

завершенным (строки 1–5) (ср. результаты направления взгляда при поиске слова Goodwin & Goodwin 1986: 56–57; см. также Goodwin 1987: 118). Подобно примеру 47, в строках 10 и 12 в речи ведущего встречается хезитация в месте наблюдения, т. е. в таком положении, когда гость может взять право слова. Однако гость не начинает свою реплику, и ведущий произносит в строке 10 *значит* с цепочкой хезитации. *Значит* указывает на выводы или уточнение (ср., например, ТСПЯ s.v. *значит*, см. также Грамота s.v. *значит*; ср. в финском языке *siis* Sorjonen & Laakso 2005: 257). Затем он продолжает свою речь с помощью уточняющего инкремента, упоминая примеры, т. е. возможные профессии с вопросительной концовкой *да*, ожидая от собеседника утвердительного ответа или согласия (см., например, Rathmayr 1985: 122–123). При этом собеседник не ориентируется на то, что от него ждут словесного ответа – он только кивает (строка 11). Ведущий снова испытывает трудности (строка 12). Он произносит ЗП, после этого частицу-союз *или*, затягивая первый звук. *Или* указывает на альтернативное описание (ср. Грамота s.v. *или*; ТСПЯ s.v. *или*). Говорящий начинает новое предложение, предлагая новый инкремент. После *или* он произносит «пустое» наречие *там* (ср. Алексиева 2007: 276–277; см. также Прокуровская 1983: 175–176), которое указывает, что он не нашел подходящего варианта, указывающего на какую-либо должность. После этого он эксплицирует свое незнание данного вопроса (строка 12), заканчивая высказывание ЗП, т. е. дает понять, что он испытывает трудности с продолжением. После того, как он начинает использование ЗП, гость приступает к ответу. Таким образом, последний ЗП служит в этом примере последним толчком к началу ответа гостя. В этом примере после точек хезитации следуют постпозитивные самоисправления в форме добавлений (строка 10) (ср. п. 3.3). Говорящий, вероятно, рассматривает молчание собеседника так то, что необходимо уточнить или добавить что-либо.

Рассмотрим, как продолжается взаимодействие после того, как гость начинает свой ответ. Подобно примеру 47, ответ гостя чем-то удивляет, приводит в смятение. Это может быть отмечено в реакции тележурналиста: он повторно использует главный элемент ответа гостя и формулирует свою реплику как догадку (строки 17, 26), т. е. ориентируется на реплику гостя как на проблематичную. Далее выясняется, что тележурналист не знал, что игроки на самом деле не были профессионалами, а работали или учились. О профессиях судили

не только по «корочкам». Следовательно, проблемы взаимодействия и взаимопонимания имеют длительный характер (до конца фрагмента). Возможно, что гость не отвечает, так как не понимает смысла вопроса, т. е. почему задан именно такой вопрос, и поэтому не осознает, что вопрос подготовлен заранее.

Хезитация в речи ведущего в ситуации, когда гость не отвечает, может проявляться разнообразными способами. Как мы увидели в примерах 47 и 48, в качестве маркеров хезитации были использованы ЗП (вместе с пустыми паузами), растяжки звука и эксплицитные выражения хезитации и незнания. Роль лексических маркеров (несогласуемого типа) была в данном контексте спорной. Проблемы, в свою очередь, были решены при помощи перифраза или переформулировки вопроса таким образом, чтобы было легче ответить.

Однако здесь необходимо подчеркнуть, что обсуждаемая в этом параграфе ситуация, порождающая явление хезитации, является редкой (всего 6 случаев). Кроме того, во всех случаях разговаривали одни и те же участники телевизионной беседы. Следовательно, подведение итогов на основе примеров данного параграфа должно иметь предварительный характер. Несмотря на небольшое количество случаев, необходимо помнить и то, что, поскольку явление можно познать с учетом человеческого опыта, мы можем полагать, что оно существует шире, чем во взаимодействии данных участников.

Представленный выше контекст хезитации может быть описан с помощью следующей схемы.

ВЕДУЩИЙ: вопрос;

(пауза между репликами);

ВЕДУЩИЙ: хезитация (возможно, цепочка) + переформулировка или уточнение вопроса.

Здесь на основе анализа можно заключить, что первым маркером хезитации может являться пауза между репликами, как мы увидели в примере 47, однако хезитация может проявляться и без нее. При этом в речи отмечаются только какие-то определенные маркеры хезитации, например, ЗП с просодическими признаками (во всех случаях), или цепочка, содержащая, помимо данных элементов, растяжку звука или пустую паузу. Кроме того, хезитация такого типа может быть выражена и эксплицитно.

5.2.6.3 Хезитация в непредпочтительном речевом шаге – проблема в исправлении вопроса

Данный параграф посвящен рассмотрению такого обсуждения направления развертывания дискурса, с которым связаны асимметричные роли или знания собеседников. Как уже было описано в параграфе 3.2, в институциональном разговоре собеседники не имеют равных прав и доступа к разным элементам разговора, в том числе, к управлению репликами или определению направления развертывания дискурса. Например, как полагают П. Нуолиярви и Л. Тийттула (Nuolijärvi & Tiittula 2000: 15), поскольку тележурналист находится в студии как бы «на своем поле», он имеет больше прав на проявление инициативы в телевизионной беседе.

Однако существуют ситуации, когда гость, который, естественно, лучше знает и себя, и свои чувства, а также сведения, относящиеся к своей специальности, может иметь право не соблюдать ход разговора, т. е., развертывание дискурса, предлагаемое ведущим, и внести свои предложения о развитии беседы. Здесь мы имеем в виду, например, что гость не согласен со своей ролью в разговоре или с каким-то фактом, который представил ведущий (ср. Pomerantz 1984: 153, 159–161).

Когда гость начинает корректировать, на его взгляд, фальшивое суждение, т. е. начинает обсуждать направление развертывания дискурса, в таком секвенциальном положении нередко возникает хезитация. Корректировку взглядов собеседника можно считать несогласием с ним. Как правило, несогласие понимается как непредпочтительный речевой шаг. (Schegloff et al. 1977: 380; ср. также п. 3.2.)

Примеры 49 и 50 конкретизируют представленное выше. В примере 49 гость не согласен с ролью собеседника с особым мнением. Этой роли он не хочет, но считает, что ему ее дали. Реплика гостя, таким образом, как бы корректирует наметки плана разговора, лежащие в основе выбора гостей. Речь идет о корректировке, совершенной адресатом (ср. п. 3.3). Фрагмент располагается в точке смены интервьюируемого. В данной программе участвуют три гостя, у которых берут интервью по отдельности. В начале фрагмента ведущий обращается ко второму гостю и задает ему вопрос.

(49) «На здоровье»

- 01 В/АБ: [Ю]рий я хотел спро[сить;]=а что:↑ такое для вас.»
 02 ЮА: [да.]
 03 В/АБ: »(0.1) ¥ (0.2) здоровый образ жиз[°ни. °]
 04 ЮА?: [¥]
 05 > ЮА: .xx (.) ну во-первых я: так >я так< понял что вы:→ меня
 06 > пригласили как (0.3) какой-то контр (0.3) типаж;
 07 [по отношению к Михалкову?=
 08 Зрители: [((смеются))]
 09 > ЮА: =но дело в том что: (0.2) °м:→° дело в том что:
 10 многие его позиции мне близки?
 11 (и) поэтому .xx контртипаж так бы как бы не
 12 получается?=
 13 В/АБ: =°угу. °
 14 ЮА: >но со мно↑гими позициями я например не согласен.=
 15 =например если бы;<---

Рассматривая данный фрагмент, можно заметить, что гость начинает отвечать не сразу (строки 5–12) на заданный ему вопрос (строки 1, 3), и отсюда следует, что реплика гостя является непредпочтительной с точки зрения прагматики, так как она не сразу удовлетворяет ожидание, инициированное вопросом. Следовательно, речь идет об отклонении того речевого шага, который предложил собеседник (подробнее см. 3.2). Говорящий формулирует реплику, сообщая, как он понял свою роль в интервью (строки 5–7) и приводит аргументы о том, почему данная роль не является обоснованной (строки 9–12). Кроме того, его реплика насыщена задержками, осложненными конструкциями и различными типами хезитации (строки 5–6, 9), которые указывают на непредпочтение (ср. п. 3.2).

Рассмотрим подробнее, как говорящий строит свою реплику (строки 5–12). После частицы *ну* с функцией частичной уступки и перехода, а также возможной реакции на трудный вопрос (ср. п. 4.7.2) он произносит *во-первых*, что вместе с *ну* уже некоторым образом указывает на будущее отклонение от прагматической проекции, а также на будущее разногласие (ср. Schegloff 2007: 102). Далее в речи встречаются маркеры хезитации: говорящий дважды произносит *я так*. Первое *я* произнесено еще и с растяжкой. После этого он продолжает: *понял что вы* с растяжкой и монотонной интонацией, т. е. с хезитацией. Затем говорящий бегло произносит *меня пригласили как*. После этого продвижение по проекции снова задерживается, и в речи встречается пустая пауза (0.3) (строка 6), которая в данном положении, очевидно, имплицитно подразумевает поиск слова. Произнесению подыскиваемого

слова также предшествует местоимение *какой-то*. Оно имеет значение приблизительности, примерности, неточности, и, как правило, употребляется, когда достаточно точно определить какое-то свойство затруднительно (Грамота s.v. *какой-то*).¹⁰⁷ Затем говорящий переходит к подыскиваемому слову, но, возможно, колеблется в процессе произнесения, так как в речи снова встречается пустая пауза (0.3). После этого он без проблем продолжает: *по отношению к Михалкову*. Данная КЕР произнесена с восходящей интонацией, которая указывает на продолжение (Брызгунова 1978: 101–102; см. также Коротаев 2018: 348–349). И он подхватом продолжает: *но дело в том что* (строка 9). Эта фраза содержит маркер хезитации: *что* произнесено с растяжкой. Продолжение речи подтверждает данное толкование, поскольку встречается пустая пауза, ЗП с растяжкой и монотонной интонацией, а также повтор целой конструкции *дело в том что*, причем *что* находится в разъятой форме. *Но дело в том что* отождествляется с контрастностью и несогласием, а многочисленные маркеры хезитации также указывают на это и на проблемы выбора слов или формулировки. После данной хезитационной фазы говорящий, наконец, приближается к выражению мотивировки того, почему он не является контртипажом (строки 10–12).

В данном примере, как мы уже заметили, много мест возникновения хезитации в продвижении речи. Как нам кажется, эти места не имеют случайного характера, а, скорее, являются точками, предшествующими важным и/или щекотливым моментам в речи. Например, *я так* с маркерами хезитации встречается в начале формулировки суждения, которое в дальнейшем подтверждается говорящим как неправильное. Возможно, произнося *я так* дважды, гость также планирует, каким образом он описывает свою ментальную деятельность. Одновременно *я так*, произнесенное дважды, подчеркивает, что это именно говорящий, который так понял, т. е. в формулировке можно увидеть смягчение угрозы положительному «лицу» (имиджу) собеседника (ср. п. 3.2), так как мнение высказывается не как универсальное, а как принадлежащее именно говорящему.

Следующая точка хезитации находится после произнесения *понял что* в слове *вы*, которое произносится с растяжкой и монотонной

---

¹⁰⁷ На данном этапе говорящий, по-видимому, уже прояснил для себя выбранное слово (или, по крайней мере, его род), так как *какой-то* согласуется с определяемым словом в числе, роде и падеже.

интонацией. Данное место важно по нескольким причинам. Во-первых, говорящий сообщает, что агентом речевого шага является именно ведущий. Во-вторых, как мы потом заметим, речевой шаг, который затем сообщается как произведенный тележурналистом, является неправильным, по мнению гостя (ср. строки 9–12). Следовательно, конструкцию, содержащую местоимение *вы*, можно понять как своего рода обвинение. Хезитация может не только смягчить роль деятеля, но и указывать на трудности при формулировке продолжения, т. е. наименования деятельности, имеющей спорный характер. На трудность и спорность/контрастность указывают и другие положения хезитации (строки 5–6, 9).

Пример 50 иллюстрирует ситуацию, в которой тоже идет обсуждение, но оно касается употребления слов, которые косвенно оказывают влияние на развертывание дискурса и ее перенаправление. Предметом особого внимания, таким образом, является несогласие о наименовании чувств собеседника. Пример рассматривается с этой же точки зрения в статье (Rinne 2010: 95).

(50) «Про это»

01	T:	---и вдруг резко вот та:к вот. =
02	V/EX:	=то есть вы впа↑ли в де[пресси]ю.
03	T:	[(°да°)]
04		(0.3)
05 >		°#° я не знаю это даже депрес↑сией наверно не
06 >		назовёшь. =
07 >		=это было что-то#:# более ужасн#ое# =
08	V/EX:	=что вы ощущали.

Непосредственно перед данным фрагментом ведущая спросила у гостя, пользовалась ли та популярностью среди мужчин до аварии. На этот вопрос гостя отвечает, подтверждая точку зрения, представленную тележурналистом. Кроме того, она рассказывает, что до аварии ее жизнь была простой и легкой. Затем следует фрагмент примера. Как мы видим, ведущая предлагает свое толкование чувств гостя после несчастного случая, маркируя их как вопрос восходящим контуром интонации в слове *впали* (строка 2) (ср. Брызгунова 1978: 16–17, 130–132, 136–138). Данный тип вопроса побуждает к утвердительному высказыванию (ср., например, Пауккери 1997: 33–35; см. также Пауккери 2006: 13–14), которое гостя и произносит, перебивая тележурналиста в финальной части вопроса (строка 3). Затем возникает пауза между репликами (0.3).

После паузы гостья снова берет слово и корректирует употребленное ведущей слово *депрессия* (строки 5–7), т. е. делает данное слово объектом обсуждения. Другими словами, реплики гостьи говорят о том, что она считает термин «депрессия» неподходящим для описания ее состояния и чувств (о дискурсе при поиске слова см. Goodwin & Goodwin 1986: 64). Она начинает свою реплику, произнося ЗП (строка 5), после которого она продолжает свою речь исправлением адресата (строки 5–7), которое сформулировано с помощью осложненной структуры (ср. п. 3.2), модулированной (modulated) маркерами неуверенности (*я не знаю, наверно*) (Schegloff et al. 1977: 378–380). Как утверждается в работе Э. А. Щеглоффа (Schegloff 2007: 102), данные элементы речи иногда сигнализируют отрицание или разногласие. Говорящий сообщает: *я не знаю это даже депрес↑сией наверно не назовёшь.* = *это было что-то#:# более ужасн#ое#*. Как мы видим, после экспликации проблемы говорящий начинает альтернативное описание (строка 7). Гостья не находит альтернативного слова, и в ее речи встречается маркер хезитации в форме растяжки в слове *что-то*, который указывает на то, что она ищет формулировку для описания того, что она пережила. По словам гостьи, ее чувства переходят все те границы, на которые указывает слово *депрессия*. При этом она делает толкование положения дел, предложенное ведущей, объектом обсуждения.

Следовательно, отвержение слова, предложенного тележурналистом, совершенно достаточно осторожно. Как и в примере 49, маркеры хезитации и маркеры неуверенности имплицитно не только самую трудность формулировки и поиск слов, но и непредпочтение, а также, возможно, выполняют функцию смягчения положительного «лица» (имиджа) собеседника (ср. п. 3.2).

Как показывают два примера, представленные выше, в исправлении элемента вопроса хезитация, как правило, возникает не только в самом начале реплики или КЕР, но и на всем пути развертывания реплики. Маркеры хезитации в начале реплики наряду с маркерами неуверенности могут, в большей степени, выполнять роль маркирования непредпочтительности и одновременно указывать на то, что ситуация является проблематичной, или же могут указывать на то, что трудно найти подходящую формулировку для отвержения слова. Другие типы хезитации, находящиеся в такой реплике в середине КЕР,

нередко имеют функцию поиска слова при описании и одновременно указывают на спорность или деликатность ситуации (см. п. 5.4.5).

Реплики обоих гостей (в примерах 49 и 50), в которых суждения, высказанные в вопросе, были каким-либо образом исправлены, были насыщены не только различными маркерами хезитации, но и другими элементами речи, которые выполняли функцию осторожности, смягчения и неуверенности. Здесь можно задать вопрос, какую роль играет хезитация в таком секвенциальном контексте? Указывает ли она прежде всего на то, что прагматическая проекция является сильной, когда речь идет о смежной паре: вопрос–ответ, в частности, в институциональном контексте (когда развертывание дискурса, как правило, контролируется ведущим)? Является ли проекция настолько сильной, что, если отклониться от данной прагматической проекции, то потребуются наличие многих индикаторов, имплицитующих хезитацию, неуверенность, осторожность для смягчения угрозы положительному «лицу» (имиджу) собеседника при отклонении от запланированного речевого шага? Или же указывает ли это явление на то, что на самом деле перенаправление развертывания дискурса, совершенное гостем, особенно когда речь идет о коррекции взглядов или ролей, является с когнитивной и социальной точек зрения такой затруднительной задачей, что возникает столько маркеров хезитации и говорящему трудно сформулировать свое сообщение?

Настоящий параграф можно описать с помощью следующей схемы.

ВЕДУЩИЙ: вопрос;

(пауза между репликами);

ГОСТЬ: маркеры непредпочтения и хезитации во многих местах + новое направление развертывания дискурса, которое неполностью удовлетворяет секвенциальную импликацию, созданную вопросом. (Хезитация, маркеры непредпочтения и новое направление смешиваются друг с другом. Следовательно, новое направление, как правило, выражается многими типами хезитации и другими маркерами, указывающими на проявление осторожности.)

Как было ясно видно в двух примерах, представленных выше, для хезитации в прагматическом контексте этого параграфа характерны разнообразность и изобилие. Кроме того, говорящий, как правило, многословен и неполностью удовлетворяет секвенциальную импликацию. Типами хезитации в данном прагматическом контексте являются, как правило, ЗП, просодические признаки (в частности,

растяжки звука и монотонная интонация) и экспликация проблемы. Кроме того, встречаются повторы и несинтаксические, пустые паузы. Характерно и то, что различные маркеры формируют цепочки. Когда речь идет о лексических маркерах, находящихся в начале реплики, их связь с хезитацией является относительно спорной.

Хотя данный параграф вместе с параграфами 5.2.6.1 и 5.2.6.2 входит в параграф «Проблемы, возникающие вследствие обсуждения направления развертывания дискурса», где хезитация рассматривается как проявляющаяся именно в начале реплики, данный подконтекст является исключением, так как в нем хезитация возникает, как правило, не только в начале реплики или КЕР, но и в других положениях реплики. Вполне возможны ситуации, когда целая реплика насыщена маркерами хезитации. Однако мы решили представить данный контекст хезитации наряду с другими типами, в которых речь идет об обсуждении направления развертывания дискурса.

5.2.6.4 Выводы

В представленных выше трех параграфах мы рассмотрели контексты, в которых хезитация возникала вследствие того, что собеседники по-разному толковали развертывание дискурса. Какие итоги можно подвести? По крайней мере, можно сказать, что, хотя нередко считается, что хезитация возникает главным образом ввиду проблемы производства речи (см., например, Chafe 1980b: 171; Ладыженская 1984: 76; Jay 2003; Алексиева 2007), однако, когда речь идет об обсуждении направления развертывания дискурса, хезитация возникает, по всей вероятности, в результате проблемы взаимодействия. Иначе говоря, хезитация такого типа возникает при наличии различных толкований о развертывании дискурса.

Кроме того, как мы увидели, проблемы, связанные с обсуждением направления развертывания дискурса, нередко возникают, когда во взаимодействии встречается пауза между репликами. В некоторых секвенциях она является даже обязательной для возникновения хезитации данного типа (ср. п. 5.2.6.1). В других представленных выше прагматических окружениях пауза была возможной, но не являлась принудительным толчком для возникновения проблемы.

К какому еще выводу о роли хезитации в обсуждении направления развертывания дискурса можно прийти? По-видимому, хезитация указывает также на то, что говорящий хочет или намерен решить

проблему, т. е. в данном контексте взять слово и определить направление развертывания дискурса.

Как уже отмечалось, обсуждение направления развертывания дискурса является достаточно широким явлением. Оно «проникает» через все три способа членения разговора, т. е. организацию смены ролей, секвенции и исправления. Таким образом, иногда обсуждается только направление развертывания дискурса. Такой контекст был выяснен в результате нашего практического анализа и представляет собой ситуацию, когда говорящий не одобряет какой-либо детали содержания реплики, представленной другим, выносит ее на обсуждение (см. п. 5.2.6.3). Иногда в обсуждении присутствует и управление сменой ролей. Такая прагматическая ситуация возникает, например, когда объектом переговоров является момент завершения вопроса (см. п. 5.2.6.2) или достаточность ответа (см. п. 5.2.6.1).

Когда в обсуждении направления развертывания дискурса присутствует обсуждение управления сменой ролей, следует принимать во внимание, что ситуация, когда собеседники толкуют роль хезитации при управлении сменой ролей по-разному, не является исключительной. Это также связано с тем, что маркеры хезитации, а именно ЗП могут иметь противоположные функции (ср. Clark & Fox Tree 2002: 89–90; Ринне 2006: 87–97). Следовательно, хезитация в контексте обсуждения необязательно недвусмысленно имплицитно, в чем заключается проблема или чего ждут от собеседника – перехода реплики или молчания.

Поскольку хезитация, связанная с обсуждением направления развертывания дискурса, имеет главным образом взаимодействующий характер, она направлена, как правило, в две стороны: назад и вперед. Говорящий, возможно, испытывает трудности в связи с тем, что в речевых шагах собеседника было что-либо спорное или удивительное, и он не знает, как на это реагировать. Другими словами, толчком для возникновения хезитации является речевой шаг или отсутствие этого речевого шага у собеседника. Данная неясная ситуация оказывает влияние на будущую ситуацию, т. е. на продолжение и построение говорящим реплики в новой ситуации.

Необходимо обсудить и еще один угол зрения. Как уже было отмечено (п. 3.3), хезитация и связанное с ней явление самоисправления, как правило, описываются в рамках КА и ИЛ как отклонение от главной линии речи, к которой собеседники

возвращаются после решения проблемы. Однако в трех прагматических окружениях, представленных выше, невозможно говорить о возвращении на главную линию, так как после (и при помощи) фрагмента хезитации определяется (новое) направление развертывания дискурса.

5.2.7 Заключение

Проблемы производства речи и взаимодействия, возникающие в начале реплики, которые были рассмотрены в параграфе 5.2, каким-то образом связаны именно с особенностями телевизионной беседы и, в частности, с тем фактом, что ведущий и гость имеют асимметричные роли. Таким образом, их возможности влияния на разные свойства (телевизионного) взаимодействия, включая представление новой темы, управление сменой ролей и обсуждение направления развертывания дискурса, являются различными, в зависимости от того, идет ли речь о ведущем или госте.

Как мы увидели в предыдущих параграфах, в начале реплики могут возникать весьма разнообразные проблемы производства речи и взаимодействия, которые каким-то образом связаны с тем, что речь идет об институциональном взаимодействии. Все представленные контексты хезитации могут встречаться и в будничном разговоре, а в телевизионной беседе они, возможно, являются явлением более крупного масштаба.¹⁰⁸

Рассмотрев результаты анализа, представленные в предыдущих параграфах, можно сказать, что говорящий испытывает речевой сбой, так как он не знает, что сказать, т. е. проблема имеет семантическую основу, или же он не знает, как сказать. В таком случае речь, скорее, идет о проблеме синтаксической, а возможно, также о лексической, в том числе, при припоминании какой-либо детали. Кроме того, речевой сбой может возникать в результате того, что собеседники неодинаково истолковали ситуацию, связанную с направлением развертывания дискурса. Иногда при обсуждении направления развертывания дискурса отмечается непредпочтение и осторожность, которые, возможно, влияют на выбор слов и конструкций, делая их более продуманными, чем обычно. Однако при обсуждении того, кто берет право слова, тот, кто делает данный шаг, может испытывать те самые

---

¹⁰⁸ Например, в любом разговоре можно наблюдать проблемы припоминания деталей или обсуждения направления развертывания дискурса.

трудности, которые мы видели в тех параграфах, в которых не было затруднений в истолковании направления развертывания дискурса. Здесь мы имеем в виду, что в таких случаях говорящий может обдумывать, что сказать или как сказать.

Кроме того, можно сказать, что в начале реплики проблема заключается преимущественно в управлении сменой ролей и в различности задач собеседников или же предыдущая реплика является каким-то образом спорной. Можно утверждать, что общей чертой является то, что проблема производства речи тесно связана именно с взаимодействием и взаимопониманием.

Что касается оси продвижения речи после хезитации, то в большинстве случаев данного параграфа говорящий совершает препозитивное самоисправление и тем самым продвигается по синтагматической оси. Когда продвижение происходит по парадигматической оси, то речь, как правило, идет об отказе от построения начатого высказывания и построении его по-новому или же о добавлении.

Обсуждая роль пустых пауз, можно подытожить: в представленных выше параграфах она является двоякой. Во многих случаях невозможно однозначно истолковать эти паузы в качестве маркеров хезитации, если только кроме них между репликами ничего похожего нет. Только в случае, если они являются достаточно длительными, их можно истолковать в качестве маркеров хезитации, хотя они не встречаются вместе с другими индикаторами. С другой стороны, некоторые подконтексты хезитации данного параграфа требуют пустой паузы для возникновения хезитации. Другими словами, пустая пауза выступает как первый признак хезитации.

Если в начале реплики имелись разнообразные контексты для возникновения хезитации, то же самое можно сказать и о маркерах хезитации. Как уже отмечалось, у говорящего в наличии имеется многосторонний арсенал средств, при помощи которых он может информировать о затруднении при производстве речи. Для некоторых контекстов данного параграфа характерны именно различного рода задержки продвижения по прагматической проекции, а также выражения-индикаторы речевого сбоя. Как было отмечено, нередко проблема заключается именно в припоминании деталей или в незнании того, что сказать или как начать ответ или же как его продолжить при обсуждении направления развертывания дискурса. Кроме того, с

задержками иногда связаны и непредпочтительные речевые шаги. Тогда данные маркеры использовались гостем в вышеупомянутых секвенциальных контекстах.

В секвенциальных контекстах данного параграфа широко употребляются и ЗП (с растяжкой и монотонной интонацией), и просодические признаки, особенно в частицах-союзах, и разного типа цепочки маркеров хезитации, которые можно встретить также в будущих секвенциальных контекстах возникновения хезитации. Когда речь идет о лексических маркерах, чаще всего *ну*, *вот* и *значит*, они могут быть типами хезитации, только когда вместе с ними встречаются другие маркеры хезитации. Тогда их главная задача, как правило, иная, – например, намек на переход или спорность. Однако в нашем материале в начале реплики не встречаются лексические маркеры (ср. п. 4.7.6), которые согласуются с именной группой и указывают на (попытки) решения проблемы, а также на отношение говорящего к этому процессу.¹⁰⁹

5.3 Хезитация, связанная с развертыванием дискурса, проецирующим многосоставную реплику и расположенная в начале КЕР

5.3.1 Обзор литературы

Маркеры хезитации, расположенные в начале высказывания/предложения/КЕР, широко изучены в рамках психолингвистики и лингвистики. Здесь мы ограничимся представлением важнейших результатов из некоторых основополагающих работ, а также более новых сообщений, которые имеют особое значение непосредственно для нашего анализа.

С тех пор как в 1950-е годы Ф. Дж. Лоунсбери выдвинул ряд гипотез о типичном местоположении возникновения в речи пауз хезитации, т. е. когда в речи имеется точка наивысшей неопределенности в последовательности единиц данного порядка (ср. п. 5.2.5), предполагается, что маркеры хезитации (особенно ЗП и пустые паузы), как правило, встречаются в речи вблизи начала высказывания (см., например, Maclay & Osgood 1959: 41–42; Boomer 1965; Shriberg 1994: 103; Eklund 2010; ср., скорее, противоположный взгляд Merlo &

---

¹⁰⁹ Однако они были зафиксированы внутри реплики в непредпочтительных речевых шагах, в репликах, которые насыщены другими типами хезитации, а также маркерами осторожности, приблизительности и неуверенности.

Barbosa 2010: 256). Для такого местоположения, включая самое начало реплики и секвенции, роль данных маркеров истолкована как то, что они сигнализируют затруднение более крупного масштаба, чем просто поиск слова. Точнее, речь нередко идет именно о семантическом или структуральном планировании (целого высказывания) (см. в русском языке Гаспаров 1978: 77; Краевская 1978: 162–164; Ладыженская 1984: 76; Долгов & Лейнонен 1988: 145; Дараган 2000; Шмелев 2004: 217–218; Подлесская & Кибрик 2005; 2009: 178).¹¹⁰ Таким образом, хезитация часто встречается при подготовке следующей порции речи, в том числе, в такой ситуации, когда уже образовано интонационное и семантическое единство (как, например, в нашей терминологии КЕР) (ср. п. 2.1).

Существуют также гипотезы о том, что маркеры хезитации употребляются для информирования собеседника о планировании или задержке (Clark & Fox Tree 2002; см. также Goffman 1978: 806–807; Smith & Clark 1993: 34; Fox Tree 2001: 325; Подлесская & Кибрик 2007: 9; ср. противоположный взгляд O'Connell & Kowal 2005: 561–562, 564–568, 570). Имеются и другие исследования, в которых делается акцент не на точке зрения говорящего и производстве речи, а на взаимодействующей функции типов хезитации (см., например, Fischer 2000: 160, 265; Шмелев 2004). Например, по данным К. Фишер (Fischer 2000: 160; см. также п. 4.6; ср. Коротаев и др. 2009: 318; Подлесская & Кибрик 2009: 186; Kosmala & Morgenstern 2019), ЗП (а также другие маркеры хезитации) нередко располагаются в многосоставных репликах после союза, который соединяет два высказывания (в нашей терминологии – КЕР), или даже после наречия. К. Фишер (Fischer 2000: 160 и указанные там источники) трактует функциональную роль маркеров хезитации, находящихся между КЕР как то, что они разделяют (segment) речевой поток на надлежащие порции информации и тем самым маркируют дискурсивную структуру, способствующую лучшему пониманию собеседника (ср. п. 4.4).

Когда речь идет об исследованиях, посвященных обсуждению местоположений маркеров хезитации в отношении секвенций и развертывания дискурса, отмечается, что они, в частности, ЗП, а также лексические маркеры *ну* и *вот*, нередко находятся в переходах разного

---

¹¹⁰ Ср. с подобными замечаниями в английском языке (например, Boomer 1965: 155–156; Shriberg 1994: 104, 154; Simpson 1994: 62–72; Fischer 2000: 160; Clark & Fox Tree 2002: 87; см. также Jefferson 1972: 297; в других языках Eklund 2010: 25; Rose 2017).

рода (ср. пп. 4.4; 4.7.2 и 4.7.3). Они маркируют начало нового топики (ср. п. 5.2.5) и секвенции (Schegloff 1979: 270–272; 2010¹¹¹: 147–172; Simpson 1994: 75–80; ср. также Gardner 2001: 74; в эстонском языке *nii* 'так' Keesvallik 2010a: 160). Роль маркеров хезитации в переходах к новому топику обсуждается и с точки зрения собеседника и его понимания. Например, отмечается, что маркирование перехода маркером хезитации может быть также полезным для собеседника (ср. п. 5.2.5).

Когда речь идет о переходах, нельзя забывать секвенциальное окружение рассказа. По результатам исследований У. Л. Чейфа (Chafe 1980b: 172–176; см. также Chafe 1980a: 43–49), маркеры хезитации обычно встречаются в особых фазах рассказа, точнее, в самом начале рассказа (ср. Fox Tree 2006: 731) и в переходах разного типа (ср. Laitinen 2013). В русском языке частицы, которые нередко используются в структурном переходе, когда говорящий испытывает речевой сбой или старается его избежать, – это частицы *ну* и *вот* (Дараган 2003).

Другие речевые шаги, в которых часто встречаются типы хезитации, – это реферирование (Дараган 2003; Lappalainen 2004: 120–121, 123, 125, 132; ср. также Степанов 2008: 140) и аффективное занятие позиции (Lappalainen 2004: 121, 132).¹¹² Кроме того, некоторые маркеры хезитации (в частности, ЗП, *ну*, а также *вот*) маркируют начало парентезы или также ее завершение (Дараган 2000; 2003; Шмелев 2004: 212, 215, 220; см. также Routarinne 2003: 80, 161).

Как мы видим, авторы исследований полагают, что маркеры хезитации часто употребляются в начале КЕР. Одно из характерных местоположений, как следует из обзора работ, – это положение после союза или наречия. Большинство авторов поддерживает мысль о том, что маркеры хезитации в первоначальной позиции по отношению к КЕР, помимо облегчения понимания собеседника и предоставления говорящему дополнительного времени для планирования, часто маркируют разного рода переходы.

---

¹¹¹ Однако Э. А. Щеглофф (Schegloff 2010: 147) подчеркивает, что как маркер новой секвенции ЗП, по-видимому, нейтрален.

¹¹² Отмечаются и другие речевые шаги, в которых встречаются маркеры хезитации, которые не являются значимыми с точки зрения нашего труда (подробнее см. Simpson 1994: 80–84; Gardner 2001: 141–147; Lappalainen 2004: 131; ср. также Schegloff 2009; 2010).

5.3.2 Общие принципы

В данном параграфе (5.3) мы будем рассматривать такие контексты хезитации, в которых речь говорящего проецируется на длительную, нередко многосоставную реплику. Другими словами, во время возникновения хезитации в речи говорящий как бы уже зарезервировал право слова на длительное время, например, на то, что рассказ, рассказывание, объяснение или обоснование будет завершённым и т. п.

Что касается местоположения возникновения хезитации в разных ситуациях, представленных в данном параграфе, то это именно начало КЕР. Иначе говоря, в точке возникновения хезитации синтаксической проекции ещё вообще нет или же она является чрезвычайно слабой. Это означает, что существуют некоторые возможные местоположения возникновения хезитации. Первая возможность заключается в том, что хезитация встречается в абсолютном начале КЕР, вторая альтернатива – это возникновение хезитации после частицы-союза (ср. Shriberg 1994: 50–51; см. также Nakulinen 1997b: 44). Кроме того, мы включаем в данный ряд и такие местоположения внутри КЕР, в которых после хезитации начинается парентетическая секвенция или говорящий отказывается от построения начатого высказывания, так как в обоих случаях он сам сориентирован на изменение и новое начало (ср. Fox et al. 1996: 189; Routarinne 2003: 70–85). Такие случаи обозначены на схемах в конце каждого параграфа, однако в качестве обычных КЕР, даже если бы они были прерваны и т. п. Кроме того, мы включаем в ряд местоположения начала КЕР и такие случаи, в которых говорящий определил какие-то рамки для будущего построения реплики (подробнее см. п. 3.4), а синтаксической проекции пока нет или же она сравнительно слаба. Речь идет в этом случае о хезитации после возникновения какого-либо обстоятельства, а также о начале непервой единицы многосоставной реплики или составной КЕР (подробнее см. п. 3.4).

Когда контексты возникновения хезитации, которые будут представлены в данном параграфе (5.3), рассматриваются с точки зрения некоторых параметров, представленных в параграфе 5.1, то с точки зрения силы синтаксической проекции речь идет, как уже отмечалось выше, о слабой проекции. Это означает, что фаза затрудненного производства речи, является довольно ранней. Однако поскольку говорящий, как правило, испытывает речевой сбой в процессе развертывания дискурса, т. е. прагматическая проекция

является сильной, то чаще всего речь идет не о самой начальной фазе производства речи, точнее, не о проблеме семантического типа, а в основном о затруднении при формулировании своего сообщения. Другими словами, похоже, что проблема заключается в грамматических и синтаксических альтернативах, возможны также лексические решения (подробнее см. п. 2.2; ср. п. 5.4).

5.3.3 Хезитация в переходах в рассказывании – проблема, как продолжить

В настоящем параграфе рассматривается, как проявляется хезитация при переходах рассказа и, в более широком понимании, – в рассказывании. Анализ основывается на понятиях минимального нарратива и внутренней структуры нарратива (подробнее см. п. 3.4). Данный параграф опирается во многом на статью, написанную нами (Laitinen 2013).¹¹³ Следующие два примера иллюстрируют, каким образом различные переходы в рассказе и рассказывании являются типичным местоположением для возникновения хезитации. Хотя примеры 51 и 52 взяты из той же самой программы, похожих секвенций рассказа и рассказывания с маркерами хезитации в переходах в материале было много. Отмечается (Laitinen 2013: 95), что из всех 17 участников телевизионных бесед 13 испытывали трудности при переходах. Вообще 20 % всех точек хезитации были зафиксированы именно в переходах в рассказе/рассказывании (Laitinen 2013: 96).¹¹⁴

В примере 51 рассказ находится в самом начале телевизионного разговора. Тележурналист представляет своего гостя, рассказывая, как они познакомились.

(51) «Киноглаз»

01	В/МЯ:	.xx я помню:→ э какие какое ощущение у меня было.=
02		=когда я посмотрел первый .xx (.) раз фильм э:→
03		Норштейна.=это был э: фильм .xx (.) Цапля и журавль?
04 >		.xx (.) э:→ я совершенно не ожидал;=э:→ значит перед

¹¹³ Примеры, которые будут рассмотрены в данном параграфе, уже проанализированы в вышеупомянутой статье. Также в статье представлены принципы анализа, теоретические и методологические отправные точки. Однако результаты, приведенные в статье, отличаются от результатов данной работы, так как в ней рассмотрено возникновение хезитации в переходах в секвенции рассказывания в отношении различных переходов рассказа и секвенции рассказывания. Таким образом, подход был количественным.

¹¹⁴ Когда включаются возможные типы хезитации (ср. п. 1.4), соответствующий показатель составляет 18 % (Laitinen 2013: 96).

- 05 фильмом показывали каким-то игровым↑ этот;
 06 .xx короткий мультипликационный фильм?=
 07 =я совершенно ничего не ожидал? .xx от него и был
 08 настолько <поражён> тем что увидел?
 09 .xx что >сейчас же стал разыскивать режиссёра?<=
 10 =приехал к нему на студию?
 11 > .xx и: 9::→ состоялось наше знакомство.---

Вначале ведущий дает резюме своего рассказа: .xx я помню:→ э какие какое ощущение у меня было.=когда я посмотрел первый .xx (.) раз фильм э:→ Норштейна.= (строки 1–3). Как нам кажется, оно одновременно служит и оценкой, и задает ориентацию будущего рассказа, так как в этом резюме представляются обстоятельства рассказа, а также имплицитно оценивается событие: тележурналист еще помнит свои чувства, значит, это что-то особенное. Одновременно можно понять, что из резюме вытекает также возможность повествования объемом в целый рассказ (ср. п. 3.4). Ориентация продолжается фразой: =это был э: фильм .xx (.) Цапля и журавль? (строка 3), в которой говорящий сообщает название фильма. Затем говорящий испытывает затруднение, признаком которого является наличие в речи говорящего определенного типа хезитации (э:→), и ведущий переходит к усложняющему действию: я совершенно не ожидал;, которое служит утопленной оценкой (ср. п. 3.4), подразумевающей еще больший простор для повествования, и одновременно намекает на возможность обсуждения рассказа.

После того, как ведущий прерывает свое оценивающее и усложняющее действие, он опять производит ЗП с просодическими признаками, сопровождаемое словом *значит*, которое достаточно часто встречается в хезитационных фрагментах и функцией которого является или проявление хезитации, или намек на то, как продолжить (ср. п. 4.7.4). В данном контексте слово *значит*, кроме того, что оно, возможно, отражает колебание, также указывает на то, что уже решено, по крайней мере, определен «общий курс», и это будущее продолжение каким-то образом оказывает своего рода влияние или, в данном случае, точнее выявляет объяснения (ср. пп. 4.7.4 и 5.2.6.2). После этого говорящий переходит к ориентации: перед фильмом показывали каким-то игровым↑ этот; .xx короткий мультипликационный фильм?=(строки 4–6). Затем он повторно использует прерванное оценивающее и усложняющее действие и продолжает его в более полном виде: я совершенно ничего не ожидал? .xx от него (строка 7) и продолжает,

употребляя конструкцию оценивающего усложняющего действия: *и был настолько <поражён> тем что увидел?* (строки 7–8). Данная конструкция снова делает рассказ чистым усложняющим действием: *.xx что >сейчас же стал разыскивать режиссёра?<=приехал к нему на студию?* (строки 9–10), после которого говорящий еще раз колеблется, произнося цепочку хезитации, точнее, растяжку звука с монотонной интонацией и ЗП с растяжкой и монотонной интонацией, а затем он озвучивает результат/развязку рассказа: *.xx и: э:→ состоялось наше знакомство* (строка 11).¹¹⁵

Обратим внимание на местоположение хезитации в переходах рассказа. Как мы увидели, в данном фрагменте три раза встречаются маркеры хезитации, или цепочки в переходе в рассказе. Такими точками являются, во-первых, точка между ориентацией и усложняющим действием (строка 4), во-вторых, точка между усложняющим действием и ориентацией (строка 4) и, наконец, в-третьих, точка между усложняющим действием и результатом/развязкой (строка 11). Данный пример показывает нам, что говорящий может испытывать трудности, когда он доходит до перехода в рассказе, но, конечно, это характерно не для каждого места перехода. Этот пример иллюстрирует и то, что переходы разных типов могут породить явление хезитации (подробнее см. Laitinen 2013: 96–97).

Как уже отмечалось (подробнее см. п. 3.4), определение минимального нарратива, разработанное У. Лабовым, является достаточно «строгим», когда речь идет о процессе рассказывания во взаимодействии. Другими словами, нередко встречаются секвенции, в которых обсуждается что-либо, но отсутствует усложняющее действие и результат/развязка. Также в таких секвенциях рассказывания встречаются маркеры хезитации в местоположениях переходов различных типов.

Рассмотрим пример, который иллюстрирует данное явление. Этот фрагмент следует непосредственно за фрагментом из примера 51. После завершения рассказа о том, как ведущий познакомился с гостем, тележурналист характеризует его как художника.

---

¹¹⁵ Здесь необходимо отметить, что, хотя рассказ можно считать завершённым, так как в нем уже имеется результат (см. определение минимального нарратива в данном секвенциальном контексте, т. е. в начальной реплике тележурналиста (ср. п. 3.2)), его рассказ не считается завершённым и готовым для реципиента, и ведущий начинает характеризовать своего гостя, и особенно, – его продукцию.

(52) «Киноглаз»

- 12 > В/МЯ: ---.xx э:→ я↑ обнаружил; э:→ удивительного
 13 человека(-то)? э:→ э:→ ¥ совершенно .xx
 14 необыкновенной культуры; мягкости; тонкости;
 15 .xx (.) э:→ удивительной чувствительности?
 16 > .xx э:→ в общем?=э:→ Юрий Норштейн↑ это э:→
 17 > настоящий художник? (0.6) художник э:→ которому
 18 Бог отпустил очень щедро. .xx таланта и ума.---

Рассматривая вышепредставленный пример, можно утверждать, что весь фрагмент является, по терминологии У. Лабова, оценкой, хотя изложенное не касается рассказа в предыдущем фрагменте, а характеризует гостя как художника. Таким образом, можно сказать, что во всех точках хезитации проблемой является именно затрудненность описания. Однако следует уделить особое внимание признакам точек переходов.

Как мы уже отмечали, эта секвенция начинается с произнесения ЗП с растяжкой и монотонной интонацией. Данный ЗП находится между результатом/развязкой рассказа (см. пример 51, строка 11) и новой оценивающей секвенцией. Оценка (строка 12–15) напоминает усложняющее действие, так как она построена как ментальное и, возможно, как физическое действие: я↑ обнаружил;---. После этого ведущий колеблется дважды: .xx э:→ в общем?=э:→--- (строка 16) и переходит к статической оценке: Юрий Норштейн↑ это э:→ настоящий художник? Потом он, по-видимому, испытывает трудности, потому что в его речи появляется достаточно длительная пауза (0.6)¹¹⁶ (строка 17). Кроме того, вскоре после этого он снова колеблется. Продолжая, говорящий предлагает оценку: художник э:→ которому Бог отпустил очень щедро. .xx таланта и ума.--- (строки 17–18). Оценка снова построена несколько иначе по сравнению с предыдущей КЕР. В данной КЕР гость характеризуется как реципиент. Он также представлен как пассивный актант, но в данном случае имеется также активный актант, т. е. Бог, который отпустил ему очень щедро таланта и ума (см. Мустайоки 2006: 156–173). Следовательно, оценка снова напоминает усложняющее действие.

Как и в примере 51, здесь также можно сделать вывод о том, что, так же, как и в рассказах, в рассказывании говорящий нередко колеблется при переходах. В примере, представленном выше, было три точки в

¹¹⁶ Ср. дискуссию в параграфе 4.6 о роли долгих пауз в хезитации.

рассказывании, в которых совпадали возникновение хезитации и переход в рассказывании. Данные точки встречались в речи говорящего, когда он перешел, во-первых, от результата/развязки к оценке, напоминающей усложняющее действие (строка 12), во-вторых, от оценки, напоминающей усложняющее действие, к статической оценке (строка 16) и, наконец, в-третьих, при противоположном переходе (строка 17).

Необходимо также подчеркнуть, что, как утверждает У. Лабов (Labov 1972: 363, 369), и как мы можем увидеть, в частности, на примере 52, различные элементы рассказа смешиваются и напоминают друг друга. Кроме того, переходы с маркерами хезитации не были особенно заметными, возможно, именно вследствие этого явления. Такие переходы происходили, скорее, между подкатегориями. Данные примеры также показывают, что модель У. Лабова достаточно хорошо подходит для определения местонахождения возникновения хезитации внутри рассказа и рассказывания, а также в начале КЕР в данном контексте. Когда речь идет о подкатегориях, то, возможно, требуются также другие вспомогательные инструменты, как, например, инструменты ФС (см. Мустайоки 2006), описывающие семантическую структуру.

Как мы увидели в двух примерах, представленных выше (ср. Laitinen 2013), переходы в рассказе и рассказывании нередко сопровождаются маркерами хезитации, и, конечно, встречаются также беглые переходы. Следует также кратко обсудить возможные причины того, почему переходы нередко создают хезитацию. Одно из объяснений – гипотеза, выдвинутая У. Л. Чейфом (Chafe 1980a: 49; см. также п. 5.2.5): хезитация может возрасть в зависимости от перенаправления (перестроения) сознания говорящего. Такое объяснение подходит для многих переходов с участием маркеров хезитации, особенно когда точка зрения в рассказывании значительно меняется. Такими переходами были, в частности, стыки слов с присутствием маркеров хезитации в примере 51. Однако данная гипотеза подходит не для всех случаев. Как было показано при помощи примера 52, нередко изменение точки зрения в рассказывании или рассказе является довольно минимальным, однако там присутствует маркер хезитации. Второе объяснение связано с понятием

рассказываемости (см. п. 3.4).¹¹⁷ Говорящий, возможно, испытывает трудности, так как он не уверен, стоит ли рассказывать что-либо вообще, стоит ли сказать что-либо сейчас или же потом, нужно ли озвучивать какие-либо обстоятельства или нет. Например, при помощи данного понятия могут быть выяснены переходы от или к ориентации или оценке.¹¹⁸ Кроме того, рассказываемость, вероятно, влияет и на то, что иногда говорящий внезапно меняет свой план. В таких положениях возможно наличие маркера хезитации (ср. Ochs & Capps 2001: 35). Тогда говорящий нередко отказывается от построения начатого высказывания и строит новое. Нередко речь в этом случае идет именно о переходе в рассказе или рассказывании. Иногда такие внезапные изменения формируются как парентезы внутри рассказа или рассказывания (см., например, Дараган 2003; Routarinne 2003: 80, 161). Кроме того, необходимо подчеркнуть, что иногда проблемы в переходах смешиваются с другими типами проблем, в том числе с неодинаковым толкованием завершенности рассказа/рассказывания (ср. п. 5.2.6.1).

Представленный выше контекст возникновения хезитации может быть проиллюстрирован при помощи следующей схемы:

ГОВОРЯЩИЙ выступает в роли рассказчика, т. е. произносит большинство реплик в секвенции рассказывания: КЕР, являющаяся в данном контексте частью внутренней структуры рассказа + хезитация (возможно, цепочка) + следующая КЕР, которая представляет собой другую часть внутренней структуры рассказа.

Как видно в примерах 51 и 52, сравнительно часто маркером хезитации в контексте переходов (всего в контексте перехода около 130 маркеров хезитации, а также 60 возможных маркеров) между частями внутренней структуры рассказа является ЗП (их в нашем материале насчитывается около 80) (с растяжкой и монотонной интонацией). Имеются и другие маркеры хезитации, включая длинные пустые паузы

---

¹¹⁷ Как и в другой работе (Laitinen 2013: 98), я благодарна К. Саппок (личное сообщение) за данное предложение.

¹¹⁸ Существует также третье объяснение переходов особого типа. Оно заключается в том, что когда речь идет о переходах от результата/точки кульминации рассказа или от заключительной части к оценке или к заключительной части, проблема имеет взаимодействующий характер. Точнее, тогда не существует единогласия в отношении точки завершения рассказа. Другими словами, адресат еще знает, что рассказчик собирается продолжать. В таких ситуациях, как уже отмечалось (см. п. 5.2.6.1) и как полагают многие исследователи, в таком секвенциальном контексте возможно, что рассказчик в связи с отсутствием реакции собеседника производит заключительную часть или оценку.

и просодические признаки. Просодические признаки (около 50) нередко встречаются именно в частицах-союзах, а также иногда в лексических маркерах. Кроме того, в таком положении повторяются, в частности, частицы-союзы и иногда лексические маркеры. Необходимо также подчеркнуть, что когда речь идет о лексических маркерах не согласуемого с именной группой типа, то они не могут, выступая в таком окружении, указывать на хезитацию, и всегда требуют наличия других маркеров хезитации, например, растяжки при их произнесении, чтобы можно было сказать, что они указывают на хезитацию. В противном случае они маркируют только будущий переход, предоставляя, возможно, информацию об изменении хода рассказа/рассказывания.

5.3.4 Хезитация после отрезка речи и перед следующим отрезком – проблема продолжения

Этот параграф посвящен случаям, в которых хезитация проявляется в такой точке продвижения речи, в которой не имеется серьезного перехода, и переход в основном происходит между отрезками речи (подробнее о разбивке речи на куски см. п. 3.4). Это означает, что рассказывание (или другой речевой шаг), которое, как правило, требует наличия многосоставных реплик, продолжается после хезитации так же, как и раньше. Другими словами, больших изменений не происходит.

Разумеется, хезитация может возникать в разных случаях, когда в речи не встречается особых изменений, но в нашем материале повторялись два основных контекста. Первый контекст встречался в ходе рассказывания/рассказа внутри усложняющего действия, по терминологии У. Лабова (см. п. 3.4). То есть, в этом контексте имеется усложняющее действие, маркер хезитации и следующее усложняющее действие. Второй контекст представляет собой ситуацию, в которой говорящий описывает что-либо, потом колеблется и продолжает описание. По терминологии У. Лабова, речь идет об оценке или ориентации. Нередко это продолжение каким-то образом уточняет уже сказанное. Таким образом, в речи сначала встречается оценка или ориентация, потом возникает хезитация, и затем данное описание продолжается и, возможно, уточняется (ср. Подлесская 2014).

Пример 53 иллюстрирует нам оба вышеупомянутых подконтекста возникновения хезитации между отрезками речи. Перед данным

фрагментом гость имплицитно сообщил, что он знает смешную историю о здоровом образе жизни, который является темой телевизионного шоу.

(53) «На здоровье»

- 01 НМ: =а это замечательная история была между прочим.
 02 к Боткину пришёл один (0.1) отставной генерал?=
 03 =кото↑рый ~говорит~ (0.1) доктор (.) .xx (0.1) зна↑ете
 04 вот я живу; (0.2) м я хотел >посоветоваться вот. =
 05 =как вот мне жить. =~говорит~ а↑ как вот вы живёте
 06 ~говорит~. <=я:↑ встаю в пять утра у себя. =
 07 =я ушёл в отставку. =живу у себ#я#;
 08 > (0.1) .xx (0.1) #э:# в значит в имении?
 09 встаю↑ я в пять утра?
 10 (0.2) .xx (0.1) выпиваю стакан водки.
 11 > (0.2) э:→ умываюсь?
 12 > э° чищу зу↑бы там. =~бре↑юсь~ .xx (.) еду объезжать
 13 поля.
 14 в восемь утра? =я завтракаю? =выпиваю стакан водки?---

Рассмотрим сначала хезитацию первого контекста. Она отмечается в двух точках рассказа (строки 11, 12). Как мы видим в обеих точках маркирования хезитации, говорящий произносит большое количество КЕР, которые по содержанию можно охарактеризовать как усложняющие действия, так как он подробно рассказывает о том, что он (в качестве генерала Боткина) делает каждый день, как он проводит свое утро, день и так далее.

Если рассмотреть подробнее строки 6–13, то первая КЕР: я:↑ встаю в пять утра у себя. является усложняющим действием, после чего говорящий переходит к ориентации на три КЕР, т. е. к отрезку: =я ушёл в отставку. =живу у себ#я#; (0.1) .xx (0.1) #э:# в значит в имении? затем он повторно использует первую КЕР (строка 9), возвращаясь к усложняющему действию, и затем до конца фрагмента произносит только такие КЕР, которые являются усложняющими действиями. Внутри данной части рассказа имеется, как уже было сказано, две точки, в которых проявляется хезитация. Как мы видим, в обеих точках после возникновения хезитации говорящий продолжает свое продвижение к сообщению усложняющих действий и произносит следующую КЕР, которая сообщает, что хронологически происходит каждое утро. Как нам кажется, в обеих точках проблема является незначительной, ввиду того, что в речи встречается только ЗП (в строке 11 с растяжкой и монотонной интонацией и в строке 12 тихим

голосом). Почему в таких точках встречается маркер хезитации? Очевидно, говорящий должен постараться побыстрее вспомнить, что фактически происходит после этого хронологически, или же решить, как это сформулировать. Следовательно, здесь хезитация, по-видимому, порождается из-за ограничений рабочей памяти.

Второй контекст хезитации между отрезками речи, т. е. хезитация внутри какого-либо описания, находится во фрагменте в строке 8. Как мы уже отмечали, говорящий после произнесения КЕР: *я:↑ встаю в пять утра у себя* переходит от усложняющего действия к ориентации. После этого он продолжает, сообщая, что он в отставке и живет у себя. Затем в его речи проявляется хезитация: он произносит ЗП с растяжкой и скрипучим голосом, потом он произносит *в значит*, что имплицитно либо вывод, либо какое-то уточнение (ср. пп. 4.7.4 и 5.2.6.2), которое и следует далее: он уточняет, где живет. Перед словом *значит* говорящий произносит предлог *в*, который здесь, возможно, проецирует наименование места. После произнесения *значит* он повторяет предлог *в* и сообщает определяемое слово, местожителство. Данную КЕР: *#э:# в значит в имени?* можно охарактеризовать как парентезу внутри рассказа, представляющую дополнительную информацию (ср. п. 3.3).

Как нам кажется, помимо возможных проблем, связанных с производством речи, т. е. выбором, что и как сказать сейчас или, в частности, после произнесения предлога *в* с припоминанием местожителства, здесь к проблеме, возможно, примешивается обдумывание рассказываемости (ср. п. 3.4). Другими словами, говорящий, может быть, рассуждает о том, требуется ли здесь уточнение данных обстоятельств или нет.

Пример 54 иллюстрирует явление во фрагменте рассказывания более общего типа. В данном фрагменте (а также перед ним) гость описывает создание фильма.

(54) «Киноглаз»

01	ЮБН:	---мне кажется что <i>в Шинели?</i> <i>xx (0.9) ¥ (0.5) происходит</i>
02		<i>такая (0.3) изменчивость э: кинофакту↑ры и кинокадра?</i>
03		<i>.xx которая вовлекает.=</i>
04		<i>=втягивает в это:→ (0.3) действие.=</i>
05		<i>=+тут не понятно+ что впереди.=</i>
06 >		<i>=#э:→# (0.1) .xx (0.1) #э:→# #м::# психологическая</i>
07		<i>раскладка персонажа? или же (0.2) .xx действие самого</i>
08		<i>(0.2) .xx изображения медленно меняющегося.</i>

09

(п)

10

я сам не стал? мне это не дано.

Как мы увидели, гость сообщает, что в ходе создания фильма он не понимает, что будет впереди (строка 5). Затем у него возникают трудности, так как он производит достаточно длинную цепочку маркеров хезитации, произнося три ЗП с растяжкой, монотонной интонацией и скрипучим голосом (строка 6). После этого он возвращается на главную линию речи, уточняя два возможных обстоятельства, которые могут быть впереди (строки 6–8). Как и в последнем случае (строка 8) примера 53, здесь тоже, как нам кажется, помимо возможных проблем, связанных с производством речи, т. е. выбором, что и как сформулировать, к проблеме, возможно, примешивается обсуждение рассказываемости (ср. п. 3.4), т. е., требуется ли здесь уточнение такого типа или нет.

Хезитация, проявляющаяся в прагматических окружениях, представленных в данном параграфе, отражена в следующей схеме:

ГОВОРЯЩИЙ в рассказе или рассказывании: КЕР (+ КЕР + ...) + КЕР, нередко являющаяся в данном контексте частью внутренней структуры рассказа, + хезитация (возможно, цепочка) + КЕР, представляющая собой такой же тип речевого шага или такую же часть внутренней структуры рассказа и, возможно, уточняющая предыдущую КЕР, особенно если она является оценкой или ориентацией по классификации У. Лабова.

Как уже говорилось выше, в таких окружениях хезитации проблема чаще всего, как нам кажется, возникает, во-первых, вследствие того, что говорящему трудно решить или иногда вспомнить, что сказать или как сформулировать свою мысль и, во-вторых, когда речь идет об описании, – решить, насколько подробное повествование необходимо в данном случае. Первое объяснение основывается на ограничениях рабочей (и кратковременной) памяти человека, а также поддерживается гипотезой У. Л. Чейфа (Chafe 1980a; 1980b) об ограничениях (перенаправления) сознания человека (ср. пп. 2.1 и 5.2.5).

Следует также кратко рассмотреть вопрос о том, какие типы хезитации встречаются в окружении, представленном в настоящем параграфе. Как мы уже увидели в примерах 53 и 54, нередко встречаются ЗП с растяжкой и/или монотонной интонацией или с другими признаками. Возможным вариантом также является цепочка (некоторых) маркеров. Помимо ЗП, цепочки, как правило, содержат повторы, просодические признаки, нередко именно в частицах-союзах.

Если встречается только пауза, в данном контексте она должна быть чрезвычайно длинной. Лексические маркеры, не согласуемые с именной группой, как нам кажется, не могут указывать только на хезитацию, если они не сопровождаются другими маркерами хезитации, так как в этом контексте они выполняют прежде всего текстуальные функции.

5.3.5 Хезитация после создания рамок, т. е. заднего плана для переднего плана

В данном параграфе рассматривается хезитация в узких границах фрагмента рассказывания. Данные сравнительно узкие границы находятся в таком прагматическом контексте, что во время возникновения хезитации говорящий уже строит какие-то рамки для своего сообщения, но затем колеблется и продолжает. Другими словами, часть КЕР или первую часть составной КЕР перед возникновением хезитации можно охарактеризовать как задний план для будущего продолжения, а продолжение после хезитации, в свою очередь, принимает форму переднего плана (подробнее см. п. 3.4). Следовательно, речь идет о единицах, меньших, чем одна КЕР.¹¹⁹ Кроме того, синтаксической проекции в таких положениях еще нет.

В нашем материале есть десятки случаев, в которых в речи возникает хезитация после создания рамок. По результатам проведенного анализа можно заключить, что задние планы, после которых имеется точка хезитации, указывают, по крайней мере, на общее направление будущего речевого шага или на обстоятельства, связанные с рассказыванием. Структурно существует три главных категории рамок, после которых в речи говорящего возникает хезитация: 1) хезитация после выражения, указывающего на процессы речи, восприятия, мысли, различные чувства и внутренние состояния, 2) хезитация после призыва к следующему речевому шагу, 3) хезитация после описания каких-либо обстоятельств, как например: выражения места, времени или отношения (*stance*, *asennoituminen*) (см., например, Kärkkäinen 2006; Goodwin 2007; Mälkiä 2008: 38–40).

Кроме того, данные группы весьма точно совпадают с теми единицами языка, которые имплицитно соотносят между будущей КЕР или репликой с предыдущей единицей. Речь идет о модальных и

---

¹¹⁹ Возможна также ситуация, в которой уже завершенная КЕР проецирует составную КЕР (см. п. 3.4).

других выражениях, указывающих на отношение говорящего к положению дел или к (своему) сообщению. (см., например, Баранов и др. 1993: 7–11; Киселева & Пайар 1998: 7–9.)¹²⁰ Для самого взаимодействия данное выделение также представляется релевантным, так как отмечается (в работах, касающихся английского языка), что некоторые выражения, связанные с определением отношения, имеют функцию создания рамок для оценки (*assessment, arvio*), и, таким образом, создание рамок помогает адресату в ориентировании на будущий речевой шаг (Kärkkäinen 2006: 719–720). Выражение *I think* – ‘я думаю’, ‘мне кажется’, которое традиционно рассматривается как маркер субъектного состояния говорящего, может иметь функцию маркирования дискурса (*discourse marker*) и создавать будущее определение отношения (там же: 700; ср. также Mauranen 2009: 222).

5.3.5.1 Хезитация после выражений, указывающих на внутреннюю деятельность (говорящего) или на будущее цитирование, – проблема в формулировании содержания

В данном параграфе рассматривается хезитация после выражений, указывающих на процессы речи, восприятия, мысли, различные чувства и внутренние состояния. С помощью выражений данного типа можно создавать рамки для деятельности, происходящей «внутри» самого говорящего, включая описания размышлений и эмоций, а также сообщать, в частности, о предстоящем цитировании (см., например, КРГ § 604; Дараган 2003; см. также в финском языке VISK § 1476, 1490–1492; ср. построение интерсубъективности Kärkkäinen 2006). Однако отмечается, что если реферируются различные чувства, то с выражением нередко связано и определенное отношение (VISK § 1491; см. о терминологии Mälkiä 2008¹²¹: 40). В примере 55 ситуация является именно такой.

(55) «Киноглаз»

01	В/МЯ:	=в каком смысле вы такой архаист #э:→# в
02		ис[кусс]тве:?
03	ЮБН:	[да.]

¹²⁰ Ср. также в английском языке (например, Mauranen 2009: 221–223).

¹²¹ С точки зрения Т. Мялкия (Mälkiä 2008: 40), три понятия: «оценка» (*assessment, arvio*) «заяние позиции» (*kannanotto*) и «отношение» (*stance, asennoituminen*) находятся в следующих гипонимических отношениях: осуществление оценки является одним из средств занятия позиции, а занятие позиции, в свою очередь, представляет собой одну из возможностей выражения отношения.

5 Хезитация с точки зрения положения в реплике, секвенции и развертывания дискурса

- 04 В/МЯ: даже выбор мне кажется Го↑голя #его# #так
 05 ~сказать~# Башмачкина.=
 06 =и всего этого? (0.2) .xx такой↑ (0.2) как бы
 07 жалостливый сентиментальный в каком(-то) смысле
 08 хотя? у Гоголя это гораздо сложнее иногда;
 09 [.xx]
 10 > ЮБН: [вы зна↑ете Миш. я так] (мне) иногда ка↑жется <что:→
 11 у меня:→ э жизнь как бы: #э:→# вот> (0.2) вот она
 12 движается? но постоянно; .xx на каком-то стержне. =
 13 =и:→ эти (0.1) гай↑ки свинчивают меня с двух сторон. =
 14 =~несмотря~ на то что этот стержень всё увеличивается.=
 15 =всё более и более. .xx (почему/чего) так.
 16 потому что:→ Шинель я прочитал↑ ~когда~ мне было
 17 лет ~наверно~ одиннадцать. (0.6) >и от ~нескольких~
 18 фраз?~пришёл пришёл< в ужас тогда:---
 ((Удалены некоторые строки, в которых говорящий описывает свой ужас, который еще существует. В конце он рассказывает, что создание фильма является средством, при помощи которого он может освободиться от ужаса.))
 19 ---мне нужно(!) (0.3) (-) (0.3) это как бы из души .xx
 20 вытравить.=
 21 В/МЯ: =.xx я знаю что у вас б#:~#>ыли< большие проблемы;
 22 .xx в ваших отношениях с Башмачкиным?=---

Маркер хезитации, который встречается после создания рамок, находится в строке 10. Гость уже приступил ко второму элементу смежной пары и в начале своей реплики произнес: [вы зна↑ете Миш. я так] (мне) иногда ка↑жется <что:→. Следовательно, в данной точке гость уже сообщил, что далее последует описание его внутреннего состояния в форме реферирования.

Почему говорящий испытывает трудности производства речи в таком положении? Когда положение возникновения хезитации рассматривается с точки зрения секвенциальности, можно отметить, что реплика гостя является некоторым образом непредпочтительной или же как речевой шаг отклоняется от того, что предложил собеседник (ср. пп. 5.2.4 и 5.2.6.3). Ранее (строка 3) гость чрезвычайно кратко отвечает на вопрос ведущего: только частицей *да* он подтверждает своего рода фоновые данные, предложенные ведущим (см. Пауккери 2006: 110–116). Это заметно в том, что гость ориентируется на то, что ведущий еще продолжает свою речь. Когда тележурналист продолжает свою оценку (строки 4–8) и вдыхает (строка 9), гость берет слово (строка 10). Однако создается впечатление, что гость не сразу подтверждает или отрицает оценку, предложенную тележурналистом, он начинает строить свою реплику при помощи осложненной структуры (ср. п. 3.2) и отказа от построения

начатого высказывания (ср. п. 3.3). Таким образом, он описывает свое внутреннее состояние.

Следовательно, создание рамок, т. е. представление заднего плана, имеет взаимодействующую функцию сообщения об изменении направления развертывания дискурса с точки зрения секвенции. С этим может быть связана и хезитация. Однако, хотя гость сам выбрал новое направление развертывания дискурса, т. е. описание своего внутреннего состояния, он еще не решил, как это сформулировать. Это можно заметить и немного позже, когда он решает проблему производства речи, изменяя свою оценку и заменяя сравнение (строка 11) метафорой (строки 11–15). В конце гость возвращается к обсуждению «Шинели» и своей художественной работы, он не подтверждает и не отрицает оценку, представленную тележурналистом. Итак, можно сказать, что для гостя оценка (строки 1–2, 4–8) не представляется особенно релевантной.

В нашем материале были найдены некоторые случаи возникновения хезитации после создания рамок, а именно сообщения о реферировании будущей внутренней деятельности, которые были секвенциально расположены в непредпочтительном втором элементе смежной пары (ср. пп. 3.2; 5.2.4 и 5.2.6.3) или в реплике, в которой говорящий отклоняется от направления развертывания дискурса, которое предложил собеседник. Однако есть и случаи, в которых не было никаких элементов непредпочтения или изменения направления развертывания дискурса. Пример 56 является таким случаем.

(56) «На здоровье»

- 01   РСП: >это можно достичь?< .xx при помощи или пассивных?
02   или активных упражнений.
03   .xx значит пассивные упражнения?=ну мы все знаем
04   йогу?=мы все знаем восточные культу↑ры которые?
05   .xx заставля↑ют человека? сосредоточиться внутри себя.
06 >   .xx мне очень понравилось как Никита сказал что:→
07 >   .xx (0.2) э:::→ все лучшие свои произведения?=<он> .xx
08   (0.3) э:→ создал когда он занимался .xx актцвным.
09   .xx (0.1) э:→ активными упражнениями?=
10   =в том числе:→ .xx (0.1) бегом;
11 >   .xx >э↑то ещё раз ~говорит~ о том↑< что:→ (0.3) когда
12   человек во время физического @про• упражнения@
13   ((дрожащим голосом)) .xx он @сосред•
14   сосредоточивает@ ((дрожащим голосом)) своё внимание
15   внутри себя? (0.1) Ё (0.2) .xx (!) то он↑ практически
16   отклю<чается> от внеш↑него мира.---

В этом примере до начала фрагмента гость долго рассказывал о том, что существуют люди, которые умеют аккумулировать огромное количество энергии и как данная способность им помогает. Фрагмент начинается с того, что говорящий сообщает, как можно достичь этой энергии. В примере имеется два случая, в которых маркеры хезитации находятся после создания рамок для будущего сообщения (строки 6–7, 11). В первый раз данная точка расположена после информации о том, чьи слова говорящему понравились: *мне очень понравилось как Никита сказал что:→*, и после хезитационной фазы (цепочка: просодические признаки, пустая пауза и ЗП с просодическими признаками) следует чужая речь. Второй случай заключается в том, что говорящий делает выводы об отреферированной речи. Он создает рамки для выводов в форме реферирования: *>э↑то ещё раз ~говорит~ о том↑< что:→*. После представления заднего плана для будущего сообщения в речи появляется цепочка маркеров хезитации: просодические признаки и пустая пауза.

Как видно в этом примере, здесь нет никакого непредпочтения или отклонения от направления развертывания дискурса, предложенного тележурналистом.¹²² Следовательно, речь идет только о проблеме производства речи. В обеих точках хезитации говорящий, очевидно, еще не знает, как построить свое сообщение. Однако, поскольку рамки уже сообщены, он уже знает содержание будущей речи, по крайней мере, в общем плане.

Эти примеры показывают, что говорящий может испытывать трудности производства речи после указания на то, что далее последует описание или реферирование его внутреннего состояния, т. е. чувств или мыслей или, например, слова или мнения другого человека. Таким образом, создание рамок, а также реферирование и описание, возможно, требуют отдельных фаз производства речи. Кроме того, как показал пример 55, занятие позиции, возможно, связано с непредпочтительным речевым шагом или отклонением от того, что предложил собеседник. Иначе говоря, в таких секвенциальных положениях нередко встречается хезитация.

Настоящий параграф можно проиллюстрировать при помощи следующей схемы:

---

¹²² Тележурналист задал гостю вопрос сравнительно общего плана: *.xx а что по этому по↑воду [здоровому образу жизни] думает э Рамаз Семёнович #Пичхадзе#*. = до начала этого фрагмента, и гость долго рассказывал о своих взглядах.

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР (или первая часть составной КЕР), проецирующее описание или реферирование внутренней деятельности (нередко самого говорящего) или косвенной речи + хезитация (возможно, цепочка) + продолжение КЕР (или вторая/последующая часть составной КЕР).

Нередко в вышепредставленном контексте (17 маркеров хезитации) маркерами хезитации являются просодические признаки, которые чаще всего находятся в последнем слоге частицы-союза (просодических признаков насчитывается 11), а также ЗП (13). Кроме того, они часто формируют цепочки (их насчитывается 13), в которых, возможно, имеются и пустые паузы. Весьма редко встречались лексические маркеры (несогласуемые с именной группой) как части цепочки, а также повторы. Можно также сделать вывод о том, что в хезитации в представленном выше контексте начало КЕР уже сравнительно сильно прагматически проецирует содержание продолжения.

5.3.5.2 Хезитация после призыва к следующему речевому шагу – проблема в формулировании содержания

Как и в предыдущем параграфе, в настоящем параграфе также рассматриваются случаи, в которых хезитация встречается после проекции будущего речевого шага и самого речевого шага. Речь идет о случаях, в которых говорящий в начале КЕР или после первой части составной КЕР начинает призыв к речевому шагу, затем возникает хезитация и после этого он продолжает говорить, сообщая содержание призыва. Структурно призыв в большинстве случаев выражается глаголом в форме повелительного наклонения и может быть более имплицитным, например: *у меня такой простой вопрос*. Во всех случаях призыв выражает или тележурналист, или зритель в студии. Это, очевидно, тесно связано с особенностями телевизионной беседы как институциональной деятельности (подробнее см. п. 3.2).

Примеры 57 и 58 иллюстрируют данное явление. Перед фрагментом примера 57 был показан небольшой репортаж о торжественном открытии Олимпийских игр 1952 года. Сразу же после этого ведущий начинает свою реплику.

(57) «Как это было»

01	В/ОШ:	<итак↑ Олимпий↑ские игры откры ^а ты#°.>
02		(0.2) >впередидежда↑ упорных соревнований?<
03		(0.3) вся страна↑ ждала <u>первую</u> <советскую
04		олимпийскую медаль.>

5 Хезитация с точки зрения положения в реплике, секвенции и развертывания дискурса

05		(1.7)
06		Владимир ~Ефимович~.
07		(.)
08 >		помните? 9::→ кто пер[вый] завоевал тогда»
09	ВЕС:	[&]
10	В/ОШ:	»(0.3) °э° °вот° самую первую (0.2) золотую медаль? =
11		=на той Олимпиаде.
12	ВЕС:	это: нашу у::→ из нашей команды? =первую медаль?---

Как мы видим, тележурналист упоминает имя одного из двух гостей, которые на тот момент уже присутствуют в студии. Этот гость – *Владимир Ефимович* (строка 6), и к нему обращена следующая реплика. После этого ведущий произносит призыв к будущему речевому шагу: *помните?* (строка 8), и возникает хезитация (ЗП с монотонной интонацией и растяжкой). Затем он произносит содержание призыва, т. е. говорит, что гость должен делать. Таким образом, хезитация возникает между задним и передним планом.

Секвенциально точка хезитации находится в начале новой темы и развертывания дискурса. Предыдущий топик уже завершен, а к новому переходят через репортаж и описания тогдашних чувств людей: *вся страна↑ ждала первую <советскую олимпийскую медаль.>* (строки 3–4). Как видно из примера, хезитация имеет важное местоположение с точки зрения развертывания дискурса, так как один из гостей должен о чем-то вспоминать. Следовательно, можно сказать, что в данной точке маркер хезитации имеет также важную взаимодействующую функцию: он привлекает внимание (подробнее ср. п. 5.2.5) и дает гостю немного больше времени, чтобы понять, что скоро нужно будет вспомнить какую-то деталь (ср. п. 4.1; Rose 2019: 19 и указанные там источники). Однако хезитация может возникать и вследствие того, что ведущий еще не вполне решил, как сформулировать содержание призыва.

В примере 58 возникновение хезитации секвенциально расположено в другом месте. Рассмотрим это подробнее.

(58) «Про это»

01	В/ЕХ:	ну и мно↑го у вас уже (0.2) поклонников подобных(х).
02	Т:	да. =около ты↑сячи мужчин↑ со всего мира?
03		(0.3)
04	В/ЕХ:	¥.а:[:x?]
05	Т:	[пишут м]не.
06		(0.2)
07	Зрители:	((аплодируют)) (((аплодируют)))
08	Т:	[<но (1) но это то↑лько: (0.5) это
09		только>] те

- 10   *мужчины котор• у которых есть интернет;=*
 11   *=которые нашли мою страничку.=*
 12   *=на интер[нете?]*
 13 >   В/ЕХ: *[а ка•] расскажите #а:→# что у вас за*
 14   *страничка на интер#нете.#=*
 15   Т: *=.xx (.) а:э (0.4) значит у меня↑ там русские*
 16   *±жен±щины-ампу±тант±ки?*

В этом примере ведущая перебивает гостью (строка 13),¹²³ задавая новый вопрос, который мотивируется ответом гостыи. Ведущая начинает говорить во время перебивания и формулирует вопрос как специальный. Однако она отказывается от построения начатого высказывания, начинает заново (ср. п. 3.3) и произносит призыв к речевому шагу: *расскажите*. После этого в ее речи возникает хезитация, и она продолжает, произнося содержание вопроса (строки 13–14), который предлагает новую тему, т. е. референт, упомянутый в реплике гостыи.

Маркер хезитации снова появляется в КЕР после создания рамок. Секвенциально положение, однако, отличается от примера 57, так как ведущая как бы берет одно слово из реплики гостыи и выносит его на обсуждение. Следовательно, переход к новой теме не является заранее спланированным, как это было в примере 57. Ведущая, возможно, колеблется, так как она еще не решила, как сформулировать вопрос. Это заметно и в том, что в той же самой реплике встречается отказ от построения начатого высказывания. Ситуация возникает быстро.

С другой стороны, как и в примере 57, здесь маркер хезитации, возможно, служит также маркером привлечения внимания вместе с глаголом в повелительном наклонении. Действительно, если ведущая хочет, чтобы гостыя рассказала о своей страничке в Интернете подробнее, ей необходимо заставить гостью ориентироваться в другом направлении.

Следовательно, на основе нашего анализа можно утверждать, что в контексте, представленном в данном параграфе, несмотря на то, что говорящий испытывал трудности в связи с тем, что он только обозначил общий план для следующего речевого шага, маркеры хезитации, расположенные близко к призывам к речевому шагу, могут иметь важную взаимодействующую функцию. Они находятся в начале

¹²³ На наш взгляд, речь идет о перебивании, так как восходящий контур интонации проецирует продолжение (см., например, Брызгунова 1978: 101–102; Коротаев 2018: 348–349), хотя реплика гостыи, возможно, с точки зрения синтаксиса и прагматики, находится недалеко от конца реплики.

нового направления развертывания дискурса. Можно также сказать, что в данном типе создания рамок для дальнейшего развертывания дискурса во время возникновения хезитации уже имеется сравнительно сильная прагматическая проекция.

Настоящий параграф можно описать с помощью следующей схемы:

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР (или первая часть составной КЕР), проецирующее содержание призыва к речевому шагу + хезитация (возможно, цепочка) + продолжение КЕР (или вторая/последующая часть составной КЕР).

Нередко в вышеописанном контексте маркерами хезитации (их в общей сложности 5) являются ЗП (4, с растяжкой и/или монотонной интонацией), а также встречаются просодические признаки. Кроме того, маркеры хезитации часто формируют цепочки, в которых, возможно, имеются и пустые паузы. Что касается лексических маркеров, они (а именно несогласуемые с именной группой) используются в данном контексте сравнительно редко.

5.3.5.3 Хезитация после описания каких-либо обстоятельств или определения отношения – проблема в формулировании содержания

Настоящий параграф посвящен рассмотрению хезитации по отношению к КЕР в таком положении, в котором говорящий уже создал какую-либо отправную точку для своего сообщения (ср. Подлесская & Кибрик 2009: 186). Речь идет о наименовании какого-либо обстоятельства, включая место, время или определение своего отношения к будущему высказыванию. Структурно такая точка находится в инициальной позиции КЕР, или в первой части составной КЕР (ср. п. 3.4). Следовательно, как и было отмечено в предыдущих параграфах, прагматическая проекция уже является весьма сильной.

Примеры 59 и 60 иллюстрируют это явление. В примере 59 представленному фрагменту предшествовал репортаж, в котором было показано триумфальное метание, и спортивный комментатор сообщил результат соревнований.

(59) «Как это было»

01	НАП-Р:	.xx но#:→# вот так обстоятельства сложились что:→ #э#
02		мне удалось °э° выихрать .xx золото?
03		°э° Лиза была второй? =
04		=а Нина Думбадзе? .xx осталась °э° только на третьем

05		месте?= =°угу.°=
06	В/ОШ:	
07	НАП-Р:	=и:→э:#:→# трудно было.=
08		=я <u>очень</u> любила Нину.=
09		=я восхищалась ею как <u>женщиной</u> .=
10		=как .xx спортсменкой.
11	>	.xx но:→э в тот↑ момент э:→ я даже вот своей радости
12		.xx #э:→# не ощутила так↑ как скорби за неё.=
13		=что .xx она:→э >столько рекор↑дов у неё было.=
14		=и: такая она известная.=
15		=когда мы< .xx выходили на <u>любые</u> стадионы?
16	>	.xx э:→ стадион скандировал Нина браво. Нина браво.
17		Нина браво. xx хоть и я↑ была Нина но я понимала что
18		это .xx касалось не меня.=
19		=xx вот э:→ нахраду: за мою победу?---

В этом примере можно заметить, что говорящий (гостя программы) два раза (строки 11, 15) говорит о временных и ситуативных обстоятельствах, после чего в речи говорящего встречается ЗП с просодическими признаками (строки 11, 16), а затем продолжает свою речь, рассказывая, что случилось при данных обстоятельствах. В обеих точках хезитации направление развертывания рассказа немного изменилось. В первом случае гостя только что перешла от статической оценки к оценивающему усложняющему действию: *но:→э в тот↑ момент* (ср. пп. 3.4 и 5.3.3). Данное начало КЕР более тесно соединяет последующее с временными и местными обстоятельствами, чем в предыдущем описании говорящего. Во втором случае гостя еще перед возникновением хезитации перешла от статической оценки к ориентации-оценке, произнеся: *когда мы< .xx выходили на любые стадионы*. Данное начало строится как первая часть составной КЕР. Следовательно, в обоих случаях хезитация возникает вследствие проблемы формулирования сообщения.

Рассматривая данную секвенцию более широко, можно отметить, что весь рассказ связан с тем, что говорящий описывает свои чувства как неожиданный победитель. Освещая детали своих обстоятельств, в которых гостя была на соревнованиях, она обосновывает и утверждает свою оценку, представленную раньше, т. е. *трудно было* (строка 7). Таким образом, речь идет об определении отношения и утверждении. Одной из причин для возникновения хезитации, помимо связанных с производством речи, может являться то, что выбор подходящих слов и конструкций в утвердительной реплике, возможно, является относительно важным.

В примере 60 в речи говорящего встречается маркер хезитации сразу же после того, как он произносит выражение, связанное с определением отношения. Данное выражение проецирует что-то неприятное и как бы бросает тень на продолжение секвенции. До представленного ниже фрагмента гость рассказывал, с кем он раньше работал и как ему понравилось работать с композитором Мееровичем.

(60) «Киноглаз»

01	ЮБН:	---.xx ну ещё? один человек? (0.4) с которым мы работали
02		<i>все фильмы?</i>
03		(0.8) ¥ это композитор Меерович?
04 >		(1.3) .xx но к сожалению:→ месяц назад он умер;
05		(0.9) (°-°) (0.6) да. месяц назад.
06		и:→ #э::→# я не знаю как дальше будет работа над
07		<i>Шинелью?</i>
08		(1.1)
09		потому что мы#:# #э:→# уже записа↑ли минут шесть?
10		°музыки.°
11		+и+ готовились к тому чтобы продолжать работу.
12		.xx такое ощущение что сам <u>дьявол</u> здесь ходит?---

В данном примере гость рассказывает еще об одном человеке, с которым он работал (строки 1–3). После этого возникает весьма длительная пауза (1.3), после которой он переходит от ориентации к оценивающему усложняющему действию (ср. п. 3.4) и начинает создавать рамки для своей будущей КЕР и для всего рассказа, произнося *но к сожалению:→* (строка 4). В последнем слого находится маркер хезитации, так как слог произносится с растяжкой и монотонной интонацией. Как нам кажется, с возникновением хезитации, возможно, связано и выражение эмоций. Сообщение о смерти близкого коллеги может быть трудной задачей. Вполне возможно, что ему необходимо обдумать, какими словами рассказать об этом. Во всяком случае, создание рамок и маркер хезитации располагаются в рассказе в такой точке, что они придают оттенок всей секвенции.

Как и в параграфе 5.3.5.1, нам кажется, что представление определенных обстоятельств, определение отношения и само рассказывание после создания рамок могут требовать отдельных фаз производства речи. Кроме того, нередко, особенно в ситуациях, в которых хезитация возникает после выражения отношения, целая секвенция затрагивает щекотливую тему.

Контексты хезитации данного параграфа можно описать с помощью следующей схемы:

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР (или первая часть составной КЕР), в котором указываются какие-либо обстоятельства или определение отношения + хезитация (возможно, цепочка) + продолжение КЕР (или вторая/последующая часть составной КЕР).

Структурно данный контекст создания рамок является более многосторонним, чем контексты, рассмотренные в предыдущих двух параграфах. Речь может идти о точке после выражения времени, местоположения или после определения какого-либо отношения. Степень прагматической проекции также варьируется: проекция может быть сильной или более слабой. Маркерами хезитации (их насчитывается 23) в данном контексте нередко являются те же самые типы хезитации (т. е. главным образом ЗП (17) с растяжкой и монотонной интонацией и просодические признаки (8), особенно в частицах-союзах, а также в других частях речи). Кроме того, встречаются длительные пустые паузы и повторы. Нередко эти типы хезитации формируют цепочки (в данном контексте их насчитывается 10). Как и в других контекстах, связанных с созданием рамок, в этом положении несогласуемые лексические маркеры также являются чрезвычайно редкими.

5.3.5.4 Выводы

Как отмечалось в предыдущих параграфах, хезитация может возникать по многим причинам. С точки зрения секвенций возникновение хезитации после создания рамок встречалось во многих положениях, в том числе в середине рассказывания, при представлении новой темы и в начале занятия позиции, которое, возможно, одновременно каким-то образом отклоняется от речевого шага, предложенного собеседником. Причины, связанные с взаимодействием, весьма многосторонни: от привлечения внимания и подтверждения до выражения эмоций и указания на непредпочтение и отклонение от предложенного речевого шага. Следовательно, можно сказать, что причины, связанные с взаимодействием, а также с особыми секвенциями, не только пересекаются друг с другом, но и являются сравнительно общими причинами хезитации. Другими словами, одни и те же причины хезитации встречаются в отношении КЕР и реплики и в других положениях, не только после создания рамок.

Можно сказать, что данное положение возникновения хезитации в отношении КЕР является весьма типичным. Таких случаев в нашем материале было десятки. Все три представленных контекста хезитации схожи в том, что в них во время возникновения хезитации говорящий уже в основном спланировал будущий речевой шаг или рассказывание, однако пока отсутствует «точная настройка». Кроме того, данное явление совпадает с моделями фаз производства речи, так как, как уже было сказано, говорящий сначала создает рамки для своего сообщения и затем выбирает лексические единицы. Рамки включают, в частности, выбор контура интонации, содержащего выбор (модальной) формы сообщения (ср. п. 2.2).

Создание рамок, на наш взгляд, совпадает с гипотезой, выдвигаемой У. Л. Чейфом (Chafe 1980b: 170–175) о том, что речь, как и сознание, делится на небольшие порции, содержащие одну мысль, а потом переходит к следующей мысли. Следовательно, то, что сначала представляется какой-то задний план для будущего речевого шага, а затем озвучивается его содержание, может быть аналогичным гипотезе У. Л. Чейфа.

Кроме того, результаты данного параграфа совпадают с теми результатами, в соответствии с которыми хезитация нередко отмечается именно поблизости от начала высказывания (см. п. 5.3.1). Наши результаты также достаточно сходны тем, что в них люди нередко колеблются именно перед представлением новой информации (Arnold et al. 2003; 2004; ср. также Goldman-Eisler 1968: 31, 42), а также когда они не могут опираться на т.н. готовые стандартные конструкции (prefabricated structures), в том числе на некоторые прагматические маркеры и на «основы предложения» (sentence stems) (Erman 2007; ср. также Goldman-Eisler 1968: 42; Biber et al. 1999: 1049; см. в русском языке Ладыженская 1984: 75). Когда речь идет о создании рамок для будущего сообщения, говорящий нередко может использовать именно такие конструкции. Возможно также, что хезитация после создания рамок дает время для обработки информации (ср. Fehring & Fry 2007: 41–42, 45 и указанные там источники).

Как уже упоминалось (п. 5.3.5), в нашем анализе выделялись три типа создания рамок, после которых в речи возникала хезитация. Данное выделение тесно связано и с определением самого создания рамок. Иначе говоря, мы понимаем создание рамок как то, что при хезитации КЕР уже начата, но она еще не имеет синтаксической

проекции или же первая часть составной КЕР уже завершена, и она проецирует последующую часть. Безусловно, данное определение оказывает влияние на то, какие группы могут быть выделены.

5.3.6 Заключение

Данный параграф был посвящен тем случаям, в которых проблемы производства речи возникали в начале КЕР, но не в начале реплики. Точнее, речь идет о случаях, в которых во время возникновения хезитации реплика проецирует достаточно длительную и, возможно, многосоставную реплику, произносимую говорящим. Нередко встречается рассказывание и т. п. Следовательно, особенности хода разговора связаны с телевизионными беседами не так тесно, как в параграфе 5.2. Другими словами, когда говорящий испытывает трудности внутри рассказа или рассказывания, или длительного сообщения другого типа, например, сообщения, в котором обосновывается какое-то мнение, то возникновение хезитации в большинстве подконтекстов (ср., однако, п. 5.3.5.2) не связано с тем, что говорящий выполняет роль тележурналиста или гостя, а связано в основном с ограничениями кратковременной памяти.

Нередко речь, возможно, идет о том, что говорящему необходимо спланировать следующую порцию речи. В случае рассказывания с планированием также связана трудность перехода. Иначе говоря, как мы увидели в предыдущих параграфах, говорящему, возможно, требуется больше времени для планирования своей будущей речи с точки зрения того, как выразить следующую порцию и когда в рассказе и рассказывании говорится о переходах. Таким образом, изменение угла зрения может также вызывать хезитацию. Кроме того, возникновение хезитации может быть связано и с особыми прагматическими причинами, в том числе с принятием во внимание рассказываемости (ср. п. 3.4) или личных целей говорящего, например, как быть убедительным или осторожным в непредпочтительном речевом шаге или при отклонении от предложенного речевого шага.

Другими словами, по сравнению с параграфом 5.2, в данном параграфе мы выяснили, что главной причиной хезитации является не семантика (что сказать), а прежде всего лексико-синтаксический выбор (как сказать). На это указывает тот факт, что говорящий, как правило, находится как бы внутри деятельности. Например, внутри рассказа он знает содержание будущей КЕР, но конкретные решения еще не

приняты или же он уже знает в основном, о чем он собирается сообщить, но еще не продумал до конца детали. Таким образом, реплика и КЕР находятся под контролем говорящего, и отсюда следует, что хезитация главным образом возникает не в результате взаимодействия проблем, хотя они могут играть свою роль (ср. особенно п. 5.3.5), но проблема, возможно, относится прежде всего к производству речи.

Что касается оси продвижения речи после хезитации, то как и в предыдущем параграфе, в данном параграфе в большинстве случаев говорящий совершает препозитивное самоисправление и тем самым продвигается по синтагматической оси. Когда продвижение происходит по парадигматической оси, то зачастую речь идет об отказе от построения начатого высказывания и построении его по-новому. Кроме того, в случае парентезы речь продвигается с внешней стороны обеих осей.

Рассмотрев различные маркеры хезитации в положениях, представленных в данном параграфе, можно подытожить, что, хотя их спектр достаточно широк, их, однако, меньше по сравнению со случаями, описанными в параграфе 5.2. Характерными маркерами в выше представленных окружениях являются ЗП (иногда с растяжками и монотонной интонацией) и растяжки звука (с монотонной интонацией), в частности, в частицах-союзах, а также цепочки маркеров, которые, помимо вышеупомянутых типов, содержат также (несинтаксические) пустые паузы, а в некоторых подконтекстах – повторы. Отдельные пустые паузы встречаются в некоторых секвенциальных положениях, и их можно однозначно считать маркерами хезитации, только когда они сравнительно длительные. Следовательно, ситуация с пустыми паузами аналогична описанной в параграфе 5.2.

В данном контексте не были найдены выражения-индикаторы речевого сбоя и задержки продвижения по прагматической проекции. Лексические маркеры (несогласуемые) встречаются только в цепочках в переходах разного рода, и тогда их роль является спорной. Возможно, они маркируют только переход. Кроме того, склоняемые маркеры (типа *этот* и *такой*) как показатели хезитации и/или указывающие, помимо попытки решения проблемы, также на отношение говорящего к этому процессу, не были найдены в начале КЕР.

Когда речь идет о создании рамок, т. е. заднего плана для переднего, можно также сказать, что мы рассматривали в качестве данного явления только очевидные элементы. Например, частицы-союзы и лексические маркеры, являющиеся частями цепочки хезитации в начале КЕР, уже создают минимальный задний план для будущей КЕР. Иначе говоря, комбинация лексического маркера или частицы-союза с просодическими признаками хезитации или с другими типами хезитации уже указывает на соотношение будущей КЕР с предыдущей КЕР внутри речевого шага или деятельности (ср. п. 4.7, а особенно пп. 4.7.2; 4.7.3 и 4.7.4, ср. также, например, Vasilyeva 1972; ср. также в финском, например, Duvallon & Routarinne 2001: 149–151). Данные случаи рассмотрены в параграфах 5.3.3 и 5.3.4.

5.4 Хезитация внутри КЕР

5.4.1 Обзор литературы

Маркеры хезитации (в частности, ЗП, а также другие речевые элементы), находящиеся внутри КЕР, довольно широко изучены в рамках лингвистики, в том числе, в КА и ИЛ, а также в психолингвистике. В данном параграфе делается краткий обзор наиболее важных результатов основополагающих работ, а также более новых сообщений, которые имеют особое значение непосредственно для нашего анализа. Внутри КЕР данные элементы речи прежде всего маркируют поиск слова (т. е. препозитивное самоисправление; ср. п. 3.3) (см., например, Ладыженская 1984; Дараган 2000; Столярова 2003 [1992]; Шмелев 2004; Алексиева 2007: 276–277; Степанов 2008: 139; Подлесская & Кибрик 2009: 178–187)¹²⁴ или начало самоисправления (т. е. постпозитивное самоисправление; ср. п. 3.3) (см., например, Дараган 2000; Шмелев 2004; Алексиева 2007: 277; Степанов 2008: 139–140; Подлесская & Кибрик 2009¹²⁵).¹²⁶

---

¹²⁴ См. также аналогичные результаты в других языках, например, в английском (Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; 2010; Fehrer & Fry 2007), в датском (Brouwer 2003), в немецком (Fischer 2000; см. также Schmid & Fägersten 2010), в финском (Laakso 1997; Sorjonen 1997; Helasvuori et al. 2004; см. также Lappalainen 2004; Etelämäki & Jaakola 2009).

¹²⁵ Авторы рассматривают явление (постпозитивного) самоисправления более подробно, чем здесь (см. Подлесская & Кибрик 2009: 187–201; см. также Подлесская & Кибрик 2005; Подлесская & Комарова 2010; Подлесская и др. 2019).

¹²⁶ В других языках отмечено то же самое явление (см., например, в английском Jefferson 1974; Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; 2010; Simpson 1994; Gardner 2001; Clark & Fox Tree 2002; в финском Sorjonen 1997; Lappalainen 2004; Sorjonen & Laakso 2005; в немецком Fischer 2000).

В психолингвистике была выдвинута гипотеза, в соответствии с которой маркеры хезитации (в частности, ЗП), находящиеся в середине словосочетания или фразы, отражают, помимо лексического поиска¹²⁷, местное синтаксическое/грамматическое или фонологическое кодирование (Shriberg 1994: 154; Schmid & Fägersten 2010: 760–762, 780, 782–784; ср. также Boomer & Dittmann 1962: 219; Fehrer & Fry 2007: 57–58). В лингвистике также признается данный взгляд, хотя угол зрения немного иной (см., например, Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; 2010; Simpson 1994: 84–91; Fox et al. 1996; Helasvuo et al. 2004; Алексиева 2007; Подлесская & Кибрик 2009). В частности, в КА и ИЛ данные элементы речи рассматриваются как маркеры проблемы (ср. п. 3.3), а внутри КЕР – как поиск слова (см., например, Schegloff et al. 1977: 363; Schegloff 1979; 2010: 136; Fox et al. 1996; Brouwer 2003; Helasvuo et al. 2004; Keevallik 2010b).¹²⁸ Следовательно, данный термин дает понять, что с его помощью говорящий подыскивает подходящее, определенное или правильное слово (см., например, Lerner 1994: 30–31; Simpson 1994: 84–87, 90–91; Helasvuo et al. 2004: 6; см. также Schegloff 1979: 273; Столярова 2003 [1992]: 43; Алексиева 2007: 276–277; Степанов 2008: 143–144).

В каких ситуациях говорящий должен подыскивать слова? Безусловно, человек может испытывать трудности при нахождении слова в любой речевой ситуации и должен подыскать какое-нибудь слово (ср. Verkhodanova et al. 2017: 399). Однако, по мнению

---

¹²⁷ В психолингвистической литературе терминология немного отличается от терминов, употребляемых в рамках КА и ИЛ. В ней говорится, как правило, не о поиске слова, а о лексическом нахождении и доступе (lexical retrieval, lexical access) (см., например, Levelt 1983; Postma 2000; Brennan & Schober 2001; Fehrer & Fry 2007; Schmid & Fägersten 2010).

¹²⁸ В КА и ИЛ немалая часть исследований, посвященных явлению хезитации (или разных типов самоисправления, как, например, поиск слова), касается ситуаций взаимодействия, в которых у собеседников разный уровень владения языком (см. однако, например, Jefferson 1974; Schegloff et al. 1977; Schegloff 1979; Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; Fox et al. 1996; Keevallik 2010b; ср. также Schegloff 2009; 2010). То же самое явление можно заметить и в других направлениях (см., например, в русском языке Кибрик & Подлесская (ред.) 2009). Например, существует множество работ, в которых объектом исследования является коммуникация между носителем и неносителем языка (см., например, Simpson 1994; Brouwer 2003; Kurhila 2003). Существуют и работы, исследующие взаимодействие между взрослым и ребенком (см., например, Laakso 2006; Forrester 2008). Кроме того, большое количество работ посвящено взаимодействию между здоровым человеком и человеком, страдающим от какого-либо заболевания, влияющего на владение языком, например, афазии (см., например, Laakso 1997; Laakso & Lehtola 2003; Helasvuo et al. 2004) или деменции (Simula & Pekkala 2006; ср. также Davis & MacLagan 2010).

У. Л. Чейфа (Chafe 1980b: 179; см. также Goldman-Eisler 1968: 42; Bortfeld et al. 2001: 135), знаковость понятия уменьшает правдоподобность возникновения хезитации. Кроме того, как утверждается в некоторых работах (см., например, Fischer 2000: 162; Arnold et al. 2003: 26, 34–35 и указанные там источники; 2004: 581; ср. также Keevallik 2010b: 151), ситуация, в которой говорящий должен подыскать слово, которое он только что произнес, является невероятной. Кроме того, тот факт, сколько существует возможных вариантов, т. е. размер активного словарного запаса говорящего, может оказывать влияние на хезитацию (Schachter et al. 1991; 1994; см. также Ладыженская 1984: 75), а сама когнитивная задача выбора может вызвать колебание (Алексиева 2007: 276–277; Подлеская & Кибрик 2009: 185; Богданова-Бегларян и др. 2013: 164).

Некоторые прагматические ситуации и речевые шаги, вероятно, оказываются для говорящего трудными. В рамках КА и ИЛ считается, что потребность поиска слова, возможно, связана с коммуникативными затруднениями, в том числе с тем, как действовать в особой ситуации (см., например, Etelämäki & Jaakola 2009: 198–199), особенно если она является незнакомой (Jefferson 1974: 192–195; Lappalainen 2004: 119–120, 123). По результатам исследований, трудным нередко оказывается (или, по крайней мере, маркируется как проблематичное) перечисление элементов (Jefferson 1990: 67; Lerner 1994: 22; Simpson 1994: 87–88; Selting 2007: 521; Keevallik 2010b: 153; см. также Fox Tree 2006: 739).

Результаты исследований также говорят о том, что описание зачастую считается трудной задачей (см., например, Sorjonen 1997: 119–120; Lappalainen 2004: 129–130, 132; Etelämäki & Jaakola 2009: 198; ср. Lerner 1994: 30–31; Helasvuori et al. 2004: 7–9; см. также в русском языке Кормилицына & Кочеткова 1983; Дараган 2003). Как полагают М. Этелямяки и М. Яакола (Etelämäki & Jaakola 2009: 198; см. также Sorjonen 1997: 119–120), то, что говорящий должен подыскать слова для описания, указывает также на то, что само описание является некоторым образом спорным. Кроме того, иногда с проблематичным описанием, показанным разными типами хезитации, совпадает оговоренное отношение говорящего (ср. п. 4.7.5; см. также Sorjonen 1997: 120; Lappalainen 2004: 124, 127; в русском языке Дараган 2000). Кроме оговоренного отношения, с проблематичным описанием может быть связано и указание на неточность или неопределенность (ср. п.

4.7; см. также Кормилицына & Кочеткова 1983: 76; Lappalainen 2004: 122, 124–127; Fox Tree 2006: 739; ср. Дараган 2000).

Помимо вышеуказанных речевых шагов, которые нередко маркируются в речи говорящего как проблематичные, таковыми являются также всякое упоминание или припоминание (в частности, деталей, например, имен собственных) (см., например, Goodwin & Goodwin 1986: 55, 59, 63; Goodwin 1987: 115–116; Brouwer 2003: 537–538; Norrick 2005: 1823, 1831–1832; см. также Postma 2000: 106; ср. в русском языке Дараган 2000; 2003; Столярова 2003 [1992]: 42–43). Например, Э. А. Щеглофф (Schegloff 1979: 274) подчеркивает, что название и имя являются прототипическими объектами поиска. Автор приводит в своей работе пример, в котором говорящий подыскивает название места, а именно улицы (там же; см. также Norrick 2005: 1832; Betz et al. 2018). Также может производиться поиск и других деталей, включая различные выражения времени, а также цифры (ср. Goodwin 1987: 124; см. также Fox Tree 2006: 739).

Как нам кажется, также следует упомянуть одно действие (в когнитии говорящего), которое может вызвать у говорящего затруднения. Таким действием является концептуализация. Как утверждается в исследовании Ю. В. Дараган (2003; см. также Дараган 2000; Postma 2000: 106; Столярова 2003 [1992]: 43), говорящий может испытывать трудности, так как он не знает, «как правильно назвать». В КА и ИЛ также признается данный тип проблемы, так как имеются работы (Brouwer 2003: 535; Hayashi 2003: 113, 136), в которых отмечается, что на поиск слова можно указать и с помощью выражений-индикаторов типа *как это сказать* (whatchamacallit, what's it called), хотя прямо не упоминается, что употребление выражения такого типа связано именно с концептуализацией.¹²⁹

Когда речь идет о постпозитивном самоисправлении, как уже отмечалось в самом начале настоящего параграфа, его связь с возникновением хезитации является достаточно тесной. Помимо препозитивных самоисправлений, маркерами хезитации, которые встречаются в начале постпозитивного самоисправления, являются, в частности, ЗП, а также пустые паузы, растяжки звука, повторы и некоторые лексические маркеры (см., например, Дараган 2000;

---

¹²⁹ Как нам кажется, это может снова являться следствием того, что, как уже упоминалось выше (см. п. 3.3), в рамках КА и ИЛ к толкованию когнитивных процессов говорящего относятся чрезвычайно осторожно.

Алексиева 2007: 276–278; Подлесская & Кибрик 2009: 179, 181–187, 191–194, 196–197, 204–206, 210–212; Подлесская 2014),¹³⁰ а также их комбинации, т. е. цепочки (см., например, в английском языке Schegloff 1979: 272–273; в финском Laakso 1997: 129–130).¹³¹ Отмечается также, что маркер хезитации (а нередко именно ЗП) находится в каждом из основных типов постпозитивного самоисправления (ср. п. 3.3) (см., например, Schegloff 1979: 263–266, 274; Simpson 1994: 64–65, 91–93; Schegloff 2010: 136–138; Wilkinson & Weatherall 2011: 68).

Что касается роли маркеров хезитации, а именно ЗП, в постпозитивном самоисправлении, многие ученые (см., например, Levelt 1983; 1989; Simpson 1994; Sorjonen 1997; Clark & Fox Tree 2002; см. также Подлесская & Кибрик 2009: 179, 181) подчеркивают их взаимодействующий характер. Например, ЗП как маркеры редактирования являются важными именно потому, что они информируют собеседника об исправляемой единице (Levelt 1983: 42; 1989: 482; ср. также Simpson 1994: 92–94). Считается также, что ЗП при таком употреблении могут сообщать о задержке, возникающей вследствие того, что говорящему нужно время, чтобы заметить проблему, или для формирования исправления, или же для решения обеих задач (Clark & Fox Tree 2002: 87).

Как уже было сказано выше в этом параграфе (5.4.1), человек может испытывать трудности при нахождении слова в любой речевой ситуации. То же самое касается постпозитивного самоисправления. Иначе говоря, говорящий может в любой точке речевого потока быть недовольным тем, что он произнес, и может хотеть исправить что-либо (ср. явление самомониторинга, п. 2.2). Например, как отмечается в работе А. Постма (Postma 2000: 102–103), говорящий может произнести ошибочный вариант от уровня концептуализации до уровня просодии. Когда имеются ошибки на уровне формулировки, то проблема может заключаться в лексике, синтаксическом членении,

---

¹³⁰ См. также в других языках (например, в английском Schegloff et al. 1977: 367; Schegloff 1979: 273; Postma 2000: 103; Schegloff 2010: 135–138; Wilkinson & Weatherall 2011: 68; в финском Laakso 1997: 117–130; Sorjonen 1997: 114–121; Sorjonen & Laakso 2005).

¹³¹ Однако на самом деле, когда речь идет о постпозитивном самоисправлении, которое начинается внутри слова, первым признаком нередко является именно обрыв слова (cut-off) (Schegloff 1979: 273; см. также в финском языке Laakso 1997: 114–116). В русском языке обрыв слова также является первым признаком постпозитивного самоисправления почти в 50 % случаях, и он нередко заканчивается гортанной смычкой (Подлесская & Кибрик 2009: 179, 182–184; см. также в финском Sorjonen & Laakso 2005: 248 и указанные там источники).

фонологии или в морфологии (там же; см. также Алексиева 2007: 277–278).

Что касается поиска слова и постпозитивного самоисправления, и особенно замещения одного слова другим, то, как нам кажется, эти явления близки друг другу. В обоих случаях говорящий подыскивает правильное или подходящее слово. Во втором случае он уже предложил первый вариант или в случае обрыва слова – его часть, но недоволен этим вариантом.

5.4.2 Общие принципы

В данном параграфе (5.4) рассматривается возникновение хезитации внутри реплики. В отличие от предыдущих параграфов (см. пп. 5.2 и 5.3), мы представим результаты в широком виде, рассматривая только основные типы хезитации. Более подробный анализ остается задачей другого исследования. Это связано с тем, что большинство типов хезитации (а также возможных случаев хезитации) расположено именно внутри КЕР. В частности, проблем выбора (ср. п. 5.4.5) встречается более ста, и рассмотреть их в рамках данной работы подробно невозможно. Кроме того, поиск слова более подробно проанализирован в русском и в других языках (см. п. 5.4.1; см. также сравнительно подробные классификации Дараган 2000; 2003; Подлесская & Кибрик 2005; 2009; Алексиева 2007), чем другие положения в отношении КЕР и реплики (ср. пп. 5.2.1 и 5.3.1; см., однако, например, Шмелев 2004; Schegloff 2009; 2010).

В следующих параграфах мы кратко представим пять контекстов/причин хезитации, отражающих какую-либо проблему производства речи, но в которых причины возникновения проблем отличаются друг от друга. До этого мы кратко обсудим, как мы разработали данную классификацию. Когда говорящий колеблется и решает проблему внутри КЕР, то взаимодействие, точнее, участие собеседников, как правило, не указывает на характер проблемы (по крайней мере, не в такой степени, как в случае, когда проблема возникает в начале реплики, ср. п. 5.2).¹³²

---

¹³² Конечно, с точки зрения секвенциальности и развертывания дискурса контекст может указывать на то, почему говорящий испытывает трудности, например, если речь идет о непредпочтительном речевом шаге. Однако тогда проблемы не являются зависимыми от местоположения. Другими словами, щекотливая ситуация может вызвать хезитацию в любом месте КЕР и реплики.

Поскольку у нас нет доступа к мыслям говорящего о характере проблемы, мы можем прийти к заключению о возможном характере проблем, только опираясь на общее представление о мире. В следующих параграфах мы будем обращать особое внимание на то, какого типа слово говорящий ищет и находит. Мы как бы занимаем место говорящего и рассуждаем, в чем, возможно, заключается проблема, опираясь на свой личный опыт проблем производства речи. Указаниями на проблему являются и способ решения проблемы, и продвижение речи по главной линии до возникновения проблемы, т. е. прагматический, семантический, синтаксический и иногда даже просодический контекст. В этом случае речь рассматривается как результат. На наш взгляд, проблема имеет одну направленность, если говорящий ищет слово, которое указывает на какое-либо сложное явление, и другую, если результатом поиска слова является слово общего характера, указывающее на что-либо в будничной жизни.

Разделение на первые три типа разработано не только на основе общего представления о мире и нашего личного опыта проблем производства речи, но и опираясь на исследования, в которых утверждается, что хезитация может возникать ввиду проблемы концептуализации, припоминания и выбора слов (см. п. 5.4.1). Разумеется, данные три типа проблем могут и совпадать. Например, при выяснении сложного явления говорящий может, помимо проблемы концептуализации, испытывать трудности выбора. Во всех пяти типах используются результаты психолингвистики, касающиеся фаз производства речи (см., например, Levelt 1983; Postma 2000; ср. также п. 2.2). Иначе говоря, угол зрения проявляется в основном при производстве речи, а секвенциальность и развертывание дискурса рассматриваются не так подробно.

Хотя в следующих параграфах утверждается, что в этих пяти контекстах хезитации проблема, как правило, возникает именно внутри КЕР, имеются и случаи, в которых поиск отдельного слова происходит в начале КЕР, но такие случаи в нашем материале довольно редки.

Когда подконтексты хезитации, которые будут рассмотрены в данном параграфе (5.4), обсуждаются с точки зрения некоторых параметров, представленных в параграфе 5.1, то речь идет о сильной грамматической проекции, поскольку хезитация возникает внутри КЕР и уже имеются синтаксические указания на то, какие лексико-синтаксические свойства должны быть в реплике до ее завершения.

Это означает, что фаза производства речи, которая оказывается проблематичной, является последней. Речь идет о лексическом, грамматическом и фонетическом поиске или о контроле того, что все слова произнесены так, как следует.

5.4.3 *Поиск слова в сфере сложного явления – проблема в концептуализации*

В данном параграфе мы будем рассматривать случаи, в которых говорящий не знает, какими словами описать ситуацию, явление, эмоцию или предмет. Иначе говоря, проблема заключается в неумении (точно) определить описываемую вещь, или в создании понятия, т. е. концептуализации (Дараган 2003; ср. также 2000). Нередко проблема заключается в том, что описываемая или сообщаемая вещь является настолько сложной, что сообщение о ней оказывается трудным. Другими словами, говорящий не знает, как лучше описать данную вещь или полагает, что выбор будущего слова или описания, совершенный им самим, является каким-то образом спорным, неточным и т. д. Поскольку речь идет об описании сложных явлений, для проблемы данного типа характерно, что ее решение длится долго, и говорящий с помощью многих средств указывает на проблему производства речи, а также на свое отношение к решению проблемы. Таким образом, в речи часто встречается множество маркеров хезитации, а также маркеров приблизительности, оговорки, смягчения и т. п.

Рассмотрим некоторые примеры, которые иллюстрирует особенности проблем вышеописанного типа. Они являются наглядными, так как в них представлены разнообразные средства выражения трудности создания понятия или определения описания, а также отношения говорящего к такому типу проблемы. В примере 61 мы отмечаем, что говорящему трудно решить, как описать и определить фильмы гостя.

(61) «Киноглаз»

01	ЮБН:	---я чувствую как во мне нарастает зависть к писателям.
02		((усмешка)) .xx это единственные кому я *завидую.*
03		.xx [абсо•]
04	В/МЯ:	[>мне ка]жется что ваши фильмы гораздо ближе к
05 >		такому .xx э:→ фотографии↑ческому что ли если как его
06 >		назвать я не знаю лучше кинемато↑графу нежели к
07 >		мультипликации.<=

- 08 ЮБН: =>это абсолютно точно что я всегда(!)?, я о
09 мультипликации *это* говорю (.) и для себя это так
10 формули↑рую что му• му• мультипликация это (как)
11 документаль↑но зафиксированное ~состояние~
12 ду±ши±.

Как мы видим, в данном фрагменте ведущий начинает описывать фильмы гостя, но дважды испытывает трудности. Он говорит: [*>мне ка]жется что ваши фильмы гораздо ближе к* (строка 4). Данное начало проецирует прагматически и синтаксически какое-то описание того, к чему они ближе. После этого он произносит местоименное прилагательное *такому*, которое, помимо значения сходства, имеет и значение приблизительности (см. п. 4.7.6). Следовательно, оно уже, возможно, указывает на проблему производства речи и отношение говорящего к ее решению. Иначе говоря, *такому*, может быть, служит оговоркой или смягчением. Как уже было упомянуто (п. 4.7.6), данная языковая единица нередко употребляется именно при проблемах концептуализации. При произнесении следующего речевого элемента уже ясно, что речь идет о затруднении производства речи, так как в речи встречается ЗП с растяжкой и монотонной интонацией. Затем говорящий продвигается дальше. Он произносит прилагательное *фотографическому*, а после этого снова испытывает затруднения. Он продолжает, рассуждая и выражая экспликацию проблемы: *что ли если как его назвать я не знаю лучше кинемато↑графу нежели к мультипликации*. (строки 5–7).

Рассуждение, оканчивающееся экспликацией проблемы, раскрывает, что говорящий колеблется при определении фильмов гостя. Он не знает, как их лучше описать: используя слово *кинематограф* или *мультипликация*. В связи с этим проблема заключается именно в концептуализации, и тем самым говорящий вербализирует свое оговоренное отношение к выбранному описанию. Как нам кажется, предыдущая проблема, т. е. то, что происходит до произнесения слова *фотографическому*, связана с определением и классификацией фильмов гостя, т. е. речь идет о затруднении концептуализации. Обе проблемы имеют тесную связь между собой. Прилагательное *фотографический* является определяющим по отношению к существительному *кинематограф* или *мультипликация*. Как мы видим, гость тоже согласен с тем, что его фильмы трудно классифицировать и охарактеризовать: он принимает толкование ведущего (строка 8), а затем предлагает и свое определение (строки 8–12), которое немного

отличается от описания ведущего. Как нам кажется, здесь на проблему концептуализации влияет то, что, как известно, мультипликация обычно не выглядит как фотография или документ.

В примере 62 (который уже был рассмотрен в пп. 1.1 и 2.3) мы увидим, что, помимо некоторых других типов хезитации, говорящий употребляет лексический маркер, при помощи которого он может указать на свое отношение к проблеме концептуализации и ее решению. В приведенном ниже фрагменте гостья рассказывает о своих чувствах на Олимпийских играх, когда была ее очередь выйти на поле.

(62) «Как это было»

01	В/ОШ:	=и что↑ же всё-таки?=давайте вспомним.
02		(0.2) .xx (.) вот тот самый <u>день</u> .
03		(0.5)
04	НАП-Р:	.xx я °э° вышла на это поле?
05		.xx и:→ #э# когда <u>первые</u> мои#: # э: #:→# #э:→# (0.4)
06		°#м#° подружки по команде. .xx (.) э: #э# °м: #° выступили
07 >		неуспеш(но)? (.) .xx и вот тут?=я начала: #э:→# (.) так
08 >		~сказать~ .xx крутить .xx плёнку в своих мозгах? а как
09		же я; .xx >вроде бы#:→#< я ж (0.2) .xx (0.7) °#э#° (0.6)
10		для них↑ оставила первые места.=
11		=>a< сама-то я про себя и не волнуюсь;=
12		=а тут↑ .xx >оказывается? .xx никому ничего беречь не
13		на↑до тут;< надо бороться; к• .xx э:→ каждому за
14		свое?

Гостья начинает свой рассказ, рассказывая о ситуации с точки зрения своих подруг по команде (строки 4–7). Затем она меняет направление и говорит: *и вот тут?*=я начала: (строка 7). Глагол *начала* произнесен с растяжкой, которая уже имплицитно указывает на проблему. Затем в речи встречается второй маркер хезитации: говорящий произносит ЗП, снова с растяжкой, скрипучим голосом и с монотонной интонацией. После этого в речи встречается т. н. микропауза, и затем произносится вводное слово *так сказать*.

Когда рассматривается точка растяжки последнего слога глагола, еще невозможно сказать, в чем заключается проблема. Однако при рассмотрении продолжения реплики гостьи мы можем сказать, что речь идет именно о концептуализации, то есть об описании и определении мыслей и эмоций говорящего в вышеупомянутой ситуации. Помимо использования различных маркеров хезитации при продолжении реплики (строки 8–14), употребление выражения *так сказать* также подтверждает данное толкование, так как, как уже было

упомянуто (см. п. 4.7.5), *так сказать* употребляется при желании более точно назвать или охарактеризовать что-либо. Как нам кажется, *так сказать* в данном контексте имплицитно именно то, что гостья считает, что не найдет точной вербализации, хотя и хотела бы. Как мы видим, после возникновения хезитации и выражения *так сказать* говорящий высказывает неконвенциональную метафору об интенсивности своих мыслей и чувств. Таким образом, как нам кажется, *так сказать* раскрывает отношение говорящего к проблеме и ее решению. Произнося *так сказать*, говорящий уже намекает на неточность, так как требуется толкование адресатом – что значит в данной ситуации *крутить плёнку в своих мозгах*.

В обоих примерах, представленных в данном параграфе, помимо ЗП, растяжек, монотонной интонации и пустых пауз, присутствуют также лексические маркеры, которые выполняют функцию неточности и приблизительности и тем самым выражают оговоренное отношение, а возможно, также служат смягчением. Кроме того, в примере 61 проблема выражена эксплицитно. Однако необходимо помнить, что вполне возможно испытывать трудность концептуализации, но не маркировать ее при помощи оговорок. Поскольку мы не можем выяснить, что говорящий думает и какие проблемы он имеет без экспликации или выражений, указывающих именно на тип проблемы, мы не можем сразу и непосредственно распознать, что проблема заключается в концептуализации, так как указания на это отсутствуют. Таким образом, можно сказать, что при классификации проблемы производства речи именно как сбоя концептуализации важными признаками проблемы являются оговорки и выражения приблизительности и смягчения, а также выражения и высказывания, эксплицирующие проблему.

Данный подконтекст возникновения хезитации может быть проиллюстрирован при помощи следующей схемы:

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР (содержащее, возможно, также оговоренные выражения или смягчители другого типа) + хезитация (возможно, цепочка) (+ возможные оговорки или другие смягчители) (+ маркеры, указывающие на отношение говорящего к проблеме или ее решению) + какое-либо решение проблемы, – как правило, лексический элемент, который указывает на непростое явление и одновременно на возвращение на главную линию речи.

Как уже было сказано, поскольку проблемы концептуализации нередко являются значительными и их решение требует много времени, то

неудивительно, что в речи, как правило, встречаются цепочки маркеров хезитации. Кроме того, на трудность задачи указывает и то, что при проблемах концептуализации в речи иногда встречались не только поиски слов, но и постпозитивные самоисправления, а чаще всего – отказы от построения начатого высказывания. В таких отказах говорящий должен выстроить свое сообщение по-новому при помощи другой синтаксической конструкции. Поступая таким образом, говорящий сам ориентируется на то, что решение проблемы согласно существующему плану является слишком трудной задачей. Обильное употребление лексических маркеров с оговоренным значением и смягчительных выражений указывает, на наш взгляд, на более серьезный сбой, так как, опираясь на их использование, говорящий непосредственно понимает, что недоволен своим решением. Другими словами, говорящий не сумел, по собственному мнению, удовлетворительно решить свою проблему.

В вышеописанном окружении встречаются разные типы хезитации, и возможными являются почти все типы (ср. гл. 4). В данном контексте не были найдены задержки продвижения по прагматической проекции, хотя они употреблялись в весьма сходной функции, т. е. при ответе на трудный вопрос, когда проблемой было, что сказать (ср. пп. 4.9 и 5.2.3). Однако, когда речь идет о лексических маркерах, во-первых, важно отметить, что они не могут выступать в хезитационной роли без других маркеров хезитации. Тогда они имеют другие функции, например, указывают на оговоренное отношение. Во-вторых, оба типа лексических маркеров, т. е. и согласуемые с именной группой, и несогласуемые можно встретить при возникновении проблем концептуализации. Использовались, по крайней мере, следующие лексические маркеры: *ну, как бы, так сказать* и *такой*, которые, как было отмечено в параграфе 4.7.7, могут указывать на то, что будущий выбор является в какой-то мере неточным. Кроме того, использовались также *вот* и *этот*, которые, как правило, не имеют такой импликации.

5.4.4 Поиск слова среди деталей – проблема в припоминании

В данном параграфе мы будем обращать особое внимание на такой поиск слов, в котором слово, при помощи которого проблема будет решена, указывает на какую-либо деталь. Когда мы опираемся на свой опыт в решении подобных проблем, нам представляется, что проблема заключается именно в припоминании. Деталью могут быть, например,

разного типа названия, включая имена собственные или топонимы, а также различные обстоятельства, в том числе момент или период времени. Когда речь идет о перечислении, память может не работать как следует, и вследствие ограничений памяти возникает хезитация (ср. п. 2.1).

Рассмотрим некоторые примеры, которые иллюстрируют данное явление. В примере 63 речь идет о ситуации, в которой присутствует два типичных случая поиска слова, связанных с проблемой припоминания, т. е. поиск имен собственных и контекст перечисления.

(63) «Как это было»

01	В/ОШ:	~А.:→натолий Михайлович~ ну кто ещё↑ входил тогда в
02		сборную СССР.=назови↑те пожалуйста.=
03	АМИ:	=ну вот(х). из самых молодых?=это был я и Нетте.
04		(п)
05	В/ОШ:	((кивает)) °ах?°
06	АМИ:	а такие игроки которые:→ (п) так ~сказать~ с: масти↑тые
07		были.=это в основном из ЦСКА.
08		.xx могу↑ перечислить.=
09	В/ОШ:	=[да.]
10 >	АМИ:	= <i>[Рубаш]кин? Норков? Николаев? (0.2) .xx (0.2) #э::в→#</i>
11 >		<i>затем значит Бобров? (0.3) .xx (0.6) Никаноров? (0.7) и</i>
12 >		<i>потом#:#? (0.9) из Зенита был Иванов;=</i>
13	В/ОШ:	=>э: скажите а вот перед Олимпиадой наверно---

В этом примере видно, что, хотя ведущий просит назвать спортсменов, которые входили в сборную, именно гость хочет перечислить имена игроков из ЦСКА (строка 8). После упоминания трех игроков (строка 10) говорящий колеблется: продвижение речи по главной линии задерживается, и замечается цепочка маркеров хезитации. После того, как в речи встречается две очень кратких паузы с вдохом, говорящий произносит скрипучим голосом ЗП с растяжкой и монотонной интонацией. ЗП заканчивается звуком *в*, который может имплицировать, что говорящий считает, что название подыскиваемого игрока начинается с данного звука. Другими словами, он, возможно, нащупывает будущее слово. Однако проблема продолжается, так как говорящий произносит, видимо, другой маркер хезитации: он произносит наречие *затем*, которое обычно указывает на темпоральное отношение (см., например, Грамота s.v. *затем*), а здесь – преимущественно на то, что перечень игроков будет продолжен, а также, возможно, на процессы припоминания. После этого говорящий произносит слово *значит*, которое, как правило, имеет значение

следствия, а здесь оно преимущественно указывает на процесс поиска (ср. п. 4.7.4). Затем говорящий вспоминает имя одного из игроков и опять испытывает трудности: в речи встречается цепочка пауз со вдохом (строка 11). Как нам кажется, они являются достаточно длительными, в частности, вторая пауза, и указывают именно на поиск слова. Говорящий находит имя игрока в памяти и произносит его.

После этого мы замечаем, что говорящий встречает сравнительно длительную и сложную проблему, в озвучивании и решении которой он использует многие средства (строки 11–12). Сначала он снова довольно долго молчит (0.7), затем произносит: *и потом*, что опять дает понять, что перечень еще продолжается. Как и *затем* выше, также *и потом* указывает здесь не на темпоральное отношение, как обычно (см., например, Грамота s.v. *потом*), а в основном на процессы припоминания. Произнесение наречия *потом* с растяжкой имплицитно указывает, что поиск продолжается. Так и случается, и происходит длительная пауза (0.9). После этого говорящий начинает вербализацию результата своего припоминания: *из Зенита был Иванов*. Такое поведение не только задерживает продвижение прагматической проекции, но и показывает, что говорящему легче припомнить название команды, чем имя игрока. В этом контексте собеседник, очевидно, не знает фамилии игрока, о котором идет речь, и имя вспоминает сам говорящий. Однако такое развертывание реплики может также служить указанием на проблему припоминания для адресата, который, возможно, окажет помощь, если у него есть доступ к подыскиваемой информации (ср. пп. 3.2 и 3.4; см. также Goodwin & Goodwin 1986: 58–59).

В примере 63 проблемы, касающиеся припоминания, были настолько значительны – особенно когда речь шла о припоминании имени последнего игрока, – что до того, как проблема была решена, были использованы различные маркеры хезитации. Пример 64 иллюстрирует иную ситуацию, хотя и в нем говорящий тоже колеблется при перечислении.

(64) «Как это было»

01	ВЕС:	[де]ло в том что мы привезли↑ нам дали (п)
02		великолепный зал? =
03	НАП-Р:	=[°(-)°]
04	ВЕС:	=[под сто]ловую. =
05		=мы сервировку [всю хрусталь? мы привезли? э:→]»
06	НАП-Р:	[(-) (мы) привезли? (-)]

- 07 ВЕС: »мы на пароход? наш пришёл? с Ленин[града? при]вёз?»
 08 НАП-Р: [& & &]
 09 ВЕС: »..хх всё? наши повара? ..хх фрукты? сок?
 10 > э:→ э:→ всё↑ было.
 11 икра была? всё↑ [было.]
 12 НАП-Р: [а всё] это э:→ было вызвано ±чем±.

В этом примере говорящий хочет рассказать другим, какие вещи советская делегация привезла на Олимпийские игры в Хельсинки (строки 1–2). В строке 9 он начинает перечислять пищевые продукты, которые также были взяты с собой. Он упоминает два пищевых продукта. На данном этапе продвижения речи также присутствует проекция продолжения списка, так как *сок* произнесен с восходящей интонацией (ср. Брызгунова 1978: 107–109; Коротаев 2018: 348–349). Кроме того, нередко в списке имеется три элемента (Jefferson 1990: 63–68; Lerner 1994: 22). Однако затем продвижение по главной линии задерживается: говорящий произносит маркеры хезитации – два ЗП с растяжкой и монотонной интонацией (строка 10). Затем он находит решение и произносит *всё↑ было*, т. е. выражение общего характера (ср. Хуршудян 2006: 67; Подлесская & Кибрик 2009: 185; Podlesskaya 2010: 26–29), которое также можно назвать обобщающим завершителем списка (*generalized list completer*) (Jefferson 1990: 66–68; Lerner 1994: 22, 24, 29; Selting 2007).

Такая стратегия указывает нам на то, что говорящий считает, что он не сразу найдет слово, которое ищет, и хочет двигаться дальше. Однако он не идет дальше, а продолжает перечисление и формирует следующую КЕР таким образом, что сообщить название подыскиваемого пищевого продукта можно сразу же после выражения общего характера. Он произносит: *икра была?* (строка 11). Он как бы уточняет свой список ретроспективно при помощи своего рода инкремента, т. е. дополняет одну КЕР. Следовательно, прагматическая проекция задерживается. После этого говорящий повторно использует выражение общего характера *всё↑ было*, которое в данном контексте имплицитно, что список и сам речевой шаг завершены (ср. п. 5.2.6.1; см. также Grenoble & Riley 1996: 836). Так же это истолковывает и собеседник, так как он начинает свою реплику.

В примере 64 говорящий маркирует точку хезитации, употребляя ЗП. Затем используются два решения. В первом решении говорящий снижает объем передаваемой информации (Дараган 2003). В примере после хезитации говорящий впервые отказывается от первоначального

замысла о именовании пищевого продукта. Такое поведение, точнее, по терминологии Ю. В. Дараган (2003), смысловая редукция, является по результатам автора одной из стратегий, при помощи которой говорящий может преодолеть речевой сбой.¹³³ Однако после данной редукции говорящий упоминает еще один пищевой продукт.

Результаты данного параграфа могут быть представлены с помощью следующей схемы:

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР + хезитация (+ маркеры попытки решения проблемы) + какое-либо решение проблемы, в котором найдено слово, указывающее на какую-либо деталь, и одновременно возвращение на главную линию речи. (Возможным решением является и выражение общего характера.)

Как мы увидели в вышеприведенных примерах, на хезитацию при припоминании деталей могут указывать разнообразные маркеры хезитации (их в данном контексте около 10). В нашем материале были заметны все типы появления хезитации, кроме эксплицитных выражений проблемы. Кроме того, на основе анализа нашего материала можно утверждать, что при проблемах такого типа (как и при проблемах концептуализации, ср. п. 5.4.3) говорящему часто требовалось довольно много времени. Из этого следует, что маркеры хезитации нередко встречаются в цепочке.

Однако, когда речь идет о лексических маркерах, они, как всегда, не могут выступать в хезитационной роли без наличия других типов хезитации. Кроме того, при возникновении проблем припоминания можно встретить оба типа лексических маркеров, т. е. и согласуемые с именной группой (*этот*), и несогласуемые (например, *значит, так сказать*). Были также найдены маркеры, указывающие на точность или неточность. В отличие от контекстов хезитации в начале КЕР и реплики, в данном контексте пустые паузы также играют большую роль. Они, как правило, не выполняют других текстуальных функций, а только указывают на проблему производства речи.

Кроме того, иногда ЗП нетипичного произнесения (или обрывы слова, ср. п. 5.4.1) могут быть истолкованы как нащупывания нужной детали (ср. п. 5.4.6). Они, как нам кажется, являются типичными именно для контекста проблемы припоминания, так как говорящий

---

¹³³ Другими средствами преодоления речевого сбоя являются, по мнению Ю. В. Дараган (2003), апелляция к собеседнику, перифраз, т. е. изложение мысли иначе, и пауза, т. е. взятие времени для размышления.

имеет четкое представление о том, что он ищет, только не сразу находит искомое.

Данный параграф также подтвердил, что нередко в речи встречаются маркеры того, какими способами говорящий пытается найти решение, а также того, что происходит, если точное решение не находится. Как мы увидели, когда речь идет о проблеме припоминания, достаточно типичным является задержка продвижения по прагматической проекции, т. е. КЕР формулируется так, что ее можно задержать. Таким образом, говорящий получает больше времени для поиска (см. п. 5.2.4). Кроме того, задержка может быть сформулирована так, чтобы указать направление поиска. Другими словами, говорящий использует много слов, называя другую вещь, имеющую близкое отношение к тому, что он ищет (ср. пример 63). Речь идет о таком поведении, которое помогает найти в памяти подыскиваемую единицу. Данное средство, как нам кажется, можно использовать, как правило, только, когда речь идет о проблеме, связанной с припоминанием. Таким образом, оно может быть применено также, когда проблема припоминания деталей возникает уже в начале реплики (см. п. 5.2.4). Видимо, другие типы задержки продвижения по прагматической проекции можно использовать шире.

Типичным является и то, что иногда нужная деталь не припоминается вовремя, и говорящему приходится использовать другой вариант, например, выражение общего характера вместо подыскиваемого слова. Данные признаки речи являются вполне возможными и в случае, если проблема находится в начале реплики, в том числе в начале второго элемента смежной пары (см. п. 5.2.4). Однако, в отличие от ситуации, в которой проблема встречается в начале реплики, внутри КЕР говорящий при наличии проблемы припоминания деталей, как правило, не может так же легко повторно использовать элементы реплики собеседника, как в начале реплики.

5.4.5 Поиск слова среди общепринятых слов – проблема выбора

Настоящий параграф посвящен рассмотрению тех случаев, в которых говорящий при продвижении речи еще не сделал лексический выбор, хотя семантические и синтаксические выборы уже сделаны (подробнее о фазах производства речи см. п. 2.2), и поэтому в речи возникает хезитация. Как нам кажется, для данного типа проблем характерен поиск слова или других, достаточно мелких единиц, находящихся, как

правило, внутри КЕР. К таким мелким единицам могут относиться, например, описания действия. Для проблемы выбора характерно и то, что подыскиваемые элементы, т. е. результаты выбора, могут быть общими словами и конструкциями. По всей вероятности, говорящий не предпринимает попытки вспомнить слово (ср. п. 5.4.4) и не старается найти подходящее слово, указывающее на абстрактное или сложное явление (ср. п. 5.4.3), он еще не выбрал лексический элемент, и это вызывает хезитацию. Здесь также необходимо подчеркнуть, что мы не имеем в виду, что каждый раз, когда речь идет о данном контексте хезитации, говорящий действительно тщательно обдумывает, какую лексическую единицу он выбирает среди имеющихся альтернатив.

Как уже отмечалось (см. п. 5.4.2), в данном параграфе встречалось много случаев хезитации. Большинство из них (т. е. более ста) связаны с т. н. общим выбором слова. Иначе говоря, говорящему необходимо некоторое время для подбора слова, после чего он его произносит. Особой проблемы не возникает, и говорящий быстро возвращается на главную линию своей речи. Кроме того, в таких случаях, как правило, встречаются только отдельные и достаточно короткие типы хезитации, включая ЗП, повторы отдельных слов и пустые паузы. Однако они прямо не указывают на проблемы выбора, как делают особые лексические маркеры, в том числе *скажем*.¹³⁴ Следовательно, определение типа проблемы является результатом выводов.

Пример 65 иллюстрирует данное утверждение.

(65) «На здоровье»

01	РСП:	---=мы все знаем восточные культу↑ры которые?
02		.xx заставля↑ют человека? сосредоточиться внутри себя.
03		.xx мне очень понравилось как Никита сказал что:→
04		.xx (0.2) э:::→ все лучшие свои произведения?=<он> .xx
05 >		(0.3) э:→ создал когда он занимался .xx активным.
06		.xx (0.1) э:→ активными упражнениями? =
07		=в том числе:→ .xx (0.1) бегом;
08		.xx >э↑то ещё раз ~говорит~ о том↑< что:→ (0.3)---

В данном примере говорящий ищет и, вероятно, выбирает подходящее описание действия, т. е. глагол. Во время хезитации уже определены семантические и грамматические свойства будущего слова, так как, когда говорящий достигает точки возникновения хезитации, т. е. паузы

¹³⁴ Подробнее см. п. 4.7.5, пример 31, в котором говорящий подыскивает слова и комментирует свой выбор вводным словом *скажем*.

(0.3) и ЗП с просодическими признаками (строка 5), КЕР уже продвинулась достаточно далеко. Слово *он* проецирует еще, по крайней мере, какое-то описание действия, например, в форме глагола. Кроме того, говорящий принимает решение сравнительно быстро и произносит глагол *создал* с эмфатическим выделением (ср. Янко 2008: 83–89), которое, возможно, подчеркивает данный выбор.

Рассмотрим также, почему, с нашей точки зрения, проблема здесь заключается именно в выборе подходящей альтернативы. Как мы уже писали выше, если КЕР продвинулась до данного этапа, то проблемой является, очевидно, лексика.¹³⁵ Глагол *создать* является довольно частотным в русском языке. Говорящему, наверное, не нужно стараться припомнить, как называется тот глагол, который обозначает «сделать существующим» (Грамота s.v. создать). Фрагмент хезитации также является весьма коротким для решения проблемы такого широкого плана. Кроме того, описание в примере 65 не является настолько трудной задачей, чтобы проблемой там стало описание такого сложного действия, которое, возможно, трудно назвать точно. В связи с этим вполне вероятно, что говорящий во время хезитации еще не до конца осмыслил описание данного действия, т. е. употребление конкретного глагола.

В данном параграфе также кратко рассматриваются две ситуации (ср. п. 5.3.6), в которых большую роль играет выбор слов, и, таким образом, в них, возможно, нередко встречаются проблемы, связанные с выбором слова или конструкции.¹³⁶ Первый случай заключается в том, что речевая ситуация является по какой-то причине трудной. Тематика может быть табуированной (см., например, Brown & Levinson 1978: 71–72; Simpson 1994: 115–119) или же говорящему необходимо быть осторожным по какой-либо другой причине, например, чтобы не быть грубым или не обидеть собеседника или чтобы не произвести нехорошее впечатление (о преференциальности и явлениях, связанных с ней, см. п. 3.2).¹³⁷ В такой прагматической ситуации очень важно тщательно выбирать слова. Второй случай, в свою очередь,

¹³⁵ Конечно, внутри КЕР проблема выбора может касаться и мелких конструкций, словосочетаний и т. п. (ср. п. 5.4.1).

¹³⁶ Кроме того, на тщательный выбор слов и конструкций может оказывать влияние и т. н. профессиональная осторожность (ср. п. 3.2; см. также Lerner 1994: 31) и «латорское меканье», которое на самом деле не имеет связи с проблемами производства речи, а является преднамеренным (ср. п. 4.4).

¹³⁷ См., однако, различия русской, американской (например, Стернин & Стернина 2001) и финской культуры речи (например, Leinonen 1985: 137–142).

представляет собой ситуацию, в которой говорящий хочет или должен быть как можно более убедительным в своей аргументации, и поэтому выбор слов играет большую роль. Рассмотрим пример, который сделает первый случай более наглядным. Он также рассмотрен в параграфе 4.7.2 в качестве примера 26.

(66) «Как это было»

01	В/ОШ:	=вот так в двух словах?<=
02		=о чём↑ вы говорили со спортсменами?= 03 ВЕС: =любой ценой нигде не ставился так вопрос↑ победить. 04 единст↑венная была встреча по футболу?= 05 =нам пришлось играть с югославской командой?= 06 В/ОШ: =°угу.°= 07 ВЕС: =э::→ сборной Югославии? 08 > .xx э::→ тогда у нас были очень э::→ не• н::у довольно 09 (п) недружеские отноше↑ния с Югославией? 10 .xx и:→ э: вот э↑та игра?= 11 =она выделялась.=среди всех других? 12 .xx соревнова[ний?] в особую игру↑» 13 В/ОШ: [°угу.°] 14 ВЕС: » и::→ к:→ к:→ и к ней был и повышенный интерес и у 15 руководства страны? 16 В/ОШ: ((кивает)) [°м.°] 17 ВЕС: [мы] ведь тогда обвиняли в газетах друг друга 18 чуть ли не фашист↑ами обзывали. 19 .xx нас обзывали .xx югославы так? а мы югославов?

В данном фрагменте мы видим, что гость объясняет, почему футбольный матч с Югославией на Олимпийских играх оказался таким важным. В ответе выясняется, что политическая ситуация между СССР и Югославией была тогда, в 1952 году настолько враждебной, что они *друг друга чуть ли не фашистами обзывали* (строки 17–18). По этой причине встреча по футболу имела также политическое значение.

Обращаем особое внимание на то, какие слова и выражения гость как член руководства советской спортивной делегации на Олимпийских играх выбирает для описания отношений между этими двумя государствами (строки 8–9). Он начинает: *тогда у нас были очень*, а затем продвижение по главной линии речи задерживается, так как в речи встречается ЗП, произнесенный с растяжкой и монотонной интонацией. Уже начатое выражение проецирует какое-то описание того, что было *очень*. Как нам кажется, ЗП маркирует здесь проблему производства речи, а именно выбора подходящего описания. После произнесения ЗП говорящий продолжает, произнося, видимо, начало

какого-то слова, точнее *не*. Как мы отметим позднее, говорящий выбирает в качестве определяющего прилагательного *недружеский* (строка 9). Следовательно, возможно, что уже в данной точке продвижения своей реплики он имеет намерение произнести именно это прилагательное и нащупывает его, а во время произнесения передумывает. Потом говорящий продолжает, произнося частицу *ну*, задерживая первый звук *н*. Как уже было отмечено, частица *ну* выполняет, помимо других функций, функцию настороженности и уступки. Отсюда следует, что в данном контексте частица *ну* тоже указывает на проблему выбора описания, а также, возможно, указывает на уступительное и настороженное отношение говорящего к своему будущему выбору (ср. п. 4.7.2).

Затем говорящий произносит наречие *довольно*, которое заменяет ранее произнесенное наречие *очень*. Это значит, что говорящий совершает постпозитивное самоисправление (ср. п. 3.3). Поступая так, говорящий, как бы стирает слово *очень*. Новый вариант является более осторожным и не таким радикальным по сравнению с первым вариантом. Иначе говоря, употребляя частицу *ну* и заменяя слово *очень* словом *довольно*, говорящий значительно смягчает свое выражение. После этого в речи говорящего опять встречается маркер хезитации: пустая пауза после произнесения наречия *довольно*, т. е. внутри именной группы. Затем говорящий произносит именное словосочетание *недружеские отношения*, которое было спроецировано еще в начале фрагмента хезитации. Данное описание отношений (с замещением и частицей *ну*) имплицитно, что выбор слов, по мнению говорящего, является осторожным и поэтому имеет особенную важность.¹³⁸

В примере 66 мы увидели, что говорящий считал важным тщательный выбор слов, описывающий отношения между СССР и Югославией. Вообще важность выбора слов можно заметить не только

---

¹³⁸ На это указывает общий взгляд на историю сталинских времен, а также то, что в России во время записи программы в 1990-е годы нельзя было откровенно обсуждать советские времена и все явления, с ними связанные (см., например, интервью Маши Гессен Saarikoski 2018). Кроме того, роль гостя также может влиять на выбор слов. Он выступал в программе в качестве члена руководства советской спортивной делегации. Следовательно, вполне возможно, что с явлением хезитации была также связана профессиональная осторожность (ср. п. 3.2).

в метаязыковых рассуждениях неспециалистов языка,¹³⁹ но и в речевых ситуациях, в которых человек впервые употребляет какое-либо слово, а потом замещает его. При постпозитивных самоисправлениях говорящий как бы оставляет след в своем процессе выбора слов. Таким образом, при сравнении постпозитивных самоисправлений первого варианта со вторым, мы можем заметить, что второй вариант слова является, с точки зрения говорящего, более подходящим.

Пример 67, как уже отмечалось выше, представляет собой ситуацию, в которой говорящий хочет или должен быть как можно убедительнее в своей аргументации, и поэтому выбор слов играет большую роль. Постпозитивные самоисправления, используемые вместе с маркером хезитации, указывают нам на то, что говорящий действительно обдумывает свой выбор слов с точки зрения аргументации (ср. Sorjonen 1997: 115–116; Sorjonen & Laakso 2005: 263–264). В нижеприведенном фрагменте гостя, потерявшая ногу, перед этим рассказывала, что у нее около тысячи поклонников по всему миру и что эти мужчины нашли ее в интернете. Раньше она уже говорила о том, что существует особая категория мужчин, которым особенно нравятся культ женщины. В предыдущей реплике ведущая спрашивала, есть ли у гостя своя страница в Интернете.

(67) «Про это»

01	T:	=.xx (.) а:э (0.4) значит у меня↑ там русские
02		±жен±щины-ампу±тант±ки?
03		(0.5)
04		.xx то есть <я.: снимаю видео.:
05		(0.2) же↑нщин-ампутанток.>
06		(0.2)
07	V/EX:	(°угу;°)
08		(0.2)
09	T:	а: (0.7) ~сейчас~ ~наверно~ такой вопрос.=
10		=эротические?=нет? [.xx]
11	V/EX:	[гг] ((производит какой-то звук горлом))
12	T:	обы↑чные видео?=то есть °вот° >вот женщина;
13		(0.1) .xx на кухне.=гото↑вит что-то.=приб ^{ир} ается до ^{ма} .

¹³⁹ Например, в финском языке неспециалистами языка обсуждается употребление термина «*syRJäydyminen*» – 'маргинализация', 'вытеснение', который образован от глагола *syRJäytyä* 'вытесниться', т. е. 'вытеснить самого себя (из общества)'. Таким образом, речь идет о том, ассоциируется ли употребление термина с тем, что в обществе считается, что маргиналы сами виноваты в своей ситуации, что они сами активно вытеснили себя из общества (см. статью в «Helsingin Sanomat» по данной тематике Berner 2012).

- 14 .xx (0.1) ну в бассейн↑ пошла.=ну са↑мые эротические
 15 съё↑мки это в купальнике где-то она там в бассейне.<
 16 это са↑мые эротические.=
 17 =>то↑ есть почему↑ эти видео покупаются. .xx потому
 18 > что очень трудно< найти#:## встретить(x) встретить
 19 женщину на улице? .xx вот (0.1) тэ/дэ допустим как я↑
 20 хожу. (0.2) .xx (0.2) >на костылях↑ без протеза
 21 совершенно я без ко↑мплексов я хожу?<=
 22 =~и~ (0.3) .xx (0.1) и: меня можно встретить.=
 23 > =но это это мало?=>женщины у нас зак•(!) э: как xx
 24 (0.1) де↑лают про±те±зы.=
 25 > =стара↑ются б#ы:##>остаться такими же как и
 26 все.<=
 27 В/ЕХ: =то есть вы помогаете им .xx обрести уверенность в
 28 се#бе#.=
 29 Т: =да наверно?

Как видно из примера, гостя рассказывает (строки 1–5, 12–16), что на ее странице в Интернете в продаже имеется видео о женщинах-ампутантках, где они сняты за разными домашними делами и в бассейне. После этого она (строки 17–26) обосновывает причину необходимости видео тем, что женщин-ампутанток на улице мало. В примере мы можем отметить три замены, перед которыми в речи говорящего встречаются маркеры хезитации (строки 18, 23, 25). Рассмотрим более подробно, как она строит свою аргументацию. Она говорит: *потому что очень трудно< найти#:##*. Последний слог глагола *найти* произнесен с растяжкой и скрипучим голосом. Данные элементы речи, маркирующие хезитацию, нередко предшествуют постпозитивному самоисправлению или поиску слова. Как мы видим, гостя прекращает построение КЕР по проекции и замещает глагол *найти* глаголом *встретить* с выдохом, повторяя еще раз глагол *встретить*, т. е. новый вариант. После этого она продолжает аргументировать необходимость наличия своих материалов в Интернете. В данном примере имеется еще два постпозитивных самоисправления, сопровождаемые маркерами хезитации, в которых новая альтернатива является более убедительной в данной прагматической ситуации. До самоисправления (строки 23–24) гостя рассказывает (строки 19–22), что она является исключением среди женщин-ампутанток, так как ее можно встретить на улице.

После этого она представляет себя и других женщин в отношении адверсативного контраста (см. VISK § 1102). Другие женщины-ампутантки поступают, по словам гостя, совершенно по-другому по

сравнению с ней. Рассмотрим, как гостья строит описание. Она начинает, произнося: *женщины у нас зак•(!)* (строка 23). Затем она завершает свое высказывание. Очевидно, начатое слово является глаголом *заказывают*.¹⁴⁰ После этого она ищет более подходящее слово. На этот процесс указывают ЗП с растяжкой и местоименное наречие *как* (ср., например, Грамота s.v. как), которое в данном контексте можно истолковать как эксплицитное выражение речевого сбоя в форме специального вопроса (см. п. 4.3; ср. Podlesskaya 2010: 21). Говорящий находит замещающий глагол *делают* и продолжает по синтаксической проекции, произнося слово *протезы* и завершая КЕР. Итак, когда говорящий замещает один глагол другим, мы можем заметить, как в высказывании меняется описание действия (ср. Sorjonen & Laakso 2005: 260), совершенного другими женщинами-ампутантками.

Какую цель имеют данные женщины, по мнению гостьи? Обратим внимание на то, как она продолжает: *стара↑ются б#ы: #•* (строка 25). Как мы видим, начало слова произнесено с растяжкой и скрипучим голосом. Данные элементы речи дают понять, что говорящий еще ищет подходящее слово. Говорящий передумывает и замещает начатое слово, которое, вероятно, является глаголом *быть*, глаголом *остаться*. После этого гостья продолжает: *такими же как и все*.

Что меняется в описании при замещениях? В первой точке глагол *найти* замещается глаголом *встретить*. При замещении гостья меняет описание положения дел таким образом, что случайная встреча¹⁴¹ представляется наиболее невероятной. В изначальном выражении глагол *найти*¹⁴², возможно, указывает на действия, связанные с поиском. Таким образом, новый вариант уже не подразумевает, что нахождение – трудная задача, так как глагол *встретить* описывает данное действие как более легкое. Чтобы случайно натолкнуться на что-либо, не нужна активная деятельность, в отличие от процесса намеренного поиска. Следовательно, когда гостья уточняет, что именно легкая встреча является трудной, она обосновывает

¹⁴⁰ В русском языке имеется множество глаголов (и других слов), начинающихся с комбинации звуков *зак-*. Мы показали данный пример носителю русского языка, и, по ее мнению, говорящий в этом контексте тоже имеет в виду именно данный глагол.

¹⁴¹ В значении глагола *встретить* нередко заключен смысл случайности (см., например, Грамота s.v. встретить).

¹⁴² Несомненно, можно также найти случайно, но первое значение глагола – обнаружить что-либо в результате поисков (см., например, Грамота s.v. найти).

возможность покупки видео как раз легкостью данного действия. Одновременно она имплицитно обосновывает существование своей страницы в Интернете.

Во втором замещении, очевидно, заменяется начало глагола *заказывают* глаголом *делают*. Следует рассмотреть, почему говорящий поступает именно так. Очевидно, люди, потерявшие ногу или другую конечность, делают протезы не сами, протезы делаются специалистами. В связи с этим первоначальный вариант был бы более очевидным, хотя глагол *делать* также включает данное толкование (см., например, VSS s.v. *делать*), но самое главное значение этого глагола заключается в том, что женщины сами являются субъектами, совершающими данное действие (см., например, Грамота s.v. *делать*). Однако, изменяя описание положения дел, гостья представляет женщин как более активных деятелей. Они не только заказывают, т. е. поручают другому человеку сделать что-то (см., например, Грамота s.v. *заказать*), но кажутся и физически более активными.

В третьей точке замещения первоначальным вариантом, по-видимому, является *быть*, а вторым – *остаться*. В данном контексте то, что человек остается, является более негативным элементом смысла, чем то, что человек есть. Точнее, когда человек остается, то имплицитно подразумевает потерянную возможность стать кем-то другим, более особенным (см., например, Грамота s.v. *остаться*).

Новые варианты (строки 24, 25), встречающиеся в речи в качестве постпозитивных самоисправлений, выполняют ту же самую функцию. Они усиливают аргументацию гостьи при противопоставлении самой себя другим женщинам-ампутанткам. При более широком рассмотрении можно сказать, что они играют ту же самую роль, что и первое постпозитивное самоисправление (строка 18) в данной секвенции, так как все они обосновывают необходимость наличия у гостьи своей страницы в Интернете. Если рассмотреть вопрос еще шире, то при помощи самоисправлений гостья лучше описывает себя как защитницу женщин-ампутанток, причем тех из них, которые не используют протезы.

Итак, можно сказать, что маркеры хезитации в данных точках продвижения речи указывают на важность выбора данных слов. Как нам кажется, этот пример иллюстрирует, что говорящий хочет сделать выбор обдуманно, и здесь это означает, что говорящий, не будучи довольным своим первоначальным выбором, нуждается еще в

некотором количестве времени для перевыбора, чтобы аргументация была как можно более убедительной. Однако, как мы видим, при таких замещениях проблемы производства речи нередко являются сравнительно мелкими. Новый вариант подобрать достаточно легко.

Во всех случаях первоначальный вариант был вполне подходящим, и речь не шла, например, о фонологической ошибке (ср. п. 5.4.6) или о перемещении двух лексем между собой (ср. п. 5.4.7), говорящий на самом деле хотел изменить свой выбор слова. Отсюда следует, что постпозитивные самоисправления и косвенно также маркеры хезитации имели важную взаимодействующую задачу построения более убедительной аргументации (см. Sorjonen & Laakso 2005: 259, 263–264). Данный пример (как и все типы постпозитивного самоисправления) показывает и то, как говорящий контролирует себя и обрабатывает альтернативные описания, так как в речи реализуются два варианта (ср. п. 2.2).

Результаты данного параграфа можно проиллюстрировать с помощью следующей схемы:

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР + хезитация (+ маркеры попытки решения проблемы, указывающие тем самым на отношение к выбору) + какое-либо решение проблемы выбора слова и одновременно возвращение на главную линию речи.

Как мы видим, хезитация при выборе слова (или другой конструкции) может быть маркирована разными способами. Как мы заметили, выбор слова или конструкции может оказаться достаточно преходящей проблемой, т. е. говорящий быстро принимает решение и делает выбор. Однако рассуждение может длиться долго, особенно в таких прагматических контекстах, в которых выбор слова играет большую роль. В анализе нашего материала такими контекстами были деликатная ситуация и убеждение в рамках аргументации. Как и в предыдущем параграфе, так же и здесь, когда речь идет о проблеме выбора слова, говорящий может при помощи, по крайней мере, нескольких лексических маркеров указать на отношение к своему выбору. Такими элементами речи являются *ну* и *скажем*, а также *вот*, *значит* и *этот*, большинство из которых имеют импликацию точности. Как всегда, лексические маркеры, для того, чтобы играть хезитационную роль, требуют наличия других маркеров хезитации.

Что касается других типов хезитации, то характерно, что при выборе слова арсенал маркеров был даже разнообразнее, чем внутри

КЕР. Помимо ЗП, растяжек, монотонной интонации, повторов и пустых пауз, на хезитацию указывала и экспликация проблемы. Когда речь идет о задержках, их роль в данном контексте является спорной. Иногда можно отметить многословие перед ожидаемой единицей языка и повторное употребление уже употребленных языковых единиц, но их связь с хезитацией не является прямой. В отличие от наличия маркеров хезитации, указывающих на отношение к самому выбору, наличие в речи только ЗП, просодических признаков, повторов и пустых пауз только имплицитно указывает на тип проблемы.

Необходимо также подчеркнуть, что при указании на важность и обдуманность выбора слова говорящий может также выстраивать свою профессиональную идентичность. В таких ситуациях невозможно с уверенностью сказать, когда говорящий на самом деле имеет проблемы с выбором слова, а когда он только хочет подчеркнуть важность своего выбора. Другими словами, в последней ситуации маркирование хезитации служит другим речевым задачам: оно необходимо для профессиональной осторожности или т. п.

5.4.6 Поиск слова и исправление произношения – проблема при производстве речи

Как было сказано в параграфе 2.2, последняя фаза производства речи – это произнесение слова, т. е. артикуляция. Как и в других фазах, на данном этапе говорящий тоже может испытывать затруднения. В данном параграфе мы рассмотрим случаи, в которых выбор, связанный с производством речи, уже сделан, и остается только фонетическая продукция слова, которая оказывается для говорящего трудной задачей.¹⁴³ Речь идет о двух типах проблем, касающихся произнесения слов.¹⁴⁴ Первый тип проблем заключается в том, что говорящий уже выбрал слово, но по какой-то причине не может его произнести сразу. Слово как бы вертится у него на языке, т. е. подыскивается именно фонологическая форма слова (ср., например, Levelt 1989: 320–321; см. также Jay 2003: 187–189; Eysenck 2009: 257, 633; Baars & Gage 2010: 363–367; Nooteboom & Quené 2017: 46; Bakti 2019: 73).¹⁴⁵ Следовательно, первый тип представляет собой препозитивное

¹⁴³ Поскольку у нас нет доступа к мыслям говорящего, иногда трудно определить, идет ли речь именно о проблеме произнесения какого-либо слова или, например, о выборе данного элемента среди других вариантов (ср. п. 5.4.5).

¹⁴⁴ Такие типы проблем могут возникать и в начале реплики или КЕР (ср. п. 5.4.2).

¹⁴⁵ Данное явление, т. е. фонологическое расстройство, нередко касается припоминания имен (Jay 2003: 188 и указанные там источники; ср. п. 5.4.4).

исправление, т. е. своего рода поиск слова. Второй тип, в свою очередь, заключается в том, что говорящий уже начинает произнесение слова, но замечает фонетическую ошибку, которую он затем, после возникновения хезитации, будет исправлять (ср. Подлесская 2014; Nooteboom & Quené 2017: 46). Таким образом, речь идет о постпозитивном самоисправлении.

Рассмотрим два примера, которые сделают эти утверждения более наглядными. В примере 68 говорящий, по-видимому, испытывает трудности при произнесении выбранного слова. В данном фрагменте гость рассказывает о своих ощущениях после смерти коллеги.

(68) «Киноглаз»

01	ЮБН:	---всякие#:# #э:→# движения дей↑ствия#:# (0.3) как бы!
02		с какое-то! (0.3) оказывает (0.2) колоссальное
03		сопротивле°ние.°
04		(0.4)
05		.xx (1) к #э:→ самой:# (1.7) ¥ (0.6) >самой возможности
06 >		начать< эту всю (0.5) работу.
07		(0.4)
08		.xx (0.2) >и: для меня это в общем всё?< #м:# для меня
09		страшная потеря?

Рассмотрим пример, обращая особое внимание на произнесение говорящим именной группы (строка 6) *эту всю (0.5) работу*. КЕР, частью которой является данная конструкция, – длинная и сложная и содержит множество маркеров хезитации. Когда говорящий доходит до этапа хезитации, точнее, когда в речи имеется достаточно длительная пустая пауза внутри КЕР, а также именной группы, на основе синтаксической проекции уже понятно, что требуется существительное, указывающее на то, с чего начать. Кроме того, поскольку в русском языке существует согласование в роде, числе и падеже между зависимым и господствующим компонентом в именной группе (см., например, КРГ § 345, 349–353; см. также п. 3.1), начало данного словосочетания подразумевает, что последующий господствующий компонент будет стоять в женском роде, единственном числе и винительном падеже. Итак, можно утверждать, что, произнося слова *эту всю*, говорящий уже выбрал будущее определяемое слово, так как определяющие слова стоят в правильных морфологических формах. Вторым, не таким очевидным вариантом является возможность того, что выбрана только планируемая именная группа и то, что слово будет относиться к женскому роду и

употребляться в единственном числе (ср. Подлесская & Кибрик 2007: 9–10).

Почему, однако, после произнесения слов *эту всю* встречается пустая пауза? Во-первых, можно констатировать, что в данном контексте пауза не имеет синтаксической функции. Кроме того, поскольку следующее слово не имеет эмфатического ударения и других признаков выделения, то пауза, очевидно, не выполняет функцию такого типа. Итак, можно предположить, что пауза указывает на хезитацию. Во-вторых, поскольку, как уже было упомянуто, лексический выбор, очевидно, уже сделан, вероятной причиной хезитации является то, что говорящий испытывает трудности при произнесении фонологической формы слова *работу*.

В примере 69, который уже был рассмотрен в параграфе 2.2 в качестве примера 4, речь идет о проблеме производства речи в окружении постпозитивного самоисправления.¹⁴⁶ Говорящий, видимо, предпринимает попытку произнести слово *подумать*, но перед этим колеблется.

(69) «Киноглаз»

01	ЮБН:	.xx что касается значит худо↑жника #то: # (#и#) здесь у
02		нас? (0.3) .xx (0.2) хотя #и: → # э: → внешне (0.2) э: → #
03 >		(0.2) глядя на фильм можно пос• нэ↑ (0.3) подумать что
04		присутствует .xx (0.3) некая гармо↑ния на самом деле?
05		это п• это постоянная непрерывная война.

Когда на главной линии своей речи говорящий дошел до точки обрыва слова (строка 3), т. е. *пос•*, начатая КЕР уже проецирует глагол в форме инфинитива. Говорящий начинает произносить слово и замечает, что это не то слово, он сам себя перебивает и не произносит слово до конца. Неизвестно, является ли *пос•* началом слова *подумать*, ошибкой произношения или началом другого слова, например, *постоянная*, которая встречается в его речи позже (строка 5) (ср. Betz et al. 2018; Maekawa 2019). Однако, как нам кажется, следующая единица речи, т. е. *нэ↑*, начинающаяся с правильного звука, указывает на то, что говорящий старается произнести глагол *подумать*. Конечно, мы еще не можем знать об этом на данном этапе речи, это выясняется позже,

¹⁴⁶ Конечно, проблемы с произнесением, в которых говорящий должен исправить свою речь, могли бы быть обсуждены в следующем параграфе. Однако мы решили представить их здесь, в связи с тем, что для проблем производства слова, включая артикуляционные сбои, характерно нащупывание будущего (правильного) слова. Такое явление не так часто встречается в исправлениях другого типа ошибки.

когда говорящий произносит правильный вариант. После произнесения элемента речи *пэ↑* говорящему требуется время для правильного произнесения слова: в речи имеется пустая пауза.

Что такое *пэ↑* здесь? Как нам кажется, существует два возможных объяснения. Первое – речь идет о ЗП нетипичного произношения, так как он включает звук *п*, который как бы нащупывает будущее слово. Второе объяснение заключается в том, что говорящий делает ошибку фонетического типа и не произносит слово до конца. Вопрос состоит в том, как мы можем понять, что в данном случае говорящий испытывает именно речевой сбой фонетического типа, т. е. связанный с произношением. Как нам кажется, после того как говорящий подходит к точке произнесения элемента речи *нос•*, как уже было написано выше, начатая КЕР проецирует глагол в неопределенном наклонении. Кроме того, как нам кажется, появление в речи ошибок и хезитации, и особенно их формы, дают понять, что говорящий уже ничего не выбирает. В элементах, маркирующих проблему, имеется звук *п*. Можно утверждать, что, по всей видимости, говорящий старается произнести уже выбранный глагол как следует, но правильное произношение оказывается для него в данном случае трудным.

Результаты данного параграфа можно отразить в следующей схеме:

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР (+ возможно содержащее фонетически ошибочное слово или обрыв слова) + хезитация (обычно ЗП или растяжка звука, имеющая нащупывающие элементы, или пустая пауза) (+ замещение слова с правильным произношением) + возвращение на главную линию речи.

Необходимо также подчеркнуть, что, для того, чтобы утверждать, что проблема заключается именно в произношении слова, в речи должны быть какие-то указания на это. В случае постпозитивного самоисправления указанием является, как правило, то, что изначальное слово или обрыв слова является ошибочным с фонетической точки зрения по сравнению со вторым вариантом. Тогда, возможно, во фрагменте хезитации имеется какое-либо указание на поиск правильного варианта. Когда речь идет о хезитации в контексте препозитивного самоисправления, т. е. в речи нет фонетической ошибки, то важным указанием являются, например, согласуемые слова, произнесенные перед возникновением хезитации, которые таким образом указывают на то, что уже выбрана падежно-числовая форма

слова, а нередко и само слово, как это было в примере 68. Указание может быть и иного типа, в том числе это может быть растяжка звука в первом слоге следующего слова. Как нам кажется, растяжка в таком контексте нередко как бы нащупывает следующее слово.

На основе результатов нашего анализа можно утверждать, что обычно проблема, связанная с произнесением слова, является относительно несерьезной и ее решение не представляет труда. Как правило, на такую проблему указывает не (длительная) цепочка хезитации, а ЗП, пустая пауза, повтор слова или какой-либо нащупывающий элемент. Однако, разумеется, вполне возможно, что говорящий с трудом находит слово, хотя оно вертится у него на языке (см. Brouwer 2003: 537–538). Проблем такого типа в нашем материале было весьма мало.

5.4.7 Самоисправление ошибочного элемента – проблема в процессе саомониторинга

Данный параграф посвящен случаям, в которых говорящий испытывает проблему в процессе постпозитивного самоисправления ошибки. Следовательно, речь идет не о выборе более подходящего варианта вместо первоначального слова (ср. п. 5.4.5), а в основном об исправлении нейтральной¹⁴⁷ и явной ошибки с точки зрения правильного употребления языка, например, об исправлении грамматической или фонологической формы (Sorjonen & Laakso 2005: 259; ср. также Shriberg 2001: 155; Подлесская 2014; Nooteboom & Quené 2017; Betz et al. 2018; Bakti 2019: 73). Отсюда следует, что речь говорящего продвигается по парадигматической оси (ср. п. 3.3). Когда речь идет о проблеме при самоисправлении, как уже отмечалось в параграфе 5.4.1, сам сбой может заключаться в том, что говорящий замечает ошибку или исправляет ее, а также он может быть связан с саомониторингом.

Рассмотрим два примера, в которых встречается затруднение в процессе постпозитивного самоисправления ошибки, точнее, перед добавлением (см. п. 3.3). В примере 70 говорящий колеблется перед тем, как произнести определяющие слова. До начала фрагмента гость рассказывал, что хочет, чтобы в создании фильмов все было просто. В данном примере он обосновывает свой взгляд.

---

¹⁴⁷ Под термином «нейтральный», М.-Л. Сорьонен и М. Лааксо (Sorjonen & Laakso 2005: 259) имеют в виду, что речь идет не о табуированных или других словах, употребление которых может произвести неблагоприятное впечатление.

(70) «Киноглаз»

01 ЮБН: ---*поэтому*: ну вся тех↑ника опять же у наша#:→# она:→
02 абсолютно лишена электроники?
03 мы отказались от .xx в связ(х)и с совмест(х)ной
04 постановкой с французами?=мы отказались от #э::→#
05 > #э:→# (0.1) камер; *э* супер современных камер;
06 они мне просто мешают.
07 .xx они начинают за меня думать.

Обратим особое внимание на строки 4–5. Говорящий произносит: *мы отказались от*. Данное высказывание проецирует наименование вещи, от которой они отказались. Однако говорящий задерживается на главной линии речи, испытывая трудности. После произнесения цепочки маркеров хезитации он произносит слово *камер*. Затем он опять недолго колеблется и добавляет *супер современных камер*. Иначе говоря, он, давая задний ход, произносит при этом определяющие слова *супер современных* и затем снова определяемое слово *камер*. Что происходит в данном высказывании? Говорящий делает ошибку, произнося *камер*, так как кинорежиссеру просто невозможно отказаться от камер, они требуются для создания фильма. Говорящий замечает это ошибочное выражение и недолго колеблется, затем уточняет изначальное выражение.

В примере 71 говорящий произносит языковую единицу слишком рано и должен сделать добавление.

(71) «Как это было»

01 АМИ: и нас не пустили.
02 > В/ОШ: *хорошо*. (-) >с вами ~конечно~ проводили какие-то до *э*:<
03 *бесе↑ды до до отъезда*.
04 (0.4)
05 °э:→° >туда.<
06 °э° о чём↑ говорили с вами.

В этом примере ведущий берет слово и с помощью наречия *хорошо* сообщает, что предыдущая тема завершена (строка 2). Затем он начинает произносить КЕР: *с вами ~конечно~ проводили какие-то до* и испытывает речевой сбой, произнося ЗП с растяжкой. После того, как говорящий произносит предлог *до*, уже ясно, что он является ошибочным. Затем говорящий как бы дает задний ход и произносит слово *беседы*. Однако, когда говорящий продвигается дальше по главной линии своей речи, можно заметить, что ошибка была произвольной и предлог был произнесен слишком рано, до

произнесения определяемого слова *беседы* (ср. Betz et al. 2018; Bakti 2019: 73; Maekawa 2019).

В обоих примерах отмечается явная ошибка, которую говорящий решил исправить. Хезитация в данных положениях связана с тем, что говорящему требовалось время либо для того, чтобы заметить ошибку, либо для того, чтобы ее исправить (ср. п. 5.4.1). На основе результатов анализа нашего материала можно сказать, что распознавание и исправление явных ошибок (менее 10 случаев) является не особенно серьезной когнитивной задачей.¹⁴⁸ Кроме того, как мы увидели в вышеописанных примерах, фрагмент хезитации нередко остается особенно кратким. Если для распознавания и исправления ошибки требуется время, то данное требование чаще всего маркируется в речи ЗП (возможно, с растяжкой и монотонной интонацией). Возможными типами хезитации являются также пустая пауза, повтор и просодические признаки. Иногда встречаются и небольшие цепочки маркеров хезитации. Первым признаком начала самоисправления постпозитивного типа нередко был обрыв слова (ср. п. 5.4.1). Однако необходимо подчеркнуть, что данный маркер еще не указывает на то, что говорящий на самом деле испытывает речевой сбой.

Контекст хезитации, рассмотренный в настоящем параграфе, может быть проиллюстрирован с помощью следующей схемы:

ГОВОРЯЩИЙ: начало КЕР, содержащее ошибочное слово или обрыв слова + хезитация (обычно ЗП) + замещение или добавление + возвращение на главную линию речи.

В заключение можно сказать, что хезитация в процессе распознавания или исправления ошибки резко отличалась от некоторых других вышеописанных контекстов/причин хезитации внутри КЕР, в частности, от проблем припоминания и концептуализации. Это связано с тем, что в процессе распознавания или исправления ошибки проблема, как правило, является относительно несерьезной, и ее легко исправить и пойти дальше. Таким образом, можно сказать, что исправление уже произнесенного ошибочного элемента представляется задачей более легкой, чем совершение препозитивного исправления (как правило, это поиск слова или другой конструкции).

---

¹⁴⁸ Во многих замещениях и добавлениях, в которых исправлялся ошибочный вариант, отсутствовали маркеры хезитации, и говорящий лишь быстро произносил правильный вариант (ср. Lickley 1994: 212; Shriberg 2001: 164).

5.4.8 Заключение

Когда человек ищет слово внутри КЕР, он уже, как правило, сделал основной выбор (семантический и синтаксический) в отношении продвижения своей речи, и колебания связаны с лексикой, а точнее, с конкретными словами и конструкциями или с произнесением уже выбранной лексической единицы. Это означает, что при поиске слова или постпозитивном самоисправлении у говорящего меньше разных возможностей для решения проблемы, чем в ситуации, когда он должен решить, о чем сейчас сказать или как сформулировать какое-то сообщение, так как необходимо какое-либо слово (или конструкция), которое имеет особые лексико-синтаксические свойства. Когда речь идет, в свою очередь, о затруднении, возникающем в начале реплики или КЕР (ср. пп. 5.2 и 5.3), у говорящего больше возможностей для решения проблемы, так как пока отсутствуют лексико-синтаксические ограничения, есть только возможные семантические и прагматические ограничения.

В отношении оси продвижения речи после хезитации для подконтекстов данного параграфа характерны продвижения по обоим осям. Речь идет о препозитивных самоисправлениях, начинающихся с маркера хезитации (как и в пп. 5.2 и 5.3), а также о постпозитивных самоисправлениях со всеми его подтипами (ср. п. 3.3) и о продвижении по парадигматической оси.

Что касается возможных причин хезитации, характерно, что речь идет о проблеме производства речи и памяти, а с ней, возможно, пересекаются коммуникативные проблемы, в том числе, как быть как можно деликатнее или убедительнее в особой ситуации.

Спектр типов хезитации внутри реплики гораздо шире, чем в случае, когда проблема находится в начале реплики или КЕР. Это можно увидеть прежде всего по наличию пустых пауз в данном контексте, а также на основании того, что существует множество лексических маркеров (также согласуемых), при помощи которых говорящий может сравнительно деликатно имплицировать, как он относится к проблеме и ее решению.

Как мы увидели в предыдущих пяти параграфах, при проблемах, связанных с выбором лексемы и с концептуализацией, говорящий достаточно часто при помощи различных лексических маркеров указывает на поиск слова или на отношение к попытке решения проблемы. Другими словами, говорящий может выразить свое

отношение к решению проблемы или эксплицировать свой выбор, в том числе при помощи выражений *скажем* или *так сказать*. Кроме того, как мы увидели, некоторые лексические маркеры могут быть употреблены не только в одном из данных подконтекстов хезитации, хотя проблемы, лежащие в основе хезитации, были различны. Например, лексический маркер *ну* может употребляться и в случае, если речь идет о трудности выбора и концептуализации. Что касается лексических маркеров, которые согласуются с именной группой, необходимо также подчеркнуть, что они используются только для поиска слова (хотя иногда стоят в начале КЕР или реплики).

Как нам кажется, употребление лексических маркеров, имеющих значение оговорки и т. п. и встречающихся в контексте возникновения хезитации, указывает на то, что, во-первых, говорящему трудно найти решение, которое было бы, по его мнению, удовлетворительным, и во-вторых, ему важно показать собеседнику, что он не полностью доволен своим решением. Достаточно схожее явление рассматривается также в работе В. Л. Смит и Г. Г. Кларка (Smith & Clark 1993: 26, 32–35), которые полагают, что, если говорящий не уверен, ему важно показать это другим, так как в противном случае собеседники истолкуют это как его уверенность. К данному выводу авторы приходят на основании совершенного ими эксперимента, а также применив теорию имплицатур (the theory of implicature), созданную Г. П. Грайсом (Grice 1975), и идею сохранения лица Э. Гоффмана (подробнее см. п. 3.2) (Smith & Clark 1993). Как нам кажется, то же самое касается и выбора подходящего слова, а также проблемы концептуализации. Иначе говоря, при помощи теории имплицатур и идеи сохранения лица, можно, по крайней мере, частично объяснить употребление оговорок и подобных им лексических маркеров при поиске слов в данных двух типах проблем.

Кроме лексических маркеров, большую роль также играют пустые паузы. Как мы отмечали, в отличие от контекстов хезитации в начале КЕР и реплики, в данном контексте они, как правило, не выполняют других, например, текстуальных функций, а только указывают на проблему производства речи, и их можно встретить во всех пяти контекстах хезитации внутри КЕР.

Если рассматривать первые три типа проблем, то для них типично также, что одним из возможных средств указания на проблему и на тип проблемы является экспликация. Как мы уже отмечали, говорящий

может явно указать, что он не знает, как это лучше назвать (проблема концептуализации). Разумеется, возможным вариантом поведения является и выражение того, что он не может припомнить и т. п. (проблема припоминания), хотя таких случаев в нашем материале не было. Немного более имплицитными средствами является употребление метаязыкового выражения *скажем*, когда речь идет о проблеме выбора слова или конструкции, так как данный лексический маркер, по крайней мере, в какой-то степени делает процесс выбора заметным.

Когда рассматриваются те средства, которые, как правило, встречаются не только в случаях, когда проблема находится внутри КЕР, т. е. в вышепредставленных пяти контекстах, можно, однако, заметить некоторые отличия. Например, когда речь идет о просодических признаках внутри КЕР, они встречаются прежде всего в ЗП, но редко в частицах-союзах, которые преимущественно встречаются лишь в начале реплики и КЕР. Подобное замечание касается и повторов: внутри КЕР чаще всего повторяются не частицы-союзы, а другие элементы, например, предлоги.

Если сравнивать данные пять подконтекстов проблем, возникающих внутри КЕР, то последние два типа, т. е. проблемы, связанные с производством выбранной лексемы (п. 5.4.6) или с исправлением явной ошибки (п. 5.4.7), являются, как правило, наименее серьезными. Это проявляется в том, что обычно в данных контекстах не встречаются цепочки маркеров хезитации, и в качестве решения проблемы выступает подходящее/правильное слово. Другими словами, большие изменения на главной линии речи отсутствуют. Говорящий, как правило, не должен опираться на отказ от построения начатого высказывания. Кроме того, говорящий, как правило, не прибегает к выражениям общего характера. Это, как нам кажется, вытекает из того, что в данных двух типах проблема возникает на последних фазах производства речи, т. е. в фазах фонетического производства и контроля речи. Ситуация является совершенно иной, когда речь идет о трех первых типах. Как уже было сказано (см. пп. 5.4.3 и 5.4.4), в случае возникновения проблемы припоминания или концептуализации происходит достаточно большой речевой сбой. Однако, когда речь идет, в свою очередь, о проблеме выбора, то нахождение решения, как правило, происходит легче. Исключением являются те прагматические

окружения, в которых выбор слов играет особо важную роль. В таких случаях выбор может оказаться относительно трудной задачей.

То, что у говорящего иногда возникают достаточно серьезные проблемы, подразумевает, что, кроме употребления лексических маркеров и цепочек хезитации, говорящему приходится прибегать к решению не первоначального плана. Как мы увидели, такими средствами решения проблемы являются употребление выражений общего характера (см. п. 5.4.4) и отказ от построения начатого высказывания, а также выстраивание его по-новому при помощи другой синтаксической конструкции (см. п. 5.4.3). Как нам кажется, оба эти решения свидетельствуют о том, что говорящий сам ориентируется на то, что решение проблемы в соответствии с изначальным планом является слишком трудной задачей. На проблему большого масштаба также указывает, с нашей точки зрения, употребление таких выражений и речевых средств, которые задерживают завершение прагматической проекции. Такое поведение можно заметить не только в случае проблемы припоминания деталей внутри КЕР, но и в начале реплики, когда говорящий испытывает подобную проблему (см. п. 5.2.4) или по какой-то другой причине не может отреагировать сразу (ср. п. 5.2).

Подводя итоги, можно сказать, что проблемы, возникающие внутри КЕР, не составляют единой массы сбоев, а представляют собой пять разных типов затруднений, которые имеют свои индивидуальные черты, хотя некоторые из них более схожи между собой, чем другие. Говорящий также обладает большим и разнообразным арсеналом средств маркирования и способов решения проблемы производства речи внутри КЕР. Некоторые из маркеров хезитации и средств решения проблем используются только в одном из этих пяти контекстов, однако большинство из них являются более распространенными, т. е. они могут быть использованы при возникновении различных типов проблем производства речи.

5.5 Заключение

В предыдущих параграфах мы рассмотрели контексты хезитации в отношении их положения в реплике и КЕР. Здесь мы еще кратко рассмотрим их с точки зрения некоторых параметров, представленных в параграфе 5.1, а также подведем некоторые итоги.

Когда речь идет о продвижении по оси синтагматического или парадигматического типа, отмечается, что, когда говорящий испытывает трудности в начале реплики или КЕР (ср. пп. 5.2 и 5.3), в речи чаще всего встречается препозитивное самоисправление, т. е. речь продвигается по синтагматической оси. Однако встречаются и некоторые случаи, в которых говорящий после хезитации отказывается от построения начатого высказывания (ср. пп. 5.2 и 5.3). Иначе говоря, в его речи имеется постпозитивное самоисправление, и речь продвигается по парадигматической оси. Что касается хезитации в начале КЕР, существуют также случаи, в которых говорящий после хезитации произносит парентезу, и речь, таким образом, продвигается вне обеих осей (ср. п. 5.3). Однако внутри КЕР встречались и препозитивные, и постпозитивные самоисправления, включая все их подтипы.

Что касается места возникновения хезитации в отношении реплики и КЕР, то данное положение было главным фактором для классификации в данной работе. С данным параметром была также связана степень грамматической проекции и фаза производства речи, которая, очевидно, оказывалась для говорящего трудной.

Как мы увидели, в первом контексте (ср. п. 5.2), когда речевой сбой находится в начале реплики, грамматическая проекция является еще слабой или же ее еще нет. При этом фаза производства речи может быть начальной, т. е. имеются семантические проблемы. Фаза производства речи может быть также немного поздней, т. е. проблема заключается в формулировке сообщения. Во втором контексте (ср. п. 5.3), когда затруднение имеется в начале КЕР, грамматическая проекция является чрезвычайно слабой или ее практически нет, а фаза производства речи, которая оказывается трудной, тоже достаточно ранняя, но не самая начальная. В таком случае, очевидно, имеется прежде всего проблема формулировки сообщения. Третий контекст хезитации (ср. п. 5.4), возникающий внутри КЕР, имеет, в свою очередь, сильную проекцию, а фаза производства речи, оказывающаяся проблематичной, представляет собой последнюю фазу и включает в себя лексические решения, фонетическое производство и контроль речи.

Когда речь идет о факторах, влияющих на возникновение хезитации и не связанных исключительно с производством речи, можно утверждать, что нередко на возникновение хезитации влияют

взаимодействующие факторы. Они оказывают особенно сильное влияние, когда хезитация возникает в начале реплики, например, в такой ситуации, когда реакция собеседника является некоторым образом неожиданной. Кроме того, на возникновение хезитации, вероятно, оказывают влияние особенности телевизионной беседы, в том числе институциональные роли собеседников и принципы управления сменой ролей.

Можно также сказать, что взаимодействующие факторы проходят все контексты хезитации в отношении реплики и КЕР. Иначе говоря, коммуникация всегда является взаимодействием, и это, как правило, влияет на любой выбор при производстве речи. Люди, как правило, стараются быть вежливыми (что заметно в преференциальной организации), точными, убедительными. Например, вежливость влияет на стремление говорящего более обдуманно выбирать, что сказать и как сказать, а также когда сказать (т.е. свое влияние оказывает секвенциальность и управление сменой ролей).

Кроме того, на возникновение хезитации влияют секвенциальность в общем и целом, а также развертывание дискурса и роль собеседников во взаимодействии. Другими словами, некоторые точки секвенции, включая начало ответа, могут оказаться более сложными, чем другие. Кроме того, некоторые действия требуют больших когнитивных усилий, чем другие. По крайней мере, припоминание деталей и описание нередко являются трудными задачами.

Особенно в случае возникновения хезитации в начале КЕР влияние на возникновение хезитации в таком положении могут оказывать и текстуальные факторы, которые, возможно, пересекаются с ограничениями кратковременной памяти человека. Иначе говоря, хезитация нередко встречается в разных (текстуальных) границах КЕР и реплики. Речь в этом случае идет о разного рода переходах, включая значительные изменения в рассказывании, а также незначительные изменения угла зрения и переходы от заднего плана к переднему.

Специфическими факторами, которые являются характерными для особых типов хезитации в отношении их положения в реплике, являются, например, рассказываемость (в начале КЕР в многосоставных репликах) и взаимопонимание относительно направления развертывания дискурса или управления сменой ролей (в начале реплики). Необходимо также подчеркнуть, что нередко

различные факторы (текстуальные, взаимодействующие и связанные с производством речи) пересекаются друг с другом.

Соотношение трех главных контекстов хезитации (в начале реплики 1, в начале КЕР 2, внутри КЕР 3) может быть проиллюстрировано при помощи следующей схемы:

1. Синтагматическая 1, 2, 3 – парадигматическая ось, **особенно 3** (препозитивное 1, 2, 3 – постпозитивное (само)исправление, **в частности, 3**), иногда вне осей, **особенно 2**.

Показывает нам, что происходит после хезитации по отношению к предыдущей части высказывания, КЕР или реплики.

2. Положение в отношении реплики и КЕР: внутри КЕР 3 – в начале КЕР 2 или реплики 1.

Показывает нам точку хезитации и указывает на причину речевого сбоя.

- 2.1. Степень грамматической/синтаксической проекции (континуум): сильная 3 ... слабая 1, 2 (поиск слова 3 – проблема в построении высказывания 1, 2), связана с местом хезитации: внутри КЕР 3 – в начале КЕР 2 или реплики 1.

Используется при определении типа/причины проблемы.

- 2.2. Фаза производства речи (континуум): семантика 1 ... формулировка 1, 2 ... выбор слова 3 ... фонетическое производство 3 ... контроль осуществляемой речи 3. Связана с местом хезитации: в начале КЕР (реплики) – внутри КЕР.

Используется при определении типа/причины проблемы.

3. Взаимодействующая ситуация: например, управление сменой ролей, секвенциальность, развертывание дискурса, институциональные роли 1, 2, 3.

Оказывает влияние на возникновение затруднения при производстве речи и взаимодействии.

4. Текстуальные свойства в отношении целой реплики, **в частности, 2**.

Оказывают влияние на возникновение хезитации, особенно во многосоставных репликах и при переходах.

Подводя итоги, можно сказать, что данная работа доказывает, что в речи встречается хезитация в сравнительно многих и разнообразных контекстах. Хезитация может возникать, прежде всего, вследствие ограничений памяти человека, которые оказывают влияние на речевые процессы. К речевым процессам относятся, в частности, припоминание деталей, разного рода переходы, формулирование сообщения, поиск слова или конструкции, а также производство речи и самомониторинг. Хезитация может возникать в связи с личными целями говорящего,

например, если он старается быть убедительным или осторожным в своей аргументации. Она также может возникать в результате различных взаимодействующих признаков, включая различные толкования ситуации собеседниками.

Что касается употребления маркеров хезитации, данная работа показывает, что у говорящего имеется многосторонний арсенал разнообразных средств. Некоторые из них могут быть использованы в любом контексте, а некоторые имеют более специфичное употребление. Мы рассмотрим данное явление в заключении. Кроме того, как было отмечено, некоторые маркеры требуют особых условий для выполнения функции указания на хезитацию. Например, лексические маркеры, а также пустые паузы в начале КЕР и реплики требуют наличия других маркеров хезитации, для того, чтобы их можно было считать маркерами хезитации. Лексические маркеры требуют наличия других маркеров внутри КЕР. Когда речь идет о задержке продвижения по прагматической проекции (особенно о многословии), ее роль четче всего связана с хезитацией, когда в реплике явно проецируется особое содержание, например, имя собственное, какая-то деталь или речевой шаг, в том числе обоснование. В другом контексте связь не является такой бесспорной.

6 Заключение

6.1 Основные результаты

Настоящее исследование посвящено изучению хезитации. Целью данной работы было определить и установить границы когнитивно-взаимодействующей категории хезитации, а также составить инвентарь тех речевых элементов, которые указывают на хезитацию в русском языке. Кроме того, мы поставили себе задачу описать возможные различия и ограничения в употреблении того или иного маркера хезитации. Чтобы достичь данных целей, нам необходимо было выяснить, в каких контекстах возникала хезитация в рамках телевизионных бесед в отношении формирующейся конструкционной единицы реплики (КЕР), реплики, секвенциальности и развертывания дискурса в целом. Для достижения этих целей мы рассмотрели, что во взаимодействии, возможно, способствует возникновению потребности в хезитации. Кроме того, при выяснении различий между различными маркерами и контекстами возникновения хезитации мы поверхностно рассмотрели также, как говорящий решал возникшую проблему производства речи и взаимодействия.

В существующих исследованиях хезитация рассматривается, прежде всего, как показатель проблем производства речи (ср., однако, Betz et al. 2018; см. также пп. 2.1 и 4.1). Значимость настоящего исследования заключается в определении хезитации сравнительно точно и таким образом, что в ее состав включаются также проблемы взаимодействия. В рамках данного исследования хезитация была определена следующим образом. Как когнитивно-взаимодействующая категория она представляет собой *реакцию говорящего на ситуацию, в которой он не сразу может решить, как продолжить (или начать) свою речь*. Помимо взаимодействия, проблема может заключаться в прагматике, семантике, грамматике, лексике, фонетике и самомониторинге, а также в самоисправлении. Для распознавания конкретных маркеров хезитации нам было необходимо еще более точное определение. Маркеры хезитации представляют собой *различные задержки в развертывании речи говорящего, возникающие вследствие проблем, касающихся взаимодействия и производства речи*.

В литературе весьма близкими к хезитации явлениями являются неуверенность относительно положения дел, а также речевая практика

в непредпочтительных речевых шагах, связанных с сохранением лица говорящего и собеседника, т. е. как быть вежливым в деликатной ситуации. Как мы отмечали, если говорящий не полностью уверен в положении дел, данная неуверенность может также влиять на языковую форму. Мы включили такие случаи в разряд изучаемого явления, когда в речи говорящего были маркеры хезитации, хотя в контексте можно было заметить, что говорящий не уверен. Мы рассматривали хезитацию таким образом в непредпочтительном речевом шаге. Если в таком секвенциальном контексте встречались типы проявления хезитации, мы включали ее в разряд явления, по крайней мере, как возможные маркеры хезитации. В то же время мы подчеркиваем, что толкование ситуации может быть достаточно спорным. Спорность проявляется, например, в т. н. лекторском меканье. Некоторые случаи были исключены из разряда маркеров хезитации, так как на основе результатов нашего анализа в таком положении маркеры хезитации, вероятно, не могут указывать на проблемы производства речи или взаимодействия. В данной работе особое внимание обращалось на полифункциональность языка и речевых единиц.

Составляя инвентарь тех речевых единиц, которые в нашем материале указывали на хезитацию, мы отметили семь различных типов, почти все из которых также сравнительно часто встречаются не только в индоевропейских, но и в других, например, в финском и японском языках. Это были выражения-индикаторы речевого сбоя (т. е. экспликация), которые включали в себя, в том числе, ЗП, просодические признаки, пустые паузы, лексические маркеры, повторы и задержки по прагматической проекции. Однако некоторые лексические маркеры, которые встречаются в другом типе материала (см., например, Дараган 2000; 2003; Подлесская & Кибрик 2009; Левонтина 2011; Богданова-Бегларян и др. 2013), в данной работе найдены не были. Кроме того, отсутствовал восходящий контур интонации, который считается маркером хезитации в английском языке (Smith & Clark 1993). В данной работе почти каждый маркер хезитации имел свои ограничения, когда речь шла не об указании на хезитацию или же данная функция была спорной. Самые большие ограничения касались пустых пауз, а также лексических маркеров. Как правило, когда пустые паузы не имеют синтаксической функции, они могут бесспорно указывать на хезитацию. Другие случаи были более

или менее спорными, и достаточно часто пустые паузы определялись в настоящей работе как возможные маркеры хезитации. Лексические маркеры в нашем определении могли выполнять хезитационную функцию только как части цепочек. Кроме того, подобно пустым паузам, они, как правило, яснее всего указывали на хезитацию внутри КЕР (точнее, при поисках слов). В других положениях лексические маркеры чаще всего определялись как возможные маркеры хезитации. Настоящее исследование показывает также, что, используя различные лексические маркеры, говорящий может весьма деликатно указывать на характер проблемы и на свое отношение к проблеме и ее решению.

Когда мы рассматривали вышеупомянутые семь типов хезитации в отношении реплики и КЕР, мы нашли секвенциальные положения возникновения хезитации, типичные для телевизионной беседы, а также нашли различия и ограничения в употреблении того или иного маркера хезитации. Мы рассматривали возникновение хезитации в трех главных контекстах, т. е. в начале реплики, в начале КЕР и внутри КЕР. Сравнивая функции маркеров, а также секвенциальные положения возникновения хезитации в этих трех контекстах, данная работа подтвердила результаты исследований хезитации не только в русском, но и в других языках, а также углубила понимание данного явления.

Когда речь шла о хезитации в начале реплики, как и в других работах, в рамках настоящего исследования было обнаружено, что начало реплики (и нередко именно начало второго элемента смежной пары) является сравнительно типичным положением для проблемы производства речи. Кроме того, результаты исследований свидетельствуют о том, что начало нового речевого шага может представлять трудность. В нашем материале это было отмечено в репликах ведущего, когда он переходил к следующему речевому шагу в рамках сценария. В существующих исследованиях также рассматривается связь между хезитацией и управлением сменой ролей. В настоящей работе эта связь была особенно заметна в обсуждениях направления развертывания дискурса (ср. Davidson 1984; Pomerantz 1984; Etelämäki & Jaakola 2009). Данное исследование углубило понимание явления хезитации именно в контексте телевизионной беседы и показало, как могут обсуждаться завершенность ответа гостя и завершенность вопроса тележурналиста. Кроме того, иногда неточные фоновые знания ведущего могут приводить к исправлению

вопроса (ср. Pomerantz 1984). В этом случае речь идет также о хезитации в неpreferred речевом шаге, иначе говоря, о явлении, которое было отмечено и в других исследованиях.

В начале КЕР наши находки также были весьма сходными с результатами других работ. Например, уже на сравнительно ранней стадии было отмечено, что хезитация нередко возникает именно вблизи начала высказывания. Кроме того, ранее уже отмечалось, что разные типы переходов могут быть типичными контекстами возникновения хезитации. В данной работе были отмечены оба явления. Кроме того, данное исследование представляет особую важность, так как оно доказывает, что хезитацию могут вызвать не только масштабные переходы в рассказывании, но и мелкие изменения в ходе рассказывания или другого направления развертывания дискурса, требующего многосоставной реплики. Такие переходы и изменения могут оказаться для говорящего трудными. Мелкие изменения были отмечены между отрезками речи (ср. Fischer 2000), а также в трех различных контекстах после создания рамок (ср. Подлесская & Кибрик 2009). Другими словами, наша работа показывает, что в телевизионных беседах существует три основных контекста, в которых говорящий создает какие-либо рамки для будущего, далее в его речи встречается маркер хезитации, а затем он переходит к представлению переднего плана. В некоторых исследованиях (Дараган 2000; 2003; Routarinne 2003; Шмелев 2004) отмечается, что в начале или в конце парентезы также можно обнаружить маркеры хезитации. В настоящем исследовании данные контексты были включены в другие категории, в основном в разряд переходов. Что касается обсуждения роли хезитации в начале КЕР, в том числе при переходах с точки зрения адресата, согласно другим исследованиям они, возможно, облегчают задачу понимания собеседника, хотя данная работа не может исчерпывающе ответить на этот вопрос.

Как и в других исследованиях, в нашей работе хезитация внутри КЕР была, как правило, связана с последними фазами производства речи, т. е. с лексическими решениями и с проблемами производства речи (как, например, с проблемами артикуляции), а также с исправлением ошибочных элементов. Другими словами, она была связана с процессами самомониторинга. Опираясь на результаты других исследований, а также на общее представление о мире, мы

выделили три категории лексического поиска: проблема в концептуализации, припоминании деталей и выборе слова или выражения. По результатам других исследований, трудности также могут вызывать описание, перечисление, а также проблематичность или чуждость ситуации. Эти возможные причины возникновения хезитации были найдены и в нашем материале. Например, проблемы, связанные с описанием, были найдены не только внутри КЕР, но и в других положениях.

Рассматривая результаты глав 4 и 5, можно подвести итоги о том, в каких контекстах можно встретить тот или иной тип хезитации. Следующая таблица дает общую картину о распределении различных маркеров хезитации.

	В начале реплики: особенно при возникновении проблемы, что/как сказать или как отреагировать	В начале КЕР: особенно при возникновении проблемы, как продолжить	Внутри КЕР: особенно при поиске слова
Выражения-индикаторы речевого сбоя	в начале ответа и в некоторых контекстах обсуждения	-	при возникновении проблемы концептуализации и выбора слова
ЗП (с просодическими признаками)	во всех типах проблем	во всех типах проблем	во всех типах проблем
Просодические признаки	в частности, в частицах-союзах; во всех типах проблем	в частности, в частицах-союзах; во всех типах проблем	в любой части речи, редко в частицах-союзах; во всех типах проблем
Пустые паузы	между репликами и с другими маркерами хезитации; во всех типах проблем	(несинтаксические/длительные пустые паузы; особенно в цепочках маркеров хезитации)	также отдельно; во всех типах проблем

Лексические маркеры	(особые несогласуемые лексические маркеры как части в цепочках маркеров)	(особые несогласуемые лексические маркеры как части в цепочках маркеров)	как части в цепочках маркеров; в трех первых подконтекстах
Повторы	в частности, в частицах-союзах, а также во многословных конструкциях; довольно редко	в частности, в частицах-союзах; почти во всех типах проблем	в любых частях речи, однако редко в частицах-союзах; особенно при возникновении проблемы выбора слова, а также в некоторых других контекстах
Задержка продвижения по прагматической проекции	во многих типах проблем	-	особенно в контексте проблем припоминания деталей

Таблица 3. Типичное положение маркеров хезитации в отношении реплики и КЕР

Что касается распределения маркеров хезитации, можно отметить, что есть т. н. общие типы хезитации, которые встречались в любом контексте, т. е. ЗП и просодические признаки (растяжки звука и монотонный контур интонации). Во всех контекстах были замечены также цепочки хезитации, хотя, например, внутри КЕР в двух последних контекстах они были чрезвычайно короткими. Это, по-видимому, было связано с тем, что проблема была несерьезной. Кроме того, достаточно широко использовались повторы и пустые паузы.

Выражения-индикаторы речевого сбоя, задержки продвижения по прагматической проекции, а также лексические маркеры (особенно согласуемые с именной группой) использовались реже и в более узких контекстах. Данные три типа маркеров имели наиболее явные особенности. Эксплицитные выражения речевого сбоя, а также длительные задержки продвижения по прагматической проекции использовались преимущественно при возникновении относительно масштабных проблем (в том числе, семантических).

Можно также сделать вывод о том, что при задержках проблема нередко возникает вследствие прагматической проекции, созданной

первым элементом смежной пары. В нашем материале возникновение таких проблем было связано именно с взаимодействием. Что касается проблемы припоминания, стимул для припоминания той или иной детали нередко исходил именно от собеседника, в нашем материале – от тележурналиста. Когда речь шла о различных формах задержек продвижения по прагматической проекции, т. е. о повторном употреблении уже употребленных языковых единиц, перифразе и многословии перед ожидаемой единицей, можно сказать, что при возникновении проблем, связанных с тем, что сказать или как отреагировать, нередко использовались все данные типы задержек, а при возникновении проблем припоминания деталей многословие встречалось и в начале реплики, и внутри ее, тогда как повторное употребление уже употребленных языковых единиц использовалось преимущественно в начале реплики. Можно также сказать, что задержки были средством выиграть время. Другими словами, при производстве своего сообщения говорящий может все время наблюдать ситуацию, когда он либо знает, либо припоминает то, что нужно, и потом завершает свою задержку и производит ожидаемую единицу.

Употребление лексических маркеров в нашем материале было весьма тесно связано с их индивидуальным значением. Внутри КЕР при поисках слов лексические маркеры довольно точно указывали на тип проблемы, а также на отношение говорящего к проблеме и ее решению. Кроме того, были отмечены некоторые тенденции употребления того или иного маркера. Например, когда речь шла о проблеме концептуализации, лексические маркеры, связанные с таким типом поиска, нередко указывали на неточность. Однако в случае проблемы выбора лексического элемента на поиск указывали лексические маркеры, которые имплицировали преимущественно точность.

Как уже отмечалось, причины возникновения хезитации можно разделить на две категории: проблемы, вызванные взаимодействием, сбойми, связанными с когнитивными процессами, включая фазы производства речи, а также ограничения памяти индивида. Анализ нашего материала показал, что любые маркеры хезитации могут указывать на проблему взаимодействия или на проблему производства речи. Иногда невозможно утверждать, идет ли речь о проблеме взаимодействия или только о проблеме производства речи, так как они

пересекаются. Поскольку на оба типа проблем могут указывать одни и те же маркеры хезитации, то, как нам кажется, их взаимосвязь можно описать следующим образом:

(Проблема взаимодействия ->) проблема производства речи -> хезитация, на которую можно указать с помощью различных маркеров хезитации.

Поскольку классификация результатов (гл. 5) разработана с использованием моделей фаз производства речи, легче найти различные типы проблем производства речи. В начале реплики были обнаружены проблемы начальной фазы производства речи, включая семантические сбои. В начале КЕР были обнаружены проблемы начальной фазы (в частности, в формулировке сообщения), а внутри КЕР были отмечены сбои на последних фазах. Когда речь шла о проблемах взаимодействия, практически любые контексты возникновения начала реплики были связаны с тем, что собеседник сделал что-то, реагирование на что требовало больше времени. В начале КЕР связь между хезитацией и взаимодействием собеседников была не такой очевидной. Однако были отмечены случаи, в которых, например, непредпочтительный речевой шаг или потребности убедительной аргументации могут вызвать речевые сбои. Внутри КЕР также были отмечены сходные причины. По результатам нашего исследования можно предположить, что хезитация возникает тем чаще, чем более важным является содержание, формулировка сообщения, а также конкретный выбор слов.

Когда речь шла о возможных различиях и ограничениях в употреблении того или иного маркера хезитации, наша классификация в отношении реплики и КЕР оказалась вполне функциональной. Различия и ограничения были представлены в таблице 3. Например, все семь типов хезитации употреблялись внутри КЕР, а задержки продвижения по прагматической проекции и эксплицитные выражения были достаточно редкими и возможными только в некоторых подконтекстах. Что касается положения в начале КЕР, оно имело наибольшие ограничения в отношении маркеров хезитации. В таком положении не было найдено выражений-индикаторов речевого сбоя и задержек продвижения по прагматической проекции. Роль пустых пауз и лексических маркеров также была в большинстве случаев спорной. Это, возможно, связано с тем, что проблемы, связанные с формулировкой сообщения, а также с ограничениями рабочей памяти, не представляются особенно сложными с точки зрения говорящего (ср.

таблицу 5). Другими словами, нам представляется, что любой переход между КЕР и задним и передним планом может требовать времени для планирования, но немного. По-видимому, такую проблему производства речи решить легко. Следовательно, хотя проблема формулировки сообщения на основе предпонимания о явлении речевого сбоя является проблемой более крупного плана, чем отдельный поиск слова, основываясь на результатах нашего анализа, можно сказать, что такой поиск может требовать больше времени и когнитивных усилий, чем решение, связанное с формулировкой сообщения.

В свою очередь, в начале реплики, в некоторых подконтекстах важными являются именно паузы между репликами. Они являются первыми показателями проблемы, точнее, того, что у собеседников отсутствует единое понимание о направлении развертывания дискурса. Различия в употреблении различных лексических маркеров были заметны именно внутри КЕР. Как мы сказали, одним из возможных параметров при выборе того или иного лексического маркера могло быть его соотношение с точностью/неточностью. Точность/неточность, как нам кажется, может иметь взаимосвязь и с удовольствием/неудовольствием говорящего в отношении своего будущего решения. Следующая таблица иллюстрирует вышесказанное.

Импликация точности и удовлетворенности будущим решением проблемы	
Значительная	Незначительная
Вот, значит, скажем, этот	Ну, как бы, так сказать, такой

Таблица 4. Импликация точности лексических маркеров в сопоставлении с удовлетворенностью будущим решением проблемы

Кроме того, на наш взгляд, маркеры хезитации также отличались друг от друга в отношении того, насколько серьезной говорящий считал проблему и как он оценивал свои возможности для решения этой проблемы. Эти параметры, с нашей точки зрения, были заметны в том, как (быстро) говорящий решал проблему и какими способами. Таким образом, речь идет о том, как говорящий возвращается на главную линию речи, что представляет собой последнюю нашу задачу. Следующая таблица иллюстрирует результаты по данным параметрам.

Серьезность и длительность проблемы, с точки зрения говорящего, и длительность при возвращении на главную линию речи		
Незначительная	Средняя	Значительная
Вера говорящего в свои возможности решения проблемы		
Сильная	Средняя	Слабая
Отдельные ЗП, просодические признаки, пустые паузы (внутри КЕР), повторы отдельных слов	(Короткие) цепочки маркеров хезитации, повторы многословных конструкций, лексические маркеры как части в цепочках, короткие задержки продвижения по прагматической проекции	Длинные цепочки маркеров хезитации, повторяющиеся задержки продвижения по прагматической проекции, выражения-индикаторы речевого сбоя (особенно многословные)

Таблица 5. Серьезность и длительность проблемы в отношении длительности при возвращении на главную линию речи и веры говорящего в свои возможности решения проблемы

Результаты нашего анализа позволяют утверждать, что очень часто говорящий возвращается на главную линию речи довольно быстро и без изменения синтаксической проекции. Кроме того, проблемы в нашем материале, как правило, решались быстро: или в той же самой реплике или непосредственно в следующей (ср. Kurhila 2003: 141). На быстрое или относительно быстрое решение в нашем исследовании указывали ЗП, просодические признаки, пустые паузы, повторы, а также (короткие) цепочки маркеров хезитации, возможно содержащие также лексические маркеры. Ситуация может быть совершенно иной, если говорящий не в совершенстве владеет языком. В этом случае даже поиск слова может оказаться сравнительно длительным и не совсем ясным для понимания (Kurhila 2003: 141 и указанные там источники).

В нашем материале также встречались проблемы, которые требовали большего количества времени для решения. На такую ситуацию указывали повторы многословных конструкций, длительные цепочки разнообразных маркеров хезитации, а также задержки продвижения по прагматической проекции разных типов. Другими словами, сам говорящий не считал, что проблему можно решить быстро.

Иногда требовались также (значительные) изменения в отношении синтаксической проекции. Таковыми были отказы от оригинальной синтаксической структуры и перестройка ее по-новому, без наличия проблематичного элемента (ср. Schegloff 1979: 273–274). В качестве указаний на серьезные, с точки зрения говорящего, проблемы используются, в частности, длительные задержки продвижения по прагматической проекции и эксплицитные выражения, которые могут относительно явно указывать на тип проблемы и, возможно, служить призывом к собеседнику за помощью (ср. Norrick 2005: 1832), хотя в нашем материале таких случаев, как правило, не было. Возможно, это явление связано именно с тем, что в телевизионных беседах нелегко оказывать помощь и строить общие конструкции (ср., например, Goodwin & Goodwin 1986; Goodwin 1987; Kurhila 2003; Laakso & Lehtola 2003). Выражения-индикаторы могут также указывать на то, что говорящий уже капитулирует перед проблемой. Кроме того, в таком случае решением также может быть выражение общего характера.

Что касается презентативной функции различных маркеров хезитации, ее можно раскрыть на основе представленных выше таблиц 3, 4 и 5. Например, презентативная функция лексического маркера *вот* может быть описана следующим образом. При возникновении проблемы взаимодействия и, особенно, проблемы производства речи, *вот* при поиске слова указывает на среднюю серьезность и длительность проблемы. Вера говорящего в свою способность решения проблемы также является средней. Точность и удовлетворенность будущим решением представляются значительными. Однако, как уже отмечалось выше, результаты исследования лексических маркеров опираются на весьма незначительное количество примеров, и, таким образом, таблица 4 имеет предварительный характер.

Подводя итоги результатов данной работы, можно утверждать, что различные маркеры хезитации несколько отличаются между собой по фактическому употреблению и возможностям употребления. Различия могут быть связаны с тем, для чего разные типы маркеров могут использоваться, каким образом они указывают на будущее решение и меняют ли они синтаксическую проекцию. Кроме того, как нам представляется, участники телевизионных бесед достаточно хорошо осознают, в чем заключается проблема, какие слова, детали и понятия они знают и помнят, т. е. какие проблемы говорящему решить легко, а

какие сложно. Другими словами, самомониторинг работает эффективно. Носители русского языка (а точнее, участники телевизионных бесед) имеют весьма сходные взгляды на то, какие маркеры хезитации могут быть употреблены в той или иной ситуации.

6.2 Достоверность и обобщенность результатов

Основной материал настоящего исследования состоит из четырех фрагментов телевизионных бесед, снятых и представленных на российском телевидении в 1990-х годах (и, возможно, в 2000 году) после распада СССР. Общая продолжительность фрагментов составляет 1 час 15 минут 13 секунд.

Поскольку в данном материале встречались некоторые чрезвычайно редкие маркеры хезитации (в частности, лексические маркеры), которые, однако, значительно дополняли картину возникновения хезитации, в настоящей работе использовались и другие, вторичные материалы (всего более 8 часов), которые также были проанализированы. Кроме того, помимо нашей собственной языковой интуиции, принималась во внимание интуиция пяти информантов, участвовавших в экспериментах. Примеры, собранные на основе вторичных материалов, а также описания, полученные от информантов, участвовавших в экспериментах, были использованы для дополнения наших собственных результатов, которые были получены на основе сравнительно небольшого объема материала.

Применяемые нами методы анализа, т. е. КА и ИЛ, будучи индуктивными, опираются на то, что аналитик обращает внимание на какое-либо явление, например, на хезитацию, которая кажется знакомой и опознанной в материале и затем, возможно, оказывается повторяющимся явлением. Кроме того, возможно, встречаются какие-то более редкие случаи, которые на основе общего знания о практике использования изучаемого языка можно отнести к изучаемому явлению. (Hakulinen 1996: 11–17; Hakulinen 1997a: 17; Schegloff 1997b: 501–502; Routarinne 2003: 291.) В процессе анализа важно выявить границы изучаемого явления и обсудить роль пограничных случаев (ср. Schegloff 1997b: 501–502; Routarinne 2003: 292). То же самое касается процесса исследования в ФС (ср. Мустайоки 2006: 69–71, 78–79).

Определение хезитации как когнитивно-взаимодействующей категории и установление границ отдельных ее маркеров является

одновременно сильной и слабой стороной настоящего исследования (ср. Viimaranta 2006: 320). Мы имеем в виду, что исследование хезитации в целом является непростой задачей, так как в большинстве своем различные типы хезитации не имеют референциального значения или грамматикализованных средств выражения, и их функцию можно выявить только при тщательном рассмотрении контекста их употребления с учетом воздействия просодических признаков и длительности паузы. Кроме того, большую роль играет полифункциональность, особенно когда речь идет о периферийных маркерах хезитации. (ср. Пауккери 2006: 193; Кирвесмяки 2010: 320.) Они нередко пересекаются с другими (иногда весьма близкими, такими, как, например, неуверенность) функциями (ср. Mustajoki 1993: 13–14; Кирвесмяки 2010: 320). В связи с этим количество маркеров хезитации (625), а также возможных типов (375) является приблизительным. По этой же причине, а также в связи с тем, что нередко различные маркеры хезитации встречаются вместе в цепочках, в настоящем исследовании не рассматривалось количество маркеров. Кроме того, в нашей работе в связи с полифункциональностью и важной ролью контекстуальности количество возможных маркеров было довольно значительным и составило более 1/3 всех случаев.

Что касается определения границ явления и каждого его маркера, следует обсудить, насколько настоящими или искусственными они являются. С учетом сказанного границы явления определены сравнительно точно, и решения выражены эксплицитно. Решения об установлении границ оказали свое влияние на результаты. Поскольку мы определили синтаксические и пустые паузы между КЕР как единственно возможные маркеры хезитации, они не могли играть большую роль в таком положении. Разумеется, определение хезитации, а также установление границ каждого маркера является только своеобразным начальным шагом, и в рамках будущих исследований можно углубить определение и понимание данного явления (ср. Viimaranta 2006: 321). То же самое касается и определения презентативной функции каждого маркера хезитации. До сих пор она имеет весьма предварительный характер. При этом в рамках функционального синтаксиса до сих пор не было создано точных инструментов описания явления взаимодействия и устной речи вообще. Итак, данная работа имеет основополагающий характер и тем самым приобретает особую значимость.

На основе проведенного нами анализа материала были выявлены основные контексты (а также обсуждены причины) возникновения хезитации в телевизионных беседах. Тщательный анализ позволил нам предположить, что найденные контексты возникновения хезитации являются не случайными, а раскрывают определенные тенденции. Данные контексты, а также рассмотренные причины отражают и уточняют результаты других работ в данной сфере. Помимо выявления контекстов явления в целом, каждый маркер хезитации был рассмотрен отдельно с точки зрения его особенностей, типичных местоположений в телевизионной беседе, а также возможных ограничений в употреблении. Для каждого подконтекста возникновения хезитации было приведено по два примера, а также были рассмотрены другие аналогичные случаи из нашего материала. Что касается различных лексических маркеров и выявления их особенностей в указании на хезитацию, то, несмотря на то, что в нашем материале они были сравнительно редкими и был приведен только один пример, отражающий их особенности, рассмотрение вторичных материалов позволило сделать определенные выводы, так как в них было найдено более пяти случаев подобного типа.

Когда оценивается достаточность материала исследования, для качественного исследования важно, чтобы материал был полным (см., например, Hirsjärvi 2000 [1997]: 181). В настоящей работе полнота материала проявляется в том, что в нашем исследовании нет новых подконтекстов возникновения хезитации. В процессе анализа материала выяснилось, что во всех случаях можно найти категории, рассмотренные в настоящем исследовании. Отсюда следует, что, хотя общая длительность фрагментов телевизионных передач может произвести впечатление краткости, она тем не менее является достаточной для получения детального представления о явлении. Когда речь идет о роли лексических маркеров, результаты и выводы данного исследования возможно назвать предварительными.

Достоверность результатов настоящего труда повышает также разнообразие участников телевизионных бесед: их общее количество составило 17 человек, и все они имели разное социальное происхождение (включая пол, возраст и профессию). Следовательно, индивидуальность в использовании различных маркеров хезитации может быть принята во внимание (ср. Goldman-Eisler 1961: 25–26; Clark & Fox Tree 2002: 97–98; Столярова 2003 [1992]: 36; Lappalainen 2004:

129, 132; Fehringer & Fry 2007: 60, 63–64; Богданова-Бегларян и др. 2013: 163–164; Moniz 2019: 1–2; Zhang 2019: 16). У некоторых информантов берут интервью по причине их профессионального статуса, а некоторых гостей приглашают в студию, так как они имеют другое мнение в отношении темы разговора. На основе вышесказанного можно утверждать, что наш материал является достаточно разносторонним. (ср. Laitinen 2013: 90.)

6.3 Дальнейшие перспективы изучения хезитации

Что касается ограничений настоящего исследования, здесь самым важным фактором является наш материал. Во-первых, во всех фрагментах телевизионных бесед центром внимания является личный опыт. Данное обстоятельство может побуждать такое направление развертывания дискурса, которое, как правило, требует длительных многосоставных реплик. К таким видам хода разговора относятся, например, рассказ и обоснование взглядов. Отсюда следует, что в наших результатах, возможно, подчеркиваются текстуальные причины, а также количество случаев хезитации в начале КЕР. Кроме того, в контекстах/причинах возникновения хезитации большую роль, возможно, играют признаки институциональности. Во-вторых, будучи разновидностью устной публичной речи, а не разговорной речи, процесс общения на телевидении можно охарактеризовать как менее спонтанный, чем повседневные разговоры (ср. Лаптева 2007 [1990]: 16–27; см. также Попова 2002: 3–4; Moniz 2019: 1). Возможно, в связи с этим разнообразие маркеров хезитации в данной работе кажется менее значительным, чем в других типах экспериментального материала, особенно когда речь идет о лексических маркерах (ср. п. 6.1).

Исследование хезитации позволяет более глубоко понять, как речевые единицы, отражающие, в частности, когнитивные усилия говорящего, вместе с другими средствами создают взаимопонимание во взаимодействии, так как маркеры хезитации дают информацию о проблеме говорящего, а возникновение хезитации может играть важную роль в обсуждении направления развертывания дискурса. Тем самым настоящая работа дает новую информацию о том, как маркеры хезитации употребляются в разных контекстах во взаимодействии более широко, чем это рассматривалось в других работах. Дополнительные функции типов хезитации также являются весьма многообразными. Кроме того, данное исследование подтверждает, что

это речевое явление имеет во взаимодействии устойчивый и глубоко организованный характер.

В русистике явление хезитации до сих пор не определялось и не рассматривалось глубоко и тщательно на примере аутентичных разговоров в отношении секвенциальности и развертывания дискурса вообще. Данная работа, во-первых, дает определение самому явлению и, во-вторых, раскрывает тенденции возникновения хезитации в отношении употребления и (несознательного) выбора разных ее маркеров, а также в отношении их местоположения в реплике и КЕР, секвенциальности и развертывания дискурса.

Что касается теоретического и методического состава настоящего исследования, то оно доказывает, что в рамках одной и той же работы можно с успехом использовать два во многом противоположных взгляда на языковое употребление. Другими словами, можно использовать понятия и процедуры КА и ИЛ, которые подчеркивают взаимодействие собеседников, и одновременно теорию ФС, в которой исходной точкой является говорящий и его намерение выразить какой-то смысл. Когда речь идет о сопоставлении данной точки зрения с моделями фаз производства речи, они имеют много сходств, так как последовательность является одинаковой в обоих подходах.

Данное исследование доказало, что целесообразно определить границы явления хезитации, создать инвентарь возможных конкретных ее маркеров, а также рассмотреть ограничения употребления в аутентичном разговоре, учитывая тонкие механизмы создания взаимодействия. Кроме того, доказано, что при обсуждении возможных причин возникновения хезитации следует принимать во внимание гипотезы, выдвинутые психолингвистами, а также признаки взаимодействия, которые можно выяснить при помощи инструментов КА и ИЛ. Настоящее исследование немного расширило методику определения местоположения маркеров хезитации. Для этого мы применили понятия отрезка речи и создания рамок. Кроме того, мы предложили понятие, применяемое в ФС: когнитивно-взаимодействующую функцию как категорию, а также рассмотрели предварительные инструменты описания презентативной функции. Поскольку в нашей работе модель ФС была только теоретической основой, более глубокое рассмотрение роли категории хезитации в рамках ФС, а также разработка средств описания прагматических явлений остается задачей других исследований.

Что касается практических результатов настоящей работы, то, помимо адекватного понимания многосторонности явления хезитации, они являются релевантными в том числе с точки зрения лингводидактики, а особенно в сфере обучения русскому языку как иностранному. Когда говорящий общается не на родном языке, проблем, связанных с производством речи и с взаимодействием, возникает еще больше, чем у носителей языка (ср. Kurhila 2003: 141; Fehringer & Fry 2007). Например, что касается разных типов поиска слова, имея опыт общения на русском языке как не на родном, мы знакомы с ситуациями, когда мы вообще не знаем слова или не помним его и когда речь идет о выборе той или иной лексемы. По этой причине результаты настоящего исследования могут оказаться полезными, так как с использованием результатов настоящей работы неноситель русского языка может понять, как употреблять, например, тот или иной лексический маркер в отношении того, в чем заключается проблема. Кроме того, результаты исследования, возможно, окажутся плодотворными и для риторических целей, и для обучения будущих журналистов.

Настоящая работа ставит много перспективных задач для дальнейших исследований. Особенно следует более тщательно рассмотреть роль лексических маркеров при поиске слова на примере другого типа материала, включая повседневные разговоры, в которых количество лексических маркеров, возможно, больше, а спектр разных типов хезитации – более широк. Возможно, в повседневных разговорах некоторые маркеры хезитации служили бы призывом к собеседнику за помощью, и во взаимодействии строились бы общие конструкции (ср. п. 6.1). Кроме того, было бы полезно выявить роль лексических маркеров и вообще различных маркеров хезитации с позиции носителей языка. Для этого необходимы этнографические интервью. Было бы также целесообразно рассмотреть, какую роль играют глоттальные явления, а также мультимодальные аспекты при возникновении хезитации. Кроме того, целесообразно было бы выяснить функции различных комбинаций цепочек хезитации во взаимодействии. Интересно было бы также провести количественный анализ распределения различных маркеров хезитации в отношении их подконтекстов.

Чтобы углубить понимание явления хезитации, помимо телевизионных и повседневных разговоров, необходимы также другие

типы материалов, в том числе институциональное взаимодействие, включая приемы у врача и посещение учреждений. Изучение хезитации помогло бы тем самым понять, в каких точках взаимопонимание не получается (ср. Sorjonen et al. (toim.) 2001; Sorjonen & Raevaara (toim.) 2006). В вышеупомянутых институциональных обстоятельствах оно имеет и экономическое значение, так как исправление ошибок, которые возникли из-за неправильного понимания друг друга, требует времени, а это требует денег. Кроме того, сравнение средств указания на хезитацию в разных языках может исчерпывающе раскрыть дополнительные функции того или иного маркера. Например, как нам представляется, будет целесообразно сравнить финноязычные лексические маркеры *tota* (ср. Etelämäki & Jaakola 2009) и *niinku* (ср. Kunelius 1998).

Подводя итоги, можно сказать, что хезитация, по нашему мнению, имеет парадоксальный характер. Во-первых, настоящая работа выдвинула на передний план явление, которое, как правило, в разговоре и в сознании людей отодвигается на задний план. Точнее, обычно человека интересует то, что говорят собеседники, а не то, какие проблемы они при этом испытывают (ср. Sinclair & Mauranen 2006: 60). Во-вторых, парадоксальность заключается также в том, что, хотя маркер хезитации задерживает продвижение по проекции, он при этом порождает проекцию. Маркер, по меньшей мере, указывает на то, что дискурс каким-то образом разворачивается.

Список литературы

Источники на русском языке

- Алексиева, Т. И. 2007. О явлениях хезитации в спонтанном дискурсе. *Мир русского слова и русское слово в мире*. Том 1. Sofia: Heron press, 275–280.
- Баранов, А. Н., Плунгян, В. А. & Рахилина, Е. В. 1993. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры.
- Барина, Г. А., Земская, Е. А., Капанадзе, Л. А., Красильникова, Е. В. & Ширяев, Е. Н. 1978. *Русская разговорная речь: тексты*. Под ред. Е. А. Земской и Л. А. Капанадзе. М.: Наука.
- Белянин, В. П. 2011. *Психолингвистика: учебник*. Изд. 2-е. М.: Флинта.
- Богданова, В. А. 1983. Местоимения. *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: лексика*. Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 128–150.
- Богданова-Бегларян, Н. В., Бродт, И. С., Куканова, В. В., Павлова (Ильичева), О. В., Сапунова, Е. М., Суббота, И. А., Филиппова, Н. С., Хан, Н. А., Чуйко, В. М. и др. 2013. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи*. Часть 1: Чтение. Пересказ. Описание. Коллективная монография. Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Брызгунова, Е. А. 1978. *Звуки и интонация русской речи*. Изд. 3-е, перераб. М.: Русский язык.
- Верходанова, В. О., Шапранов, В. В., Кипяткова, И. С. & Карпов, А. А. 2018. Автоматическое определение вокализованных хезитаций в русской речи. *Вопросы языкознания* 2018, 6, 104–118.
- Воейкова, М. Д. (отв. ред.) 2010. *Избыточность в грамматическом строе языка*. (= Acta Linguistica Petropolitana, Труды Института лингвистических исследований РАН. Отв. ред. Н. Н. Казанский. Том 6. Часть 2.) СПб: Наука.
- Гаспаров, Б. М. 1978. Устная речь как семиотический объект. *Семантика номинации и семиотика устной речи: лингвистическая семантика и семиотика I*. Отв. ред. М. А. Шелякин. (= Tartu riikliku ülikooli toimetised, Ученые записки тартуского государственного университета, Acta et commentationes universitatis tartuens 442.) Тарту: Тартуский государственный университет, 63–112.
- Грамота = *Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ*. [Электронный документ] (<http://www.gramota.ru>). Проверено 6.5.2019.
- Гренобль, Л. А. 2008. Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге. *Вопросы языкознания* 2008, 1, 25–36.
- Гришина, Е. А. 2009. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации. *Национальный корпус русского языка: 2006–2008: новые результаты и перспективы*. Отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 175–213.
- Дараган, Ю. В. 2000. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи. *Труды международного семинара «Диалог 2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Том. 1: Теоретические проблемы. [Электронный документ] (<http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan/>). Проверено 23.1.2019.
- Дараган, Ю. 2003. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства. *Доклады международной конференции «Диалог 2003»*. Протвино. [Электронный документ]

- документ] (<http://www.dialog-21.ru/media/2618/daragan.pdf>). Проверено 1.11.2017.
- Долгов, И. & Лейнонен, М. 1988. Употребление частицы *вот* в русской разговорной речи. *Scando-Slavica* 34, 1988, 127–146.
- Земская, Е. А. 1987. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык.
- Ильминская, Н. И. 1983. Модальные слова. *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: лексика*. Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 187–194.
- Кибрик, А. А., Литвиненко, А. О. & Подлесская, В. И. 2009а. Другие дискурсивные явления. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Под ред. А. А. Кибрика & В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 333–366.
- Кибрик, А. А., Луценко, А. С., Литвиненко, А. О. & Подлесская, В. И. 2009б. Удлиненная реализация фонем. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Под ред. А. А. Кибрика & В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 344–350.
- Кибрик, А. А. & Подлесская, В. И. 2006. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего. *Когнитивные исследования*. Вып. 1. Под ред. В. Д. Соловьева. М.: Институт психологии РАН, 138–158. [Электронный документ] (http://iling-ran.ru/kibrik/Segmentation_discourse@Cognitive_studies_2006.pdf). Проверено 30.1.2019.
- Кибрик, А. А. & Подлесская, В. И. (ред.) 2009. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Кибрик, А. А., Подлесская, В. И. & Коротаев, Н. А. 2009в. Структура устного дискурса: основные элементы и канонические явления. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Под ред. А. А. Кибрика & В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 55–101.
- Кибрик, А. А., Подлесская, В. И. & Коротаев, Н. А. 2009д. Неканонические явления. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Под ред. А. А. Кибрика & В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 102–176.
- Кирвесмяки, А. 2010. *Выражение обобщенно-личного значения в русском языке*. Докторская диссертация. (= Slavica Helsingiensia 38.) Helsinki: Department of Modern Languages.
- Киселева, К. Л. & Пайар, Д. 1998. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания. *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*. Под ред. К. Киселевой & Д. Пайара. М.: Метатекст, 7–11.
- Кожевникова, К. 1985. О смысловом строении устной речи: линейное построение речи и нелинейное формирование содержания. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. (= Современная зарубежная русистика.) М.: Прогресс, 512–523.
- Кормилицына, М. А. & Кочеткова, Т. В. 1983. Глагол. *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: лексика*. Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 63–94.

- Коротаев, Н. А. 2009. *Синтаксис и просодия в системе средств дискурсивной связности текста*. Докторская диссертация. Российский государственный гуманитарный университет. М.
- Коротаев, Н. А. 2015. Коммуникативно-просодический подход к выявлению элементарных дискурсивных единиц в устном монологическом тексте. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» 2015: Computational linguistics and intellectual technologies: papers from the annual international conference "Dialogue" 2015, Москва, 27–30 мая 2015 г.* Вып. 14:21. Том 1: Основная программа конференции. Гл. ред. В. П. Селегей. М.: Изд-во РГГУ, 294–307. [Электронный документ] (http://www.dialog-21.ru/media/2777/dialogue-2015_vol1.pdf). Проверено 18.12.2019.
- Коротаев, Н. А. 2018. Интонационная структура устного рассказа в контексте незавершенности. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» 2018: Computational linguistics and intellectual technologies: papers from the annual international conference "Dialogue" 2018, Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.* Вып. 17:24. Гл. ред. В. П. Селегей. 342–355. [Электронный документ] (<http://www.dialog-21.ru/media/4560/-dialog2018scopus.pdf>). Проверено 18.12.2019.
- Коротаев, Н. А. 2019. «Рассказы и разговоры о грушах»: принципы вокальной аннотации. Версия 10.01.2019. [Электронный документ] (https://www.multidiscourse.ru/data/ann/pears_vocal%20annotation.pdf). Проверено 30.1.2019.
- Коротаев, Н. А., Кибрик, А. А. & Подлесская, В. И. 2009. Осложнения канонической структуры: на стыке моно- и полипредикативности. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Под ред. А. А. Кибрика & В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 219–332.
- Краевская, Н. М. 1978. О психологической паузе и ее заполнителях в разговорной речи. *Вопросы стилистики* 14, 1978, 162–164.
- КРГ = *Краткая русская грамматика*. Под ред. Н. Ю. Шведовой & В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989.
- Ладыженская, Б. Я. 1984. Пауза как элемент просодической организации устного спонтанного высказывания. *Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология* 1984, 2, 70–76.
- Лаптева, О. А. 2007 [1990]. *Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте*. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ.
- Левонтина, И. Б. 2011. Частицы переспроса и припоминания. *Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*. Отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин & Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 269–278.
- Мустайоки, А. 2006. *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. М.: Языки славянской культуры.
- Пауккери, П. 1997. *Употребление частицы да в русской разговорной речи и ее функциональные соответствия в финском языке*. Дипломная работа (pro gradu -tutkielma). Отделение славистики и баллистики. Humanistisen tiedekunnan kirjasto. Helsinki.

- Пауккери, П. 2006. *Реципиент в русском разговоре: о распределении функций между ответами да, ну и так*. Докторская диссертация. (= Slavica Helsingiensia 28.) Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures.
- Плунгян, В. А. 2008. Предисловие: дискурс и грамматика. *Грамматические категории в дискурсе*. Отв. ред. В. А. Плунгян. (= Исследования по теории грамматики 4.) М.: Гнозис, 7–34. [Электронный документ] (http://iling-ran.ru/library/grammar_theory_group/itg4.pdf). Проверено 21.8.2017.
- Подлеская, В. И. 2013. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» 2013: Computational linguistics and intellectual technologies: papers from the annual international conference “Dialogue” 2013, Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.* Вып. 12:19. Том 1: Основная программа конференции. Гл. ред. В. П. Селегей. М.: Изд-во РГГУ, 619–631. [Электронный документ] (http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf). Проверено 18.12.2019.
- Подлеская, В. И. 2014. «Старую структуру ремонтировать или новую строить?» (стратегии говорящего при обнаружении собственной ошибки). Лекция на семинаре по русскому языку на отделении современных языков Хельсинкского университета 15.1.2014.
- Подлеская, В. И. & Кибрик, А. А. 2005. Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования. *Труды международной конференции «Диалог 2005» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. [Электронный документ] (<http://change.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>). Проверено 30.1.2019.
- Подлеская, В. И. & Кибрик, А. А. 2007. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. *Научно-техническая информация* 2007, 2, 2–23. [Электронный документ] (http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/Self-repair@NTI_2007.pdf). Проверено 30.1.2019.
- Подлеская, В. И. & Кибрик, А. А. 2009. Речевые сбои и затруднения. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Под ред. А. А. Кибрика & В. И. Подлеской. М.: Языки славянских культур, 177–218.
- Подлеская, В. И. & Комарова, А. Д. 2010. Самоисправления говорящего в японском устном нарративе: анализ корпусных данных. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» 2010: Computational linguistics and intellectual technologies: papers from the annual international conference “Dialogue” 2010, Бекасово, 26–30 мая 2010 г.* Вып. 9:16. Гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 382–388. [Электронный документ] (<http://www.dialog-21.ru/media/2769/dialog2010.pdf>). Проверено 18.12.2019.
- Подлеская, В. И., Коротаев, Н. А. & Мазурина, С. И. 2019. Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» 2019: Computational linguistics and intellectual technologies: papers from the annual international conference “Dialogue” 2019, Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.* Вып. 18:25. Гл. ред. В. П. Селегей. 547–561. [Электронный документ] (http://www.dialog-21.ru/media/4872/_dialog2019scopus_rev2.pdf). Проверено 17.12.2019.

- Попова, Т. И. 2002. *Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте.* (= Филологические исследования.) СПб.: СПбГУ.
- Потанина, Ю. Д., Подлесская, В. И. & Федорова, О. В. 2016. Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: данные русского мультимодального корпуса. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» 2016: Computational linguistics and intellectual technologies: proceedings of the annual international conference "Dialogue" 2016, Москва, 1–4 июля 2016 г.* Вып. 15:22. Гл. ред. В. П. Селегей. М.: Изд-во РГГУ, 566–577. [Электронный документ] (<http://www.dialog-21.ru/media/3478/dialogue2016.pdf>). Проверено 18.12.2019.
- Прокуровская, Н. А. 1983. Незнаменательная лексика. *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: лексика.* Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 157–187.
- Ринне, Х. 2006. *О функциях заполнителей пауз: классификация функций по данным предыдущих исследований и изучение функций при организации исправления и смены ролей в беседах на российском телевидении.* Дипломная работа (pro gradu - tutkielma). Отделение славистики и баллистики. Humanistisen tiedekunnan kirjasto. Helsinki.
- Ринне, Х. 2009. *Самоисправления в русском языке: особенный тип – частичный отказ построения высказывания.* Доклад на конференции «On Russianness» University of Helsinki, the Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures and the Department of Sociology 4.12.2009.
- Рогозин, Д. & Яшина, А. 2007. Анализ коммуникативных сбоев в экспертном интервью. *Социальная реальность* 2007, 5, 86–101. [Электронный документ] (<http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-265.pdf>). Проверено 11.5.2017.
- РРР = *Русская разговорная речь.* Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973.
- РЯЭ = *Русский язык: энциклопедия.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия & Издательский дом Дрофа, 1997.
- Сатюкова, Д. Н. & Воейкова, М. Д. 2010. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи. *Избыточность в грамматическом строе языка.* Отв. ред. М. Д. Воейкова. (= Acta Linguistica Petropolitana, Труды Института лингвистических исследований РАН. Отв. ред. Н. Н. Казанский. Том 6. Часть 2.) СПб: Наука, 184–224.
- Сиротинина, О. Б. 1974. *Современная разговорная речь и ее особенности.* М.: Просвещение.
- Сичинава, Д. В. 2008. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции. *Грамматические категории в дискурсе.* Отв. ред. В. А. Плунгян. (= Исследования по теории грамматики 4.) М.: Гнозис, 241–274. [Электронный документ] (http://iling-ran.ru/library/grammar_theory_group/itg4.pdf). Проверено 21.8.2017.
- Степанов, В. Н. 2008. *Прагматика спонтанной телевизионной речи.* Ярославль: МУБиНТ.
- Стернин, И. А. & Стернина, М. А. 2001. Основные различия русского и американского поведения. *Очерк американского коммуникативного поведения.* Под ред. И. А. Стернина и М. А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 179–194.

- Столярова, Э. А. 2003 [1992]. Части речи. *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: грамматика*. Изд. 2-е, стереотипное. Под ред. О. Б. Сиротининой. М.: УРСС, 4–47.
- ТСРЯ = Ожегов, С. И. & Шведова, Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Изд. 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999.
- Хуршудян, В. Г. 2006. *Средства выражения хезитации в устном армянском дискурсе в типологической перспективе*. Докторская диссертация. Российский государственный гуманитарный университет. М.
- Шаронов, В. Н. 1996. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания. *Русистика сегодня* 1996, 2, 89–111.
- Шмелев, А. Д. 2004. «Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры. *Жанр интервью: особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге*. Под ред. М. Лейнонен. (= Slavica Tampereusia 6.) Tampere: Tampere University Press, 205–222.
- Шмелев, А. Д. & Протасова, Е. Ю. 1998. «Хмыканье» и «меканье» в русской речи. CD-ROM "Aikalainen". Helsinki: Point.
- Янко, Т. Е. 2008. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. М: Языки славянской культуры.

Источники на других языках

- Aho, E. & Yli-Luukko, E. 2005. Intonaatiojaksoista. *Virittäjä* (109) 2005, 2, 201–220.
- Amiridze, N., Davis, B. H. & MacLagan, M. (eds.) 2010. *Fillers, pauses and placeholders*. (= Typological Studies in Language 93.) Amsterdam etc.: John Benjamins.
- Arnold, J. E., Fagnano, M. & Tanenhaus, M. K. 2003. Disfluencies signal thee, um, new information. *Journal of Psycholinguistic Research* (32) 2003, 1, 25–36.
- Arnold, J. E., Tanenhaus, M. K., Altmann, R. J. & Fagnano, M. 2004. The old and thee, uh, new: disfluency and reference resolution. *Psychological Science* (15) 2004, 9, 578–582.
- Atkinson, J. M. & Heritage, J. (eds.) 1984. *Structures of social action: studies in conversation analysis*. (= Studies in Emotion and Social Interaction.) Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Auer, P. 1996. On the prosody and syntax of turn-continuations. *Prosody in conversation: interactional studies*. Ed. by E. Couper-Kuhlen & M. Selting. (= Studies in Interactional Sociolinguistics 12.) Cambridge: Cambridge University Press, 57–100.
- Auer, P. 2005. Projection in interaction and projection in grammar. *Text* (25) 2005, 1, 7–36.
- Auer, P. 2009. On-line syntax: thoughts on the temporality of spoken language. *Language Sciences* (31) 2009, 1, 1–13.
- Aulanko, R. 2009. Puheentuottomekanismit. *Puhuva ihminen: puhetieteiden perusteet*. Toim. O. Aaltonen, R. Aulanko, A. Iivonen, A. Klippi & M. Vainio. Helsinki: Otava, 136–148.
- Baars, B. J. & Gage, N. M. 2010. *Cognition, brain, and consciousness: introduction to cognitive neuroscience*. Second edition. Amsterdam etc.: Elsevier.
- Baddeley, A. 2000. The episodic buffer: a new component of working memory? *Trends in Cognitive Sciences* (4) 2000, 11, 417–423.

- Baddeley, A. 2005 [1997]. *Human memory: theory and practice*. Revised edition. Hove etc.: Psychology Press.
- Baddeley, A. 2014. *Essentials of human memory*. Classic edition. London etc.: Psychology Press.
- Bakti, M. 2019. Error type disfluencies in consecutively interpreted and spontaneous monolingual Hungarian speech. *Proceedings of DiSS 2019: the 9th workshop on disfluency in spontaneous speech, ELTE, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, 12–13 September 2019*. Ed. by R. L. Rose & R. Eklund. Budapest: ELTE, 71–74. [Электронный документ] (<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1353206/FULLTEXT01.pdf>). Проверено 17.12.2019.
- Barik, H. C. 1968. On defining juncture pauses: a note on Boomer's "hesitation and grammatical encoding". *Language and Speech* (11) 1968, 3, 156–159.
- Barth-Weingarten, D. 2009. When to say something – on prosodic-phonetic cues to the placement and types of responses in multi-unit turns. *Where prosody meets pragmatics*. Ed. by D. Barth-Weingarten, N. Dehé & A. Wichmann. (= Studies in Pragmatics 8.) Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 143–181.
- Barth-Weingarten, D. 2016. *Intonation units revisited: cesuras in talk-in-interaction*. (= Studies in Language and Social Interaction 29.) Amsterdam etc.: John Benjamins.
- Beattie, G. 1983. *Talk: an analysis of speech and non-verbal behaviour in conversation*. Milton Keynes: Open University Press.
- Berg, M. 2001. Vallan vahtikoira haukkuu, mutta ei pure: poliittikkoa syyllistävät toimittajan kysymykset televisiokeskustelussa. *Institutionaalinen vuorovaikutus: keskusteluanalyttisiä tutkimuksia*. Toim. J. Ruusuvuori, M. Haakana & L. Raevaara. (= Tietolipas 173.) Helsinki: SKS, 121–137.
- Berg, M. 2003. *Syytöksiä ja epäilyksiä: toimittajan ja poliitikon vuorovaikutuksesta televisiokeskustelussa*. Väitöskirja. (= Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 918.) Helsinki: SKS.
- Berner, A.-S. 2012. Älä jää ostarille pyörimään. *Helsingin Sanomat* 16.9.2012.
- Betz, S., Carlmeyer, B., Wagner, P. & Wrede, B. 2018. Interactive hesitation synthesis: modelling and evaluation. *Multimodal Technologies and Interaction* (2) 2018, 1. [Электронный документ] (<https://www.mdpi.com/2414-4088/2/1/9/htm>). Проверено 30.4.2019.
- Betz, S., Eklund, R. & Wagner, P. 2017. Prolongation in German. *Proceedings of DiSS 2017: the 8th workshop on disfluency in spontaneous speech, KTH Royal Institute of Technology, Stockholm, Sweden, 18–19 August 2017*. Ed. by R. Eklund & R. Rose. (= TMH-QPSR 58:1.) Stockholm: KTH, 13–16. [Электронный документ] (<http://roberteklund.info/conferences/diss2017>). Проверено 4.12.2019.
- Betz, S. & Kosmala, L. 2019. Fill the silence! Basics for modelling hesitation. *Proceedings of DiSS 2019: the 9th workshop on disfluency in spontaneous speech, ELTE, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, 12–13 September 2019*. Ed. by R. L. Rose & R. Eklund. Budapest: ELTE, 11–14. [Электронный документ] (<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1353206/FULLTEXT01.pdf>). Проверено 17.12.2019.
- Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S. & Finegan, E. 1999. *Longman grammar of spoken and written English*. London: Longman.
- Blankenship, J. & Kay, C. 1964. Hesitation phenomena in English speech: a study in distribution. *WORD* (20) 1964, 3, 360–372.
- Boomer, D. S. 1965. Hesitation and grammatical encoding. *Language and Speech* (8) 1965, 3, 148–158.

- Boomer, D. S. & Dittmann, A. T. 1962. Hesitation pauses and juncture pauses in speech. *Language and Speech* (5) 1962, 4, 215–220.
- Bortfeld, H., Leon, S. D., Bloom, J. E., Schober M. F. & Brennan, S. E. 2001. Disfluency rates in conversation: effects of age, relationship, topic, role, and gender. *Language and Speech* (44) 2001, 2, 123–147.
- Brennan, S. E. & Schober, M. F. 2001. How listeners compensate for disfluencies in spontaneous speech. *Journal of Memory and Language* (44) 2001, 2, 274–296.
- Brennan, S. E. & Williams, M. 1995. The feeling of another's knowing: prosody and filled pauses as cues to listeners about the metacognitive states of speakers. *Journal of Memory and Language* (34) 1995, 3, 383–398.
- Brouwer, C. E. 2003. Word searches in NNS-NS interaction: opportunities for language learning? *The Modern Language Journal* (87) 2003, 4, 534–545.
- Brown, P. & Levinson, S. 1978. Universals in language usage: politeness phenomena. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. Ed. by E. N. Goody. (= Cambridge Papers in Social Anthropology 8.) Cambridge etc.: Cambridge University Press, 56–289.
- Chafe, W. L. 1980a. The deployment of consciousness in the production of a narrative. *The pear stories: cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Ed. by W. L. Chafe. (= Advances in Discourse Processes 3.) Norwood (NJ): Ablex, 9–50.
- Chafe, W. L. 1980b. Some reasons for hesitating. *Temporal variables in speech: studies in honour of Frieda Goldman-Eisler*. Ed. by H. W. Dechert & M. Raupach. (= Janua Linguarum Series Maior 86.) The Hague etc.: Mouton, 169–180.
- Chafe, W. 1994. *Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago etc.: The University of Chicago Press.
- Clark, H. H. & Fox Tree, J. E. 2002. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking. *Cognition* (84) 2002, 1, 73–111.
- Corley, M. & Stewart, O. W. 2008. Hesitation disfluencies in spontaneous speech: the meaning of *um*. *Language and Linguistics Compass* (2) 2008, 4, 589–602.
- Couper-Kuhlen, E. & Ono, T. 2007. 'Incrementing' in conversation: a comparison of practices in English, German and Japanese. *Pragmatics* (17) 2007, 4, 513–552.
- Couper-Kuhlen, E. & Selting, M. 2001. Introducing interactional linguistics. *Studies in interactional linguistics*. Ed. by M. Selting & E. Couper-Kuhlen. (= Studies in Discourse and Grammar 10.) Amsterdam etc.: John Benjamins, 1–22.
- Couper-Kuhlen, E. & Selting, M. 2018. *Interactional linguistics: studying language in social interaction*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Crible, L., Degand, L. & Gilquin, G. 2017. The clustering of discourse markers and filled pauses: a corpus-based French-English study of (dis)fluency. *Languages in Contrast* (17) 2017, 1, 69–95.
- Cruttenden, A. 1997. *Intonation*. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Curl, T. S., Local, J. & Walker, G. 2006. Repetition and the prosody–pragmatics interface. *Journal of Pragmatics* (38) 2006, 10, 1721–1751.
- Davidson, J. 1984. Subsequent versions of invitations, offers, request and proposals dealing with potential or actual rejection. *Structures of social action: studies in conversation analysis*. Ed. by J. M. Atkinson & J. Heritage. (= Studies in Emotion and Social Interaction.) Cambridge etc.: Cambridge University Press, 102–128.

- Davis, B. H. & Maclagan, M. 2010. Pauses, fillers, placeholders and formulaicity in Alzheimer's discourse: gluing relationships as impairment increases. *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. by N. Amiridze, B. H. Davis & M. Maclagan. (= Typological Studies in Language 93.) Amsterdam etc.: John Benjamins, 189–215.
- Degand, L. & van Bergen, G. 2018. Discourse markers as turn-transition devices: evidence from speech and instant messaging. *Discourse Processes* (55) 2018, 1, 47–71.
- Dollaghan, C. A. & Campbell, T. F. 1992. A procedure for classifying disruptions in spontaneous language samples. *Topics in Language Disorders* (12) 1992, 2, 56–68.
- Drew, P. 2009. "Quit talking while I'm interrupting": a comparison between positions of overlap onset in conversation. *Talk in interaction: comparative dimensions*. Ed. by M. Haakana, M. Laakso & J. Lindström. (= Studia Fennica, Linguistica 14.) Helsinki: Finnish Literature Society, 70–93.
- Drew, P. & Heritage, J. 1992. Analyzing talk at work: an introduction. *Talk at work: interaction in institutional settings*. Ed. by P. Drew & J. Heritage. (= Studies in Interactional Sociolinguistics 8.) Cambridge: Cambridge University Press, 3–65.
- Drew, P. & Sorjonen, M.-L. 1997. Institutional dialogue. *Discourse as social interaction*. Ed. by T. A. van Dijk. (= Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction 2.) London etc.: SAGE, 92–118.
- Duvallon, O. & Routarinne, S. 2001. Parenteesi keskustelun kielipolin voimavarana. *Keskusteluanalyysin näkymiä*. Toim. M. Halonen & S. Routarinne. (= Kieli 13.) Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 122–154.
- Eklund, R. 2010. The effect of directed and open disambiguation prompts in authentic call center data on the frequency and distribution of filled pauses and possible implications for filled pause hypotheses and data collection methodology. *Proceedings of DiSS-LPSS joint workshop 2010: the 5th workshop on disfluency in spontaneous speech and the 2nd international symposium on linguistic patterns in spontaneous speech, The University of Tokyo, Tokyo, Japan, 25–26 September 2010*. Tokyo: University of Tokyo, 23–26. [Электронный документ] (<http://roberteklund.info/conferences/diss2017>). Проверено 9.12.2019.
- Eriksson, M. 1997. *Ungdomars berättande: en studie i struktur och interaktion*. (= Skrifter utgivna av institutionen för nordiska språk vid Uppsala universitet 43.) Uppsala: Institution för nordiska språk vid Uppsala universitet.
- Erman, B. 2007. Cognitive processes as evidence of the idiom principle. *International Journal of Corpus Linguistics* (12) 2007, 1, 25–53.
- Etelämäki, M. & Jaakola, M. 2009. "Tota" ja puhetilanteen todellisuus. *Virittäjä* (113) 2009, 2, 188–212.
- Eysenck, M. W. 2009. *Fundamentals of psychology*. Hove etc.: Psychology Press.
- Fehringer, C. & Fry, C. 2007. Hesitation phenomena in the language production of bilingual speakers: the role of working memory. *Folia Linguistica* (41) 2007, 1–2, 37–72.
- Fischer, K. 2000. *From cognitive semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles*. Berlin etc.: Mouton de Gruyter.
- Ford, C. E. 2004. Contingency and units in interaction. *Discourse Studies* (6) 2004, 1, 27–52.
- Ford, C. E., Fox, B. A. & Thompson, S. A. 1996. Practices on the construction of turns: the "TCU" revisited. *Pragmatics* (6) 1996, 3, 427–454.
- Ford, C. E., Fox, B. A. & Thompson, S. A. 2002. Constituency and the grammar of turn increments. *The language of turn and sequence*. Ed. by C. E. Ford, B. A. Fox & S. A.

- Thompson. (= Oxford Studies in Sociolinguistics.) Oxford etc.: Oxford University Press, 14–38.
- Ford, C. E. & Thompson, S. A. 1996. Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns. *Interaction and grammar*. Ed. by E. Ochs, E. A. Schegloff & S. A. Thompson. (= Studies in Interactional Sociolinguistics 13.) Cambridge: Cambridge University Press, 134–184.
- Forrester, M. A. 2008. The emergence of self-repair: a case study of one child during the early preschool years. *Research on Language and Social Interaction* (41) 2008, 1, 99–128.
- Fox, B. A. 2007. Principles shaping grammatical practices: an exploration. *Discourse Studies* (9) 2007, 3, 299–318.
- Fox, B. A., Hayashi, M. & Jasperson, R. 1996. Resources and repair: a cross-linguistic study of syntax and repair. *Interaction and grammar*. Ed. by E. Ochs, E. A. Schegloff & S. A. Thompson. (= Studies in Interactional Sociolinguistics 13.) Cambridge: Cambridge University Press, 185–237.
- Fox Tree, J. E. 1995. The effects of false starts and repetitions on the processing of subsequent words in spontaneous speech. *Journal of Memory and Language* (34) 1995, 6, 709–738.
- Fox Tree, J. E. 2001. Listeners' uses of *um* and *uh* in speech comprehension. *Memory & Cognition* (29) 2001, 2, 320–326.
- Fox Tree, J. E. 2006. Placing *like* in telling stories. *Discourse Studies* (8) 2006, 6, 723–743.
- Fox Tree, J. E. 2007. Folk notions of *um* and *uh*, *you know*, and *like*. *Text & Talk* (27) 2007, 3, 297–314.
- Fox Tree, J. E. & Clark, H. H. 1997. Pronouncing “the” as “thee” to signal problems in speaking. *Cognition* (62) 1997, 2, 151–167.
- FPRC = Filled Pause Research Center. [Электронный документ] (<http://filledpause.com>). Проверено 4.12.2019.
- Gardner, R. 2001. *When listeners talk: response tokens and listener stance*. (= Pragmatics & Beyond, New Series 92.) Amsterdam etc.: John Benjamins.
- Georgakopoulou, A. 2011. Narrative analysis. *The SAGE handbook of sociolinguistics*. Ed. by R. Wodak, B. Johnstone & P. Kerswill. London etc.: SAGE, 396–411.
- Goffman, E. 1967. *Interaction ritual: essays in face-to-face behavior*. Chicago: Aldine.
- Goffman, E. 1978. Response cries. *Language* (54) 1978, 4, 787–815.
- Goldman-Eisler, F. 1961. A comparative study of two hesitation phenomena. *Language and Speech* (4) 1961, 1, 18–26.
- Goldman-Eisler, F. 1968. *Psycholinguistics: experiments in spontaneous speech*. London etc.: Academic Press.
- Good, D. A. & Butterworth, B. L. 1980. Hesitancy as a conversational resource: some methodological implications. *Temporal variables in speech: studies in honour of Frieda Goldman-Eisler*. Ed. by H. W. Dechert & M. Raupach. (= Janua Linguarum Series Maior 86.) The Hague etc.: Mouton Publishers, 145–152.
- Goodwin, C. 1981. *Conversational organization: interaction between speakers and hearers*. (= Language, Thought, and Culture.) New York etc.: Academic Press.
- Goodwin, C. 1984. Notes on story structure and the organization of participation. *Structures of social action: studies in conversation analysis*. Ed. by J. M. Atkinson & J. Heritage. (= Studies in Emotion and Social Interaction.) Cambridge etc.: Cambridge University Press, 225–246.

- Goodwin, C. 1987. Forgetfulness as an interactive resource. *Social Psychology Quarterly* (50) 1987, 2, 115–130.
- Goodwin, C. 2007. Participation, stance and affect in the organization of activities. *Discourse & Society* (18) 2007, 1, 53–73.
- Goodwin, C. & Heritage, J. 1990. Conversation analysis. *Annual Review of Anthropology* 19, 1990, 283–307.
- Goodwin, M. H. 1990. *He-said-she-said: talk as social organization among black children*. Bloomington etc.: Indiana University Press.
- Goodwin, M. H. & Goodwin, C. 1986. Gesture and coparticipation in the activity of searching for a word. *Semiotica* (62) 1986, 1/2, 51–75.
- Gósy, M. & Eklund, R. 2017. Segment prolongation in Hungarian. *Proceedings of DiSS 2017: the 8th workshop on disfluency in spontaneous speech, KTH Royal Institute of Technology, Stockholm, Sweden, 18–19 August 2017*. Ed. by R. Eklund & R. Rose. (= TMH-QPSR 58:1.) Stockholm: KTH, 29–32. [Электронный документ] (<http://roberteklund.info/conferences/diss2017>). Проверено 4.12.2019.
- Graham, L. A. 2018. Variation in hesitation: the case of *este* vs. *eh* in Latin American Spanish. *Spanish in Context* (15) 2018, 1, 1–26.
- Grenoble, L. & Riley, M. 1996. The role of deictics in discourse coherence: French *voici/voilà* and Russian *vot/von*. *Journal of Pragmatics* (25) 1996, 6, 819–838.
- Grice, H. P. 1975. Logic and conversation. *Speech acts*. Ed. by P. Cole & J. L. Morgan. (= Syntax and Semantics 3.) New York (NY) etc.: Academic Press, 41–58.
- Griffin, Z. M. & Bock, K. 2000. What the eyes say about speaking. *Psychological Science* (11) 2000, 4, 274–279.
- Griffin, Z. M. & Ferreira, V. S. 2006. Properties of spoken language production. *Handbook of psycholinguistics*. Second edition. Ed. by M. J. Traxler & M. A. Gernsbacher. Amsterdam etc.: Elsevier, 21–59.
- Haakana, M. 2001. Kielen ohessa? Näkökulmia vuorovaikutuksen ei-kiellellisiin keinoihin. *Keskustelunalyysin näkymiä*. Toim. M. Halonen & S. Routarinne. (= Kieli 13.) Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 70–88.
- Haddington, P. & Sivonen, J. 2010. Johdanto. *Kielentutkimuksen modernit klassikot: kognitiivinen ja funktionaalinen kielitiede*. Toim. P. Haddington & J. Sivonen. Helsinki: Gaudeamus, 7–17.
- Hakulinen, A. 1989. Keskustelun luonnehtimisesta konteksti- ja funktionaalisten tekijöiden nojalla. *Suomalaisen keskustelun keinoja 1*. Toim. A. Hakulinen. (= Kieli 4.) Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 41–72.
- Hakulinen, A. 1996. Johdanto: keskustelunalyysin profiilista ja tilasta. *Suomalaisen keskustelun keinoja 2*. Toim. A. Hakulinen. (= Kieli 10.) Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 9–22.
- Hakulinen, A. 1997a. Johdanto. *Keskustelunalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 13–17.
- Hakulinen, A. 1997b. Vuorottelujäsennys. *Keskustelunalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 32–55.
- Hakulinen, A. & Selting, M. 2005. Introduction. *Syntax and lexis in conversation: studies on the use of linguistic resources of talk-in-interaction*. Ed. by A. Hakulinen & M. Selting. (= Studies in Discourse and Grammar 17.) Amsterdam etc.: John Benjamins, 1–14.
- ten Have, P. 1990. Methodological issues in conversation analysis. *Bulletin de Méthodologie Sociologique* (27) 1990, 1, 23–51. [Электронный документ] (http://www.paultenhaven.nl/mica.htm#N_1). Проверено 13.3.2018.

- Hayashi, M. 2003. Language and the body as resources for collaborative action: a study of word searches in Japanese conversation. *Research on Language and Social Interaction* (36) 2003, 2, 109–141.
- Helasvuo, M.-L. 1991. Syntaktiset rakenteet kertomuksen jäsennyksen osoittimina. *Virittäjä* (95) 1991, 1, 33–47.
- Helasvuo, M.-L., Laakso, M. & Sorjonen, M.-L. 2004. Searching for words: syntactic and sequential construction of word search in conversations of Finnish speakers with aphasia. *Research on Language and Social Interaction* (37) 2004, 1, 1–37.
- Heritage, J. 1984. *Garfinkel and ethnomethodology*. Cambridge: Polity Press.
- Heritage, J. 1996 [1984]. *Harold Garfinkel ja etnometodologia*. Suom. I. Arminen, O. Paloposki, A. Peräkylä, S. Vehviläinen & S. Veijola. Helsinki: Gaudeamus. (J. Heritage. Garfinkel and ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1984.)
- Heritage, J. & Atkinson, J. M. 1984. Introduction. *Structures of social action: studies in conversation analysis*. Ed. by J. M. Atkinson & J. Heritage. (= Studies in Emotion and Social Interaction.) Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1–15.
- Heritage, J. & Greatbatch, D. 1991. On the institutional character of institutional talk: the case of news interviews. *Talk and social structure: studies in ethnomethodology and conversation analysis*. Ed. by D. Boden & D. H. Zimmerman. Cambridge: Polity Press, 93–137.
- Heritage, J. & Roth, A. L. 1995. Grammar & institution: questions and questioning in the broadcast news interview. *Research on Language and Social Interaction* (28) 1995, 1, 1–60.
- Hirsjärvi, S. 2000 [1997]. Aineiston hankinta, analyysi ja johtopäätökset. *Tutki ja kirjoita*. 5. painos. Toim. S. Hirsjärvi, P. Remes & P. Sajavaara. Helsinki: Tammi, 176–222.
- Hoffmann, L. 1997. Interjektionen und Responsive. *Grammatik der deutschen Sprache*. Herausgegeben von H.-W. Eroms, G. Stickel & G. Zifonun. (= Schriften des Instituts für deutsche Sprache 7:1.) Berlin etc.: Walter de Gruyter, 360–408.
- Hopper, P. J. & Thompson, S. A. 1980. Transitivity in grammar and discourse. *Language* (56) 1980, 2, 251–299.
- Horne, M. 2009. Creaky fillers and speaker attitude: data from Swedish. *Where prosody meets pragmatics*. Ed. by D. Barth-Weingarten, N. Dehé & A. Wichmann. (= Studies in Pragmatics 8.) Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 277–288.
- HUS = *Muisti ja oppiminen*. HUS. [Электронный документ] (http://www.hus.fi/sairaanhoito/sairaanhoitopalvelut/foniatria/lapsen_neuropsychologia_nen_arvio/muisti_ja_oppiminen/Sivut/default.aspx). Проверено 31.3.2018.
- Hutchby, I. & Wooffitt, R. 2008. *Conversation analysis*. Second edition. Cambridge: Polity Press.
- Israeli, A. 1997. Syntactic reduplication in Russian: a cooperative principle device in dialogues. *Journal of Pragmatics* (27) 1997, 5, 587–609.
- Jasperson, R. 2002. Some linguistic aspects of closure cut-off. *The language of turn and sequence*. Ed. by C. E. Ford, B. A. Fox & S. A. Thompson. (= Oxford Studies in Sociolinguistics.) Oxford etc.: Oxford University Press, 257–286.
- Jay, T. B. 2003. *Psychology of language*. Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall.
- Jefferson, G. 1972. Side sequences. *Studies in social interaction*. Ed. by D. Sudnow. New York (NY): The Free Press, 294–338.
- Jefferson, G. 1974. Error correction as an interactional resource. *Language in Society* (3) 1974, 2, 181–199.

- Jefferson, G. 1978. Sequential aspects of storytelling in conversation. *Studies in the organization of conversational interaction*. Ed. by J. Schenkein. (= Language, Thought, and Culture.) New York (NY) etc.: Academic Press, 219–248.
- Jefferson, G. 1983. On a failed hypothesis: ‘conjunctionals’ as overlap-vulnerable. *Tilburg Papers in Language and Literature* 28, 1–33. Tilburg: Tilburg University.
- Jefferson, G. 1990. List construction as a task and interactional resource. *Interactional competence*. Ed. by G. Psathas. (= Studies in Ethnomethodology and Conversation Analysis 1.) Washington (DC): University Press of America, 63–92.
- Keevallik, L. 2010a. Marking boundaries between activities: the particle *nii* in Estonian. *Research on Language and Social Interaction* (43) 2010, 2, 157–182.
- Keevallik, L. 2010b. The interactional profile of a placeholder: the Estonian demonstrative *see*. *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. by N. Amiridze, B. H. Davis & M. MacLagan. (= Typological Studies in Language 93.) Amsterdam etc.: John Benjamins, 139–172.
- Koivisto, A. 2011. *Sanomattakin selvää? Ja, mutta ja että puheenvuoron lopussa*. Väitöskirja. Helsinki: Unigrafia Oy.
- Kosmala, L. & Morgenstern, A. 2019. Should ‘uh’ and ‘um’ be categorized as markers of disfluency? The use of fillers in a challenging conversational context. *Fluency and disfluency across languages and language varieties*. Ed. by L. Degand, G. Gilquin, L. Meurant & A. C. Simon. (= Corpora and Language in Use – Proceedings 4.) Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain. [Электронный документ] (<https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02360614/document>). Проверено 10.12.2019.
- Krause, C. 2009. Aivojen sähköinen värähtelevä toiminta puheen ja muistin tutkimuksessa. *Puhuva ihminen: puhetieteiden perusteet*. Toim. O. Aaltonen, R. Aulanko, A. Iivonen, A. Klippi & M. Vainio. Helsinki: Otava, 255–260.
- Kunelius, S. 1998. *Niinku-partikkeli keskustelussa*. Pro gradu -tutkielma. Suomen kielen laitos. Humanistisen tiedekunnan kirjasto. Helsinki.
- Kurhila, S. 2003. *Co-constructing understanding in second language conversation*. Doctoral dissertation. Helsinki: University of Helsinki.
- Kylänpää, E. 1981. Puhekielen tauotuksesta. *Kirjoituksia puhekielestä*. Toim. M. K. Suojanen. (= Turun puhekielen projektin julkaisuja 1, Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 14.) Turku: Turun yliopisto, 97–108.
- Kärkkäinen, E. 2006. Stance taking in conversation: from subjectivity to intersubjectivity. *Text & Talk* (26) 2006, 6, 699–731.
- Kärkkäinen, H., de Silva, V. & Ullakonoja, R. 2006. Havaintoja perustaajuudesta spontaanin puheen jaksottelussa suomessa ja venäjässä. *Fonetiikan päivät 2006: the phonetics symposium 2006*. Toim. R. Aulanko, L. Wahlberg & M. Vainio. (= Helsingin yliopiston puhetieteiden laitoksen julkaisuja 53.) Helsinki: Helsingin yliopisto, puhetieteiden laitos, 84–92.
- Laakso, M. 1997. *Self-initiated repair by fluent aphasic speakers in conversation*. Doctoral dissertation. (= Studia Fennica Linguistica 8.) Helsinki: Finnish Literature Society.
- Laakso, M. 2006. Kaksivuotiaiden lasten oman puheen korjaukset keskustelussa. *Puhe ja kieli* (26) 2006, 2, 123–136.
- Laakso, M. & Lehtola, M. 2003. Sanojen hakeminen afaattisen henkilön ja läheisen keskustelussa. *Puhe ja kieli* (23) 2003, 1, 1–24.
- Labov, W. 1972. *Language in the inner city: studies in the black English vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

- Labov, W. 1997. Some further steps in narrative analysis. *Journal of Narrative and Life History* (7) 1997, 1–4, 395–415. [Электронный документ] (<https://www.ling.upenn.edu/~wlabov/sfs.html>). Проверено 30.1.2019.
- Labov, W. & Waletzky, J. 1967. Narrative analysis: oral versions of personal experience. *Essays on the verbal and visual arts: proceedings of the 1966 annual spring meeting of the American ethnological society*. Ed. by J. Helm. Washington (DC) etc.: American Ethnological Society, 12–44.
- Laitinen, H. 2013. Hesitation markers in transitions within (story)telling sequences of Russian television shows. *Approaches to Slavic interaction*. Ed. by N. Thielemann & P. Kosta. (= Dialogue Studies 20.) Amsterdam etc.: John Benjamins, 85–102.
- Lalljee, M. G. & Cook, M. 1969. An experimental investigation of the function of filled pauses in speech. *Language and Speech* (12) 1969, 1, 24–28.
- Lalljee, M. & Cook, M. 1974. Filled pauses and floor-holding: the final test? *Semiotica* (12) 1974, 3, 219–225.
- Langacker, R. W. 1987. *Foundations of cognitive grammar*. Volume 1: Theoretical Prerequisites. Stanford (CA): Stanford University Press.
- Lappalainen, H. 2004. *Variaatio ja sen funktiot: erään sosiaalisen verkoston jäsenten kielellisen variaation ja vuorovaikutuksen tarkastelua*. Väitöskirja. (= Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 964.) Helsinki: SKS.
- Laury, R. 2005a. Dialogic syntax and the emergence of topics in interaction – an initial exploration. *Travaux neuchâtelois de linguistique* 41, 2005, 165–189.
- Laury, R. 2005b. Merkkiteos partikkeleista. Kirja-arvio. *Virittäjä* (109) 2005, 4, 631–639.
- Lautenbacher, O. P. 2007. Anaforinen pronomini ja puhutun kielen arkkitehtuuri. Kirja-arvio. *Virittäjä* (111) 2007, 3, 460–466.
- Leino, P. 1989. Paikallissijat ja suhdesääntö: kognitiivisen kieliopin näkökulma. *Virittäjä* (93) 1989, 2, 161–219.
- Leinonen, M. 1985. Finnish and Russian as they are spoken: from linguistic to cultural typology. *Scando-Slavica* 31, 1985, 117–144.
- Lerner, G. H. 1991. On the syntax of sentences-in-progress. *Language in Society* (20) 1991, 3, 441–458.
- Lerner, G. H. 1994. Responsive list construction: a conversational resource for accomplishing multifaceted social action. *Journal of Language and Social Psychology* (13) 1994, 1, 20–33.
- Levelt, W. J. M. 1983. Monitoring and self-repair in speech. *Cognition* (14) 1983, 1, 41–104.
- Levelt, W. J. M. 1989. *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge etc.: The MIT Press.
- Levelt, W. J. M., Roelofs, A. & Meyer, A. S. 1999. A theory of lexical access in speech production. *Behavioral and Brain Sciences* (22) 1999, 1, 1–75.
- Levinson, S. C. 1983. *Pragmatics*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Lickley, R. J. 1994. *Detecting disfluency in spontaneous speech*. Doctoral dissertation. University of Edinburgh. Edinburgh. [Электронный документ] (<https://era.ed.ac.uk/handle/1842/21358>). Проверено 13.12.2019.
- Lilja, N. 2001. *Äidinkielen puhujan tekemät itsekorjaukset ja toisen korjaukset kakkoskielisessä keskustelussa*. Pro gradu -tutkielma. Suomen kielen laitos. Jyväskylän yliopiston kirjasto. Jyväskylä.
- Lindström, J. 2006. Kielitieteen ja keskusteluanalyysin rajapinnalta. Kirja-arvio. *Virittäjä* (110) 2006, 3, 475–480.

- Londen, A.-M. 1997. Kahden- ja monenkeskinen keskustelu. *Keskustelunanalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 56–74.
- Longacre, R. E. 1989. Two hypotheses regarding text generation and analysis. *Discourse Processes* (12) 1989, 4, 413–460.
- Lounsbury, F. G. 1954. Transitional probability, linguistic structure, and systems of habit-family hierarchies. *Psycholinguistics: a survey of theory and research problems: report of the 1953 summer seminar sponsored by the committee on linguistics and psychology of the social science research council*. Ed. by C. E. Osgood. Associate ed. T. A. Sebeok. (= Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics, Memoir 10.) Baltimore (Md.): Waverly Press, 93–101.
- MacLay, H. & Osgood, C. E. 1959. Hesitation phenomena in spontaneous English speech. *WORD* (15) 1959, 1, 19–44.
- Maekawa, K. 2019. Five pieces of evidence suggesting large lookahead in spontaneous monologue. *Proceedings of DiSS 2019: the 9th workshop on disfluency in spontaneous speech, ELTE, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, 12–13 September 2019*. Ed. by R. L. Rose & R. Eklund. Budapest: ELTE, 7–10. [Электронный документ] (<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1353206/FULLTEXT01.pdf>). Проверено 17.12.2019.
- Mauranen, A. 2009. Chunking in ELF: expressions for managing interaction. *Intercultural Pragmatics* (6) 2009, 2, 217–233.
- Mauranen, A. 2016. Temporality in speech – linear unit grammar. *English Text Construction* (9) 2016, 1, 77–98.
- McNeill, D. & Duncan, S. D. 2000. Growth points in thinking-for-speaking. *Language and gesture*. Ed. by D. McNeill. (= Language, Culture and Cognition 2.) Cambridge: Cambridge University Press, 141–161.
- Merlo, S. & Barbosa, P. A. 2010. Hesitation phenomena: a dynamical perspective. *Cognitive Processing* (11) 2010, 3, 251–261.
- Meyer, A. S., Belke, E., Häcker, C. & Mortensen, L. 2007. Use of word length information in utterance planning. *Journal of Memory and Language* (57) 2007, 2, 210–231.
- Mikkola, P. 2014. Samanlinjaisuus ja erilinjaisuus kehityskeskusteluissa: alaisen mahdollisuudet vaikuttaa topiikin määrittelyyn ja tulkintaan. *Puhe ja kieli* (34) 2014, 4, 175–199.
- Miller, G. A. 1956. The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review* (63) 1956, 2, 81–97.
- Moniz, H. 2019. Processing disfluencies in distinct speaking styles: idiosyncrasies and transversality. *Proceedings of DiSS 2019: the 9th workshop on disfluency in spontaneous speech, ELTE, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, 12–13 September 2019*. Ed. by R. L. Rose & R. Eklund. Budapest: ELTE, 1–2. [Электронный документ] (<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1353206/FULLTEXT01.pdf>). Проверено 17.12.2019.
- Mustajoki, A. 1993. *Mielestä kieleen: kontrastiivisen funktionaalisen lauseopin teoriaa*. Helsinki: Yliopistopaino.
- Mälkiä, T. 2008. *Moraalia vai lääketiedettä? Kuinka sikiödiagnostiikasta ja selektiivisestä abortista puhutaan perinnöllisyysneuvonnassa*. Väitöskirja. (= Acta Universitatis Tamperensis 1360, Acta Electronica Universitatis Tamperensis 778.) Tampere: Tampereen Yliopistopaino Oy. [Электронный документ] (<https://docplayer.fi/18602293-Moraalia-vai-laaketiedetta.html>). Проверено 1.3.2019.

- Niemelä, M. 2011. *Resonance in storytelling: verbal, prosodic and embodied practices of stance taking*. Doctoral dissertation. (= Acta Universitatis Ouluensis, B Humaniora 95.) Oulu: University of Oulu. [Электронный документ] (<http://herkules.oulu.fi/isbn9789514294174/isbn9789514294174.pdf>). Проверено 30.3.2019.
- Nooteboom, S. & Quené, H. 2017. The time course of self-monitoring within words and utterances. *Proceedings of DiSS 2017: the 8th workshop on disfluency in spontaneous speech, KTH Royal Institute of Technology, Stockholm, Sweden, 18–19 August 2017*. Ed. by R. Eklund & R. Rose. (= TMH-QPSR 58:1.) Stockholm: KTH, 45–48. [Электронный документ] (<http://roberteklund.info/conferences/diss2017>). Проверено 4.12.2019.
- Norrick, N. R. 2000. *Conversational narrative: storytelling in everyday talk*. (= Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, Series 4, Current Issues in Linguistic Theory 203.) Amsterdam etc.: John Benjamins.
- Norrick, N. R. 2005. Interactional remembering in conversational narrative. *Journal of Pragmatics* (37) 2005, 11, 1819–1844.
- Nuolijärvi, P. & Tiittula, L. 2000. *Televisiokeskustelun näyttämöllä: televisioinstitutionaalisuus suomalaisessa ja saksalaisessa keskustelukulttuurissa*. (= Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 768.) Helsinki: SKS.
- Ochs, E. & Capps, L. 2001. *Living narrative: creating lives in everyday storytelling*. Cambridge (MA) etc.: Harvard University Press.
- Ochs, E., Schegloff, E. A. & Thompson, S. A. (eds.) 1996. *Interaction and grammar*. (= Studies in Interactional Sociolinguistics 13.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Ogden, R. 2004. Non-modal voice quality and turn-taking in Finnish. *Sound patterns in interaction: cross-linguistic studies from conversation*. Ed. by E. Couper-Kuhlen & C. E. Ford. (= Typological Studies in Language 62.) Amsterdam etc.: John Benjamins, 29–62.
- O’Connell, D. C. & Kowal, S. 2005. *Uh* and *um* revisited: are they interjections for signaling delay? *Journal of Psycholinguistic Research* (34) 2005, 6, 555–576.
- Paukkeri, P. 2010. Venäjän mhmh (ugu). *Puhe ja kieli* (30) 2010, 2, 63–87.
- Peräkylä, A. 1997. Institutionaalinen keskustelu. *Keskusteluanalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 177–203.
- Podlesskaya, V. I. 2010. Parameters for typological variation of placeholders. *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. by N. Amiridze, B. H. Davis & M. MacLagan. (= Typological Studies in Language 93.) Amsterdam etc.: John Benjamins, 11–32.
- Pomerantz, A. 1984. Pursuing a response. *Structures of social action: studies in conversation analysis*. Ed. by J. M. Atkinson & J. Heritage. (= Studies in Emotion and Social Interaction.) Cambridge etc.: Cambridge University Press, 152–163.
- Postma, A. 2000. Detection of errors during speech production: a review of speech monitoring models. *Cognition* (77) 2000, 2, 97–131.
- PSYPEPE = *Lyhytkestoinen muisti & työmuisti*. Craftsman: PsyPepe, Helsingin yliopisto. [Электронный документ] (<http://psypepe.blogspot.com/2013/05/lyhytkestoinen-muisti-tyomuisti.html>). Проверено 31.3.2018.
- Raevaara, L. 1997. Vierusparit – esimerkkinä kysymys ja vastaus. *Keskusteluanalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 75–92.
- Raevaara, L. & Sorjonen, M.-L. 2006. Vuorovaikutuksen osanottajien toiminta ja genre: keskusteluanalyysin näkökulma. *Genre – tekstilaji*. Toim. A. Mäntynen, S. Shore & A. Solin. (= Tietolipas 213.) Helsinki: SKS, 122–150.

- Rathmayr, R. 1985. *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme*. (= Slavistische Beiträge 187.) München: Verlag Otto Sagner.
- Rieger, C. L. 2003. Repetitions as self-repair strategies in English and German conversations. *Journal of Pragmatics* (35) 2003, 1, 47–69.
- Rinne, H. 2010. Epäröintiäänteiden sijainti ja tehtävät korjausjäsennyksessä venäläisissä televisiokeskusteluissa. *Puhe ja kieli* (30) 2010, 2, 89–106.
- Rose, R. 2017. Silent and filled pauses and speech planning in first and second language production. *Proceedings of DiSS 2017: the 8th workshop on disfluency in spontaneous speech, KTH Royal Institute of Technology, Stockholm, Sweden, 18–19 August 2017*. Ed. by R. Eklund & R. Rose. (= TMH-QPSR 58:1.) Stockholm: KTH, 49–52. [Электронный документ] (<http://roberteklund.info/conferences/diss2017>). Проверено 4.12.2019.
- Rose, R. L. 2019. The structural signaling effect of silent and filled pauses. *Proceedings of DiSS 2019: the 9th workshop on disfluency in spontaneous speech, ELTE, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, 12–13 September 2019*. Ed. by R. L. Rose & R. Eklund. Budapest: ELTE, 19–22. [Электронный документ] (<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1353206/FULLTEXT01.pdf>). Проверено 17.12.2019.
- Routarinne, S. 1997. Kertomuksen rakentaminen. *Keskusteluanalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 138–155.
- Routarinne, S. 2003. *Tytöt äänessä: parenteesit ja nouseva sävelkulku kertojan vuorovaikutuskeinona*. Väitöskirja. (= Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 903.) Helsinki: SKS.
- Saarikoski, S. 2018. Menetetty Venäjä. *Helsingin Sanomat* 24.10.2018, B1–3.
- Sacks, H. 1974. An analysis of the course of a joke's telling in conversation. *Explorations in the ethnography of speaking*. Ed. by R. Bauman & J. Sherzer. London: Cambridge University Press, 337–353.
- Sacks, H. 1992 [1968–1972]. *Lectures on conversation*. Volume 2. Ed. by G. Jefferson. Oxford etc.: Blackwell.
- Sacks, H., Schegloff, E. A. & Jefferson, G. 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language* (50) 1974, 4, 696–735.
- Schachter, S., Christenfeld, N., Ravina, B. & Bilous, F. 1991. Speech disfluency and the structure of knowledge. *Journal of Personality and Social Psychology* (60) 1991, 3, 362–367.
- Schachter, S., Rauscher, F., Christenfeld, N. & Crone, K. T. 1994. The vocabularies of academia. *Psychological Science* (5) 1994, 1, 37–41.
- Schegloff, E. A. 1979. The relevance of repair to syntax-for-conversation. *Discourse and syntax*. Ed. by T. Givón. (= Syntax and Semantics 12.) New York (NY) etc.: Academic Press, 261–286.
- Schegloff, E. A. 1982. Discourse as an interactional achievement: some uses of 'uh huh' and other things that come between sentences. *Analyzing discourse: text and talk*. Ed. by D. Tannen. (= Georgetown University Round Table on Language and Linguistics 1981.) Washington (DC): Georgetown University Press, 71–93.
- Schegloff, E. A. 1992. Repair after next turn: the last structurally provided defense of intersubjectivity in conversation. *American Journal of Sociology* (97) 1992, 5, 1295–1345.
- Schegloff, E. A. 1996a. Turn organization: one intersection of grammar and interaction. *Interaction and grammar*. Ed. by E. Ochs, E. A. Schegloff & S. A. Thompson. (= Studies in Interactional Sociolinguistics 13.) Cambridge: Cambridge University Press, 52–133.

- Schegloff, E. A. 1996b. Issues of relevance for discourse analysis: contingency in action, interaction and co-participant context. *Computational and conversational discourse: burning issues – an interdisciplinary account*. Ed. by E. H. Hovy & D. R. Scott. Berlin etc.: Springer, 3–35.
- Schegloff, E. A. 1997a. “Narrative analysis” thirty years later. *Journal of Narrative and Life History* (7) 1997, 1–4, 97–106.
- Schegloff, E. A. 1997b. Practices and actions: boundary cases of other-initiated repair. *Discourse Processes* (23) 1997, 3, 499–545.
- Schegloff, E. A. 2007. *Sequence organization in interaction*. (= A Primer in Conversation Analysis 1.) Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Schegloff, E. A. 2009. A practice for (re-)exiting a sequence: And/but/so + uh(m) + silence. *Language in life, and a life in language: Jacob Mey – a Festschrift*. Ed. by B. Fraser & K. Turner. (= Studies in Pragmatics 6.) Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 365–374.
- Schegloff, E. A. 2010. Some other “uh(m)”s. *Discourse Processes* (47) 2010, 2, 130–174.
- Schegloff, E. A., Jefferson, G. & Sacks, H. 1977. The preference for self-correction in the organization of repair in conversation. *Language* (53) 1977, 2, 361–382.
- Schegloff, E. A., Ochs, E. & Thompson, S. A. 1996. Introduction. *Interaction and grammar*. Ed. by E. Ochs, E. A. Schegloff & S. A. Thompson. (= Studies in Interactional Sociolinguistics 13.) Cambridge: Cambridge University Press, 1–51.
- Schegloff, E. A. & Sacks, H. 1973. Opening up closings. *Semiotica* (8) 1973, 4, 289–327.
- Schmid, M. S. & Fägersten, K. B. 2010. Disfluency markers in L1 attrition. *Language Learning* (60) 2010, 4, 753–791.
- Selting, M. 2000. The construction of units in conversational talk. *Language in Society* (29) 2000, 4, 477–517.
- Selting, M. 2007. Lists as embedded structures and the prosody of list construction as an interactional resource. *Journal of Pragmatics* (39) 2007, 3, 483–526.
- Seppänen, E.-L. 1997a. Vuorovaikutus paperilla. *Keskustelunalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 18–31.
- Seppänen, E.-L. 1997b. Osallistumiskehikko. *Keskustelunalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 156–176.
- Shriberg, E. E. 1994. *Preliminaries to a theory of speech disfluencies*. Doctoral dissertation. University of California at Berkeley. Berkeley. [Электронный документ]
(<http://citeseer.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.26.1977&rep=rep1&type=pdf>). Проверено 29.3.2019.
- Shriberg, E. 2001. To ‘errrr’ is human: ecology and acoustics of speech disfluencies. *Journal of the International Phonetic Association* (31) 2001, 1, 153–169.
- Silber-Varod, V., Gósy, M. & Eklund, R. 2019. Segment prolongation in Hebrew. *Proceedings of DiSS 2019: the 9th workshop on disfluency in spontaneous speech, ELTE, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, 12–13 September 2019*. Ed. by R. L. Rose & R. Eklund. Budapest: ELTE, 47–50. [Электронный документ]
(<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1353206/FULLTEXT01.pdf>). Проверено 17.12.2019.
- Siljander, P. 1988. *Hermeneuttisen pedagogiikan pääsuuntaukset*. (= Oulun yliopiston kasvatustieteiden tiedekunnan tutkimuksia 55.) Oulu: Oulun yliopisto.
- Simpson, J. M. 1994. *A descriptive analysis of the use of filled pauses among native and nonnative speakers of English*. Doctoral dissertation. University of Florida. Florida.

- Simula, M. & Pekkala, S. 2006. Keskivaikeaa Alzheimerin tautia sairastavan henkilön tekemät itsekorjaukset keskustelu- ja pelitilanteissa: tapaustutkimus. *Puhe ja kieli* (26) 2006, 3, 171–184.
- Sinclair, J. McH. & Mauranen, A. 2006. *Linear unit grammar: integrating speech and writing*. (= Studies in Corpus Linguistics 25.) Amsterdam etc.: John Benjamins.
- Smith, V. L. & Clark, H. H. 1993. On the course of answering questions. *Journal of Memory and Language* (32) 1993, 1, 25–38.
- Sorjonen, M.-L. 1997. Korjausjäsenitys. *Keskustelunanalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 111–137.
- Sorjonen, M.-L. & Laakso, M. 2005. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät. *Virittäjä* (109) 2005, 2, 244–271.
- Sorjonen, M.-L., Peräkylä, A. & Eskola K. (toim.) 2001. *Keskustelu lääkärin vastaanotolla*. Tampere: Vastapaino.
- Sorjonen, M.-L. & Raevaara, L. (toim.) 2006. *Arjen asiointia: keskusteluja Kelan tiskin äärellä*. (= Tietolipas 210.) Helsinki: SKS.
- Stevanovic, M. 2017. Keskustelunanalyysi ja Austinin perintö. *Niin & näin* 2017, 2, 103–107.
- Tainio, L. 1997. Preferenssijäsenitys. *Keskustelunanalyysin perusteet*. Toim. L. Tainio. Tampere: Vastapaino, 93–110.
- Tanaka, H. 1999. *Turn-taking in Japanese conversation: a study in grammar and interaction*. (= Pragmatics & Beyond, New Series 56.) Amsterdam etc.: John Benjamins.
- Tiittula, L., Nuolijärvi, P. & Isotalus, P. 2007. Halosen ja Niinistön esiintymistyyli television vaalikeskusteluissa. *Presidentinvaalit 2006*. Toim. P. Isotalus & S. Borg. Helsinki: WSOY Oppimateriaalit, 155–177.
- Ullakonoja, R., Kärkkäinen, H. & de Silva, V. 2007. Havaintoja venäjän kielen lukupuhunnan sävelkulun ja spontaanin puheen jaksottelun oppimisesta. *Kieli oppimisessa – Language in learning*. Toim. O.-P. Salo, T. Nikula & P. Kalaja. (= Suomen soveltavan kielitieteen yhdistyksen (AFinLA) julkaisuja 65.) Jyväskylä: Suomen soveltavan kielitieteen yhdistys AFinLA, 215–231.
- Vasilyeva, A. N. 1972. *Particles in colloquial Russian: (manual for English-speaking students of Russian)*. M.: Progress Publishers.
- Verkhodanova, V., Shapranov, V. & Kipyatkova, I. 2017. Hesitations in spontaneous speech: acoustic analysis and detection. *Speech and computer: 19th international conference, SPECOM 2017, Hatfield, UK, September 12–16, 2017, proceedings*. Ed. by A. Karpov, R. Potapova & I. Mporas. (= Lecture Notes in Computer Science, Lecture Notes in Artificial Intelligence 10458.) Cham: Springer, 398–406.
- Viikari, A. 1990. Lyriikan runousoppia. *Runousopin perusteet*. Toim. M. Kantokorpi, P. Lyytikäinen & A. Viikari. Helsinki: Helsingin yliopisto, 37–102.
- Viimaranta, J. 2006. *Talking about time in Russian and Finnish*. Doctoral dissertation. (= Slavica Helsingiensia 29.) Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures.
- VISK = Hakulinen, A., Vilku, M., Korhonen, R., Koivisto, V., Heinonen, T. R. & Alho, I. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: SKS, 2004. Verkkoversio 2008. [Электронный документ] (<http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>). Проверено 29.3.2019.
- VSS = Kuusinen, M., Ollikainen, V. & Syrjäläinen, J. *Venäjä-suomi-suursanakirja*. Toim. M. Kuusinen. Porvoo etc.: WSOY & Russki jazyk, 1997. (Куусинен, М. Э., Оллыкainen, В. М., Сюръяляйнен, Ю. Э. *Большой русско-финский словарь*. Под

- ред. М. Э. Куусинена. Порвоо и т. д.: АО Вернер Сёдерстрём & Русский язык, 1997.)
- Vuorinen, R. 1981. Puhekielen täytelisäkkeistä. *Kirjoituksia puhekielestä*. Toim. M. K. Suojanen. (= Turun puhekielen projektin julkaisuja 1, Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 14.) Turku: Turun yliopisto, 79–96.
- Wilkinson, S. & Weatherall, A. 2011. Insertion repair. *Research on Language and Social Interaction* (44) 2011, 1, 65–91.
- von Wright, G. H. 1970. *Tieteen filosofian kaksi perinnettä*. (= Helsingin yliopiston filosofian laitoksen julkaisuja 1970, 1.) Helsinki: Helsingin yliopisto.
- Zhang, H. 2019. Variation in the choice of filled pause: a language change, or a variation in meaning? *Proceedings of DiSS 2019: the 9th workshop on disfluency in spontaneous speech, ELTE, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, 12–13 September 2019*. Ed. by R. L. Rose & R. Eklund. Budapest: ELTE, 15–18. [Электронный документ] (<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1353206/FULLTEXT01.pdf>). Проверено 17.12.2019.

Приложение: Расшифровки фрагментов телевизионных передач

<http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-51-6172-7>